

Бенгт Шёгрэн

**ОСКОЛКИ
КОНТИНЕНТА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Бенгт Шёгрэн

ОСКОЛКИ КОНТИНЕНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Bengt Sjögren
SPILLROR AV EN KONTINENT
Stockholm, 1971

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод со шведского
Е. Г. ГРИЩЕНКО
Ответственный редактор
и автор послесловия
Н. Б. ЛЕБЕДЕВА

Шёгрэн Бенгт.

Ш38 Осколки континента. Пер. со шведск. Послел.
Н. Б. Лебедевой. М.: Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1983.

344 с. («Рассказы о странах Востока»).

Автор — известный прогрессивный шведский писатель, натуралист и путешественник — посвятил свою книгу островам западной части Индийского океана Сейшелам и Маскаренам.

Книга насыщена разнообразной информацией по истории, экономике, географии, ботанике, зоологии, этнографии этих островов. Немало места отведено теме взаимоотношений человека с окружающей средой. Большую познавательную ценность представляют главы, посвященные современному положению, политическим и экономическим проблемам островов.

Ш 1905020000-028 Без объявления 91 (И5) + 902.7 + 58 + 59
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

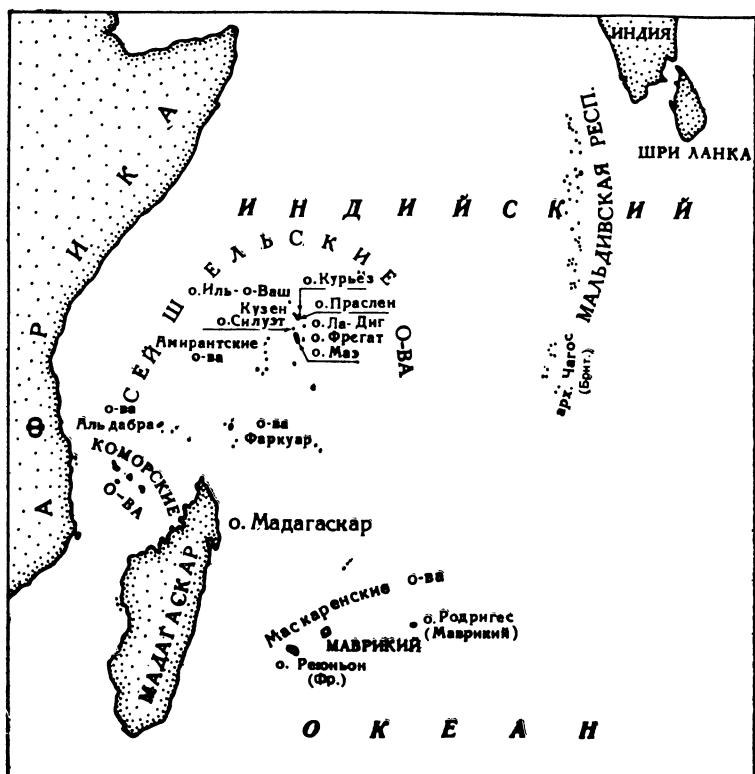
Отъезд из Восточной Африки. Спутники. Сады Эдема и другие достопримечательности. Сходство с Вест-Индией. Почему мне пришлось ехать «задом-наперед»

Пароход запаздывал, и от этого настроение мое заметно портилось. Осталась позади Восточная Африка, где в течение нескольких недель я любовался дикими животными, руинами многовековой «монсунской» культуры на побережье и старыми постройками Занзибара. Сейчас я мечтаю как можно скорее добраться до сейшельского острова Маэ, для чего заблаговременно прибыл в Момбасу.

В британско-индийском пароходном агентстве, в руках которого была сосредоточена вся мореходная связь с этой островной группой, не имеющей воздушного сообщения, я узнал, что судно «Кампала» застряло где-то у побережья Южной Африки. Но даже когда оно прибыло в порт Момбасу, ожиданию, казалось, не было конца: дождь мешал разгрузке и погрузке, и отход «Кампалы» откладывался со дня на день.

Наконец пассажиров попросили пройти таможенный и паспортный контроль, а затем предложили занять места на борту судна. Большое здание таможни тут же заполнилось народом: индийцы и пакистанцы направлялись в Бомбей и Карачи; сравнительно темнокожие сейшельцы возвращались домой, так как в Кении из-за проводимой в жизнь политики «африканизации» этой страны им не разрешалось работать; европейцы и американцы, подобно мне, стремились добраться до Сейшел по той или иной «серьезной» причине.

Но мучения наши не кончились. Разместившись на борту «Кампалы», мы узнали, что отплытие снова задерживается. Атмосфера стала еще более накаленной, пассажиры с трудом сдерживали злость на пароходство, которое, воспользовавшись отсутствием конкуренции, счи-

тало каюты с узкими койками, без туалета и душа первым классом и драло за них бешеные деньги.

Но выбирать не приходилось. Второй класс был, естественно, еще более неудобным, а в третьем пароходство предпочитало не размещать европейцев, так как там в огромных залах в ужасной тесноте сгрудились сотни пассажиров, едущих в Индию и Пакистан. Откровенно говоря, надо быть весьма закаленным или очень молодым, чтобы в этом «скотском классе», как его издавна здесь называют, суметь выдержать все ночные звуки, чад от карри, приготовляемого особым способом на маленьких угольных печках, и другие человеческие и нечеловеческие запахи. Ведь делить каюту даже с одним спутником, страдающим морской болезнью, и то весьма неприятно.

На борту «Кампалы» мы прождали сутки и еще один день, а когда все же отправились в путь, организовавшиеся к тому времени в барах и салонах компании пассажиры охватила жажда веселья. И я не погрешу против истины, если добавлю, что настроение это не угасло и после того, как «Кампала» через двое с половиной суток бросила якорь на рейде Виктории — главного порта острова Маэ. Даже в Вест-Индии я не встречал более легкомысленной компании, чем та, которая собралась здесь, на изолированных островах, вдали от восточного побережья Африки.

«Визитеры», сошедшие в Виктории, представляли собой довольно смешанное общество. Среди них такие серьезные мужи, как британский чиновник, посланник правительства ее королевского величества, направлявшийся в колонию Сейшелы выяснить, не слишком ли много людей заточено там в тюрьмы. Ведь на островах из 50 тысяч жителей, только по официальной статистике, более 400 мужчин и женщин проводят какую-то часть года в тюремных камерах.

Другие пассажиры приехали по коммерческим делам. Новозеландец и англичанин из Кении хотели приобрести участки земли на острове Праслен. А некий финн-глобетрот*, полковник Рунар Лилиус, прибыл на Сейшелы уже в третий раз. Он собирался купить участок и построить дом на острове Ла-Диг, но этой мечте не суждено было осуществиться, поскольку земля оказалась в руках индийских торговцев, которые здесь, как и в Восточной Африке, предпочитали не расставаться с любым попавшим в их руки недвижимым имуществом. Они хотели обогатиться на предстоящем повышении цен в связи с проектом введения в 70-х годах воздушного сообщения с Сейшелами.

Большинство европейских и американских пассажиров мечтали просто поразвлечься. Издавна эта островная группа слывет «раем для холостяков». Если верить слухам, множество девушек, столь же красивых, как и доступных, в ожидании прибывающих судов буквально выстраиваются в очередь. Один американец утверждал, что ему приходилось читать, будто бы на Сейшелах на

* Глобетрот (англ.) — человек, очень много путешествующий (примеч. пер.).

одного мужчину приходится десять девушек. Именно это и побудило его к поездке.

Кроме того, туристическая реклама объявила один из островов местом, где якобы в свое время находился рай и где Ева вынудила Адама согрешить. Правда, за побасенку эту в ответе серьезный автор: не более и не менее как британский национальный герой Чарлз Гордон, считавший своей заслугой открытие им на Сейшелах садов Эдема со всеми их атрибутами: древом познания, запретным плодом и т. п.

О сейшельской пальме — новейшем варианте «древа познания» — с ее гигантскими, двойными орехами также сочинено множество всяческих легенд, вдохновлявших фантазию не только Гордона. Интерес к этому дереву в значительной мере и меня побудил к поездке на Сейшелы. Но это, естественно, было не единственной причиной.

После трех поездок к Карибскому морю и трех изданных после этого книг* мне хотелось увидеть новые места, другие тропические острова, сравнительно малоизвестные. И тогда я выбрал Сейшелы и Маскарены в Индийском океане — островные группы, которые по своей истории и современным проблемам напоминают Вест-Индские острова.

Те и другие были колонизованы в XVII—XVIII веках. Как и в Вест-Индии, в Индийском океане Франция со временем уступила большинство мелких островных колоний Англии.

В фауне и флоре обоих островных миров преобладают эндемичные виды — растения и животные, существующие, подобно сейшельской пальме, лишь на одном или на нескольких близлежащих островах. Население ведет свое происхождение от ранних французских колонистов и рабов, которых они скупали, а кроме того, от иммигрантов более позднего времени, прибывших сюда из самых различных мест. Единственное принципиальное различие между этими островными мирами заключается в том, что до прихода европейских колонизаторов Вест-Индские острова были заселены индейцами, а Маскарены

* См.: Б. Шёгрэн. Острова среди ветров. М., 1967; он же. К забытым островам. М., 1972; он же. *Om som Sverige sålde. Uddevalla*, 1966 (на русский не переведена) (*примеч. пер.*).

(Реюньон, Маврикий, Родригес) и Сейшелы были еще не обжиты.

Находясь в вест-индском креоло-французском островном мире, я начал мечтать о поездке на противоположный конец света. Ведь в современном французском «заморском департаменте» (Мартинике и Гваделупе) я слышал, что креоло-французские диалекты, развившиеся независимо друг от друга у берегов Карибского моря и в Индийском океане, настолько похожи друг на друга, что мартиниканец или гваделупец может общаться с реюньонцем, маврикийцем или сейшельцем, хотя эти диалекты труднодоступны для тех, кто говорит на настоящем французском языке.

Меня прельщало, что путешествие к креоло-французским островам, лежащим в Индийском океане у Африки, будет отнюдь не из легких. Ведь к островам Вест-Индии через Атлантический океан несколько раз в неделю направляются быстроходные банановозы, туда можно добраться и самолетами различных авиакомпаний прямо из Европы. Перемещаться с острова на остров также не трудно. В Индийском же океане дело обстоит сложнее.

Правда, до Маскарен можно долететь самолетом как из Африки, Индии, так и из Австралии, а на самолетах французских авиакомпаний — без пересадки прямо из Парижа. Но попасть на Сейшелы невозможно, не прибегая к услугам британской компании, суда которой проходят вблизи этих островов примерно раз в три недели. Еще сложнее перебираться с острова на остров, а мне, естественно, очень хотелось посмотреть разные острова Сейшельской группы. Спланировать такие поездки заранее невозможно. Удалось лишь узнать, что между Маврикием и Сейшелами, то есть на расстоянии примерно 1700 километров, «иногда» может пройти какое-нибудь судно. Однако на мои письма с вопросами о том, как часто происходит это «иногда», никто не отвечал. Для меня очевидно было одно: надо добраться до какой-нибудь островной группы, а потом искать случая попасть на другие острова.

Лететь сначала на Реюньон и Маврикий, где мне не хотелось особенно задерживаться, было рискованно. Оттуда пароходы к Сейшелам ходили редко, и мне пришлось бы снова возвращаться в Африку. Но и в этом

случае я рисковал надолго застрять в Момбасе, поскольку суда британской компании часто бывают забронированы жаждущими приключений туристами.

Более надежным казалось добраться сначала до островов, где растут двойные кокосовые орехи, ведь там я мечтал провести не один месяц. Мне повезло, потому что потом, когда я захотел перебраться на новое место, к моим услугам оказалось судно, направлявшееся к довольно удаленному Маврикию.

Поскольку Маскарены были колонизованы прежде Сейшел, с исторической точки зрения я ехал «задом-наперед». Это усилило «родовые схватки», когда я писал эту книгу, учитывая, что знание исторического фона позволяет легче объяснить многие детали в жизни отдельных островов. Может быть, для ясности стоило начать рассказ с конечной цели путешествия, с Реюньона, так как именно этот остров раньше всего стал французским и принадлежит Франции поныне, а закончить его описанием Сейшел? Или начать с исторической справки, рискуя тем самым усложнить восприятие книги?

Перебрав многие «если» и «но», я все же решил описание островного мира вести в той последовательности, которая определена порядком моего посещения его различных точек, хотя при этом читатель, интересующийся историей, лишь где-то в середине книги сможет узнать о том, как начиналась колонизация и что она принесла островам.

Как невероятно малы эти острова! Правда, Реюньон занимает 2512 квадратных километров, а Маврикий 1865. Но вместе взятые все сорок обжитых Сейшельских островов по площади не превышают 230 квадратных километров, то есть равны половине Борнхольма или пятой части шведского Эланда. И все же эти «осколки континента» способны заморозить путешественника.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕДОВОЙ ПОСТ ПОД БРИТАНСКИМ ФЛАГОМ

Первые впечатления. Первооткрыватели и морские разбойники. Приход французов. Авантюрист дю Барре. Революция и капитуляция. Британский режим и новые иммигранты... ..но сохранение французского духа

Гористые тропические острова издалека кажутся почти одинаковыми: склоны гор ярко-зеленые вплоть до самых вершин, скрытых плотными облаками. Мне показалось, что я снова вернулся в Вест-Индию, когда на третье утро путешествия мы остановились между островами Маэ и Сент-Анн, которые вместе с островом Иль-о-Серф и парой других небольших островов создают естественную защиту важнейшей гавани Сейшельских островов у Виктории.

Я мечтал поселиться в старом отеле «Герб пирата», находящемся поблизости от Сейшельского клуба, Правительственного архива и почти километровой городской пирса Лонг-Пир. Именно сюда на моторных лодках переправились все восемьдесят пассажиров с «Кампалы». Но вскоре я выяснил, что этот когда-то известный отель закрыт, а здание, в котором он располагался, снесено. Теперь единственным местом, где можно было устроиться в самой Виктории, была гостиница «Континенталь», куда я и написал, чтобы забронировать один из шести номеров.

Однако еще в Найроби я получил ответ из одного туристского отеля на Маэ, расположенного в самой отдаленной стороне у побережья, где муссонные ветры создают прохладу даже днем, когда в тени 30—31 градус. В письме говорилось, что маленький городской отель, о котором я просил, слишком «примитивен» для такого «важного гостя». Поэтому его владелец счел нужным переслать мое письмо в другие отели, более комфортабельные.

Еще на пароходе нас встретили представители отелей, в том числе и отеля «Бо Валлон Бич», где меня ожидали. Я обратил внимание на то, что мои спутники, зарезервировавшие места в одном отеле со мной, вдруг неожиданно изменили свое решение и отправились в большую отель «Сейшелы». Вскоре я понял, почему это произошло. Гостиница, в которой мне предстояло поселиться, незадолго до нашего прибытия называлась «Раймонд Бич» (по имени своей владелицы). Однако та оказалась в долгах у одного чрезвычайно богатого индийского торгового дома в Виктории. Сумма была не столь уж значительной, но и ее не оказалось, когда индийцы предъявили счет. Случилось то, что часто происходит на Сейшелах: индийцы завладели имуществом хозяйки. Сейчас она работала именно в отеле «Сейшелы» и из чувства мести переманивала пассажиров.

В результате лишь трое поехали в «Бо Валлон»: одна немецкая семейная пара и я. Вначале дорога шла через центр города мимо старых построек, типичных для континентально-французского стиля, и новых, повсюду встречающихся в тропиках. Как и всегда в день прибытия пароходов, в центре города на тротуарах располагаются лотки с фруктами и сувенирами. Приезжим предлагают купить отполированные двойные кокосовые орехи и чаши, сделанные из того же материала.

За Викторией автодорога устремилась в горы. Вокруг стояли маленькие домики, похожие на те, которые я часто видел в Вест-Индии. На первый взгляд то же самое можно было бы сказать и о растительности. Кроме кокосовых пальм и бамбука здесь встречались деревья и кустарники: это и хлебное дерево с островного мира Тихого океана, и нарядно цветущие бугенвиллеи из Южной Америки, и манговое дерево из Индии, бананы, папайя и многие другие.

Маэ совсем небольшой и довольно узкий остров. Проехав примерно четыре километра, мы добрались до «Бо Валлона», несомненно одного из самых уютных, но не слишком фешенебельных отелей на Сейшелах. Буквально в нескольких шагах за кокосовыми пальмами — небольшой пляж и заливчик, правда, каменистый и с растительностью на дне, но надежно защищенный скалами.

Единственный, кто напоминал о прежней владелице отеля, был ее старый отец, выполнявший роль доверен-

ного лица и за сотни две в месяц несущий ответственность за всевозможные кассы и ключи. По-английски он говорил очень слабо, лучше по-французски на диалекте, который довольно хорошо сохранился среди господствующего класса французского происхождения на Сейшелах, несмотря на полуторавековое правление британцев.

Имя первооткрывателя этих малых островов неизвестно. По неподтвержденным данным, средневековые арабские мореходы знали о них. Предполагают даже, что арабскому путешественнику Ибн-Баттуте (XIV век) именно Сейшелы предстали в виде миража, когда он якобы увидел птицу Рокк где-то в Индийском океане. Однако нет никаких данных, что арабы посещали Сейшелы: ведь археологами, даже теми, которые делали раскопки в гротах, не обнаружено никаких следов, которые говорили бы о доевропейских посетителях.

До того как Васко да Гама открыл морской путь в Индию вокруг побережья Африки (что позволило португальцам радикально изменить древнейшие торговые пути через Индийский океан), вероятно, торговые суда обычно проходили на большом расстоянии к западу и северу от Сейшел: ведь тогда мореплаватели предпочитали по возможности держаться вблизи берегов, да и муссоны относили суда к северу. Да Гама во время своего первого путешествия в 1498 году встретил у берегов нынешней Кении, в Малинди, индийские суда, и там он нанял индийского лоцмана, который много дней вел его флот вдоль всего восточноафриканского побережья, прежде чем повернуть на восток через океан к Индии.

Во время второго путешествия в 1502 году да Гама повел суда в обход — прямо из Мозамбика к Малабарскому берегу Индии. Тогда-то он и открыл остров, который был назван Альмиранте. В наше время коралловые острова, которые находятся к юго-востоку от Сейшел, называются Амирантскими островами. Незадолго до этого португалец Жуан де Нова открыл другой остров, долгое время носивший его имя, пока англичане не окрестили его Фаркуаром в честь первого британского губернатора Маврикия.

Однако независимо от того, кто из португальцев первым увидел Сейшелы, данных, свидетельствующих о том,

что они действительно высаживались здесь на сушу, нет. Скорее всего они лишь нанесли на свои карты группу островов под названием «Семь сестер». Предполагают также, что португальцев, достаточно хорошо оснащенных для длительного морского плавания, малые острова интересовали только как сухопутные точки на пути к достойным ограбления городам Индии.

Зато английский мореплаватель Ассеншен был первым, кто засвидетельствовал в документах свою высадку на берег. Известно, что его судно посетило в январе 1609 года большое количество островов, названных почти триста лет спустя Сейшелами.

Джон Джордан, который вел дневник этой экспедиции, отметил, что здесь кроме пресной воды были обнаружены крокодилы и сухопутные черепахи. На острове Силуэт он писал: «Черепахи — хорошая пища, такая же хорошая, как и свежее мясо, но после двух-трех обедов наши люди отказывались их есть, потому что перед тем, как их варить, они выглядели ужасно и были такими огромными, что всего лишь восемь штук вмещалось в гребную лодку». Судя по всему, Ассеншен бросил якорь в том месте, где теперь стоит Виктория, после чего в дневнике экспедиции появились рассказы о деревьях высотой 60—70 футов и массе кокосовых орехов, рыбы, птицы и т. п.

Но и англичан тогда малые острова всерьез не интересовали. Сейшелы оставались, по сути дела, необитаемы до тех пор, пока в конце XVII века на них не обратили внимания буканьеры*, достигшие Индийского океана, чтобы грабить ост-индских мореходов вместо вестиндских. В начале XVII века не менее одиннадцати их судов орудовали в новых для них водах среди сотен необжитых атоллов и других островов, где они легко могли скрыться.

Одним из пиратов, посещавших Сейшелы, возможно, в обществе своего английского компаньона Тейлора, был француз Оливье лё Вассёр, он же Ла-Бюз. Недалеко отсюда они захватили два тяжелогруженных судна — «Виль д'Остенд» и «Дюшес дё Нозй». Однако наиболее ценная добыча ждала пиратов у Реюньона. Португальское военное судно, во французской литературе извест-

* Буканьеры — морские разбойники. Европейские колонисты на острове Сан-Доминго (начало XVII века), занимавшиеся разведением скота, откуда их название (*фр. bouc — козел*) (*примеч. пер.*).

ное под именем «Вьерж дю Кап» в апреле 1721 года пыталось скрыться от шторма. На борту его находились архиепископ Гоа и вице-король португальской Индии граф д'Эрикейра. В тот момент, когда была объявлена тревога в связи с приближением двух пиратских судов, они обедали у французского сановника. Вице-король поспешил на судно, чтобы организовать оборону, но после непродолжительного боя пиратам удалось взять судно на abordаж, и он капитулировал. Д'Эрикейре сохранили жизнь, и позднее он вернулся в Индию. Но ценности, принадлежавшие вице-королю и архиепископу, Ла-Бюз и Тейлор, естественно, «реквизировали». Им досталось множество алмазов, золотых и серебряных слитков, церковные реликвии, ларцы с золотыми монетами и значительные запасы шелковых тканей, как свидетельствует один французский эксперт по морскому разбою, всего на сумму в тридцать миллионов гульденов.

Дальнейшая судьба награбленных ценностей неизвестна. Одни считают, что пираты разделили их на острове Сент-Мари у Мадагаскара, другие — что это случилось на Маврикии. По мнению третьих, доля Ла-Бюза в том же году оказалась на Сейшелах, где до наших дней существует местность под названием Анс-Форбан (Пиратский залив). Говорят, что Ла-Бюз в 1730 году был схвачен моряками французского военного флота на Реюньоне и за миг до казни разорвал бумаги с загадочными знаками, а обрывки бросил в толпу со словами: «Пусть, кто сможет, найдет мои сокровища!» Этот миф до сих пор волнует воображение кладоискателей. Они роют землю на островах в надежде отыскать золото морских разбойников.

Ходят слухи, что две французские семьи на Сейшелах стали весьма состоятельными после того, как отыскивали на островах кувшины, полные золотых монет. Кстати сказать, сейчас климат островов удивительно благоприятствует всякого рода слухам, но пока лишь (в 1911 году) на Астове, к северу от Мадагаскара, были найдены 107 серебряных монет, несколько вилок и ложек, две пряжки от туфель да один старый свисток.

После того как французы с Реюньона в начале XVII века колонизовали Маврикий, быстро превратившийся в важнейший опорный пункт Франции в Индийском океане, на Сейшелах появилось много посетителей. По при-

Виктория. Шоссе, ведущее к аэродрому

казу губернатора Маскаренских островов Бертрана Франсуа Маэ де Лабурдоннэ в августе 1742 года два военных судна «Чарлз» и «Элизабет» (последний под командованием Лазара Пико) направились на север к еще не исследованному острову. Экспедиция бросила якорь в заливе и сегодня носящем имя Бе-Лазар.

Для безопасности французы сошли на берег вооруженными до зубов и были очень удивлены, не найдя там ни одного жилища, ни других следов пребывания человека. Через четыре дня они покинули остров, увозя с собой шестьсот кокосовых орехов и триста гигантских слоновых черепах. По возвращении на Маврикий Пико рапортовал, что климат в горах приятный, много кокосовых пальм, лесов с превосходной древесиной, водятся гигантские сухопутные черепахи и есть еще масса других полезных вещей. Остров, который посетили французы, был назван Иль-д'Абодан, что в переводе означает «остров изобилия», а вся группа островов в честь губернатора Маскарен — «Острова Лабурдоннэ».

Конечно, такой ценный архипелаг не мог долго оставаться неиспользованным. В 1744 году губернатор вновь

Побережье одного из островов с гранитными образованиями, свидетельствующими о том, что Сейшелы — это осколки континента

посылает Пико, на этот раз на две недели, для исследования и измерения острова Иль-д'Абодан, который переименовали в остров Маэ. Здесь оказалось много земли, пригодной для обработки. На следующем по величине острове, названном Пико островом Иль-о-Пальм, экспедиция обнаружила немало рек, а также равнины, удобные для колонизации.

Если бы в тот год не разразилась война между Францией и Англией, колонизация пошла бы значительно быстрее. Теперь же Маэ де Лабурдоннэ пришлось задуматься отнюдь не о мирных строительных работах. Вскоре после окончания войны он был смещен. И только в начале Семилетней войны, в 1756 году, новый французский губернатор Маврикия вспомнил об этих малых островах. Чтобы аннексировать их, он послал туда фрегат «Серф» под командованием Корнеля-Никола Морфея, который установил, что в лучшей гавани Маэ может разместиться пятьдесят военных судов. У входа в гавань был поставлен мемориальный камень с гербом французского короля, поднят французский королевский флаг с лилией Бурбонов на белом фоне. Прозвучал артиллерийский залп, и архипелаг, таким образом, сочли занятым. Одновременно с этим он получил новое название в честь министра финансов при Луи XV графа Моро де Сейшель.

Но и эта экспедиция не дала серьезных результатов в освоении островов несмотря на то, что Морфей сочинил длинное, полное хвалебных слов описание природных богатств Маэ. Военные действия не были успешными для Франции ни в Индии, ни в других местах. И лишь в 1768 году послали следующую экспедицию на Сейшелы, скорее всего потому, что на Маврикии был использован почти весь островной лес.

Чтобы обеспечить военную судоверфь Порт-Луи лесом, на Сейшелы были отправлены суда «Ла-Диг» и «Курьёз», а остров Иль-о-Пальм переименован в Праслен по имени французского военного министра. На нем в бухте, получившей название Поссесьон, был также установлен мемориальный камень «Пьерр де поссесьон». Два других острова называли островами Ла-Диг и Курьёз.

Вскоре на Сейшелы отправилось большое количество судов. На одном из них прибыл священник Рошон для астрономических наблюдений и изучения новых полезных растений, вслед за ним — естествоиспытатель Соннера. Они так увлеклись изучением сейшельской пальмы и ее плодами — двойными кокосовыми орехами, что напрочь забыли об остальной флоре архипелага.

Тем самым наука потеряла единственную возможность иметь описание изумительного растительного мира Сейшел в период, когда он не был еще нарушен человеком.

Первые новоселы в новой маленькой французской колонии появились в 1770 году. В мае в Порт-Луи прибыл дворянин из Парижа Пьер Брайе дю Барре. Своим именем и увлекательностью замыслов он быстро добился благосклонности специалиста по сельскому хозяйству Пьера Пуавра, который много ездил по Азии и, пытаясь отобрать у голландцев монополию на пряности, послал агентов и суда в Индонезию за сеянцами пряной гвоздики и муската, чтобы культивировать их на Маврикии.

Пуавр надеялся развести там обширные плантации, однако по какой-то причине, возможно из-за климата, эта попытка не привела к успеху. Климат Сейшельских островов больше соответствовал климату богатых пряностями индонезийских Молуккских островов, и дю Барре легко получил поддержку в своем замысле колонизовать маленький Сент-Анн у острова Маэ. Уже в августе 1770 года дю Барре направил туда судно «Телемак» с шестнадцатью французами, семью рабами, пятью индийцами и одной негритянкой.

Его замыслы были грандиозны. Кроме разведения разного рода плантаций он хотел организовать производство кокосового масла и кокосового волокна, заготавливать древесину, экспортировать сухопутных и морских черепах. К тому же он надеялся получать огромные прибыли от торговли пресловутыми прасленскими двойными кокосовыми орехами.

В декабре того же года в новую колонию прибыли еще два судна с припасами и оборудованием, после чего в рапорте военному министру в Париже герцогу Праслену дю Барре сообщал, что его люди якобы уже построили жилье и склады и что опыты разведения риса и кукурузы, маниоки и зелени весьма удачны. «Зерно из Иль-де-Франс*, — писал он, — и особенно кофе превзошли всяческие ожидания».

Вскоре в его рапортах появились сообщения об успешном разведении фруктовых деревьев, сахарного тростника, масличных культур, различных пряностей, растений, используемых для получения каучука, красок и т. д. Все это было отчасти правдой. Но тем не менее власти относились к нему с недоверием, поскольку уже в 1771—

* Иль-де-Франс — так назывался в то время остров Маврикий (примеч. авт.).

1772 годах Пуавр отправил на Маэ новые экспедиции с целью развести на Анс-Руайяль плантацию пряностей — Королевский сад — в качестве филиала ботанического сада на Маврикии. И сделал он это независимо от дю Барре и невзирая на его протесты.

Но идею филиала не поддержал новый губернатор Терней, который сомневался в истинности фантастических сведений, идущих от дю Барре. В октябре 1772 года Терней писал военно-морскому министру, что Пуавр поступил неразумно, начав разводить плантацию такой ценной культуры на совершенно незащищенном острове, где к тому же делами заправлял человек с плохой репутацией. Плантация эта, по его мнению, могла лишь обозлить голландцев и вызвать зависть у англичан, которые слишком часто появлялись вблизи этих мест.

Пуавр, казалось, начал терять свое влияние. Одновременно с этим ухудшалось положение предприимчивого дю Барре, который, все это время заставляя других работать на себя, так ни разу не побывал на Сейшелах. И когда он решил распространить свое влияние на остров Маэ, губернатор Терней отказался выдать ему требуемую концессию как «человеку безудержных фантазий».

Несмотря на государственные субсидии, дела дю Барре оказались в ужасном состоянии. Он горько сожалел о том, что вложил в свой проект целое состояние, не получив никакой благодарности, а лишь бесконечное сопротивление. Он неустанно обращался к парижским властям, ища у них защиты, финансовой помощи и законного права продолжать свою деятельность. Сохранилось письмо дю Барре к королю Людовику XVI, в котором он умолял, чтобы ему позволили начать строительство на острове Маэ и на других сравнительно больших и удобно расположенных островах Праслен, Иль-о-Серф, Силуэт, Ладиг и Курьёз. В качестве рабочей силы он намеревался использовать шестьдесят негров и негритянок, находившихся в заключении в Порт-Луи.

Однако власти все чаще и чаще получали сообщения о том, что дела на отдаленных островах, где осуществлялись замыслы дю Барре, идут неважно. В 1773 году на пути из Индии во Францию сюда заглянул известный мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз. Он также отметил, что дела на острове Сент-Анн ведутся чрезвычайно плохо, жители находятся на грани голодной смерти, по-

стоянно воюют между собой, свою землю не обрабатывают и, чтобы хоть как-то прокормиться, охотятся на чрепах.

Спустя два года другой, не менее известный мореплаватель, Луи Антуан де Бугенвиль, посетил Маэ и сообщил, что ко всему прочему некое французское военное судно, направлявшееся в Индию, высадило на берег бунтовщиков, которые сожгли леса и «насильственно увеличили часть подданных чернокожих, работавших на плантациях муската и пряной гвоздики». А плантация тогда состояла из одного деревца пряной гвоздики, пяти мускатных деревьев и сорока растений перца...

В том же, 1775 году дю Барре был брошен в тюрьму за сочинение небылиц о серебряных копях на Сент-Анне. Согласно приговору он обязан был выплатить государству все предоставленные ему субсидии на проект, потерпевший крах. Год спустя он был помилован, но от него потребовали навсегда покинуть французские острова в Индийском океане. Умер дю Барре в 1776 году в Пондишери.

Чтобы создать на Сейшелах порядок и обеспечить им некоторую защиту от англичан, в 1778 году туда был направлен гарнизон из одного офицера и четырнадцати солдат. Колонистов обязывали снабжать продовольствием этот маленький гарнизон и проходящие французские суда. В 1786 году комендантом гарнизона был назначен весьма знающий и широкомыслящий инженер, агроном и географ Жан Батист Филожен де Малавуа. С тех пор положение на островах стало понемногу улучшаться. Комендант должен был контролировать дальнейшую эксплуатацию природных богатств островов, чтобы сохранить или даже повысить продуктивность их хозяйства.

Колонисты прибыли сначала с Реюньона и Маврикия. В их распоряжение комендант предоставил земельные участки. На этот раз в колонию перебрались не только французские граждане европейского происхождения. Уже в 1786 году с Реюньона прибыл индеец, получивший концессию на землю как для себя лично, так и для трех племянников с семьями. Рядом с их участками землю получила вдова другого индийца с Маврикия. У всех владельцев участков были рабы с Мадагаскара и из различных

частей Африки. Известно также, что на островах жили несколько свободных негров. Таким образом, смешение рас возникло уже на очень ранней стадии заселения Сейшел.

К тому времени, когда началась Французская революция 1789 года, на островах проживало 69 французов, 32 — «цветных» и 487 рабов. Всех этих людей от «ужасных» англичан защищала горстка солдат. В отчетах того времени среди землевладельцев встречаются такие фамилии, как Сэви, Мондон и Нажон де л'Эстан. Их потомки, современные плантаторы, носят те же самые фамилии.

Когда молва о Французской революции дошла до колонистов, они решили объявить острова королевской колонией с самоуправлением во главе с французским командующим Малавуа, учредили собственную колониальную ассамблею и административный комитет. На Маскаренах уже начался переворот, и связи с Маврикием были прерваны. Именно поэтому в 1790—1791 годах в Париж не поступило ни одного отчета с Сейшел.

Изоляция была нарушена лишь в сентябре 1792 года, когда на острова прибыло судно с новыми служащими. Аристократа Малавуа сменил некий Эснуф, получивший звание гражданского администратора. Он представлял новый режим. Вместе с командиром судна Лескалье он ввел всеобщее право голоса и организовал национальный корпус для защиты порядка. Но, естественно, было нелегко обратить закоренелых роялистов в республиканцев. Национальная гвардия главным образом ловила и наказывала беглых рабов, случайно узнавших, что в эпоху Свободы, Равенства и Братства они тоже должны быть свободными. После того как в начале 1794 года Национальный конвент в Париже официально объявил о запрещении рабства (которое Наполеон, однако, вскоре вновь легализовал), в районе Индийского океана полностью отказались от великих идей французской революции.

Маврикий и Реюньон тоже отказались повиноваться Парижу. Комиссары, присланные туда наблюдать, как проводились законы в жизнь, были схвачены и изгнаны, а на Сейшелах гражданин Эснуф был заменен аристократом Жаном Батистом Кео де Кенсси, оказавшимся превосходным дипломатом.

Франция находилась в состоянии войны с Англией, в которой участвовали и контрреволюционные колонисты. Но гарнизон Сейшел был слабым. Когда британская эскадра со 162 пушками и 1200 солдатами оказалась поблизости от Порт-Руайяля (так французы называли нынешнюю Викторию), Кенсси ничего не оставалось, как капитулировать.

Условия капитуляции были достаточно джентльменскими. Французский флаг был снят и заменен английским, но основные права жителей, особенно право на собственность, сохранились. Сохранился и архив колонии. Де Кенсси считался военнопленным лишь до тех пор, пока на острове оставались британские военные моряки. Их командующий Генри Ньюком получил права на бриг «Оливет», принадлежавший французскому работорговцу и пирату Жану-Франсуа Одулю. Эта фамилия, между прочим, также сохранилась на Сейшелах до сих пор.

После того как Ньюком отправился восвояси, жизнь на Маэ в основном «нормализовалась». Над Порт-Руайялем вновь взвился трехцветный французский флаг. Колония, как и прежде, подчинялась губернатору Порт-Луи, исключая то время, когда на островах появлялись англичане.

Как часто это происходило — неизвестно. Известно только, что в 1801 году де Кенсси дважды удавалось спасти Сейшелы от притязаний Англии, предъявляя подписанные Ньюкомом документы о капитуляции. Правда, после заключения Амьенского мира в 1802 году эти документы стали недействительными. Вскоре вновь разразилась война, и в сентябре 1804 года появился новый британский военачальник. И тогда хитроумный французский комендант снова подписал документ о капитуляции, условия которой на этот раз были еще более выгодными для французов.

Де Кенсси заявил командующему английским флотом, капитану королевского судна «Конкорд» Джону Вуду, что после капитуляции колония становится британским владением, следовательно, ее суда могут плавать беспрепятственно в любом направлении, несмотря на то, что вся французская территория находится под блокадой англичан, и «любезный» Вуд пошел на то, чтобы предоставить маленькому торговому флоту Сейшел эту свободу. Де Кенсси и Вуд решили при этом, что корабли

сейшельского флота будут плавать под собственным флагом, на котором белыми буквами на синем фоне напишут «Капитуляция».

Условия капитуляции понравились французам. Ведь под новым нейтральным флагом можно было свободно перевозить рабов и другие товары даже к Реюньону и Маврикию. Но губернатор этих островов генерал Декэн был крайне недоволен, узнав о самовольных действиях де Кенсси.

В сердитом письме он заявил, что «слава Франции безусловно требует сопротивления омерзительной английской свободе». Поскольку это прозвучало как приказ, то уже в 1805 году, когда британские фрегаты «Пит» и «Терпсихора» появились у берегов, де Кенсси попытался отразить нападение силами своей малочисленной артиллерии. В результате отряд английских моряков высадился на сушу и комендант попал в плен...

После этого происшествия де Кенсси стал более «последовательным» в своей двойной игре. Как только на горизонте показывался английский корабль, он тут же менял трехцветное знамя на английский «Юнион Джек». Таким образом ему удалось продержаться до тех пор, пока Маврикий не капитулировал перед британцами и капитан королевского судна «Нисус» Бивер в апреле 1811 года не прибыл на Маэ с новыми приказами.

Собственно говоря, настоящей оккупации и не было. Бивер не оставил на острове никакого гарнизона. Французский закон — Кодекс Наполеона — сохранил свою силу, и де Кенсси мог и дальше исполнять свои административные обязанности. Правда, комендантом стал сначала английский лейтенант военно-морского флота, а затем — «агент по гражданским делам». Истинный дипломат, де Кенсси вскоре изменил свою фамилию на де Квинси, чтобы англичанам нетрудно было ее произносить. В 1812 году Квинси назначили мировым судьей.

Пока де Квинси был комендантом, хозяйство Сейшел, несмотря на всевозможные трудности, продолжало развиваться. Мореходство под капитуляционным флагом давало колонии определенные выгоды. Немалые доходы приносили островам американские китоловы, которые начали заходить на Маэ за провиантом. Увеличился приток иммигрантов, прибывающих на острова и добровольно и по принуждению. К 1810 году население островов

состояло из 317 европейцев, 135 свободных «цветных» и 3015 рабов. К этому же времени возделывалось 8767 арпанов* земли. Из них 3502 использовались для производства продуктов питания и 2757 арпанов находились под плантациями хлопка.

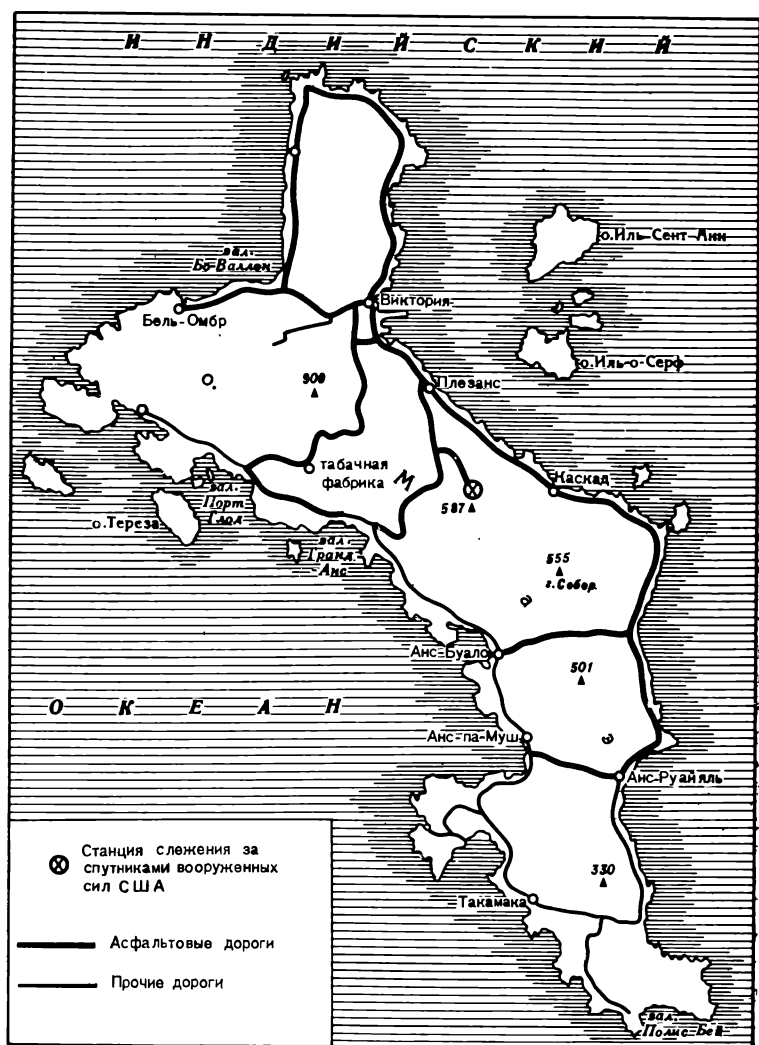
Развитие экономики островов продолжалось и после того, как Франция по Парижскому мирному договору 1814 года полностью передала Великобритании Маврикий и все острова, платившие ему дань, кроме Реюньона. В 1825 году общая численность населения Сейшел составила уже 6963 человека. Эта цифра, свидетельствующая о значительном росте населения, может удивить, ибо высшие британские власти немного уделяли внимания маленькой колонии, находившейся в подчинении у Маврикия, к которому они проявляли значительно больший интерес. Ни о каком притоке английских иммигрантов на Сейшелы не могло быть и речи. Британский агент, он же административное лицо, в первые десятилетия был единственным представителем своей нации на этой островной группе.

Ситуация изменилась, когда правительство Великобритании решением от 1833 года запретило рабство. В течение нескольких лет это решение было проведено в жизнь во всех британских колониях. Несмотря на компенсацию, выплачиваемую за каждого освобожденного раба, многие плантаторы, не желавшие платить за труд своей бывшей «собственности», предпочитали эмигрировать на Реюньон или в другие районы, находившиеся под французским контролем: там рабство было запрещено окончательно лишь после Февральской революции 1848 года.

Эмигранты, покидая острова, увозили и своих рабов. Таким образом в период с 1831 по 1841 год население Сейшел уменьшилось с 8500 до 4360 человек. Часть эмигрантов, объясняя причины отъезда, ссылалась на отсутствие католических священников.

Действительно, когда в 1839 году на Сейшелы был назначен королевский уполномоченный по гражданским делам, там не было ни церквей, ни школ. Иногда, правда, заезжали английские священники и епископы. Но, несмотря на то что представители французского населения

* Арпан — старая французская земельная мера, равная примерно 0,49 га (*примеч. пер.*).

на Сейшелах были католиками, там не было ни одного католического монастыря. Только в 1851 году появился некий отец Леон де Аваншэ и потребовал открыть католические миссионерские центры. Вначале ему отказали. Сотни лиц домогались встречи с ним на судне «Порт-Вик-

тория», заходившем время от времени в гавань. И тогда британский уполномоченный вынужден был выписать католического священника с Маврикия. Но при этом оговаривалось, что он должен быть британским подданным и ни в коем случае «ни монахом, ни бунтарем».

Два года спустя на эту островную группу с Маврикия прибыла первая постоянная католическая миссия, и вскоре были созданы католические и англиканские школы. Но, несмотря на то что представители британского правительства уже в 1841 году неоднократно напоминали губернатору Маврикия о том, что «благоразумно было бы по прошествии тринадцатилетней оккупации этой колонии во всех официальных документах отказаться от французского языка в пользу языка Великобритании», все преподавание в школах по-прежнему велось на французском. В качестве одного из предметов изучения английский был введен лишь в конце XIX века.

Освобождение рабов привело к нехватке рабочей силы, и плантации пришли в упадок. Ныне свободные граждане не желали больше работать так же изнурительно, как и прежде. Они предпочитали скудный прожиточный минимум, доступный, например, рыбакам и мелким ремесленникам. Плантаторы же считали себя ободенными и не хотели по-настоящему оплачивать труд наемных рабочих. Здесь, как и повсюду в мире, представители привилегированных социальных групп с большой неохотой расставались с возможностью жить за счет труда других. Но общему упадку хозяйства необходимо было как-то противостоять. Оказавшись перед угрозой полного разорения, плантаторы через некоторое время обратились за разрешением заключать контракты на вывоз рабочих из Индии. Не дождавшись его, они самовольно начали ввозить рабочую силу на Маврикий. А когда они получили официальный отказ, им пришлось кое в чем рационализировать свои хозяйства: сажать кокосовые пальмы, для ухода за которыми не требовалось много работников.

Однако вскоре появилась возможность приобрести новых работников. У специальных судов британского флота, охотившихся за работоторговцами (американцами, португальцами, арабами) в Атлантическом и Индийском океанах, возникла сложная проблема: что делать с реквизируемым «живым» грузом? Просто отпускать людей

на восточном побережье Африки, не находившемся под британским контролем, было бессмысленно. Ведь прибрежное население вылавливало бы их, чтобы вновь продавать в рабство. И тогда было принято решение расселять бывших пленников на территориях британских колоний (Капской земле и Сейшелах), где было еще много свободной земли.

С 1861 по 1874 год, когда на Занзибаре (по крайней мере официально) была запрещена работорговля, на Сейшельский архипелаг прибыло 2400 африканцев обоего пола. Большая часть новых поселенцев, пополнившая уже смешанное местное население, была передана плантаторам в качестве «учеников» на определенное время, по истечении которого они, подобно бывшим рабам Сейшел, получали полную свободу.

Ввоз работников на Сейшелы из Индии был разрешен лишь в 1898 году. Большинство их вначале были законтрактованы на строительство дорог, а когда срок контракта истек, многие предпочли остаться на островах. Их потомки живут здесь и поныне, занимаясь в основном мелким земледелием и ремеслом.

В 1850 году на острова прибыли и первые индийские торговцы. Но их основной приток на Сейшелы начался после 1895 года, за ними последовали китайские торговцы, сначала с Маврикия, а позднее — непосредственно из Гонконга и Кантона. В 1898 году в Виктории была даже построена небольшая китайская пагода.

Но на Маврикий не очень-то были заинтересованы в процветании зависимых островов, отдаленных от него на 1700 километров. В течение всего XIX столетия с Сейшел поступали жалобы на «плохую администрацию» и раздавались призывы к возврату «времен де Малавуа!». Это выражение употребляют и сегодня, когда речь идет о старом добром французском времени. Островитянам не становилось лучше от того, что многие британские чиновники на Сейшелах чувствовали себя полуссыльными и к белым, говорившим по-французски, относились так же свысока, как к «цветным» и чернокожим.

Исключение составлял чиновник по гражданским делам Чарлз Майлиус, работавший с 1839 по 1849 год в Виктории. Вскоре после того как он прибыл на остров, он вошел в тесный контакт с местной интеллигенцией и основал «различные общественные и научные общества»,

в том числе литературное, которое открыло первую публичную библиотеку в Виктории и стало издавать ежегодник — «Альманах островов Лабурдонэ, или иначе Сейшел». Но прогрессивные начинания Майлиуса не получили поддержки с Маврикия. Когда он захотел, например, построить новый пирс в гавани, вышестоящие власти отпустили для этой цели всего 50 фунтов стерлингов, которых хватило на первые 200 футов пирса. Его закончили лишь в конце XIX столетия, когда по указанию ведомства Британии было начато сооружение угольной станции у его внешнего конца. После того как Майлиус покинул острова, все вновь погрузилось в спячку.

К этому времени многие британские чиновники поняли, что дальнейшее развитие Сейшел возможно лишь после того, как они станут полностью свободными от Маврикия. Поэтому в последние десятилетия XIX и на рубеже XX века поэтапно была учреждена своя собственная независимая администрация, а с августа 1903 года Сейшелы окончательно отделились от Маврикия и стали маленькой самостоятельной британской колонией.

В Виктории, на перекрестке центральных улиц, прямо перед Лонг-Пир стоит типично английский памятник — маленькая башня с часами в викторианском стиле. Текст на одной из стен башни гласит:

«Воздвигнута народом и правительством Сейшельских островов с любовью в память о Виктории, королеве Великобритании и Ирландии и императрице Индии с 1837 по 1901 год».

Если идти напрямик от пирса, то довольно скоро дорога приведет к правительственному зданию, известному здесь как «Кремль». Если же свернуть направо, попадешь на большую открытую большинству улиц площадь Гордона. Но английские имена, как и английские вывески на зданиях индийских и китайских фирм, не в состоянии скрыть французского влияния на местную жизнь.

Как в Виктории, так и в других городах этого островного мира практически все магазины и универмаги принадлежат китайским и индийским торговцам. Многие сейшельские чиновники и интеллигенты — потомки выходцев из Китая, поскольку их отцы и деды занимали довольно хорошее положение в обществе и могли дать

Вид с горы на город Виктория и его порт

своим наследникам местное школьное образование, а иногда даже позволить им закончить высшие учебные заведения в Англии. Однако здешние китайцы давно уже потеряли чистоту своей расы. Дети и внуки бывших китайских колонистов говорят по-французски или по-креоло-французски.

Индийские торговцы, напротив, как правило, старались держаться особняком и даже жен привозили с родины. Внешне они весьма любезны, но это не мешает им быть ловкими дельцами. Некоторые выходцы из Индии сейчас занимают столь важные места в торговле, что злые языки говорят даже, будто в колонии существует три правительства: над всеми стоит индийская аристократия вместе с кланом парсов* Темолджи, затем — влиятельная католическая церковь. И на третьем месте — британская администрация.

Но это лишь доля истины. Ведь даже влиятельным

* Парсы (или гебры) — лица, исповедующие парсизм (совр. название зороастризма). Эта религия распространена в основном в Иране и Афганистане (примеч. пер.).

Девушка с Маэ

в сфере экономики индийцам не удалось помешать британской администрации приостановить приток иммигрантов из Индии. Конечно, индийские предприниматели, обычно нанимавшие рабочих у себя на родине, были огорчены таким решением властей, но безработица на Сейшелах очень велика, а правительство вынуждено думать прежде всего о том, как устроить «сейшельцев», возвратившихся из Восточной Африки. Именно им необходимо было прежде всего предоставить работу.

Однако индийцы, несмотря на их главенствующую роль в экономике, слишком малочисленны, чтобы иметь какое-то влияние на местную культуру. Гораздо больше в этом плане преуспели англичане. Издаваемые в Виктории официальные газеты выходят либо на английском, как, например, «Сейшелз Бюллетин», принадлежащая Департаменту по туризму, информации и радио, либо на английском языке с французскими и изредка креоло-французскими вставками, как консервативные «Сейше-луа» и «Сейшелз Уикли», а также лево-радикальная «Пипл».

Английскую речь здесь почти повсюду понимают, во всяком случае в Виктории и в тех местах, где часто бывают иностранцы. Местные власти в 1944 году даже издали приказ о преподавании во всех школах на английском языке, но воплотить его в жизнь оказалось невозможным. Подавляющее большинство детей к началу обучения понимают только французский или креоло-французский, английскому же их надо обучать с азов.

Но французский язык не был вытеснен из школы полностью. Поскольку преподаванию английского отдается особое предпочтение, то возникает странная, если не сказать больше, нелепая ситуация, при которой детей местному французскому языку обучают посредством английского.

Посещение школы на Сейшелах необязательно, и далеко не всем здесь доступно шестилетнее среднее образование, хотя сейчас оно и бесплатное. Но немалых денег стоит учеба в специальных средних школах, в государственном Сейшельском колледже, куда принимают только мальчиков, и в особой католической монастырской школе для девочек. Даже несмотря на некоторую скидку в оплате за питание в школе и стипендии, предоставляемые детям из необеспеченных семей, до сих пор (как сообщил мне подчеркнуто по-английски директор одной школы) примерно 8 из 11 тысяч детей школьного возраста (около 70%) учатся в школах, то есть их родители хотят и могут отдать туда своих детей.

Перепись населения 1960 года показала, что 54 процента взрослых островитян неграмотны. Несмотря на усилия властей утвердить английский язык на Сейшелах, по данным статистики, 40 тысяч человек считают здесь своим родным языком креоло-французский и 2 тысячи —

чисто французский. На английском же говорят лишь 400 человек (он занимает третье место на островах), на индийских — 170, на китайском — 60 человек.

Хотя английский долгое время считался официальным языком Сейшел, он в какой-то мере привился лишь среди тех островитян, которые посещали школу. Чтобы быть понятным всему населению, сейшельское радио вынуждено вести передачи на английском, французском и креоло-французском. В селениях европейскому путешественнику легче всего пользоваться французским: он понятен и тем местным жителям, которые говорят на креоло-французском. А в викторианском суде английские судьи очень прибегают к услугам переводчиков.

Этой жизнестойкостью французский язык обязан католической церкви, к которой принадлежит 90 процентов островного населения, а священнослужителей в основном набирали в той части Швейцарии, где находится центр ордена капуцинов, говорящих по-французски. В прошлом «прямые» контакты с Францией поддерживались благодаря общению с командами французских судов, направлявшихся через Суэц и Красное море к Мадагаскару, Реюньону и Маврикию и часто заходивших на Сейшелы.

Правда, эти времена давно прошли, но в Виктории еще и сейчас имеется французское консульство. Время от времени между Сейшелами и Маврикием курсируют суда, и родственники, живущие на разных островах, могут иногда навещать друг друга.

Существует много причин, объясняющих, почему Сейшелы, в течение лишь 40 лет имевшие французскую администрацию, после полутора столетий британского режима, более французские по духу, чем английские. Это тем более любопытно, если вспомнить, что Карибские острова, захваченные Англией примерно в то же время, пошли совсем по иному пути развития. Правда, значительная часть населения этих островов тоже говорит на креоло-французском, а местные католические священники — чаще всего на чисто французском (как правило, они — бельгийцы). Но в то же время на острове Сент-Люсия, например, семьи плантаторов, выходцев из Франции, полностью англизированы, несмотря на близость французской Мартиники, а аристократия Сейшел широко отмечает национальный день Франции (14 июля) большим балом в клубе «Виктория».

По-французски и креоло-французски. «Выродившийся» диалект? Расы и социальные группы. Большинство с уровнем жизни ниже прожиточного минимума. Церковь и суеверие. Сунгула и Кусупа

Удивительное чувство испытываешь, когда сидишь под пальмами на маленьких тропических островах и вместе с аборигенами поешь французские песни, знакомые со школьных и студенческих лет. В любимом мною баре «Гардения», хозяевами которого были члены левой «Объединенной партии народа» Сейшельских островов (ОПН) (одной из двух политических партий этой островной группы), вечера танцев обычно заканчивались «Марсельезой», в то время как перед закрытием некоторых «более буржуазных» танц-раундов официально и торжественно звучало «Боже, храни королеву».

В «Гардении» звуки последнего танца часто переходили в мелодию французского национального гимна еще до того, как публика успевала разойтись; потом двери вновь закрывались и пировать оставались лишь избранные.

Еще более удивительным кажется танцзал, переполненный людьми всех цветов и оттенков кожи, всех возрастов, начиная от бабушек и дедушек и кончая детьми дошкольного возраста. Все они увлеченно танцуют старомодные европейские польки, мазурки, кадрили под звуки оркестра (каметоле), состоящего из скрипки, аккордеонов и треугольников. Они и сегодня еще популярны настолько, что даже оркестры с электрогитарами и другими еще более современными инструментами вынуждены исполнять их мелодии, то есть мелодии времен колонизации Сейшел пришельцами с Маврикия.

Креоло-французские песни постоянно обновляются. В Креольском клубе в Виктории обычно раз в неделю можно послушать какого-нибудь певца с гитарой, кото-

рый мог бы иметь успех и у более изысканной европейской публики. На танцплощадках старинные танцы и чуждая местным жителям современная музыка часто заменяются танцевальными мелодиями — сегами, одинаково характерными для Сейшельских островов, Маврикия и Реюньона, как, например, калипсо — для островов Карибского моря.

Часто такие сегы становятся песнями, слова которых повествуют просто о любви, например: «Если ты меня любишь» (название это одновременно иллюстрирует удивительно деловое креоло-французское отношение к понятию «любить», то есть быть довольным) или «Я склоняю голову, я плачу, когда я вижу любимую в объятиях своего друга». Но в них нередко комментируются и актуальные события, точно так же как в настоящих вест-индских калипсо с Тринидада и других островов восточной части Карибского моря. Одна из таких песен рассказывает о шхуне «Вольтижер», которая направилась к близлежащим островам Амирантской группы для погрузки копры, но так и не добралась туда. Об этом в течение нескольких недель ежедневно сообщало радио Сейшел.

В сельской местности можно наблюдать африканские танцы, мучиас, исполняемые под звуки примитивных тамбуринов. Танцоры обычно напевают в такт тамбурина. Здесь царит типично африканский дух, пьют калу или тоди—слабые вина из забродившего кокосового сока, или нелегально полученное тростниковое пиво бакка. Поскольку такие праздники воспринимаются просто как дружеские пирушки, они могут продолжаться всю ночь. Полиция следит лишь за тем, чтобы в самой Виктории и в других городах этого островного мира бары закрывали свои окна и двери в определенное время.

Но даже в отдаленных, высокогорных бедных поселениях африканский язык не забыт, и креоло-французский густо насыщен словами африканского, малагасийского и индийского происхождения. На ранней стадии колонизации владельцы плантаций здесь смешали рабов из различных племен. Для общения рабы учили язык своих хозяев. В результате развилось множество непонятных чужеземных диалектов, конгломератов различных наречий предков рабов и разговорной речи свободных поселенцев.

Подобно тому, как непросвещенные учителя всех стран истово борются с диалектными словами, так называемыми провинциализмами, уверенные в том, что таким путем можно сохранить чистоту языка, избавиться от «низких» словоформ и просторечных оборотов, на Сейшелах и Маскаренах долгое время пытались уничтожить креоло-французский. При этом доказывалось, что типичное для него спряжение глаголов, склонение местоимений и другие многочисленные грамматические явления уже давно исчезли, и, следовательно, этот язык возрождается. Креольский воспринимался лишь как дегенерированный французский.

К этому мнению безоговорочно присоединился некий Бредли, автор двухтомной «Истории Сейшел». В 1940 году он писал: «Я считаю, что настало время покончить со всяческими словесными ухищрениями по поводу креоло-французского: это всего-навсего плохой французский диалект, на котором говорит необразованное туземное население колонии. Плохая грамматика и фонетическая, по принципу, орфография — вот его основные качества».

А один французский врач в своем письме в газету «Пипл» в 1966 году отмечал: «Креоли, будучи признанным французским диалектом, не достиг и никогда не достигнет положения языка: ведь, несмотря на красочность и образность, он грязен и невыразителен». По его мнению, в идеале Сейшелы должны быть двуязычными: сочетать истинный французский и английский.

Лично мне было весело читать тексты на креоло-французском. Конечно, они могут казаться написанными «неграмотно». Но причиной тому скорее всего — отсутствие у их авторов элементарного школьного образования, неспособность «его» или «ее» выразить себя на бумаге. Этот вид косноязычия, право же, хорошо известен и среди народов, обладающих «признанными» культурными языками в качестве родного. Что же касается тенденции к упрощению грамматики, то мы встречаем это явление в истории большинства языков. Например, в современном шведском формы множественного числа глаголов сейчас полностью заменены формами единственного.

Особенно поражает в креоло-французском тенденция к слиянию определенного артикля с существительным, при этом прилагательное остается в сильной форме и сочетается с неопределенным артиклем. Но ведь нечто по-

доброе встречается и в других частях света. Языковеды называют данное явление аглютинацией. В их работах по креоло-французским диалектам можно найти немало высказываний, ценных с точки зрения истории языка. Так, английский лингвист Стенли Джонс писал в 1952 году в газете «Эфрикен Афээрз» по поводу креольского на Сейшельских островах: «Для тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с африканскими языками, местный французский больше всего напоминает языки банту, на которых, без сомнения, говорила основная масса их праотцов». На этот «французский», естественно, наложил отпечаток образ мышления и способ самовыражения их предков.

Вместо того, чтобы стараться упразднить креоло-французский, считая его «дурным французским», есть все основания согласиться с историографом Сейшельских островов А. Уэббом, не считающим этот язык каким-то диалектом, обедненным и непригодным для точного выражения мысли. Наоборот, он восхищен тем, что рабы, несмотря на ужасные условия жизни, когда их заставили овладевать французским языком, сумели создать свой, новый, выразительный язык.

А. Уэбб пишет: «Вполне вероятно, что обстоятельства будут всячески противодействовать превращению креоло-французского в язык с собственной письменностью и литературой. Но сознательно пытаться уничтожить его (к чему некоторые стремятся, считая ненужным то, что кажется сомнительным) — значит лишить наше чернокожее население его единственно значительного и примечательного достижения, сохраненного со времен, когда они были изгнаны с родных земель. Школьное образование будет гарантией того, что сейшельцы всех социальных групп в будущем научатся говорить и писать на другом языке — английском или французском. Но устную креоло-французскую традицию — их родное наречие — конечно, следовало бы поощрять, сохраняя ее сильной и жизнеспособной в сельской местности... По крайней мере она заслуживает нашей терпимости и нашего уважения».

Креоло-французский язык, без сомнения, выразителен. Он пригоден не только для простой, обиходной речи, как полагают многие. Ярким свидетельством его обрзанности являются пословицы, типа: «Комар мал, но когда он жужжит, то заполняет все ухо». Эта пословица ро-

дом с Маврикия. А вот другая, типично сейшельская: «Тина не смеет смеяться над болотом». Смысл ее становится особенно понятным, когда наблюдаешь жизнь тысяч сейшельцев, ютящихся в жалких крохотных полуразвалившихся лачугах в селениях и в бедных кварталах окраин Виктории.

Поскольку значительная часть местного населения — потомки бывших рабов, естественно, что в кварталах бедняков чаще всего можно встретить темнокожих обитателей. Но какие-либо четкие расовые границы между различными слоями общества на первый взгляд здесь отсутствуют, если не принимать во внимание того, что большинство торговцев — индийцы и китайцы, а чиновники — чаще всего британцы. Правда, сейчас они все больше и больше заменяются сейшельцами, получившими образование.

Здесь есть и бедные «белые», и зажиточные «коричневые» или как их здесь называют «красные», и даже зажиточные «черные». Вот почему путешественник может довольно легко оказаться в заблуждении, решив, что этот островной мир — маленький рай без расовых границ и связанных с ними проблем. Подобное впечатление подкрепляется еще и тем, что все местные жители, кроме чистокровных индийцев, китайцев и других иммигрантов последних десятилетий, называют себя сейшельцами, независимо от того, имеют ли они право претендовать на чисто европейскую родословную или, по крайней мере, на отдельные европейские «ветви» в своем родословном древе. Так говорят о себе почти все, и, кстати, большинство не без оснований.

Можно определенно утверждать, что ни один народ не получил столь значительной доли из «теста, замешанного из всех рас мира», как сейшельцы. Здесь, подобно Вест-Индии и Британской Гвиане, администраторы-англичане некогда делали попытки классифицировать островитян по расовой принадлежности.

А. Уэбб, последний переписчик местного населения, констатирует, что подобная классификация бессмысленна хотя бы потому, что индивиды «чистой расы» являются здесь исключением. В наследственную кладовую сейшельского населения внесли свой вклад французы, аф-

риканцы, малагасийцы, англичане, индийцы, китайцы и, кроме того, члены команд проходящих мимо судов всех наций мира, сосланные сюда потентаты* из других британских владений и просто чужеземцы-путешественники. Однако здешние жители отнюдь не чувствуют себя равноправными. Англичане, верные традициям, сложившимся в начале XIX века, свысока относятся к сейшельцам всех цветов кожи. Один из моих друзей рассказал, что, посещая Лондон, он обычно сохранял благожелательность и дух коллегиальности в «Колониэл Офис», и других подобных заведениях. Но стоит ему приехать на Сейшелы, он тут же садится «на высокую лошадь» и ему становится трудно общаться с чиновниками-сейшельцами. Англичан не встретишь в баре за рюмкой вина или в местном клубе. И в то же время, приезжая на Сейшелы в качестве государственного служащего, англичанин, если у него есть дело к чиновнику высшего ранга, должен обратиться сначала к секретарю губернатора. Он не имеет права на прямой контакт с избранными народом членами Управляющего совета Сейшел.

Разумеется, подобная ситуация недемократична, даже смешна в колонии, где население так малочисленно, что все знают друг друга. Но подобные явления могут быть объяснены и бюрократизмом. Более серьезная опасность, пожалуй, кроется в расовых предрассудках местного населения. Лица французского происхождения держатся на расстоянии от всех прочих. Это касается не только социальной группы, которую называют «большими белыми».

Я встретил на Ла-Диге светлокую девушку, школьную учительницу, родители которой принадлежат к так называемому «среднему классу». Она жаловалась мне, что мать не разрешает ей даже танцевать с «красными» или «черными», так как это «неприлично для белой девушки». Вместе с тем очевидно, что эта девушка и ее родители не «чистые европейцы». У нее широкоскулое лицо с чертами, явно свидетельствующими как о монголоидных (с Мадагаскара), так и о негроидных примесях.

Еще один пример. Зажиточная семья плантатора, придерживаясь традиций, идущих от первых колонистов,

* Потентат (нем.) — властелин, коронованная особа, вельможа (примеч. пер.).

отказывается признавать родство со своим однофамильцем из Виктории, хотя тот считается одним из самых богатых и перспективных деловых людей на Сейшелах. Они заявляют, что его семья незаконно присвоила себе эту фамилию. В действительности речь идет о ветви того же рода, но уже не чисто европейской.

После того как «Ассоциация налогоплательщиков и производителей» сейшельской аристократии в 1963 году начала активную борьбу за самоуправление (еще до введения всеобщего права голоса), даже либералы были вынуждены противодействовать слишком быстрому развитию событий из опасения, что этот островной мирок может превратиться в новую Родезию.

Право же нельзя утверждать, что в настоящее время на Сейшельских островах отсутствуют тенденции к сегрегации. Повсюду «степень европеизма» в происхождении имеет огромное значение, а светлый цвет кожи символизирует «знатность». В церквях светлокожие сидят на первых местах. Хотя после введения права гражданства в 1967 году здесь перестали, казалось бы, «оценивать по доходам» и тем самым была создана почва для демократизации, расовые предрассудки здесь, как и в современной Вест-Индии, имеют настолько глубокие корни, что потребуются смена не одного поколения, чтобы изжить их. Одним из самых сильных оскорблений сейчас, как и прежде, является: «Уйди прочь, кафр!». Само по себе это свидетельствует об унижении человеческого достоинства краснокожих и чернокожих.

На Сейшелах довольно редко встречаются люди с признаками регулярного недоедания, как и люди действительно плохо одетые. Но это лишь обманчивая видимость. Уровень безработицы здесь огромен. Тот, кто имеет хоть какую-нибудь работу, в большинстве случаев получает мизерную, помесячную или поденную, заработную плату. Дети выглядят относительно упитанными лишь потому, что в школе они получают дополнительное питание. А взрослые не ходят «в тряпье», так как сейшельцы слишком горды, чтобы внешне проявлять свою бедность.

Обычно чужеземец не имеет представления о лачугах бедняков, разбросанных в стороне от торговых путей. И я не увидел бы их, если бы друзья не предложили отвезти меня в труднодоступные горные селения на юге Маэ в районе Анс-о-Пэн.

В одной из лачужек, на площади, едва ли превышающей десять квадратных метров, ютилось шесть человек: двое стариков, их дочь и ее трое внебрачных детей. Никакой мебели — на полу лишь тряпье и лохмотья, где они все вместе спали. Семья жила на 30 рупий в месяц, зарабатываемых старушкой у одного богатого индийца, владельца близлежащей плантации. Старик и его взрослая дочь — безработные.

Наверное, в подобной хижине стоило бы побывать некоторым писателям-путешественникам, рекламирующим тропические острова типа Сейшел как потенциальные туристические центры с бунгало, барами и песчаными берегами. Они удивляются сенсационно низким ценам, не принимая во внимание, что владельцы отелей здесь наживаются за счет персонала с невероятно мизерной зарплатой.

Левая партия ОПН подсчитала, что средний прожиточный минимум семьи из четырех человек (мужа, жены и двух детей) на Сейшелах 165 рупий в месяц. При этом 25 рупий составляет квартплата (за маленький некрашеный деревянный домик), 28 рупий стоят 20 килограммов неочищенного риса, по десять — рыба, одежда и так далее. Однако еще и сейчас (когда я пишу эти строки) немногие достигли и этого скромного прожиточного минимума, несмотря на то что профсоюзы вместе с ОПН постоянно ведут борьбу за улучшение условий жизни.

Месячная заработная плата квалифицированного рабочего на государственных предприятиях колеблется между 148 и 190 рупиями. Значит, некоторые из них перешагнули черту «среднего достатка». Рабочие средней квалификации получают не более 128—144 рупий, а заработок неквалифицированных рабочих составляет всего 92 рупии в месяц. Не удивительно, что на островах распространена поговорка: «Деньги хороши, но они слишком дороги».

Хуже всего оплачивается труд на плантациях. Мужчины зарабатывают здесь не более 45 рупий в месяц при полном рабочем дне. Старая, старая история! Сельскохозяйственных рабочих трудно организовать. Предприниматели угрожают им увольнением, если они присоединятся к профсоюзам. К тому же сами рабочие слишком безропотны, особенно в таких старых рабовладельческих колониях, как Сейшелы.

Да и церковь проповедует смирение, безропотность и послушание перед всякого рода начальством, начиная от высшего суда на небе и кончая теми, кто обладает силой и деньгами на земле. Это касается и католической церкви, к которой принадлежат почти все сейшельцы.

Каждый час бьет церковный колокол, и все добрые католики на Сейшелах делают «подобающее» выражение лица и крестятся. Это происходило и с теми, кто находился в гостинице «Бо Валлон Бич», недалеко от католической церкви в Бель-Омбре. В Виктории нечто подобное можно наблюдать даже по два раза в час. Ведь на звоннице, что находится рядом с собором «Непорочной Девы», имеется колокол, который дает двоянные удары.

Лет двадцать назад «игры с колоколом» очень понравились английскому писателю Алеку Во, и через два года, написав книгу, в которой упоминалось о Сейшельских островах, он так и назвал ее: «Где колокол бьет дважды». Ему в свое время объясняли, что колокол бьет дважды, поскольку жители тех мест ленивы и не в силах воспринимать что-либо с первого раза.

Когда наступает время праздновать День поминовения святых, покровителей различных католических храмов, возле их статуй устраиваются большие народные гулянья с музыкой, танцами, выпивкой, драками и другими «развлечениями». Постоянно туда и обратно шныряют автобусы и омнибусы.

На тропических островах — это чаще всего обычные грузовики со скамьями или досками, приспособленными для сидения в кузове. Те, кто не в состоянии уплатить 50 центов за проезд в «автобусе», отправляются на праздник пешком.

Я присутствовал на четырех таких гуляньях на Маэ и на Ла-Диге и могу заверить, что веселье там било через край, особенно по вечерам. Помещения школ и других общественных заведений, отведенные на эти дни под танцплощадки, были переполнены народом. У прилавков толпились очереди. В такие праздники найти себе партнера, «булду»*, проще простого.

* Бу л д у — креоло-французское слово, означающее и любовника и любовницу (*примеч. авт.*).

Даже девушкам из очень уважаемых семей разрешалось посещать танцы в честь святых. Иными словами, «любезные» швейцарские священники-капуцины островного мира предоставляют возможность и этим несчастным девушкам встретиться с подходящим «булду». Конечно, в обществе, где царит католическая ханжеская мораль, это может стать одной из обязанностей церкви.

Однажды я был приглашен на свадьбу. Вначале в церкви состоялась торжественная церемония, потом был семейный праздник с лучшим на Сейшелах оркестром каметолы и французскими народными песнями между музыкой и речами. Но на этом, к стыду моему, кончается мой непосредственный опыт знакомства с церковными обрядами. Наверно, мне следовало побывать на каких-нибудь похоронах. Я сожалел, что не сделал этого, ограничившись лишь сведениями, взятыми из книги английского социолога Б. Бенедикта «Народ Сейшел», об особенностях местного ритуала погребения: «Похороны по первому классу в Виктории стоят 50 рупий. Обряд включает бой трех церковных колоколов, песнопение, проповедь священника и органную музыку. Похороны второго класса в городе состоят лишь из двух колоколов и стоят 10 рупий. По третьему классу хоронят бесплатно и звонят одиннадцать раз лишь в один колокол. Так, на слух, можно определить статус умершего и его семьи... В селении, где большинство церквей имеют лишь один колокол, три класса погребального обряда различаются тем, как долго священник следует за гробом. При похоронах по первому классу священник встречает гроб по дороге в церковь, сопровождает его и затем присутствует на кладбище. Это стоит 15 рупий. На похоронах за 10 рупий священник встречает гроб усопшего у дверей церкви, затем сопровождает процессию, но не далее, чем до входа на кладбище. Похороны по третьему классу бесплатны. Священник в этом случае вообще не встречает гроба и не следует за ним». Даже если данные Бенедикта несколько устарели и сейчас услуги священника поднялись в цене, сама ситуация почти не изменилась.

В сельской местности на островах существует еще множество разного рода суеверий и предрассудков. Колдуны и знахарки по своему влиянию на местное население не уступают священникам. Но редко кто признает, что он верит в колдовство. Такая скрытность отчасти объ-

яснима: большинство знает, что европейцы смеются над колдовством. Кроме того, всякая нецерковная магия, включая гадание, в 1958 году была запрещена законом. Теперь колдуны и колдуньи занимаются своим делом с чрезвычайной осторожностью: все помнят судебные процессы последних лет.

До сих пор на островах бывают весьма загадочные явления, которые можно сравнить с западно-африканским и вест-индским вуду* в его наихудшем варианте. Англиканский архидьякон Озан в 1936 году в книге «Кокосовые орехи и креоли» описывал случаи исчезновения детей, которых потом находили искалеченными.

То же самое наблюдалось и в 1959 году, причем виновников, как правило, никогда не находили. Рассказывают на островах и о додотиа, напоминающем зомби культа вуду. Речь идет о мертвецах, которых колдун возвращает к жизни, за что они впоследствии должны служить ему, как самые покорные рабы. Не удивительно, что элементы культов, традиционных для Западной Африки, бытуют на Сейшелах. Ведь рабы оттуда были завезены на острова европейскими судами, следовавшими мимо Золотого Берега и мыса Доброй Надежды к французским колониям в Индийском океане.

Но в большинстве случаев колдовское искусство здесь «безобидно». Люди обращаются к колдунам за снадобьем против какой-нибудь болезни или в поисках любовного зелья, которое может заставить легконогую «булду» быть верной. Страшные истории случаются порой, когда к колдунам обращаются ревнивцы в поисках зелья, которое у неверных жен вызывает опасные болезни.

Народные сказки на Сейшелах порой удивительно жестоки. Я нашел несколько таких сказок в католическом журнале «Эхо островов». Их рассказывают, как правило, у постели усопшего, чтобы скоротать ночь. Главные персонажи — два зверя: заяц по имени Сунгула и черепаха Кусупа. Заяц напоминает хитрого паука Ананси из запад-

* Вуду (воду, водун) — божество в Дагомее. Сочетание различных верований, африканских по происхождению. Характерно для франкоязычных островов. В него входит почитание африканских божеств (прежде всего Шанго — бога грома и молнии), культ добрых и злых духов и т. д. (*примеч. пер.*).

но-африканских сказок. Черепаха же, в противоположность ему, образец порядочности. Одна из таких историй повествует о Сунгуле и Тигре. Я позволил себе дать относительно свободный перевод этой сказки, поскольку дословный трудно воспринимается.

Некогда жили два старых друга — Сунгула и Тигр. На большом пустыре решили они развести плантацию маниоки и бататов. Сунгула и говорит Тигру:

— Брат! Мне ужасно надоело стучать по камню черенком, чтобы насадить на него лопату. Давай договоримся: каждый раз, когда кому-нибудь из нас придется это делать, я буду бить по твоей голове, а ты — по моей.

На другой день рано утром они начали работать. Сунгула взял большие гвозди и лопату Тигра и незаметно для него крепко-накрепко прибил лопату к рукоятке. Только они начали копать, как лопата Сунгулы соскочила с черенка.

— Ничего не поделаешь, дружок, подставляй-ка свою голову — таков уговор!

Трах! Трах! Кожа на голове Тигра лопнула. Сунгула продолжал копать, и опять его лопата соскользнула с черенка. Так до обеда она ломалась четырежды. Кожа на голове бедного Тигра изодралась в клочья.

Между тем еда была готова. Госпожа Сунгула подала прекрасное жаркое из кокосового сока и головы огромной ставриды. И Сунгула пригласил Тигра к столу. Но бедному Тигру — не до еды. Голова раскалывалась; его била дрожь, хотелось спать.

В это время мимо проходил Кусупа. Увидел он Тигра и спросил, что это с ним случилось. Тот рассказал, как они с Сунгулой договорились отлаживать свои лопаты друг у друга на головах. Тогда Кусупа подошел поближе, взял лопату Тигра, осмотрел ее и сказал:

— Посмотри, сколько гвоздей вбил Сунгула в твою лопату!

Тигр увидел и говорит:

— Тихо, Кусупа! Сделай вид, будто бы ничего не произошло.

Потом он обменял лопаты: свою подложил Сунгуле, а его взял себе. Кусупа тем временем скрылся. Вскоре возвратился Сунгула и спросил:

— Ну, как дела, брат?

Тигр ответил:

— Все в порядке, пора работать.

Но хитрый Сунгула тут же сообразил, что Тигр обменял лопаты. Когда лопата Тигра соскочила с черенка, и он предложил Сунгуле подставить голову, тот заохал:

— Ой-ой! Послушай! Видно, моя жена отравила меня кокосовым молоком со ставридой. Все кишки переворачиваются!

Потом он убежал и спрятался за большой камень. А бедный Тигр умер от ран.

Правда, не все сказки о животных столь кроваважны. В истории о Сунгуле, Слоне и богине Валь рассказывается о довольно безобидной хитрости.

В одно прекрасное утро, когда Сунгула прогуливался по лесу, ему встретился Слон.

— Здравствуй, большой брат!— говорит он.— Хочешь поиграть со мной?

Слон удивился, но спросил:

— Во что же мы будем играть?

Заяц робко ответил:

— Давай перетягивать канат — я хочу помериться с тобой силами. Ты останешься в лесу, а я побегу к реке.

Слон еще больше удивился, но принял вызов. Заяц пошел домой, нашел длинную веревку, вернулся в лес и протянул один конец Слону. С другим побежал на берег реки. Там он повстречал богиню Валь.

— Добрый день, большая сестра!— сказал он.— Хочешь посостязаться со мной в перетягивании каната?

— Конечно, хочу,— ответила богиня и от души посмеялась над маленьким зайцем, дерзнувшим помериться с ней силами.

— Держи конец веревки,— сказал Сунгула.— Я вернусь в лес, а когда свистну — начнем состязание.

А на другом конце дожидался Слон. Пробежав полпути, Сунгула свистнул — состязание началось. Слон и богиня Валь изо всех сил тянули веревку, каждый в свою сторону. Сунгула тем временем притаился в траве и стал смотреть на веревку, которая медленно двигалась то взад, то вперед, а он потешался над своими жертвами, выбиравшимися из сил.

Несколько часов прошло, а веревка все двигалась и двигалась. Наступило время кончать шутку. Сунгула большими прыжками покачал к Слону и спросил:

— Ну, как тут дела?

— Я порядком утомился,— ответил тот.— А ты?

— Я?— переспросил заяц.— Что ты! Ничуть! Только ты, брат, состязался не со мной, а с богиней Валь. Я просто подшутил над вами.

Слон ужасно рассердился и хотел зарубить зайца бивнем. Но Сунгула оказался проворнее. Он помчался к берегу.

— Ну, как дела, богиня Валь?

— Измучилась, а ты?

— Я — прекрасно!

— Но тогда скажи мне, зайчонок, откуда у тебя силы, чтобы состязаться со мной.

— Ответить не трудно, добрая Валь! Моя сила в хитрости. Весь день ты состязалась со Слоном!

Взбешенная богиня Валь хотела наказать злого Сунгулу.

Но в это время я подошел поближе, чтобы как следует разглядеть, что станет с бедным зайцем. Удар под зад, предназначенный для Сунгулы, достался мне, и я мигом залетел на крышу собственного дома.

Сейшельцы за границей и дома. Сексуальная свобода и проституция. Супружество и «марш-марш». Противодействие церкви регулированию деторождаемости. Мечта об эмиграции

Девушек с Сейшельских островов я впервые встретил в 1963 году в одном из баров Найроби. Они работали там в качестве прислуги, но мало походили на африканок. Одна из них напоминала индианку, в других была представлена «помесь» различных национальностей, встречающихся на таких островах, как Мартиника в Вест-Индии. Когда они разговаривали между собой, мне показалось, что говорят они по-французски. Но обратившись к ним на этом языке, я сразу понял, откуда они.

На этот раз в Найроби мне не удалось встретиться с моими старыми знакомыми. Только в Момбасе я натолкнулся на нянь-сейшелеанок — худощавых, прекрасно сложенных девушек с европейскими чертами лица, светло-коричневым цветом кожи и прямыми волосами. Но, к сожалению, они были родом из Кении, не говорили на сейшельском наречии и очень немного знали об островном мирке, выходцами из которого были их родители.

Единственной «настоящей» уроженкой Сейшел, которую я встретил в Момбасе, была хозяйка гостиницы, где я остановился. Она не знала, надолго ли останется в Кении, и была очень озабочена своим будущим. Все большему числу людей родом с различных мелких островов в Индийском океане отказывали здесь в праве получить разрешение на работу, и они были вынуждены возвращаться на родину, если им не удавалось перебраться в какие-либо другие страны, что становилось все труднее и труднее. Многие из знакомых моей хозяйки возвращались на Маэ тем же паромом, что и я.

В 1968 году официальные власти островов впервые зарегистрировали, что число «прибывающих» превышает число «отъезжающих». 2133 пассажира покинули Маэ и 2460 прибыли туда, минуя океан. К тому же, как утверждает статистика, на этих островах, где уже тысячи безработных, рождаемость увеличилась на 2,5 процента...

Эмиграция в Кению началась на рубеже XX века, когда англичане всерьез занялись колонизацией восточной Африки. Английские предприниматели отдавали предпочтение сейшельцам при поступлении на работу, так как они в отличие от аборигенов этой страны уже имели некоторое европейское образование. Однако на всем восточном побережье Африки известно, что островитяне не славятся работоспособностью и надежностью, что они ценятся не очень высоко как обслуживающий персонал отелей и ресторанов.

«Важнейшая „отрасль“ Сейшел — это девочки, — заметил один англичанин, узнав, куда я направляюсь. — Когда вы приедете на острова, они будут встречать вас на пирсе длинными рядами, интересуясь, не хотите ли вы иметь спутницу». Об этом говорит и другая деталь: чернокожие проститутки Момбасы объясняли мне, что они надевают парики на свои волосы, вьющиеся мелкими кудряшками, для того, чтобы хоть немного походить на сейшелеанок. Последние редко встречаются теперь в Кении, но всегда оказываются опасными конкурентками в барах и ночных клубах. По-моему, в рассказах о сейшелеанках много преувеличений.

Широко распространенный миф о том, что на Сейшелах на каждого мужчину приходится от двух до десяти девушек, может быть развеян, не прибегая к греху. Данные переписи населения до 1911 года позволяют утверждать, что раньше на островах мужчин было больше, чем женщин. Впервые некоторое преобладание женщин было зарегистрировано в 1921 году. Но и впоследствии оно не превышало уровня 30-х годов, когда в течение нескольких лет в среднем на 1000 мужчин приходилось 1057 женщин, что, возможно, было связано с более высокой продолжительностью жизни женщин.

Легенды о девушках с «Лонг-Пир» возникли давно, еще во времена, когда многие островитяне, так и не сумевшие найти себе работу, вынуждены были иммигрировать.

Когда мы, пассажиры «Кампалы», сходили на берег, перед зданием таможни толпилась масса народу. Многие встречали возвращающихся из Кении родственников и знакомых. Вообще прибытие и отплытие парохода воспринимается здесь как событие настолько важное, что имена всех пассажиров на следующий день публикуются в маленькой официальной газете «Сейшелз Бюллетин». В этот раз на пирсе было много девушек с «нищими» взорами, однако ни один из моих спутников не встретил своей «судьбы» в начале своего путешествия. Может быть, кому-нибудь из моряков «повезло больше», но совершенно очевидно, что в дни прибытия пароходов именно проститутки заполняют гавани.

Правда, туристам-мужчинам, жаждущим любовных приключений на Сейшелах, не приходится долго «томиться»: сейшелеанки не напрасно известны своей общительностью, дружелюбием и гостеприимством. Но в этой любезности и гостеприимстве, порой даже искренних, присутствует некоторый «специфический оттенок».

В самом деле, что делать бедной девушке, если она весела, общительна, но живет в мире, где даже постоянная работа в качестве домашней прислуги, продавца в магазине, официантки в баре или ресторане, уборщицы в одном из немногих туристских отелей дает ей заработок не более нескольких десятков рупий в месяц? Женщина-бармен с гордостью рассказала мне, что ей удалось устроиться необычайно хорошо и у нее высокооплачиваемая работа. Она отвечает за кассу, работает по двенадцать часов в сутки или даже больше... и получает 150 рупий в месяц...

В такой ситуации границы между полупроституцией и естественной, но вынужденной благожелательностью размыты. В результате по всему миру, где в барах и ночных клубах встречаются мужчины, побывавшие на Сейшелах, распространяется слух об этом «рае для холостяков».

В первый день пребывания на Маэ, после ленча в отеле «Бо Валлон Бич», я решил проехать через весь остров в Викторию, чтобы впредь лучше ориентироваться. Набережная пустовала, и было ясно, что множество девушек уже проникло в бары соседнего крупного отеля «Де

Сейшель», где жили почти все вновь прибывшие мужчины.

Вечером я случайно встретился с двумя моими спутниками по пароходу — англичанином из Кении и новозеландцем, направлявшимися на Праслен в надежде заполучить новую площадку для туристских бунгало. Они как раз жили в отеле «Де Сейшель», в бунгало из двух комнат и веранды, и уже подыскали себе двух прелестных и милых девушек. Мужчины намеревались через пару дней забрать девушек с собой на Праслен и доверить им там вести домашнее хозяйство.

Число девиц определенного сорта на самом деле не столь уж велико; его, как правило, преувеличивают. Когда я спросил у одного индийца сколько, по его мнению, на острове проституток, он ответил: «По крайней мере пять тысяч». Мне не хотелось в это верить, но он настаивал: «Ты увидишь, когда сюда через несколько дней придет американский военный корабль „Норфолк” и матросы сойдут на берег. Здесь появятся девицы со всего Маэ, и даже с Праслена и Ла-Дига».

Все пять дней, пока американское военно-морское судно стояло на рейде, я наблюдал за происходящим. На всех танцплощадках и в пивных было множество пьяных. Но девушек было не больше, чем в дни стоянки в порту Виктория японского рыболовного траулера или любого торгового судна.

— Да, — сказал мне один из местных друзей-сейшельцев. — Особой разницы нет. Иначе обстоит дело, когда сюда раз в год прибывает с визитом французский фрегат. Нет других военных моряков, к которым наши девушки были бы так расположены, как к французским, хотя у них обычно и нет денег...

Девушек с чисто коммерческой заинтересованностью он насчитывал максимум полсотни, что вполне совпадало с моими личными наблюдениями. Большинство же просто хотят повеселиться в барах и на танцплощадках и отнюдь не с кем попало.

Но девушкам, жаждущим удовольствий и не имеющим работы, легко скатиться к какой-нибудь из форм проституции. К тому же состоятельных мужчин на островах с каждым годом становится все больше. Сотни американцев служат сейчас на станции слежения, оборудованной на Маэ американским военно-морским фло-

том. Местное население жалуется, что все стало гораздо дороже, а девушки — разборчивей с тех пор, как пришли американцы.

Во всяком случае многие девушки надолго обеспечили свою жизнь благодаря «наблюдателям за спутниками»: ведь порой американцы женятся на сейшелеанках. Я был свидетелем одной свадьбы. Жених перебрался в Гуам и решил узаконить свои отношения с женщиной, матерью двух его детей, чтобы забрать свою семью на новое место жительства. Я не сомневаюсь, что он сделал хороший выбор. Его примеру последовали многие другие: столь привлекательны девушки этого островного мира. Но иногда все заканчивается иначе. Об одном из таких случаев, связанных с американцами, мне рассказали две девушки совершенно по-деловому: «Раньше она была с 60-летним американцем, но Джимми „перекупил” ее...»

Зачастую взаимоотношения на Сейшелах, как и в Вест-Индии, определяются условиями, господствовавшими еще во времена рабства. Подобно тому как рабыня должна подчиняться желаниям своего хозяина, девушка или женщина, работающая у какого-нибудь предпринимателя, едва ли может ответить ему отказом. Иначе она рискует потерять тот незначительный заработок, от которого полностью зависит ее жизнь. В местах, где подобная ситуация традиционна, работающие или безработные девушки вынуждены в любое время выказывать свою любезность каждому более или менее щедрому мужчине. Иногда им даже выгодно оказаться с ребенком на руках. Одна из девушек, работавших в отеле, где я жил, воспитывала сына от англичанина, который вернулся к себе на родину, но оказался настолько совестливым, что регулярно присылал ей большую, по сейшельским понятиям, сумму — 200 рупий на содержание ребенка.

Однако этот случай не типичен. Чужеземцы, случайно способствовавшие увеличению сейшельского населения, чаще всего к моменту рождения ребенка находятся где-то далеко. Кроме того, в этом островном мире нет разумного закона об отцовстве, и, следовательно, невозможно привлекать к суду мужчину, отказавшегося признать себя отцом. Чаще всего матери сами вынуждены отвечать за последствия своих кратковременных связей.

По статистике на Сейшелах 43 процента всех детей рождается вне брака. Но поскольку многие не имеют возможности оформить свой брак, даже если и живут вместе не один год, эту цифру нельзя принимать всерьез. Естественно, брак, с точки зрения закона и церкви, очень престижен и поэтому желателен. Но устроить свадьбу может не каждый. Во-первых, надо платить священнику. Во-вторых, свадьба без пиршества просто невозможна. Необходимо пригласить всю родню, всех друзей и знакомых, нужно нанять музыкантов, выставить на стол в изобилии еду и питье. Правда, напитки на островах дешевы по сравнению с европейскими ценами. Но все же подобные затраты практически недоступны для большинства трудящихся. В результате мужчина и женщина здесь просто съезжаются и сообща ведут хозяйство. Никто, кроме священников, не видит в этом ничего предосудительного. Иногда такая связь выдерживает испытание временем, иногда нет.

Для женщины эта форма сожителства даже выгодна. Она позволяет ей сохранить самостоятельность, которой не всегда обладает законная супруга. В семьях местной аристократии не принято, чтобы жены работали вне дома, и, следовательно, в экономическом отношении они полностью зависят от мужей.

В семьях представителей всех других слоев населения женщины вынуждены работать и дома и вне его. Часто их вклад в семейный бюджет равнозначен вкладу мужчин. В случае, если мужчина начинает утаивать часть зарплаты, возможно из-за появления на стороне другой семьи, которую ему приходится содержать, первая женщина, как правило, бросает его и предпочитает воспитывать своих детей самостоятельно.

Подобное положение существует и в Вест-Индии, где главой семьи также является женщина-мать, и семьи зачастую состоят из пожилой женщины с дочерьми и внуками. Мужчины при этом сменяются*. На Сейшелах, правда, ситуация не столь однозначна. Но совпадения очевидны. Мужчины не боятся здесь вступать в связь

* Об этом я рассказывал в книгах «Острова среди ветров» и «К забытым островам». Интересные данные на этот счет, касающиеся положения на Ямайке, приведены в работе Эдит Кларк «Мать, ставшая мне отцом» (Лондон, 1966) (примеч. авт.).

с женщинами, у которых уже есть дети, и порой даже с готовностью помогают их воспитывать. Не даром на островах распространена пословица: «Если ты покупаешь корову, ты должен купить и рога на ее голове».

В традициях островитянок также забота о детях родственников, по какой-либо причине оставшихся без присмотра. У женщины, с которой я часто встречался, не было собственных детей, но зато она опекала четверых детей своей сестры, находившейся в иммиграции. Сама она не работала, а сестра денег не присылала.

Она сожительствовала с одним американцем, служившим на военной базе. Потом срок его службы истек, и он возвратился в Соединенные Штаты к своей жене и детям. Девушка была в отчаянии: ведь он содержал ее и детей. Но уже через пару дней ее утешил немец из Южной Африки, который был в восторге от того, что в этой стране он не рискует попасть в тюрьму за связь с чернокожей девушкой. На время семья была спасена. А после отъезда немца его место занял англичанин, раньше занимавшийся разведением чая в Индии.

Хотя дети на определенном этапе и усложняют жизнь, вынуждая женщину к проституции, все же нельзя забывать, что в развивающихся странах потомство — это некоторая гарантия спокойной обеспеченной старости. Чем больше мать родила детей, тем тверже она будет стоять на ногах, когда дети начнут зарабатывать сами.

В мелкобуржуазных семьях изо всех сил стараются следить за своими дочерьми, чтобы потом иметь возможность выгодно выдать их замуж. Невинность в этой среде еще и сегодня абсолютно необходима для замужества. К сыновьям требования иные: они должны научиться делать деньги любыми средствами и приносить их в дом.

Глава медицинского департамента Сейшельских островов в отчете за 1964 год жаловался: «В настоящее время сексуальная опытность рассматривается многими матерями как неотъемлемый элемент воспитания мальчиков. Случайные связи в этих условиях поощряются родителями. Когда же сыновья вырастают, матери стремятся оттянуть срок их женитьбы по экономическим причинам: если сын женится, значит он меньше будет приносить в семью, внебрачные же отношения к таким потерям не ведут».

Ваниль

Иными словами: чем дольше сын довольствуется «марш-марш», как остроумно называются на креоло-французском случайные связи, тем лучше с материнской точки зрения.

В рабочей среде редко встретишь девушку в двадцатилетнем возрасте, не имеющую, по крайней мере, одного ребенка. В клинику, регулирующую деторождаемость, созданную международной федерацией планирования деторождаемости в 1965 году в Виктории с филиалом на

Праслене в основном обращаются незамужние молодые женщины. Консультации здесь бесплатные.

С тех пор, как эта клиника стала действовать, рождаемость, кажется, несколько уменьшилась. Но могущественная католическая церковь, по-своему заинтересованная в одиноких матерях, взимая с них плату при крещении и записи детей в особые книги, старается вставлять палки в колеса. Например, во время моего пребывания на Маэ, в одной из небольших газет Виктории был опубликован строгий запрет папы регулировать деторождаемость всеми иными способами, кроме воздержания.

Католическая пропаганда вряд ли может помешать работе по медицинскому просвещению тех, кто больше всего нуждается в нем: молодых женщин, осознавших, что такое воспитывать одного или нескольких детей на ничтожное жалованье. Для них и для многих других дурной шуткой кажется усилие папы «обратить их внимание на такие последствия искусственного контроля над рождаемостью, как снижение ценности моральных понятий, падение уважения мужчины к женщине и риск того, что власти используют его (то есть контроль над рождаемостью) для решения социальных проблем».

Но усилия католиков не остаются бесплодными. В семьях, где жены всерьез прислушиваются к словам священников, обилие детей на многие годы останется еще проблемой номер один. Численность населения неуклонно растет, а следовательно, будет увеличиваться безработица. Последний годовой отчет говорит: «Из-за отсутствия надежной статистики невозможно указать на степень безработицы в колонии. Однако совершенно точно, что в этой колонии масса незанятых в производстве». И это бесспорный факт.

Положение осложняется еще и тем, что возможностей для эмиграции практически не имеется: ворота в Кению закрыты, Англия, по существу, сделала то же самое.

Эмигрировать в Австралию могут лишь «белые» или «почти белые». Часть из них уже отправилась в путь, другие мечтают последовать за ними. Я встретился с одним плантатором — «чистым» французом, очень довольным тем, что его законнорожденные дети живут в Южной Африке.

Для сейшельцев африканского происхождения все пути для эмиграции закрыты. Исключение составляют

Взрослые пластинчатые плоды ванили

лишь молодые женщины, но пути, открытые для них, очень рискованны. Страны, где еще имеется спрос на девушек с Сейшельских островов, — это государства арабского Востока, такие, как Иордания, Ливан, Кувейт, Бахрейн и различные шейхства, расположенные на так называемом «пиратском побережье»*.

* Пиратский берег — юго-восточная часть побережья Персидского залива. До середины XIX века служил убежищем для пиратов (примеч. пер.).

Девушки, эмигрировавшие туда, оказавшись в безвыходном положении, сразу или спустя некоторое время попадают в публичные дома. За год до моего приезда на эти острова еженедельник «Сейшелз Уикли» опубликовал призыв о помощи из столицы Иордании Аммана. Его подписали 48 девушек, попавших в беду в связи с началом военных действий на Ближнем Востоке и не сумевших вовремя выехать оттуда. Сообщалось, что у некоторых из них хозяева даже отобрали паспорта. Чем это закончилось — не знаю. Возможно, кому-нибудь и удалось выбраться. По слухам, некоторые из сейшелеанок работают в отелях и ресторанах Англии и Швейцарии.

Но часть сейшелеанок все же возвращается из арабских стран, например из Бахрейна, где их было особенно много. Некоторые, проработав там три года при официальном ежемесячном заработке в сто рупий, сумели вернуться на родину с сэкономленной тысячей рупий и большим багажом. «Предприимчивым» девушкам действительно порой удается добиться счастья в этих богатых нефтью и долларами маленьких государствах, если они, разумеется, достаточно сильны. Но большинство возвращается без особых сбережений. Я лично знаю двоих, из числа побывавших в Бахрейне. Они так же бедны, как и все остальные.

В настоящее время контора по трудоустройству «Лейбор Оффис» в Виктории следит за тем, чтобы у будущих хозяев девушек по крайней мере была хорошая репутация. Для того, чтобы островитянка получила разрешение на выезд, сейчас недостаточно заверений посредника. Британский консул соответствующего района должен иметь подтверждение, что девушка действительно получит гарантированную работу.

В арабских странах сейшелеанки могут устроиться лишь в качестве домашней прислуги или няньки. Многие из них теперь раздумывают, прежде чем принять окончательное решение, поскольку хорошо знают, что, несмотря на всяческие гарантии, относиться к ним будут очень плохо. С другой стороны, у безработных девушек вряд ли остается выбор, если они знают цену нищете и не хотят стать настоящими проститутками или полупроститутками на своих родных островах.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

К Праслену. Заморские гигантские орехи. Экспорт и истребление. Гордон думал, что нашел... «Древо познания» и его среда

К Праслену, острову, где растут двойные кокосовые орехи, или на местном наречии «коко де мер», я отправился на «Леди Эсм», маленьком суденышке, которое могло причаливать прямо к «Лонг-Пир» рядом со зданием таможни, между лихтерами и моторными лодками, перевозящими груз и пассажиров с пирса к «настоящим» судам, стоящим на рейде. Три раза в неделю по утрам этот «мото-паром» курсирует между портом Викторией, Прасленом и Ла-Дигом и возвращается в послеобеденные часы, наиболее удобные в условиях океана и муссонов.

Когда мы вышли в открытое море, для многих моих спутников — а их было более ста — путешествие стало куда менее приятным: крохотная «Леди» приспособлена лишь для передвижения по рекам и от малейшей волны и даже зыби виляет и качается. Вокруг крытых пассажирских палуб на корме и носу натягивают паруса, чтобы спастись от брызг, но волны проникают сквозь защитную ткань и гуляют по палубе, то мешая, то помогая матросу поддерживать чистоту рядом с теми, кто страдает от морской болезни.

Через пару часов неровного, качающегося и вихляющего хода «Леди Эсм» подошла к Гранд-Анс на Праслене. Маленькие лодки перевезли меня и других пассажиров, которые собирались выйти здесь на берег. Вместе с Давидом Жубером, избранным народным членом правительства Сейшельских островов, я направился в самый дешевый отель, расположенный совсем рядом с Гранд-Анс и полицейским участком.

Конечно, можно было устроиться и по-другому. Недалеко находился китайский ресторанчик, где мы отведали

китайской и креольской кухни. При ресторане имеется небольшая гостиница. Кроме того, на противоположной стороне острова за мысом Сент-Анн расположен современный туристский отель «Пигаль». Но прекрасный песчаный пляж возле отеля меня не очень заинтересовал, да и пугало его отдаленное местоположение. К тому же мой новый друг Жубер обещал в перерывах между делами повозить меня по Праслену и по соседнему с ним острову Кузен, который купила Международная организация охраны природы, чтобы взять под защиту его удивительных птиц.

Но прежде всего меня тянуло посмотреть горы и леса сейшельских пальм, где можно было отыскать и увезти с собой несколько знаменитых двойных кокосовых орехов.

С незапамятных времен эти огромные орехи, «чудо природы», штормами выбрасывало на Малабарский берег Индии, на побережье Цейлона (Шри Ланка), Суматры, Явы и даже на Мальдивские острова. Своей причудливой формой орехи повсюду привлекали к себе внимание. Никто не знал, откуда они появлялись, поэтому о них сложилось множество самых удивительных легенд. Немецкий торговец Георг Эберхард Румпф, он же Румпфиус, который в конце XVII века провел несколько десятилетий в Индонезии и написал ряд объемистых томов по истории природы островного мира, вспоминает, что жители Явы рассказывали о «чудо-орехах», растущих якобы на гигантском подводном дереве, ветви которого поднимались над морской пучиной. На этом дереве — единственном на всем белом свете, свила себе гнездо хищная птица Гаруда, напоминающая знаменитую птицу Рокк. Хищница легко охотилась на слонов, носорогов, тигров и других крупных животных и ими кормила своих птенцов. Вдобавок, дерево росло там, где все морские течения собирались в ужаснейший водоворот, который затягивал все проходящие суда. По этой причине жители Явы боялись заплывать далеко в море. Но иногда рыбакам, попавшим в водоворот и увидевшим дерево, удавалось спастись и избежать когтей птицы Гаруды. Для этого надо было крепко вцепиться в ее оперение. От этих рыбаков и известна история сказочного дерева. А гигантские орехи подтвер-

ждали его существование. Говорили также, что они обладают таинственной способностью двигаться против течения, благодаря чему достигали побережья Явы, и там, где им не мешали скалы, самостоятельно передвигались по песку и прятались в лесах, вдали от берега.

Чудо-орехи якобы обладали и другими удивительными свойствами. Считалось, что в чаше из их скорлупы самый страшный яд теряет свою силу, и поэтому даже вожди, которые боялись, что их отравят, спокойно утоляли жажду из таких чаш. Целебные свойства приписывались и твердой, похожей на слоновую кость, сердцевине. Высушенная и перемолотая вместе с красными кораллами, оленьими рогами, или еще лучше, с рогами носорога, она якобы излечивала любые болезни. Но самым важным чудодейственным свойством орехов считалась их способность избавлять мужчин от импотенции. Древнейшие письменные сведения, которые мне удалось найти об этом, содержатся в описании кругосветного путешествия итальянца Франческо Карлетти (1592—1602 годы). Правда, оригинал этой рукописи бесследно исчез, а набожные монахи, переписывая его, изрядно «отредактировали».

Карлетти рассказывает, что в народе считали двойные кокосовые орехи средством, помогающим при отравлении и высокой температуре. «Очень высоко ценит этот плод население Мальдивских островов и особенно султан, который даже не разрешает вывозить его из страны,— пишет далее автор.— Вот почему этот плод редко можно встретить — а целиком практически никогда. Его вывозят тайно и маленькими кусочками. Сам я купил шесть унций ореха в Гоа и еще немного здесь. Я применял его, и всегда с большим успехом».

Утверждают, что на Мальдивах смертная казнь грозила всякому, кто пытался скрыть орех от султана. В других местах весь судовой груз с радостью меняли на один морской кокосовый орех.

Насколько мне известно, этот орех в то время, когда его впервые завезли в Европу, служил наградой за великие деяния. Голландский адмирал В. Хермансен в 1602 году освободил от португальцев Бантам в западной части Явы. Чтобы выразить победителю свою признательность, султан Бантама подарил ему прекрасный экземпляр ореха. А один австрийский коллекционер природных курьезов за этот «мальдивский кокосовый орех», как

его прозвали голландцы, предложил кайзеру Рудольфу II не более и не менее чем четыре тысячи гульденов, сумасшедшую цену по тем временам.

По сведениям английского ботаника XVII века Паркинсона на Мальдивах считали, что «соломоновы чудо-орехи» привозят с острова Пелло чаще всего случайные люди, а не те, кто специально отправляются за ними. Один султан за другим тщетно снаряжали с Мальдив экспедиции на поиски родины орехов. Первые англичане и французы, посетившие Сейшелы, также, кажется, не понимали, чего они не заметили. И только те, кто в 1768 году сошел с судов «Ла-Диг» и «Курьёз» на побережье островов Праслен и Курьёз, случайно наткнулись на загадку тайны: на леса сейшельской пальмы, где в изобилии росли «мальдивские» чудо-орехи.

Капитан «Ла-Дига» Дюшмен был в таком восторге от этого открытия, что заставил своих людей полностью загрузить судно орехами, и затем в ноябре 1769 года направился к берегам Индии, надеясь совершить самую выгодную в мировой истории сделку. Однако все обернулось вопреки его ожиданиям. Индийцы были разочарованы, узнав, что «морские кокосы» растут не на сказочном дереве. Кроме того, в согласии с законом спроса и предложения, цена на них сразу же катастрофически упала*.

Но думается, что за один раз двойные кокосовые орехи не могли так сильно обесцениться, что их невыгодно было продавать. Представители французской администрации Сейшельских островов неоднократно жаловались, что проходящие мимо английские суда увозили с собой эти орехи с Праслена и Курьёза, а леса кокосовых пальм поджигали. Известно также, что Пьер Пуавр, ведавший сельским хозяйством Маврикия, пришел в восторг, когда ему показали экземпляр сейшельской пальмы, и он тут же захотел приобрести большую партию ее зрелых плодов и развести плантации вокруг важнейших гаваней Маврикия, а также на маленьком острове Тоннелье у рейда Порт-Луи. Но из этой затеи ничего не вышло.

* Часто ошибочно утверждают, что это открытие на острове Праслен сделал Брайе дю Барре, который потом поплыл в Индию, чтобы продать там «морские кокосы» (*примеч. авт.*).

Очарование тайны «соломоновых чудо-орехов» исчезло. Известно, например, что когда в 1806 году на Маврикий была отправлена тысяча орехов, все они пошли на изготовление суповых мисок.

После того, как англичане захватили острова, вновь участились жалобы на колонистов, истреблявших леса сейшельской пальмы. Часто их просто вырубали, чтобы добраться до молодых, зеленых плодов, желеобразное содержимое которых использовали как «лекарство». Ботаник Джон Хорн, шеф ботанического сада Маврикия, в своем объемном отчете 1780 года обращал внимание властей на то, что плантаторы безжалостно истребляют эти удивительные пальмы, и требовал соответствующих мер для их защиты и для охраны прекраснейших ущелий и ложбин, где они растут.

Когда в 1890 году правительство Маврикия по прямому указанию из Лондона решило, наконец, скупить земли на Праслене, произошли события, приковавшие всеобщее внимание к сейшельским пальмам и их гигантским плодам.

За четыре года до гибели под Хартумом, во времена восстания махдистов в Судане, Чарлз Гордон посетил Сейшелы в связи с англо-французским спором о «правах» на Мадагаскар. В его задачу входило выяснить, пригодна ли эта островная группа как бастион против французов в Индийском океане. Впоследствии, обосновывая свое отрицательное отношение к этой идее, он прежде всего ссылаясь на необходимость чрезмерно больших затрат. Но по имеющимся данным известно, что у него были и другие основания для отрицательного ответа.

Гордон, весьма образованный и глубоко религиозный человек, изучая историю и геологию Сейшельских островов, пришел к выводу: это не что иное, как горные вершины затопленного континента. Ведь центральные острова вокруг Маэ состоят главным образом из гранита — явление исключительное для океанических островов. Точнее говоря, он присоединился к распространенной тогда теории о том, что Сейшелы — остатки «сухопутного» моста, некогда соединявшего Африку и Мадагаскар с Индией.

Но фантазия его разыгралась еще больше, когда он приехал на Праслен и увидел долину, заросшую сейшельскими пальмами с двойными кокосовыми орехами. А может быть, это сад Эдема, и удивительная пальма — знаменитое «древо познания»? А причудливая форма орехов — разве она не наводит на размышления о запретном плоде?..

Чем больше Гордон раздумывал над этим, тем больше убеждался в своей правоте. В Библии он не смог найти доказательств того, что всемирный потоп погубил сад Эдема. Следовательно, можно предположить, что он уцелел и располагался именно на такой старой докембрийской вершине, как Праслен. А кроме того, ему было известно, что в одном из индийских храмов в Бенаресе имелся «источник познания», и воду из него черпают чашей, изготовленной из скорлупы двойного кокосового ореха.

Одновременно он убедил себя, будто нашел в тексте Библии доказательства того, что рай находился в Индийском океане, причем примерно там, где расположены Сейшельские острова. Свои идеи набожный генерал изложил в небольшом труде, где, говоря о грехопадении, он констатировал: «Если любопытство и могло быть возбуждено каким-то деревом, так только этим». И далее он пишет, что причиной тому служит форма ореха, «которая пробуждает жажду легкомысленных наслаждений».

Этот труд Гордона никогда не был напечатан. Вероятно, уже тогда его считали чересчур «эксцентричным». Но тем не менее вокруг него разгорелись шумные дебаты. На Маврикии один серьезный господин по имени Мурат в порядке возражения заявил, что пальмы с двойными кокосовыми орехами достигают тридцатиметровой высоты, и Ева едва ли могла забраться на такую высоту. Ореховая скорлупа слишком твердая, и никто не сломал бы ее голыми руками, да и сок этих двойных кокосовых орехов безвкусен и пресен, а значит не мог быть соблазном.

Лишь после смерти Гордона к его работе стали проявлять серьезный интерес. Оригинал диссертации о садах Эдема хранится в «Гордон Колледж» под Лондоном, а в государственном архиве Сейшел находится копия, которая до сих пор пользуется огромным успехом у читателей. Прежде чем отправиться на Праслен, я тщательно

изучил ее, чтобы потом получше разглядеть «место грехопадения» и чудо-орехи. Их я увидел вскоре после прибытия на Праслен. Целая куча орехов громоздилась там, где автобусная дорога от Гранд-Анс проходила мимо Валлэ-де-Мэй.

К знаменитой долине пальм я ехал в обществе Варда — брата Давида Жубера, в попутном полицейском лэндровере. По бокам дорожки, ведущей к самой долине, росли молодые экземпляры сейшельской пальмы (*Lodoicea maldivica*)* между странными, похожими на чаши, ямами в земле — ярким доказательством гибели взрослых пальм.

Диаметр этих ям — от полуметра до метра (в зависимости от величины погибшего дерева), глубина — примерно полметра. Изнутри ямы устланы сплетением из целлюлозных нитей, когда-то укрывавших подножия деревьев. Разорвать его невозможно, до тех пор пока не сгниют пни и корни, несмотря на то, что сплетение прорвано корнями, пробивавшимися сквозь него в землю.

Молодые пальмы напоминают взрослые деревья своими гигантскими листьями, растущими, кажется, из самой земли. Вообще для сейшельской пальмы характерны именно гигантские размеры листьев: их черенки достигают нескольких метров, а сами они, веерообразные и остроконечные, в диаметре достигают не менее двух метров.

По обочинам дороги имеются и другие растения, характерные лишь для Сейшельских островов: маленькое, похожее на молодую пальму куркулиго (*Curculigo seychellensis*), достигающее десятков метров высоты дерево дилления (*Dillenia ferruginea*), величественные декании (*Deckenia nobilis*) и другие.

По мере приближения к долине растительность становится все обильнее, а выше — крутые голые скалы. Сама долина, прорезанная ручьем с довольно чистой водой, буквально заросла диким лесом, состоящим из пальм и

* В 1791 году немецкий натуралист Гмелин дал сейшельским пальмам название *Lodoicea maldivica*. Более поздние попытки переименовать этот вид в *L. Seychellagum* не были успешными. Ботаники и зоологи всего мира подчиняются международному «правилу приоритета», требующему сохранять старые названия, даже если они звучат глупо и смешно (*примеч. авт.*).

других деревьев всевозможных размеров. Почва здесь в основном красноватая, характерная для тропических лесов.

Кроме тех растений, которые я уже перечислил, особое внимание обращают на себя странные деревья с длинными, похожими на ходули, корнями, из-за чего некоторые из них кажутся выходцами из какого-нибудь научно-фантастического рассказа или народного предания о блуждающих растениях. Они относятся к роду панданусов (*Pandanus*). На Сейшельских островах имеются три местных вида панданусов.

Но наиболее сильное впечатление производит сама сейшельская пальма, старейшие и крупнейшие экземпляры которой (а им приписывают возраст до 800 лет) достигают высоты более тридцати метров, доминируя над всей окружающей растительностью. И самое удивительное то, что на ней видишь либо только мужские, либо только женские соцветия. В растительном мире не так уж необычно явление, когда вид имеет две категории особей — мужские и женские. И в том, что именно мужские экземпляры вдохновили фантазию Гордона, сомневаться не приходится.

Красноватые мужские початки имеют колосовидно-цилиндрическую форму толщиной с руку и длиной до трех метров. Эти так называемые *баба* усеяны маленькими цветочками. Опыление происходит с помощью насекомых. Орехи валяются повсюду. На деревьях они покрыты зеленой оболочкой. Орехи сейшельской пальмы достигают в среднем пятнадцати килограммов. Для их созревания на материнском дереве требуется целых семь лет. Когда они становятся «взрослыми» и готовы упасть, должно пройти еще шесть месяцев, чтобы оболочка сгнила, после чего орех начинает прорастать. Только тогда, появляясь из самого «чрева» между двумя его половинками, «росток», толщиной с большой палец, устремляется в землю.

Если орех попадает не на горную породу, побег прорастает примерно на глубину в полметра. Иначе он пойдет вбок и глубже, пока не найдет место, где сможет пустить корни. Там эмбрион разовьется в основной, вертикальный корень и боковые корни, а вверх пойдет будущий ствол, который после восемнадцатимесячного созревания прорвется сквозь землю на свежий воздух и

устремится ввысь, ежегодно прибавляя по одному-единственному листу.

Можно легко проследить все стадии ее развития, проезжая по дороге, вьющейся вверх и вниз по холмам через Валлэ-де-Мэй, и по ее ответвлениям, легко сбивающимся с пути каждого, у кого нет проводника, прекрасно знающего местность. Но и здесь нелегко наблюдать за эмбриональным развитием этого растения, как нелегко собирать «двойные кокосовые орехи» с дерева или на земле.

С 1948 года долина объявлена заповедником: в этом году власти купили ее, чтобы защитить примерно 4000 сейшельских пальм, которые растут только в этом районе. Но сейчас это не единственный резерват, созданный ради сейшельской пальмы. На Праслене есть еще два: фонд Фердинанда и Анс-Мария-Луиза. Кроме того, сейшельские пальмы растут на Праслене, на Курьёзе и еще на третьем острове — Раунд-Айленде, но лишь в частных владениях. Леса на этих островах в таком плачевном состоянии, что только незарастающие ямы свидетельствуют о том, как они выглядели раньше.

Сейчас нет опасности полного уничтожения лесов. В последние десятилетия не только поставили под охрану определенные естественные скопления сейшельской растительности, но и сделали новые насаждения в местах, где она произрастала раньше. Конечно, эти посадки — на будущее: пальма зацветает лишь в тридцатилетнем возрасте. Но вполне возможно, что труд этот вознаградится сторицей, когда увеличится спрос на сувениры и другие изделия из плодов и листьев сейшельской пальмы.

Ее гигантские листья, как и листья пальмы из рода латании (*Latania*), используются для крыш и стен небольших домов и лачуг. Из молодых, еще не развившихся листьев, делают шляпы и корзины, а из орехов — оригинальные вазы для фруктов, очень популярные среди иностранцев, посещающих острова.

В Порт-Луи на Маврикии я видел, как на рынках рис и сахар, пряности и многое другое насыпают ковшиками из «морского кокоса». На всех сейшельских островах из них делают черпаки для пирога и других лодок. Скорлупа этих орехов твердая и прочная, поэтому орудия труда, выполненные из нее, славятся своей долговечностью.

Экспорт орехов, начатый еще двести лет назад французом Дюшменом, продолжается и сейчас. Ежегодно их

Сейшельская пальма во время цветения

вывозят в Италию, Сингапур и Гонконг. Этим занимаются прежде всего китайские торговцы с Праслена. Покупают их в основном в «лечебных» целях, хотя прасленские китайцы, смеясь, отрицают, что у себя на родине они используются как «подбадривающее» средство для «усталых» мужчин.

В лесах валяются и пустые орехи. Они лежат много лет, не прорастая, до тех пор пока не треснут, и их содер-

жимое не испарится. Они совсем дешевые, китайцы их не берут, но и они хороши как сувениры. Удлиненные и «худощавые», широкие и «пухлые», целомудренные и манящие, они продаются «на память о Валле-де-Мэй» в конторе лесничества. Я сам купил несколько, за что получил один маленький, но зато полный орех.

Хотя сейшельские пальмы встречаются в разных местах, больше всего их именно в Валле-де-Мэй. Это единственный заповедник, куда предусмотрены экскурсии. В глубине долины, на холме с прекрасным видом, есть хижина для отдыха с крышей из листьев латании.

Пока мы с Вардом Жубером добирались туда, я не сразу заметил, насколько безжизненно тихо в лесу. И ветер шелестел листьями пальм, и журчал ручей, и, конечно, слышно было как шлепаются о землю двойные кокосовые орехи... Я был так поглощен созерцанием экзотической растительности, что не сразу сообразил: в лесу совсем не слышно птичьего пения. Ни одной птицы!

Не видно было даже знаменитых черных прасленских попугаев (*Coracopsis nigra barklyi*). Говорят, они нередко появляются в Валле-де-Мэй. Правда, в настоящее время в живых осталось всего несколько десятков этих птиц. Возможно, причина заключалась в том, что был полдень. Примерно пятнадцать лет назад, как и мне, не повезло ботанику Антону Сёрлину. В своей книге «Острова муссонов» он писал, между прочим, об удивительной тишине лесов сейшельской пальмы. Это было для меня слабым, но все же утешением.

Несмотря на буйное цветение и обилие плодов, которые некогда производили такое сильное впечатление на Гордона, у меня не появилось чувства, что я нахожусь в раю. Огромные пальмы и другие удивительные деревья скорее вызвали ощущение глубокой древности, будто ты перенесен во времена, когда ни птиц, ни млекопитающих не было еще и в помине.

Единственно, кто нарушал это ощущение, был зверек, внезапно появившийся на тропинке у хижины. Существо, похожее на ежа, прошмыгнуло между двумя побегими ананаса и исчезло. Это был «тенрек» — насекомоядное, попавшее сюда с Мадагаскара через Маврикий. Его я затем часто встречал и в других местах на Сейшелах, где к приходу первых людей не было никаких сухопутных млекопитающих.

Кузен — остров птиц. Приостановленное, но продолжающееся варварство. Сипуха и другие хищные птицы. Судьба трех попугаев. Еще о местных и чужеземных птицах. Два ткачика и некоторые другие. Еще об аттракционах на Кузене

Я и еще один английский путешественник, член лондонского «Общества охраны природы», отправились в сопровождении Давида Жубера на остров Кузен — первый птичий заповедник на Сейшелах. Мы плыли на той же моторной лодке, которая в свое время высадила нас на Праслене. Я стоял на носу и наслаждался видом моря и берегов. Мы миновали узкие проходы между коралловыми рифами и вышли в открытое море, направляясь к заповедному острову, площадь которого — 27 гектаров.

Когда, приближаясь к острову, мы вошли в маленькую гавань, со всех сторон окруженную рифами, среди больших стай морских птиц, до сих пор спокойно занимавшихся ловлей рыбы, начался переполох. Одновременно с вершин казуарин (*Casuarina equisetifolia*) — деревьев, похожих на сосны и растущих на некотором расстоянии от берега, поднялось множество птиц и направилось в нашу сторону. Вскоре мы оказались окруженными многотысячным крылатым «комитетом по приему гостей», состоящим из ослепительно белых чаек и коричнево-серых, но белолобых, крупных и мелких глупых крачек, буквально заполонивших лодку, словно собираясь инспектировать ее и нас.

На таком «приеме» я еще никогда не бывал. Движущей силой чаек, наверное, было простое любопытство, поскольку они никоим образом не показывали нам своей неприязни, а получать корм в подобных ситуациях они вряд ли привыкли. Позднее я узнал, что для здешних птиц такое поведение вполне естественно.

После того, как мы остановились на некотором расстоянии от песчаного берега, нас обнаружили и другие обитатели острова Кузен: между казуаринами появилось несколько человек — мужчин. Они спустили на воду пирогу и помогли нам высадиться на остров. Здесь жили смотритель заповедника и несколько рабочих с семьями. Они охраняли островные кокосовые орехи и птичьи гнезда.

Растительность на этой стороне острова довольно однообразна: лишь окруженная узким поясом из казуарин (этот вид пальмы широко распространен от Индонезии до Мадагаскара) кокосовая плантация, основанная в конце XIX — начале XX века. Предполагается, что пока она будет находиться в ведении Международной организации, поскольку деньги, получаемые от продажи ее плодов, идут на содержание заповедника и небольшой биологической станции, которую здесь вскоре собираются открыть.

На этой же стороне острова размещаются полуразвалившееся жилище бывшего плантатора, жилые дома рабочих и помещения, где расщепляют кокосовые орехи и сушат копру. Но это не мешает воспринимать Кузен как истинное царство птиц.

Повсюду на ветвях казуарины, кокосовых пальм, кустарников замечаешь гнезда глупых крачек особых видов, характерных лишь для островов Индийского океана. Самки сидят в своих гнездах, примостившихся даже на кончиках мелких веточек. Хотя в каждом гнезде бывает лишь по одному яйцу, крачки так заботливы и преданны, что не взлетают, даже когда к ним подходят совсем близко. На Кузене гнездятся 15 тысяч пар морских крачек и примерно столько же пар глупых крачек двух видов: крупная, характерная как для Индийского, так и Тихого океанов, и мелкая — вид, встречающийся лишь на нескольких островах западной части Индийского океана.

Плантация еще и сегодня окружена с обеих сторон примерно девятью гектарами неводеланной земли, где сохранилась нетронутая природа. На юго-западе с противоположной стороны от застроек высится двадцатиметровая гранитная гора. Ее подножие и отдельные участки склонов заросли лесом и кустарником. Поблизости от горы — болото. Крокодилов здесь, правда, давно истре-

били, но в остальном животный мир и растительность сохранились, пожалуй, в прежнем состоянии.

С гранитного утеса открывается прекрасный вид на море и острова, в том числе на ближайший остров — Кузина. В одном месте, у отвесно обрывающейся скалы, расположена небольшая равнина. Здесь живут белохвостые фазтоны (*Phaëthon lepturus*) и другие морские птицы, занимающиеся своим обычным делом — полетами в потоках разогретого воздуха. На острове Кузина тропические птицы обычно гнездятся в дуплах деревьев или между скал и питаются улитками, каракатицами и мелкой рыбой.

В расселинах скал и на горных равнинах живут буревестники. Это тихоокеанские буревестники из вида *Puffinus pacificus*, которые, благодаря заповедности острова, спасены от варварского истребления. Каждый год в период гнездования, начиная с октября, за определенную пошлину охотники получали право на отлов тысячи птенцов. Они подрастают и становятся почти такими же жирными, как взрослые птицы, но не умеют еще хорошо летать, и их вытаскивают прямо из гнезд. Орудия для ловли птиц здесь такие же, как и в других частях света, где охотятся за молодняком буревестника: палки с острым крючком на конце. В засоленном виде их мясо считается деликатесом, и его можно выгодно продать.

В книге «Острова среди ветров» я уже рассказывал о подобном хищническом отлове другого вида трубконосых — черноголовой (*Pterodroma hasitata*) — на Гваделупе в Вест-Индии, где он был истреблен уже в XIX веке. Сейшельские трубконосые тоже были на пути к полному истреблению. Говорят, что только на острове Кузен официально позволялось отлавливать каждые восемь птенцов из десяти. Правда, сейчас предписанием об охране птиц от 1966 года отлов на определенных островах ограничен несколькими месяцами в году (январь—март), когда период гнездования в основном окончен, на других же островах отлов вообще запрещен. Но подобного рода предписания трудно выполнять в мире, где жизненный уровень большинства людей крайне низок. Настало время объявить хотя бы трубконосых заповедными, а между тем и другие морские птицы свободно смогут откладывать свои яйца, не боясь «двуногих хищников».

Говорят, что в старые времена ежегодно на острове

Кузен собирали тысячи яиц крачек для продажи на Маэ. Подобный сбор проводится еще и сегодня на других островах, особенно когда дует юго-восточный муссон и трудно ловить рыбу. Яйца продают всего по несколько центов за штуку; считается, что они в какой-то степени обеспечивают население белком.

На некоторых островах собирают яйца глупых крачек, но больше для этой цели используются яйца крачек, представленных в Индийском океане видом *Sterna fuscata nubilosa*. Они примерно в два раза меньше куриных и очень хороши на вкус.

Начиная с 20-х годов Сейшелы бочками экспортировали белок из птичьих яиц в засоленном или законсервированном виде. Для консервирования используется борная кислота. Прежде всего белок птичьих яиц отправляли во Францию, где его использовали при изготовлении кондитерских изделий.

После второй мировой войны экспорт этого белка постепенно сошел на нет, но местная торговля свежими птичьими яйцами продолжается, хотя и с известными ограничениями. Коммерческий массовый сбор яиц начиная с 30-х годов был разрешен лишь в определенное время года и на определенных островах, прежде всего на Амирантских островах. Но несмотря на ограничения, налоговая пошлина и в наше время смехотворно низка, поэтому на Дезнёфе (крупнейшей в мире птичьей колонии на Амирантах) сейчас насчитывается около миллиона с четвертью подобных птиц, в то время как в 1930 году их было не менее пяти миллионов.

Сбор яиц осуществлялся настолько эффективно, насколько это было возможно. Дельцы из Виктории, эксплуатирующие птичьи колонии и другие природные богатства островов, известны своим варварством и решительно не желают прислушиваться к любым предписаниям. Имеются свидетельства, что они не принимают во внимание даже постановления об ограничении сбора яиц.

Очевидно, что в создавшейся обстановке необходимо на многие годы объявить все птичьи острова Сейшел и расположенные вокруг них островные группы заповедными, чтобы колонии крачек вновь обрели нормальные размеры.

Сейчас на острове Кузен совсем не осталось крачек. Правда, глупые крачки чувствуют себя там уверенно. Хотя яйца жирных крачек рода *Sterna*, небольшие по величине, уже не собираются людьми в больших количествах, этим птицам приходится остерегаться другого опасного врага. Вовсе не крыс и не одичавших кошек и даже не диких свиней, которые в свое время уничтожали птиц и растительность, но и сами были истреблены в 60-х годах.

Речь идет о сове-сипухе (*Tyto alba affinis*), которая была завезена сюда из Восточной Африки в конце 40-х годов по предложению одного орнитолога, знавшего, что многие острова страдают от крыс. Сипухи же известны главным образом как истребители грызунов. Департамент сельского хозяйства архипелага принял предложение этого орнитолога и в 1951—1952 годах выпустил этих сов на Маэ. Вскоре были получены доказательства тому, как трудно предвидеть поведение животных в новой для них среде.

Сипухи на всех островах, покрытых лесами, стали нападать и на огромные колонии крачек в период кладки яиц. Одновременно возникло сомнение в том, что новоселы вообще приносят какую-нибудь пользу. Ущерб, наносимый крысами, казалось, оставался прежним, несмотря на то, что колония сипух быстро увеличивалась, заселяя все новые острова. Между тем число крачек периодически уменьшалось то на одном, то на другом острове. И уже в начале 60-х годов на Маэ они были практически истреблены.

Может быть, совы, последовав закону наименьшего сопротивления, переменили «специализацию»? Наглядные доказательства этому были приведены участниками экспедиции Бристольского университета, посетившей Сейшелы и острова Альдабра в 1964—1965 годах. Орнитологи экспедиции собрали совиные погадки, которые совы впоследствии опять заглатывают. В них были обнаружены кости, пух, перья и другие, еще не переваренные остатки их жертв. Таким образом стало очевидно, что сипухи действительно забыли о крысах, обнаружив отличную еду в колониях крачек. Именно за счет этого они так быстро размножились.

Раньше охота на сипух была запрещена. В 1966 году их отлов и отстрел был не только разрешен, но за это

охотникам выплачивалось даже определенное вознаграждение в надежде таким образом избавиться от сов. Действительно, на острове Кузен с ними в основном разделились еще при последней владелице плантации мадам Франсе Жумо. Но иногда в ночное время они залетают сюда с острова Праслен. Расстояние между этими островами невелико: всего 3,2 километра. Когда мы с моими спутниками объезжали Кузен, то на дорожках заповедного острова находили останки крачек, на которых по ночам охотились совы-сипухи.

Совсем иной была судьба единственной совы местного происхождения — сейшельской совки (*Otus insularis*), некогда обитавшей на многих островах. Из-за отсутствия каких-либо данных о ней, орнитологи решили, что она вымерла много лет тому назад; в 1959 году англичанин Крук, изучая жизнь птиц, обнаружил, что «некролог» по этому виду сов написан слишком рано. Сейчас известно, что они живут в малонаселенных горах, по крайней мере в трех местах внутренней части Маэ. Но никто еще не может точно определить, сколько их, чем они питаются, где устраивают свои гнезда.

Возможно, они, подобно совкам Евразии, питаются в основном крупными насекомыми, и причиной их вымирания стало уничтожение в лесах крупных деревьев вместе с обитавшими на них жуками и другими насекомыми. Ведь они выжили именно в труднодоступных горных местах, где еще оставались девственные леса. Можно предположить, что совки этого вида сохранились в глухих уголках тех островов, куда пока еще никто не добирался. Поскольку они держатся, как правило, вдали от построек, все эти предположения вполне вероятны.

И наоборот, число единственных для этой островной группы дневных хищников, маленьких сейшельских соколов (*Falko araea*), видимо, завывшалось именно потому, что они охотно залетают в селения. Иногда они селятся даже на церковных башнях и на крышах других высоких построек Виктории, но основное место их гнездования — горные склоны. По мнению крупнейшего орнитолога Сейшел Филиппа Лусто-Лаланна, соколы этого вида встречаются на многих гранитных островах, но в небольшом количестве, хотя там достаточно пищи для них. Питаются они в основном ящерицами и ловят их, внезапно набрасываясь сверху.

Малочисленность сейшельских соколов объясняется отсутствием у них инстинкта держаться подальше от человека, приносившего много несчастий обитателям птичьих островов. К соколу можно подходить совсем близко, на расстояние пяти метров, и он не улетит, становясь легкой добычей для мальчишек, вооруженных стрелами, и для ребят более старшего возраста, охотящихся за птенцами. Кроме этого, орнитологи Бристольской экспедиции считают, что соколам угрожают и сипухи, сгоняющие их с удобных для гнездования и отдыха мест.

Черного васа-попугая (*Coracopsis nigra barklyi*), которого я так и не встретил на Праслене, мне все-таки удалось увидеть в ботаническом саду Департамента сельского хозяйства недалеко от Виктории. Там имеется коллекция птиц и разных животных, среди которых я особое внимание обратил на пару сейшельских соколов, нескольких сейшельских горлиц и двух «като-нуар» — попугаев с острова Праслен. Положение последних так печально, что невольно начинаешь сомневаться, есть ли смысл содержать их в заточении.

Однако один из пленных попугаев, сам того не подозревая, оказал добрую услугу для собственного вида, выступив в роли «героя рекламы», что привлекло на Сейшельские острова новых туристов-орнитологов. Несколько лет тому назад в Виктории индийский торговец Кантлал Шиван Шах, среди друзей называемый просто Канти, сделал снимок птицы. Он был напечатан на пятицентовой почтовой марке, циркулирующей по свету среди филателистов, собирающих мотивы с птицами. Канти сделал также «максимальную открытку», то есть видовую почтовую открытку со снимком, который дан на почтовой марке к ней, и со штампом дня выпуска. Он был весьма любезен, разрешив мне использовать такую открытку в качестве иллюстрации к книге.

Темно-пепельно-коричневый попугай «като-нуар» имеет сородичей на Мадагаскаре и относится к тем птицам, которые истреблены человеком. Уничтожив леса на Праслене, попугаев лишили деревьев, где они вили гнезда. Многие экземпляры этого вида были истреблены еще раньше, а некоторые и сегодня попадают в сети для ловли голубей.

Черный попугай с острова Праслен

Самим же птицам пищи вполне хватает. Они питаются ягодами, плодами кустов гуайявы (*Psidium guajava*) и другими плодами. Родина гуайявы — тропики Америки, но здесь, как и во многих других частях света, она была разведена потому, что из ее плодов получается прекрасное желе. Сейчас можно встретить целые заросли одичавшей гуайявы.

Однако, хотя пищи для прасленского васа-попугая и достаточно, все же трудно предположить, что вся их колония превышает 30—50 экземпляров. В то же время об их жизни известно немного: лишь то, что гнездами для

них служат дупла в сгнивших пальмовых стволах, что самка откладывает минимум два яйца и что родители кормят своих птенцов. Сейчас маленькому роду попугаев пытаются помочь. В Валле-де-Мэй развешены «скворечники» из продолговатых кусков полусгнивших сейшельских пальм на высоте примерно семь метров над землей и в стороне от дорожек для прогулок. Но и сегодня, когда я пишу эти строки, неизвестно, чем кончилась эта затея.

Зеленый попугай, некогда, как утверждают, встречавшийся на Маэ и Силуэте, исчез неизвестно куда. Речь идет о сейшельском ожереловом попугае параките (*Psittacula eupatria wardi*), ближайшие родственники которого живут в Индии. В 1870 году несколько чучел этого вида было отправлено в Кэмбридж. Уже тогда он находился под угрозой исчезновения. В книге Бредли «История Сейшел» говорится, что зеленых попугаев истребили «примерно в 1867 году из-за ущерба, наносимого ими урожаю маиса». Французский комендант Малавуа в документе, датированном 1787 годом, говорит, что эти «попугаи (уже тогда завезенные из Африки)... наносят большой ущерб урожаю».

Взамен исчезнувшего на Маэ появился новый вид зеленых попугаев — карликовый попугай *Agapornis cana*. Никто не знает как он попал на остров. Может быть, даже был завезен в клетке. Впервые его заметили члены одной океанографической экспедиции в 1906 году, во время посещения Сейшельских островов. Тогда орнитолог Николл писал, что таких маленьких попугайчиков он встречал на Мадагаскаре и Коморских островах, не упоминая, что видел их на Маэ. Это дает основание полагать, что птицы эти были выпущены или просто «сбежали» с экспедиционного судна «Валгалла». Стаи, состоящие примерно из пятидесяти карликовых попугаев, часто можно наблюдать, когда они ищут себе корм в диких травах на западной стороне острова.

В начале колонизации Сейшел было в общей сложности шестнадцать эндемичных видов или подвидов сухопутных птиц. Кроме зеленого сейшельского ожерелового попугая с тех пор вымерла еще одна птица. Она относилась к семейству белоглазковых, названных так потому, что вокруг глаз у них имеются кольца из маленьких мяг-

ких, белых перышек. В 1867 году по экземпляру с острова Марианна, находящегося к югу от Ла-Дига, «ле серин» (местное название этой птицы) стал известен как *Zosterops semiflava*. Еще ее первооткрыватель Эдвард Ньютон считал, что эта птица под угрозой уничтожения. Владелец острова, некий монсеньер Шоппи, сказал ему о своем намерении вырубить лес и на его месте развести плантацию кокосовых пальм. И его не остановило предостережение Ньютона о возможных последствиях для птиц подобного вмешательства в судьбу природы. Сегодня остров Марианна представляет собой кокосовую плантацию, кишашую крысами, и практически не представляет интереса для натуралистов.

Близкий сородич этой жертвы цивилизации, обитатель острова Маэ «уазо-банан» (*Zosterops modesta*) тоже считался вымершим, но лишь до тех пор, пока различным орнитологам в последние годы не удалось обнаружить небольшие стайки белоглазковых в горных лесах острова. О том, как они выводят птенцов, ничего не известно, но зато видели, что они питаются мелкими насекомыми и нектаром. С той поры, как было принято решение о передаче лесных массивов острова Маэ под заповедник, их существованию ничто не угрожает. Положение по крайней мере двух видов белоглазковых на других островах значительно трагичнее.

Некогда на Сейшелах жила сорочья славка (*Copsychus sechellarum*), из семейства дроздов многих гранитных островов. Она была известна исключительно красотой пения. Однако уже в 1867 году Ньютон сообщал, что на Маэ она совсем недавно вымерла, а на Праслене она встречается все реже и реже. На Марианне ему удалось отловить несколько таких дроздов для музея.

Впоследствии сорочьи славки разделили судьбу белоглазковых. Своих птенцов сорочьи славки выводят в кокосовых пальмах, и, возможно, виновницами их вымирания являются крысы, которые в поисках орехов добираются до верхушек пальм, уничтожая яйца и птенцов. На острове Фрегат крыс нет, поэтому эти птицы живут здесь до настоящего времени. Крук в 1959 году смог насчитать до десяти пар сорочьих славков, и позднее посетившие остров орнитологи подтвердили его подсчеты.

Но на Фрегате сорочьих славков подстерегает другая опасность: кошки, разведенные здесь в последнее время

и весьма успешно охотящиеся как за птенцами, так и за взрослыми птицами. У сорочьих славок слабо развит инстинкт самосохранения, и они часто становятся жертвами кошек, так как питаются мелкими насекомыми, которых, как правило, ищут на земле. Одновременно у птиц появился новый враг: «мадам Патон» — афроазиатская египетская цапля (*Bibulcus ibis*). На Фрегате в 1965 году их насчитывалось около сотни. Кроме насекомых и ящериц, они охотно питаются птенцами небольших птиц.

Египетская цапля встречается также на Маэ и Праслене. Нередко ее можно встретить на свалках и рынках Виктории, где ей перепадает кое-что из съестного. Здесь, на Сейшелах, «мадам Патон» выполняет роль «чистильщика», как, впрочем, и в Африке, где она сопровождает дикий крупный рогатый скот саванн. Но на Амирантах, особенно на птичьем острове Дезнёф, у нее дурная слава похитительницы яиц и птенцов. Если она появится на острове Фрегат, сорочьим славкам вряд ли удастся избежать гибели, и их вид займет третье место в списке вымерших птиц на Сейшельских островах. На четвертом месте может оказаться эндемичная райская, или длиннохвостая, мухоловка (*Terpsiphone corvina*) с острова Ла-Диг — чрезвычайно красивая птица, которую местное население называет «вдовой».

Мухоловок осталось не более двадцати, но найти их не трудно. Я видел трех или четырех мухоловок на Ла-Диге, у берега в кустарнике. Считают, что эта птица предсказывает сырую погоду. В самом деле, она наиболее активна, когда температура воздуха понижается. Да и выводить потомство она начинает в октябре, перед тем, как северо-западный муссон приносит сюда бесконечные дожди. У самки черно-синяя головка и шейка того же цвета, спинка, крылья и хвост — коричневые, брюшко — белое, и от него по плечам и вдоль спинки тянется белая полоса. Самец — целиком черно-синий. У него длинное оперение на хвосте, что подчеркивает сходство с траурным нарядом, и можно предположить, что именно поэтому мухоловок называют «вдовами».

В XIX веке этот вид мухоловок встречался на многих островах. В 1892 году один орнитолог смог «собрать» их для музея на Марианне, где сейчас они полностью исчезли. На Праслене мухоловки вымерли к 1906 году, на Фелисите в конце 30-х годов, а на Ла-Диге последним

представителям их маленького рода угрожают кошки и крысы, мальчишки, разоряющие их гнезда, ящерицы, лазающие по деревьям и питающиеся их яйцами.

В последние годы здесь пытаются объяснить школьникам, сколь уникальна и интересна эта птица, поэтому шансы на выживаемость этого вида несколько увеличились. Но если бы несколько экземпляров мухоловок были перевезены на остров Кузен, жизнь их была бы куда безопасней, чем на Ла-Диге. Дроздам тоже следовало бы перекочевать на Кузен, поскольку на Фрегате им грозит вымирание. Правда, на Кузене их ждет конкуренция с другой уникальной птицей этого острова: маленькой певчей птицей *Bebrornis*, или *Nesillas seychellensis*.

Этих маленьких островных дроздов в XX веке также отлавливали на Марианне, где они и получили первое научное описание. Но нет никаких данных, что они известны на других островах, кроме Марианны и Кузена. На Кузене, например, я сам слышал их в кустах под горой. В 1968 году их насчитывалось не более 42 экземпляров. Считается, что там они живут совершенно безопасно вместе с другими птицами, среди которых есть еще несколько эндемичных для Сейшельских островов. Птица-солнце, или нектарница (*Nectarinia dussumieri*), миниатюрная, летающая обычно над цветами, птичка. Покреоло-французски, как, впрочем, в Вест-Индии и в тропической Америке, ее называют колибри. Правда, она не относится к числу тех птиц, которым грозит вымирание. Это крохотная красивая птичка с вытянутым, острым, загнутым клювом, сине-серой с металлическим блеском шейкой, коричнево-серой спинкой и такими же крыльями, более светлой грудкой, на которой с каждой стороны по одному оранжево-желтому пятну. Их она демонстрирует во время тока. Колонии нектарниц весьма многочисленны в ряде лесных массивов на Сейшелах.

Особого внимания и охраны заслуживают две другие птицы этого островного мира. Одна из них — горлица (*Streptopelia picturata rostrata*) с винно-красной головкой. На всех более или менее крупных островах этот эндемичный подвид уже исчез, смешавшись с другим подвидом, более крупным серо-синим голубем (*S. p. picturata*), завезенным с Мадагаскара. Большинство голубей здесь смешанной породы, чаще всего напоминающей завезенные виды, а не местные. Лишь у птиц, живущих на

острове Кузен и еще на одном-двух малых островах, среди равнинных кокосовых пальм и в кустарниках, преобладают еще наследственные качества эндемичного голубя. На Кузене в будущем биологи надеются восстановить вид чисто сейшельской горлицы.

На Кузене нет другого эндемичного для островной группы голубя *Alectroenas pulcherrima*, синеватого, с всклокоченной красной головкой и неоперенной кожей у глаз, который принадлежал вымершему уже после 1830 года на Маврикии роду *A. nitidissima*. Его погубило отсутствие инстинкта самосохранения, что свойственно почти всем островным птицам. Аналогичной была и судьба рольного голубя Сейшельских островов. В 1787 году Малавуа утверждал, что и горлиц и рольных голубей буквально «можно ловить голыми руками».

Однако голубь из рода *A. nitidissima* довольно хорошо сохранился на многих более крупных островах, несмотря на десятилетия варварских отстрелов и на силки, в которые они и сейчас то и дело попадают, хотя охота на них уже запрещена. Относительно безопасно и положение четвертого голубя Сейшел — нарядного юго-восточного азиатского карликового поющего голубя (*Geopelia striata*), названного здесь «туртерелле-коко». Ввезенный на Маврикий в начале XX века, он сейчас чрезвычайно распространен повсюду на гранитных островах, включая остров Кузен.

Однако самой распространенной из сухопутных птиц на заповедном острове является ткачик (*Foudia sechellarum*), он же «ток-ток», встречающийся на островах Кузен, Кузина и Фрегат. Стая с острова Марианна погибла. Данных о его пребывании на других островах нет, что довольно странно: ближайший сородич этой птицы, ввезенный на Сейшелы в 1879 году, мадагаскарский ткачик (*Foudia madagascariensis*) быстро акклиматизировался сначала на Маэ, а затем почти на всех островах данной группы.

Из-за ярко-красного брачного одеяния (самец сейшельского ткачика имеет желтое оперение на лбу и грудке) его называют кардиналом. Одно время опасались, что мадагаскарский сородич, благодаря скрещиванию, вытеснит местных ткачиков. Однако, хотя самцы карди-

налов, подобно всем ткачикам, ревниво защищают свои владения от других птиц, Круку, посетившему Сейшелы прежде всего для изучения птиц этого вида, по его собственным словам, не удалось наблюдать ни скрещивания их видов, ни существенной конкуренции из-за пищи.

Пищей для сейшельских ткачиков прежде всего служат мелкие насекомые и в меньшей мере семена, в то время как кардиналы предпочитают лишь семена. Местные виды, готовые выводить птенцов в любое время года, держатся обычно парами или семьями; пришельцы, напротив, живут небольшими стайками и лишь во время тока (с сентября по март-апрель) распределяются попарно. Судя по всему, мадагаскарский ткачик сохранил тот образ жизни, который был ему присущ на родине в Южном полушарии, в то время как сейшельский приспособлен к мягкому во все времена года климату экваториального островного мира.

Эти и другие экологические различия, а также то обстоятельство, что ток-ток на «своих» островах гораздо многочисленнее кардиналов, позволили Круку прийти к заключению, что опасности вытеснения местного вида нет, разумеется, если «существующие ныне условия сохранятся». Наблюдения подтверждают или опровергнут справедливость этой гипотезы. В последнем случае, по крайней мере на Кузене, для сохранения сейшельского ткачика потребуются вмешательство человека. Любые попытки насильственного разведения «красных» чужеземцев нелепы. Но порой такие попытки делаются. Николл рассказывает такой эпизод. Один сосед проиграл спор по поводу клочка земли другому и решил отомстить ему. Он привез с Мадагаскара клетку с ткачиками и выпустил их на земле соседа.

«Независимо от того, истинны ли те или иные данные о появлении здесь этих птиц,— писал Николл в 1908 году,— последствия такого насаждения налицо. На Маэ стало невозможно разводить рис и злаковые культуры, и сейчас эти „ткачи“—самые распространенные сухопутные птицы после скворца-майны».

Майна (*Acridotheres tristis*) — индийский вид, по-видимому попавший на Сейшелы через Маврикий в начале XIX века, быстро распространился по всей островной группе. В наше время повсюду встречаешь этого черноперого скворца с желтоватыми лапками и клювом и с

кольцами неоперенной кожи у глаз, разгуливающего по земле и клюющего мелких насекомых или зерна. Часто они держатся стайками, едят все что угодно, включая ягоды. И поскольку майны известны своей агрессивностью по отношению к другим птицам, вполне возможно, что именно они активно способствовали вытеснению некоторых эндемичных видов и подвидов.

По имеющимся данным, в свое время на острова был завезен воробей (*Passer domesticus*), который еще и сегодня встречается на Амирантах. Вероятно, он попал сюда с Маврикия, где индийский подвид этой неприхотливой птицы существовал уже в XIX веке. Некий путешественник по имени Гэдоу отмечал, что видел их в 1907 году поблизости от селений и на Маэ, и на других островах. Но одни лишь птицы знают, не приснилось ли ему это, поскольку в действительности еще в 30-е годы воробей не был известен на Сейшелах. В книге Лусто-Лаланна «Сухопутные птицы гранитных Сейшельских островов» (1962)* он ни разу не упоминается. Мне самому никогда не приходилось его встречать, даже у гостиницы «Бо Валлон Бич», где один старый английский капитан подкармливал стаи кардиналов и поющих голубей, ежедневно прилетавших на его веранду во время дневного чаепития...

Африканские астрильды (*Estrilda astrild*) не были такими удачливыми, как майны и воробьи, хотя еще в 1787 году Малавуа жаловался на то, что астрильды

* Говоря о «сухопутных птицах», я придерживаюсь приведенного им в этой книге списка. Крачек, буревестников, птицу-фрегат, тропических птиц, олушу атлантическую, а также серых цапель и ибисов Лусто-Лаланн рассматривает в книге «Морские и береговые птицы Сейшел» (1963), где, кроме птиц островов, рассказывается о тех видах, которые выводят своих птенцов на Амирантах и других «внешних» островах, включая Альдабрские. Среди семейства серых цапель он обращает внимание, например, на *Butorides striatus*, развившихся на Сейшелах в эндемичный подвид элеганс. По данным Рэнно Польяна («Зоогеография Мадагаскара и соседних островов», 1961), последний, подобно представителям того же вида на Мадагаскаре и Реюньоне, относится к африканскому подвиду его афроазиатского вида. Однако серые цапли, гнездящиеся, например, на Маврикии, Альдабрах и даже на Коморских островах (между Мадагаскаром и Африканским континентом!), принадлежат к азиатскому подвиду. Представитель того же вида, который пришел на Сейшелы с востока, — южноазиатская тихоокеанская выпь (*Ixobrychus sinensis*) — распространен на Маэ, Праслене и Ла-Диге. Его нет ни на Мадагаскаре, ни в Африке (примеч. авт.).

«дурно обходились» с рисовыми и злаковыми полями. Сейчас они встречаются лишь на островах Маэ и Ла-Диг. Фактически они относятся к тем птицам, отстрел которых не разрешен международными правилами 1966 года.

Полностью опальными считаются лишь мадагаскарский ткачик, сипуха, майна и домовый воробей. Охота на других птиц разрешена лишь на островах Фрегат, Ла-Диг и Праслен и в определенное время года.

Охота на сейшельскую горлицу дозволена на всех островах, кроме тех, где она еще сохранила чистоту своего подвида. Остальных эндемичных птиц не разрешается отстреливать или убивать иным способом, продавать или экспортировать. Запрет распространяется на их яйца и гнезда. Двенадцать из четырнадцати эндемичных сухопутных птиц Сейшел заповедны в той степени, в какой это возможно.

Выше я рассказывал обо всех восьми завезенных сюда видах, кроме домового воробья, и обо всех эндемичных сухопутных птицах, за исключением двух. Одной из них является маленький парусник, называемый еще ласточкой, которого иногда можно увидеть парящим над Маэ. Он относится к роду саланганов (*Collocalia*), птиц, выводящих своих птенцов в гротах. Гнезда их используются в Китае и Юго-Восточной Азии для приготовления так называемого супа из ласточкиного гнезда. Неизвестно, где именно он гнездится на Маэ. Предполагают, что его небольшие колонии скрываются в еще не исследованных высокогорных пещерах.

До сих пор не выяснено, к какому виду относится сейшельский парусник. В специальной литературе его определяют и как подвид азиатского *Collocalia vestita*, и как подвид *C. elaphra*, а порой считают подвидом *C. francica** Мадагаскара и Маскарен. Род саланганов полностью отсутствует на Африканском континенте, но далее на восток он есть повсюду, даже на островах Тихого океана.

* Мой знакомый доктор Сноу из Британского музея сообщил мне, что бывает крайне сложно определить родственные отношения парусников, поскольку различные виды имеют мало явных специфических черт. Что же касается сейшельского парусника, то он «сейчас вообще рассматривается как подвид *Collocalia francica* и, таким образом, его следует называть *Collocalia francica elaphra*» (примеч. авт.).

На всех Сейшельских островах, где имеются более или менее обширные болота (включая остров Кузен), живет камышница (*Gallinula chloropus*). Как и все прочие, не завезенные сюда сухопутные птицы, она развилась в местной подвид *G. sechellarum*. Подобно европейскому подвиду во Франции, она называется здесь водяной курицей.

Итак, несмотря на то, что площадь заповедника Международного совета по охране птиц на Кузене составляет не более 27 га, там находится, кроме крупных колоний тихоокеанских буревестников, крачек, глупых крачек и других морских птиц, пять эндемичных для Сейшел сухопутных птиц: сейшельский певун, сейшельская нектарница, сейшельский ткачик, сейшельская горлица и сейшельская камышница, причем сейшельский певун встречается только на этом острове.

С почти неподвижных коралловых рифов на берега смывается бесчисленное множество красивейших ракушек. Здесь можно спокойно собрать массу «сувениров», уже обточенных волнами прибоя, и часто в очень хорошем состоянии. Ботаники найдут на Кузене немало местных растений, особенно в тех частях острова, которые не обжиты людьми; энтомологи — новые виды насекомых.

Настоящей достопримечательностью здешних мест является гигантская темно-коричневая сороконожка (*Scaphiostreptus sechellarum*), достигающая тридцати сантиметров в длину и толщиной с палец, правда, не относящаяся к классу насекомых. Она встречается повсюду на влажной земле в тени деревьев и кустов. В противоположность ядовитым сколопендрам, которых тоже немало на Сейшелах, хотя и нет пока на Кузене, сороконожки совершенно безопасны и питаются они в основном гниющими растительными веществами.

Под землей, в заболоченных местах и кое-где в песке, ютятся удивительные, безногие червеобразные «вэр-дэтэрр», а на поверхности земли в зарослях можно увидеть ящерицу *гекко* и других ящериц, среди которых довольно комичны местные жировики «мабуи».

После осмотра побережья и горных районов мы спустились к старому колодцу, спрятавшемуся под сенью огромных деревьев манго. Здесь мы сделали привал, что-

бы утолить жажду и полакомиться зрелыми плодами. Когда мы бросали кожуру и косточки на землю, множество жирюиков набрасывались на них и с аппетитом поглощали сочную плодовую мякоть. Они оказались такими бесстрашными, что осмеливались хватать пищу прямо из рук.

К какому виду они относились, я не знаю. Вообще на Сейшелах существует два вида жирюиков: *Mabuя wrightii*, длиной иногда до тринадцати сантиметров, и *Mabuя sechellensis*, длина которых не превышает семи сантиметров. Поскольку наши «гости» были достаточно крупными, я полагаю, что они принадлежали к первому виду. Особи этого вида часто поселяются возле колоний морских птиц и питаются в основном яйцами. Они достают их из гнезд и катают по земле до тех пор, пока скорлупа не треснет от соприкосновения с каким-нибудь камушком. А потом жирюики выпивают их содержимое.

Немало на острове млекопитающих. Здесь живет насекомоядная маленькая летучая мышь из рода *Coleura*, а иногда залетают с Праслена и так называемые летучие лисы — плодоядные летучие мыши эндемичного вида *Pteropus sechellensis* — в надежде полакомиться многочисленными на Кузене одичавшими папайей, манго и евгенией (*Eugenia javanica*). Последние, с ярко-красными плодами, напоминающими по форме грушу, выращиваются обычно возле деревьев манго.

Но все поблекло, по крайней мере для меня, когда, отойдя несколько подальше, мы оказались у большого загона, где перед каменной оградой разгуливали пять гигантских черепах из вида *Aldabrachelys (Testudo) gigantea*, некогда распространенных на Сейшелах и многих других островах, но сейчас сохранившихся лишь на Альдабре.

Все другие гигантские черепахи, живущие в ботаническом саду Виктории на Маэ и в ботаническом саду Памплемус на Маврикии или же находящиеся в частных владениях, завезены именно с островов Альдабра. Их происхождение пока что неясно. Вполне вероятно, что они — потомки сейшельских видов черепах-гигантов. В таком случае эти пять экземпляров на острове Кузен — последние «из могикан».

**Летучая лисица в карри-соусе. Истребление крокодилов.
Уничтожение рода гигантских черепах. Другие пресмы-
кающиеся и земноводные. Чужеземцы под вопросом.
Вредные насекомые. Насекомые свидетельствуют...**

Это действительно было: я ел летучую мышь — огромную летучую лисицу. Ширина ее с раскрытыми крыльями достигает почти метра.

В моем отеле подавали и не такие редкие блюда. Достопримечательностью местной кухни был, например, «салат миллионера», приготовленный из верхушечной стрелки сейшельской пальмы. Называется он так потому, что для получения «лакомого кусочка» приходится губить целую пальму.

Обитатели островов, к сожалению, не очень заботятся о сохранении местной флоры и для приготовления салатов губят кокосовые пальмы. Правда, цена блюда, приготовленного из обычной пальмы, разочаровывает покупателя, полагающего, что «салат миллионера» должен быть так же дорог, как и вкусен. На рынке в Виктории целая верхушечная стрелка (салата из нее хватает на дюжину гостей) в зависимости от размера стоит не более двух рупий...

Знаменитая летучая лисица (*Pteropus seychellensis*) — плодоядная из семейства летучих собак — восточный вклад в сейшельскую фауну. Около пяти видов семейства *Pteropus* существует в районе, простирающемся от островов Южных морей в Тихом океане через Австралию и Южную Азию до островного мира западной части Индийского океана. Самые распространенные их виды встречаются на Мадагаскаре, Коморских островах и на острове Пемба у восточно-африканского побережья, хотя ни один из них не встречается в самой Африке, а летучие лисицы сейшельского вида имеются только здесь, на Сейшелах.

Они (а также насекомоядная маленькая летучая мышь) были единственными млекопитающими Сейшел, когда туда пришли европейцы. А единственными четвероногими были пресмыкающиеся и земноводные. Более развитые, теплокровные позвоночные летали по воздуху или жили в морях. Известно, что там водилось так много морских коров-дюгоней, что два острова даже получили название Иль-о-Ваш-Марин (Острова морских коров).

Летучие лисицы совсем недавно были почти истреблены, отчасти потому, что они питаются плодами и, следовательно, воспринимаются как вредители, отчасти из-за того, что сами они наряду с птицами — единственные «съедобные» животные. Еще Малавуа в 1787 году в своих «Заметках о Сейшельских островах» писал: «Летучая мышь крупного вида очень распространена здесь, ею питаются рабы и находят ее мясо вкусным». Спустя почти столетие мода на блюда из летучих лисиц стала всеобщей. Некий англичанин Эстридж писал в 1885 году в книге «Шесть лет на Сейшелах», что блюдо из лисиц является деликатесом.

Утверждают, что именно фруктовая диета придает мясу этих животных удивительный аромат и лучше всего его приготавливать в винном соусе. К сожалению, я не могу подтвердить это, поскольку летучая лисица по-креольски, которую мне предложили, была приготовлена в остром карри-соусе, «перекрывающем» вкус мяса.

В дневное время летучие лисицы скрываются в горных лесах, где, собираясь огромными стаями, спят в кронах деревьев, повиснув вниз головой. Местные жители не утруждают себя поисками летучих лисиц в глухомани. В лунные ночи они отстреливают их, когда те залетают в селения в поисках пищи. В одну из таких ночей я и видел их.

Сидя на склоне горы между пальмами и саженцами бананов, неподалеку от большого мангового дерева и двух некрашенных деревянных домиков в одном из бедных кварталов Маэ, я наблюдал за африканским танцем «моутиа». Он исполняется под аккомпанемент большого тамбурина из натянутой козьей шкуры и сопровождается древними как мир песнями. Было полнолуние, и на небе сияли яркие звезды. Всеобщее возбуждение еще не стихло, когда в вышине над верхушкой манго, освещенной луной, появились силуэты гигантских летучих лисиц.

Самки редко выкармливают более одного детеныша в год. Пока он не повзрослеет и не научится летать самостоятельно, он все время находится при матери, на ее груди. Это довольно большая нагрузка, усложняющая полет, но гигантские летучие лисицы преодолевают ее, хотя и не легко. Я читал, как однажды летучая лисица присела отдохнуть на палубу судна, находившегося в 300 километрах от суши.

Однако вряд ли можно предполагать, что предки всех видов и подвидов *Pteropus*, живущих на Сейшельских островах и Маскаренах, Альдабре и Мадагаскаре, Коморах и Пембе, некогда преодолели тысячи километров, отделяющих сейчас эти острова от ближайшего места поселения их сородичей на Цейлоне и в Индии. Могли ли первые летучие лисицы эмигрировать оттуда во времена, когда перелет был проще? Есть очень много свидетельств того, что Сейшелы и другие острова получили свой животный мир поэтапно — в течение длительного периода, начиная с времен, когда расстояние через Индийский океан было не таким огромным, как сейчас...

Первые мореходы, которые высаживались в XVII и XVIII веках на берега необитаемых Сейшельских островов, всякий раз находили там «первобытный мир». Заливы и бухты кишели рыбой и морскими черепахами, на песчаных берегах встречалось множество кокосовых пальм, а в девственных лесах росли высокие и прямые деревья ценных пород. И все же здесь не было непроходимых джунглей. «Сквозь лес можно легко пройти», — писал капитан Корнель-Никола Морфей в 1756 году в рапорте на имя губернатора Маврикия. Единственным препятствием были крутые скалы, вздымавшиеся, казалось, прямо из моря.

Разведывательный отряд, посланный Морфеем на Маэ «с приказом проникнуть в глубь его и точно определить вид и качество земли и ее естественных продуктов», возвратился лишь через десять суток. Чтобы идти дальше, людям порой приходилось с помощью лиан и выступов из корней взбираться на самые вершины высоких гор. И, по их словам, кроме гигантских черепах, из крупных животных они встречали лишь крокодилов у водных протоков в ущельях.

Им удалось убить несколько рептилий длиной до 10—14 футов, т. е. 3—4 метров и более. Насколько Морфей мог себе представить, местные крокодилы питались не только рыбой, но и большими черепахами, в поисках которых уползали далеко в горы.

Еще в 1769 году, когда некий аббат Рошон посетил Сейшелы, чтобы на основании астрономических наблюдений установить их точное географическое местоположение, там водилось множество «чудовищных крокодилов» и гигантских черепах. Но даже если взору путешественника местные крокодилы предстали как некие ужасные чудовища, на самом деле размеры их были довольно скромными. Ведь они относились к тому африканскому виду крокодилов (*Crocodylus niloticus*), длина которых достигает семи метров, и жили они в тех местах Африки, куда раньше охотники за крокодиловой кожей со своим огнестрельным оружием не добирались.

Наиболее крупные экземпляры сейшельского крокодила не превышают четырех метров. Это подтверждается и сведениями некоего капитана Шарля Огре, который в 1771 году на Ла-Диге обезвредил «чудище» в тридцать футов.

По своим повадкам оно походило на африканских сородичей. В 1787 году Малавуа писал о них: «Это животное пугливо и на суше очень редко нападает на человека, но в море оно очень опасно. Его следует также опасаться в пресных водоемах». Первым колонистам крокодилы, очевидно, причинили немало бед. От жителей у Анс-Руайяль на Маэ тогда поступали жалобы на имя коменданта Виктории о том, что крокодилы уничтожают их домашнюю птицу, поросят и собак и угрожают рогатому скоту. Поселенцы умоляли прислать солдат, которые бы помогли уничтожить этих назойливых ползучих тварей.

Сейчас крокодилов на Сейшелах уже не встретишь. Лишь их черепа и другие части скелета, которые находят иногда во время археологических раскопок, напоминают о том, что они некогда здесь обитали. Небольшая коллекция скелетов хранится в музее Виктории.

Говорят, что на Ла-Диге последний крокодил был убит в 1810 году, на Маэ их истребили уже в конце XVIII века. В целом Сейшелы «освободились» от этих хищников не ранее 1819 года. Удивительно, что эти крупные животные могли выжить так долго на столь малых ост-

ровах, тем более, что их истребляли не только за вред, который они нанесли хозяйству местных жителей, но и ради ценной крокодиловой кожи. В Африке, например, даже сейчас, когда сохранились считанные экземпляры крокодилов, браконьеры ухитряются охотиться на них в заповедниках и национальных парках.

Несколько миллионов лет назад во многих частях света существовали гигантские черепахи. Подобно крокодилам они пережили страшное время конца мелового периода, когда динозавры и многие другие пресмыкающиеся погибли. В дальнейшем, однако, гигантские черепахи не сумели приспособиться к жизни на больших материках, таких, как Африка, Азия и Америка. Здесь они вымерли уже к концу третичного периода, то есть до наступления ледников. Последним крупным островом, приютившим этих животных, был Мадагаскар, где они существовали еще несколько тысячелетий тому назад.

Почему эти крупные пресмыкающиеся погибли на континентах, точно не известно. Возможно, они пали жертвой других животных, питавшихся их мясом и яйцами. Вполне вероятно, что на Мадагаскаре, например, именно человек способствовал уничтожению гигантских черепах. Косвенной уликой этого является хотя бы тот факт, что теми немногими местами в мире, где еще сохранились эти черепахи, были островные мирки, дольше всех необжитые человеком и четвероногими сухопутными хищниками, не считая крокодилов.

Наиболее известными среди специалистов долгое время оставались галапагосские слоновые черепахи, наверное потому, что подобно вьюркам той же островной группы их легко дифференцировать по внешнему виду. Зоологи дали даже особые видовые названия каждой островной форме. Сейчас считается, что речь идет «просто» о географическом подвиде одного и того же вида, называемого *Testudo elephantopus*.

Галапагосские черепахи преследовались в течение двух столетий, так как их мясо и печень очень вкусны и питательны. Сейчас два из двенадцати подвидов слоновых черепах этого островного мира полностью уничтожены и лишь два более или менее многочисленны. Что же касается гигантской черепахи западной части Индий-

Верхом на гигантской черепахе

ского океана (*Aldabrachelys (Testudo) gigantea*), имевшей значительно большую область расселения (от Сейшел на севере до островов Альдабра на юго-западе и Мадагаскара на юго-востоке), но не образовавшей большого количества подвидов, то их сохранилось во много раз больше, хотя естественный образ жизни они ведут лишь на Альдабре.

На этом, лежащем в стороне от основной группы ост-

ровов, атолле местность настолько труднопроходимая, что гигантские черепахи (со своей рекордной длиной в 123 см, несколько превышающей длину их сородичей на Галапагосских островах) жили довольно спокойно до тех пор, пока в конце XIX века не попытались их «защитить». Никто не знал, сколько их на этом острове, пока в 60-х годах зоологи не подсчитали, что их число достигает примерно 80 тысяч. Эта цифра показывает, какое множество этих великанов должно было обитать на всех островах вместе взятых до того, как там появились европейские мореходы и колонисты.

Гигантские черепахи на Реюньоне, Маврикии и Родригесе истреблены давно. Только в 1759—1760 годах не менее 30 тысяч этих животных было вывезено с Родригеса на Маврикий, а после колонизации Сейшельских островов хищнический отлов, естественно, начался и здесь. Попытки властей приостановить варварство не увенчались успехом. Малавуа, занимавшийся изучением естественных богатств островной группы, удивлялся тому, что всего лишь за несколько лет исчезло огромное количество гигантских черепах. В 1787 году он писал: «Сейчас трудно на всех островах собрать более шести-семи тысяч черепах». Он подсчитал, что лишь за последние четыре года было вывезено 13 тысяч этих ценных животных. Многие из них угодили на борт французских военных кораблей. Черепахи служили бесплатным провиантом, когда корабли стояли на якоре у Маэ и готовились к отплытию. Каждый раз они «захватывали на дорогу» минимум по 60 штук. Командиры судов считали это вполне нормальным явлением. Тогда было обнаружено, что за три года таким путем исчезло три тысячи черепах. Малавуа с возмущением говорил: «Настало время отучить их от подобных заблуждений».

Кроме того, скрывавшиеся в лесах рабы питались в основном черепахами. Большой вред им приносили также лесные пожары, например, на Праслене. Малавуа добавлял, что крысы и кошки, число которых после колонизации недопустимо увеличилось, очевидно, также участвовали в истреблении черепах.

Уже в то время стало ясно: необходимы самые строгие меры для сохранения хотя бы того, что осталось. И поскольку у Малавуа не было возможности эффективно препятствовать вывозу животных на судах, он пред-

ложил перевезти всех черепах, которых удастся поймать, в специально отведенные для них места.

Он хотел организовать два черепаших питомника. Один — на маленьком острове Сент-Анн у входа в порт Маэ — должен был обеспечивать внутренние потребности в черепашием мясе. Второй — на близлежащем острове Серф, где трем-четырем тысячам животных были бы созданы все условия для свободного размножения. Отсюда следовало брать лишь то количество черепах, которое требовалось для восполнения их популяции на острове Сент-Анн.

По мнению Малавуа, на этих островах необходимо было организовать охрану, развести бананы и другие растения для питания черепах. Естественно, для этих целей требовались немалые ресурсы. Малавуа просил выделить в его распоряжение полностью оснащенное судно с фрегат-лейтенантом, тремя офицерами, шестью младшими офицерами, двенадцатью белыми и двадцатью четырьмя чернокожими матросами.

Трудно сказать, мог ли подобный проект претвориться в жизнь даже в более подходящий момент. Но тогда, конечно, не могло быть и речи об особом судне для сбора и охраны черепах: приближалась Французская революция, вскоре вновь могла разразиться война с Англией. Но кое-что Малавуа, по-видимому, удалось предпринять. Французский офицер Грандпре, побывавший на Сейшелах в 1789 году, в своих заметках писал, что на острове Серф существовал особый загон для гигантских черепах. Насколько мне известно, именно Грандпре был первым, кто сообщил о способности этих животных передвигаться в воде. Он рассказывает, например, о том, что черепахи, пойманные на Праслене, поселенные там в загоне и помеченные кружком на спине, позднее были обнаружены на Серфе, а животные из другого загона на этом острове, которых маркировали иным способом, появлялись затем на Маэ. «Я указываю на это, — пишет он, — так как я никогда раньше не слышал, что черепахи могут совершать столь длительные путешествия по морю. Наблюдение это показалось мне новым, и мне приятно сообщить о нем естествоиспытателям».

Грандпре усматривал взаимосвязь между своим открытием и присутствием гигантских черепах на Сейшельских островах. Сейчас известно, что эти животные умеют

выходить из беды, когда их смывает в океан наводнением. Они плывут так, что их панцирь остается над водой, а голова поднимается отвесно вверх словно перископ. Ко всему прочему, они могут долго обходиться без пищи, пресной воды и плыть неделями или даже месяцами без какого-либо для себя вреда. Это объясняет, конечно, и их большое распространение в островном мире. То, что они не смогли вновь колонизовать побережье материка или крупные «континентальные» острова типа Мадагаскара, связано, очевидно, с теми же причинами, которые некогда способствовали их гибели, включая человека, самого страшного из всех врагов этих легко обнаруживаемых, легко добываемых, съедобных животных.

Конечно, экспорт гигантских черепах с Сейшел продолжался, несмотря на серьезные попытки Малавуа приостановить его. После Малавуа, с конца XVIII до начала XIX века, никто уже не обращал внимания на истребление этого ценного вида животных. На протяжении целого столетия в перечнях судовых грузов регулярно встречаются черепахи, отправляемые прежде всего на Маврикий, а также на Реюньон. С начала XIX века подобные сведения встречаются реже. Объяснение этому мы находим в рапорте «гражданского администратора» острова Маэ от 1803 года. Он сообщает своему начальству на Маврикий, что гигантских черепах на Сейшелах почти не осталось. Чтобы добыть их, теперь необходимо отправляться к таким отдаленным коралловым островам, как Агалега, Коэтиви и Диего-Гарсия.

Так опустошался один остров за другим, и к настоящему времени фактически не осталось свободно живущих гигантских черепах нигде, кроме Альдабры. Правда, небольшое количество их находится в частных владениях, причем они, кроме тех, что живут на острове Кузен, попали в эти владения совсем недавно. А ведь многие малые острова Индийского океана еще и сегодня могли бы обеспечить многочисленные популяции черепах!

Хотя эти животные растут очень медленно, наверно, стоило бы попробовать сохранить участки лесных массивов Сейшельских островов для того, чтобы их там выращивать. Сделать это тем более не сложно, если учесть, что они охотно размножаются в неволе. А чтобы быть уверенным в успехе этого мероприятия, следовало бы подкармливать их в специальных черепаших питомни-

ках, куда детенышей помещали бы лишь в том возрасте, когда они уже в состоянии сопротивляться крысам, собакам, кошкам и другим животным, активно способствующим обеднению естественной фауны островов. В настоящее время подобные питомники иногда создаются для морских суповых черепах.

Значительно ухудшилось положение и болотных черепах, обитавших прежде на многих островах, особенно на сильно заболоченном Ла-Диге. Такая черепаха достигает 20 сантиметров длины, по-креоло-французски она называется «тортю-супап». По поводу ее научного названия зоологи еще спорят. Профессор шведского Естественноисторического государственного музея Яльмар Рендаль в 1935 году получил с Сейшел несколько экземпляров этих пресмыкающихся и определил среди них два вида, а одну из черепах отнес к особому подвиду. Однако позднее, при более тщательном изучении их семейства как здесь, так и в других местах, ученые пришли к единому мнению, что для этих островов характерен лишь вид *Pelusios subniger*, встречающийся также на Мадагаскаре и в Африке, что дало возможность одному из экспертов говорить об их искусственном разведении в этих местах.

Во всяком случае имеются данные о том, что болотная черепаха существовала на Сейшелах еще в 1874 году, когда некий немецкий зоолог получил экземпляр ее «от одного негра» на Маэ. Сейчас она не встречается нигде, кроме Ла-Дига и Серфа. Но если сведения о том, что в прошлом они были распространены на заболоченных местах гранитных островов, правдивы, возникает вопрос, как же они выжили там и не оказались жертвой крокодилов. Резкое уменьшение их численности, возможно, связано с тем, что они являются пищей для людей. Сам я никогда об этом не слышал, но швейцарец Рене Е. Хонеггер, изучавший в 1963—1964 годах животный мир Сейшел, пишет, что на Ла-Диге и других островах «супап» регулярно отлавливают именно для этой цели.

Но самым страшным для болотных черепах было то, что их, подобно детенышам кальмаров в Южной Америке, отлавливали для изготовления чучел и распродавали в качестве сувениров.

Среди ящериц, встречающихся на Сейшелах, следует отметить эндемичного хамелеона (*Chamaelio tigris*), не более 6—9 сантиметров в длину. Утверждают, что он водится в горных лесах, в частности в Валле-де-Мэй, но мне, к сожалению, нигде не удалось его встретить.

Огромное удовольствие я получил от знакомства с гекконами (*Gekkonidae*) семейства цепкопалых, гораздо более доступных для наблюдений. Этих смешных маленьких ящериц с липкими тонкими пластинками на лапках более чем достаточно по вечерам в открытом баре отеля «Бо Валлон Бич». Часто мне удавалось насчитать до двадцати серо-белых, а при свете — загадочно прозрачных, гекконов различной величины, ползающих не только по стенам, но и по потолку. Сначала полагали, что их удивительная способность прочно удерживаться даже на совершенно гладкой поверхности потолка объясняется клейкостью лапок с внутренней стороны или же наличием на этих лапках особых присосков. Сейчас известно, что у них имеется множество тонких волосков, которыми они цепляются за малейшую неровность любой поверхности. Они находят эти неровности даже на стекле. Нередко можно видеть гекконов, легко ползущих по окнам. Гекконы, за которыми я наблюдал в своем отеле, были настоящими «специалистами» по крышкам и горлышкам бутылок. Больше всего их собиралось в освещенном баре, куда свет ламп притягивал ночных бабочек и других насекомых. Гекконы ловили их с фантастической точностью, ловким движением головы заглатывая очередную жертву. Иногда большие гекконы пожирали маленьких. В этих случаях им трудновато было сразу проглотить свою жертву, и на некоторое время они застывали с торчащим изо рта хвостом.

В дневное время на открытом воздухе часто встречаются представители семейства дневных гекконов (*Phelsuma*). На многочисленных островах западной части Индийского океана они дифференцируются на разные виды и подвиды. В настоящее время не все из них собраны и описаны специалистами.

Дневных гекконов можно встретить ползающими в поисках насекомых по стволам пальм и другим деревьям и даже по спинам гигантских черепах. Они ловко спасаются от своего заклятого врага сейшельского сокола, падая в траву при приближении опасности.

Другими врагами ящериц являются неядовитые змеи. Одна из них, черно-бурая (*Boaedon geometricus*), достигающая метра и более в длину, питается крысами и мышами. С 1929 года она объявлена заповедной, как и меньшая по величине древесная змея (*Lycognathopsis seychellensis*). Я предполагаю, что представителя именно этого вида генерал Гордон в свое время принял за райского змея-искусителя.

Третью из неядовитых змей Сейшел трудно отыскать, поскольку она живет под землей. Это слепая змея (*Typhlops brahminus*) — вид, распространенный в Южной Азии и встречающийся также в Индии, на Цейлоне, Маврикии, Мадагаскаре и Коморских островах. Из страны в страну эти змеи переезжают, как правило, вместе с растениями, которые транспортируются на судах, поэтому трудно определить, местного ли она происхождения или завезена случайно.

Не предпринимая специальных поисков, трудно встретить на островах и земноводных двух эндемичных семейств. Из пяти видов описан лишь один, получивший по имени острова Праслен свое название праслиния (*Praslinia*). Эти странные амфибии с удлинённым телом, состоящим из отдельных сегментов, внешне напоминают дождевых червей и относятся к еще малоизученным животным.

Водяных ящериц на островах нет, но зато имеется множество бесхвостых земноводных — и среди них древесные и маленькие эндемичные луковичные лягушки (*Sooglossus gardineri* и *S. seychellensis*). Интересен их способ размножения. Они откладывают яйца, покрывая их слоем земли. Самец остается на месте кладки, пока не вылупятся детеныши, которые затем присасываются к спине самца и живут там, пока их длинные хвосты не отпадают и они не превращаются в настоящих маленьких лягушат.

В 1947 году один зоолог долго искал лягушек этих видов и, ничего не найдя, сообщил, что они исчезли. Просто он не знал, где их искать. Хонеггеру удалось найти оба вида в горах на высоте 550—600 метров на Маэ, где они живут среди полусгнивших растений. В такой среде Хонеггер отыскал и третий их вид. Там же были найдены и земноводные, для которых, судя по всему, луковичные лягушки были излюбленным лакомством. Хонеггер слы-

шал странные звуки, по его предположению, издававшие-ся самцами, охранявшими свое потомство: резкий писк, похожий на писк или свист мелких лягушек в других частях света.

Но в то же время здесь имеется всего лишь одна лягушка — представительница известного семейства *Rana* (*Rana mascareniensis*). Это название ошибочно, поскольку родина лягушки — Африка. Она завезена на Сейшелы с Маврикия и чувствует себя здесь, судя по ее распространенности, превосходно. Она водится в пресных водоемах, а также у берегов, где морская вода перемешана с пресной. Ее врагами являются птицы типа египетской цапли и типичной для Старого света серой цапли (*Ardea cinerea*), а также сейшельские крысы, мыши и тенреки, единственные дикие млекопитающие, похожие на ежей с Мадагаскара, о которых я уже упоминал в этой книге.

В моем блокноте есть запись об одной встрече с тенреками (*Tenrec ecaudatus*): «31.7. Вечер. Видел целое семейство тенреков по пути домой». Это была забавная картина: в свете машинных фар самка и ее шестеро детенышей перебежали улицу. Семейство благополучно миновало ее, никого не потеряв по дороге.

Здесь, на островах, тенрекам, вероятно, легче живется, чем ежам в наших широтах. Встреченное мною семейство было еще сравнительно невелико. Животное это очень плодовито, и одна самка вскармливает по 12—16 (а иногда 24) детенышей. И не удивительно, что после того, как они в начале XIX века были завезены на Маврикий, они легко заселили сначала Маскарены, а позднее и некоторые более крупные Сейшельские острова: Маэ, Праслен и Силуэт.

Тенрек, название которого происходит от малагасийского *tandraka*, — весьма интересное животное. Его образ жизни на Сейшелах и зоогеографическое положение достойны пристального изучения.

Я встречал тенреков в июле и августе как на Маэ, так и на Праслене. У себя на родине (на Мадагаскаре) в это засушливое время года они впадают в глубокую спячку, спрятавшись в своей норе. Очевидно, тенрек прекрасно приспособился к климату Сейшел, где всегда более или менее влажно и почти никогда не бывает засух.

Почему тенрек был завезен сюда — неизвестно. Может быть потому, что его нежное, жирное мясо идет в пи-

щу. Но это на Мадагаскаре. Там охотятся на тенрека с ружьями и собаками. На Сейшелах же мясо этого животного не считается съедобным, вероятно, из-за его своеобразного запаха.

В отличие от ежей, тенреки не охотятся на грызунов. Местное население считает их вредителями, пожирающими не только насекомых и червей, но даже некоторых земноводных и пресмыкающихся. Подозревают даже, что «на совести» тенреков лежит частичное истребление отдельных видов местных животных.

Семейство насекомоядных *Tenrecidae* имеет множество видов, и родина их — Мадагаскар. Они встречаются почти во всех частях света. Наличие, например, хоботковых мышей на Гаити (*Solenodon paradoxus*) и Кубе (*Solenodon cubanus*) свидетельствует о ранее существовавшей сухопутной связи через океаны.

Одно время на Маэ жили даже и замбарские олени (*Cervus unicolor*). Какой-то умник привез этих азиатских оленей с Маврикия, где они считаются вредителями плантаций и лесов. К счастью, на Сейшелах их репутация не успела пострадать, поскольку эти животные здесь по каким-то причинам быстро вымерли. Но крысы и мыши остались и наносят большой ущерб хозяйству. Однако радуется хотя бы то, что здесь не пытались бороться с ними с помощью мангуст, которые на других островах (Маскаренах, Антилах, Гавайях) стали нападать на редких животных. Точно так же, как сипуха на Сейшелах.

Чтобы успешнее бороться с крысами, Департамент сельского хозяйства Сейшел выплачивает премию в размере десяти центов за один крысиный хвост.

Даже улитки на островах приносят ощутимый вред. Речь идет прежде всего об африканской десятисантиметровой улитке вида *Achatina fulica*. Появившись на Мадагаскаре с начала XVIII века, она совершила буквально «победоносный поход» через тропики. С Мадагаскара французские колонисты ее привезли на Маскарены, надеясь использовать, подобно родной смородинной улитке, в кулинарных и медицинских целях.

В 1803 году в самом раннем из известных рапортов о попытках разведения улиток на Маврикии некий господин Боск писал: «Я слышал от одного поселенца... что у жены губернатора разболелась грудь, и она, по совету врача, достала массу этих улиток с Мадагаскара, по-

скольку их не оказалось в этой части колонии. Вскоре после этого она умерла, а улитки разбежались по острову и столь неслыханно размножились, что стали сплошным бедствием».

Но многих этот печальный опыт ничему не научил. В 1847 году один англичанин пришел в такой восторг от улиток, что даже захватил с собой несколько штук для ботанического сада в Калькутте, и теперь их можно встретить во многих соседних с Индией странах. Путешествуя самыми различными способами на судах, улитки-гиганты в 1910 году оказались на Цейлоне, в 1911 — в Малайе (ныне Малайзия.— *Е. Г.*), в 20-е годы — в Индонезии, в 1931 — в Китае, в 1936 — на Гавайях и в конце 60-х годов — во Флориде. Повсюду население и власти пытались бороться с ними всеми доступными средствами — механическими, химическими и биологическими, но безуспешно. На Реюньон они попали в 1821 году, а в 30-е годы XIX века добрались и до Сейшел. За ними вскоре последовали улитки другого вида — *Achatina panthera*. Их завез на Маврикий один англичанин, но, к счастью, они не успели еще распространиться за пределы островного мира западной части Индийского океана.

Для Сейшел наиболее характерны улитки первого вида. Они отличаются особой любовью к овощам, а также молодым побегам бататов и ванили. В 1958—1960 годах для борьбы с этими истребителями плантаций и огородов из Кении завозили улиток-хищников. Но особой пользы здесь, как и в других частях света, они не принесли.

Может быть, вместо этого следовало бы научить местное население использовать в пищу этих богатых протеином улиток-гигантов? Известно, что они вполне съедобны: в одной из частей Западной Африки эти улитки — основной продукт питания местного населения. Там пришлось даже ограничить их сбор, дабы защитить от гибели...

Однажды вечером в освещенный бар с пронзительным гудением влетел крупный, около четырех сантиметров, жук. Это был жук-носорог (*Oryctes monoceros*), самец, о чем свидетельствовал солидный рог на носу. Самки не имеют рога такой величины. Наш гость, конечно, не был

представителем того безобидного вида *Oryctes nasicornis*, который широко распространен у нас в Европе. Напротив, он весьма опасен. Его личинки, развиваясь, наносят вред кокосовым пальмам. Сюзанна, официантка из бара, сказала нам, что этот «бёф-банан», как его здесь называют, ужасно ядовит, и его нужно непременно убить.

Департамент сельского хозяйства пытается бороться с жуками-носорогами биологическими средствами. Для этой цели несколько лет назад из Занзибара на острова завезли одного паразита — перепончатокрылого. Вскоре он размножился на островах. Но хотя известно, что эти насекомые поедают детенышей жуков-носорогов, особого эффекта от этого пока нет. В 1964 году из Пакистана был привезен жук-хищник, а в 1965 году — еще один жук-хищник (жесткокрылый) — с Маврикия. На Праслене даже провели операцию по расчистке лесов от упавших и уже подгнивших кокосовых пальм, где жуки-носороги особенно успешно размножаются. Чтобы лишить их насиженных мест, стволы пальм распилили на бревна, уложили в штабеля и просушили.

Однако бревна кокосовых пальм стали жертвой мелких, но еще более страшных жучков *Melittomma insulare*. В прежние времена жучки этого семейства были распространены в Европе. Речь идет о так называемой судоверфной мухе (*Lymexylon navale*), уничтожающей дубовую древесину. Можно утверждать, что жуки-носороги и судоверфные мухи для Сейшел и северо-западной части Мадагаскара — местные виды насекомых. Отсюда они перебрались на Коморы и Маскарены (среда коралловых островов, кажется, их не устраивает). Они как бы сотрудничают друг с другом в порче деревьев. Там, где древесина кокосовых пальм просверлена личинками мух, жирный детеныш жука-носорога легко завершает процесс уничтожения: пальма умирает или при первом же шторме ломается.

На гранитных островах повсюду встречаешь кокосовые пальмы с зияющими черными дырами у корней — следами борьбы с судоверфной мухой. Раньше для этой цели выдалбливали дырку, вырубали зараженный кусок и изнутри обмазывали дерево известковым раствором или обжигали края. Это не мешало жукам-носорогам забираться выше по стволу и продолжать свою разрушительную работу. Сейчас внутреннюю сторону дыры обраба-

тывают смолой каменного угля и креозотом. Кажется, помогает: из 571 357 поврежденных деревьев, прошедших курс лечения в 1960—1966 годах, лишь 4,3 процента через год после обработки вновь подверглись нападению жуков.

Имеются на плантациях и другие вредители, доставляющие много неприятностей человеку, например песчаные блохи южноамериканского вида *Tunga penetrans*. Они впиваются под ногти пальцев ног или в кожу между пальцами и, разбухая до размера горошины, причиняют сильную боль. Правда, сейчас эти маленькие твари все реже напоминают о себе. Даже на Ла-Диге, где их больше всего, я избежал нападения, хотя постоянно ходил в сандалиях.

Здесьные москиты не являются в отличие от других стран разносчиками малярии. Скорпионы встречаются на Сейшелах редко, сколопендра я вообще не видел, а традиционные ночные тараканы большого вреда не приносят. Ничего дурного нельзя сказать и о сухопутных суставных животных Сейшел.

Насекомые могут рассказать об истории островного мира больше, чем любая другая группа животных. В начале 30-х годов энтомолог, некий Хью Скотт из Британского музея истории природы, изучив насекомых Сейшел, пришел к чрезвычайно удивительным выводам. Естественно, что среди собранных им на Сейшелах видов было немало типичных для тропиков. Что же касается насекомых других островов или же континентов, то трудно было определить, какие из них привезены, а какие — «местные».

Среди 2090 различных видов насекомых, обнаруженных до сих пор на островах, 1366, т. е. около 65 процентов, совершенно неизвестны науке. Многие из них, как выяснилось, характерны лишь для Сейшельских островов и живут на эндемичных видах растений. Например, только на сейшельской пальме *Lodoicea* обитают тринадцать видов жуков.

Огромное число видов насекомых, которых можно считать «местными», доказывает, что этот островной мир в течение длительного времени находился в изоляции от больших материков. Но анализ состава насекомых под-

тверждает и гипотезу о том, что острова не всегда были изолированы друг от друга. Иначе бы здесь, подобно Гавайским островам и другим вулканическим архипелагам, где каждый остров «самостоятельно вырос» из моря, обнаружилось бы множество близкородственных эндемичных видов и подвидов.

Но, за небольшим исключением, на Сейшелах этого не произошло, и Скотт констатирует, что все насекомые, «вероятно, развились на островной группе одновременно, факт, свидетельствующий о том, что острова эти отделились друг от друга относительно недавно».

Эта гипотеза не противоречит современным данным о ледниковом периоде. Гранитные острова поднимаются от банки докембрийского периода глубиной не более 50—75 метров ниже нынешнего уровня океана (с бесчисленными «подводными кочками», направленными к поверхности моря) и длиной примерно в 370 километров на площади, равной около 50 тысяч квадратных километров. Эта площадь практически полностью окружена морем, глубиной в 2 тысячи саженей (3600 метров), и вполне могла составлять общий остров в период последнего обледенения Северного полушария, когда материковый лед вобрал в себя столько воды, что уровень Мирового океана понизился по крайней мере на 115 метров.

Поэтому Скотту не удалось обнаружить других существенных отличий местной фауны от фауны таких истинно океанических островов, как Гавайские. Там значительный процент насекомых в процессе своего развития теряет способность летать. Это подтверждает теорию Ч. Дарвина о том, что климатические условия малых изолированных островов предполагают наличие бескрылых форм: летучие насекомые могут быть сдуты ветром в океан и погибнуть. Но на Сейшелах очень немногие насекомые преобразовали свои крылья. Исключение, «подтверждающее» это правило, составляют лишь два маленьких водяных жука эндемичного семейства *Bourdonnaisia*, из которых один живет на вершине острова Маэ, а другой — в аналогичной среде на острове Силуэт, и оба вида — среди влажной, гниющей листвы эндемичных для горного дождевого леса деревьев *Northea confusa* и *N. seychellarum*. Эти, так и не научившиеся летать водяные жуки расселились каждый на своей вершине еще до образования островов. Для высоких гор с участками су-

У водных протоков

ши между ними характерно развитие особых эндемичных видов насекомых, потерявших свою летательную способность.

Но наиболее любопытны выводы Скотта о происхождении мира насекомых. Наряду с целыми семействами и отдельными видами, не имеющими близких сородичей где-либо в мире, в четырех эндемичных семействах класса ночных сетчатокрылых (*Trichoptera*) можно различить четыре группы. Одна имеет ближайших родственников на Маскаренах, другая на Мадагаскаре, остальные в Африке и в Азии.

К восточному виду насекомых, который исторически преобразовался в местный, относится странствующий лист, известный, кроме Сейшел, в Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Филиппины и Цейлон. Имитирующие листву насекомые представлены на островах видом *Phyllium crusifolium*. Но представители этого вида уже давно стали редкостью. Еще в 1885 году Эстридж писал о странствующем листе: «Раньше он был очень распространен, но в последние годы его стало значительно меньше в результате увеличения числа птиц, особенно

скворцов. Сейчас это диковинное насекомое встречается редко, да и то в лесах». Вот один из наглядных примеров того, как разведение чужеземных птиц отразилось на безобидных представителях мира насекомых.

Далеко не все насекомые, подобно странствующему листу, имеют сородичей в таких близлежащих районах, как Цейлон. Скотт подтверждает, что «в ряде случаев родственников эндемичных насекомых Сейшельских островов следует искать не в ближайших странах восточного региона (в Индии, на Цейлоне), а значительно дальше — на Индо-Малайских и (или) Австрало-Малайских островах, вплоть до самых удаленных на восток».

Он видит признаки истощения как в относительно бедной видами местной флоре, так и в ограниченном составе насекомых. Растительный и животный мир некогда был богаче, то, что сохранилось — лишь «остатки флоры и фауны очень большой, почти исчезнувшей земли».

Скотт подразумевает при этом существование в прошлом одного большого острова, каким определенно были Сейшелы в эпоху ледникового периода. Впоследствии, когда поверхность суши уменьшилась с 50 тысяч квадратных километров до нынешних 230 квадратных километров, они потеряли множество видов животных и растений. Ученый воспринимает различные вклады в островную фауну как «сильное подтверждение в пользу признания Сейшел не в качестве типичных океанских островов, а как отживший континентальный тип»...

Гранитные скалы в океане. Гипотетическая Лемурия.
Континент-гигант треснул. «Континентальные» животные
на Сейшелах. Растительный мир и ботаник-малOVER.

Путь к ясности

Часа два я прогуливался вдоль побережья острова Ла-Диг, самого красивого из Сейшельских островов. Я проходил то отмели, покрытые тончайшим белым коралловым песком, то фантастические нагромождения из причудливого красноватого гранита, отшлифованного морем. Временами я приближался к самой воде в поисках ракушек, выброшенных волнами с коралловых рифов, или перебирался на тропинку, кое-где огороженную каменными плитами. Очевидно, старательный владелец этого участка земли хотел превратить тропинку в проезжую дорогу, да так и не успел закончить задуманного.

Возле заливов эти каменные бордюры, похожие на ограду, уходили в глубь острова, отклоняясь то в одну, то в другую сторону под натиском высоких и массивных скал. Незаконченная дорога вела к равнине, где между кокосовыми пальмами и хлебными деревьями стояло несколько небольших домиков из некрашенных досок, с крышами, покрытыми пальмовым листом.

Как только я присел на край ограды, чтобы насладиться спокойствием и тишиной, между домами появился человек, подошел ко мне, поприветствовал и спросил по-креоло-французски:

— Как вас зовут, патер? Из какого вы приходите, отец?

К его удивлению я ответил:

— Я всего лишь отец семейства.

Его вопрос меня не удивил. Нечто подобное случилось и раньше — на Сейшелах и в Вест-Индии. Многие, при виде моей курчавой бороды, приветствовали меня словами: «Добрый день, отец мой! Добрый день, мосье»

кюре!» Здесь, как и в Вест-Индии на французских Антилах (Мартинике и Гваделупе), католические священники относятся к ордену, члены которого обычно отрачивают бороды. Черная сутана не обязательна из-за тропической жары; священники порой охотно ходят в шортах и рубашке. Достаточно иметь хорошую бороду, чтобы тебя могли причислить к служителям церкви.

Некоторые священники проявили здесь себя как усердные естествоиспытатели. Среди них наиболее известен отец Филибер де Люллен, в конце XIX века опубликовавший свои трактаты о бабочках и морских водорослях. Я не знаю, задавал ли он себе вопрос, почему господу богу вздумалось разместить острова из гранита посреди Индийского океана?

Во всяком случае другие исследователи не перестают удивляться тому, что Сейшелы «сооружены» из красного и серого гранита, в то время как «подчиненные группы островов» — например, Амиранты — атоллы и образовались на других неглубоких подводных банках, а Маскарены — относительно молодые вулканические острова. На Реюньоне, например, есть даже активно действующий вулкан. Сейчас уже известно, что в Мировом океане нет гранитных островов, подобных Сейшелам.

Обычно гранитные острова непосредственно связаны с близлежащим континентом. Такие докембрийские породы, как гранит, — вообще не океанические. Они принадлежат к континентальной среде. Дно океанов не имеет традиционных континентальных горных пород. Под рыхлыми напластованиями дна находят кору из базальта. Она покрывает другую, более пластичную, внутреннюю оболочку земного шара. Континенты «плавают» в Мировом океане примерно так же, как айсберги в море. Основная часть их массы находится под поверхностью воды. В то время как базальтовый слой дна океана по толщине не превышает нескольких километров, толщина континентов — 35 километров и более.

Сейшелы, или, точнее говоря, неглубокая Сейшельская банка, с которой эти острова поднимаются над водой, имеет толщину почти приближающуюся к континентальной. В довершение ко всему обнаружено, что возраст основной составной части островов — рогового сланцевого гранита — 650 миллионов лет, что подтверждает факт ее образования из остывшей, затвердевшей массы зем-

ной коры до того, как на земле началась колонизация суши. К этому выводу пришли геофизики, исследовав содержание гранита радиоактивными элементами.

Кое-где на островах встречаются скалы более темного цвета. Они, по мнению ученых, еще старше. В других местах наличие вертикальных слоев базальта свидетельствует о том, что магма пробилась вверх и застыла в расщелинах гранита примерно 600 миллионов лет назад. Но еще более примечательно то, что на Сейшелах имеются вулканические горные породы значительно более позднего происхождения.

Плоскогорье на острове Силуэт состоит из сиенита — горной породы, похожей на гранит, но содержащей значительно меньше кварца. Сиенит, очевидно, застыл в пустотах гранитных скал, в своеобразной магмовой камере под давным-давно исчезнувшим вулканом. Его возраст геофизики определяют примерно в 50 миллионов лет. Следовательно, его происхождение относится к началу третичного периода. В таком случае можно предположить, что вулканическая активность, которая привела к образованию сиенита, связана с изменениями в земной коре, заставившими «микроконтинент» Сейшел оказаться в том месте, где он находится в настоящее время?..

Когда генерал Чарлз Гордон во время своего пребывания на Сейшелах в 1881 году решил, что острова представляют собой горные вершины затопленного континента, оказалось, что эта его идея не столь уже оригинальна, если не принимать во внимание религиозные домыслы о всемирном потопе и месте расположения садов Эдема. Уже в конце XVIII века Грандпре использовал выражение «осколки искалеченного континента». А после того, как дарвинизм революционизировал образ мышления и все большее число исследователей стали пытаться найти естественное объяснение современному расселению животного мира на земле, у спекулятивной идеи о существовании «сухопутных мостов» вдоль и поперек океанов мира появилось множество сторонников.

Французский зоолог Жоффруа Сент-Илер примерно в 1840 году писал о том, что фауна Мадагаскара «намного больше отличается от близлежащей Африки, чем от Индии, гораздо более отдаленной». Он хотел рассматри-

вать Мадагаскар как самостоятельный зоогеографический регион — и получил в этом поддержку как со стороны орнитологов, так и от других ученых-естествоиспытателей. Англичанин Филипп Л. Склетер в 1863 году пошел еще дальше, предположив, что существование единой затопленной части мира объясняет наличие полуобезьяны и в Африке, и на Мадагаскаре, и в Индии, и в Юго-Восточной Азии. Поскольку эти полуобезьяны называются лемурами, он дал своему гипотетическому континенту название Лемурия. Он считал, что животные этого вида развились именно там. Часть их затем мигрировала на другие близлежащие континенты, но большинство осело на Мадагаскаре именно в тот период, когда остатки их родины затонули в океане, а на поверхности остались лишь малые островные группы типа Сейшел.

Сторонником этой идеи был также представитель эволюционного учения в Германии Эрнст Геккель, высказавший в своей «Естественной истории мироздания» (1868)* мнение о том, что «прародиной человека был лежащий под зеркалом воды Индийского океана затопленный континент, который к югу от современной Азии (и, вероятно, в непосредственной связи с ней) тянулся, с одной стороны, на восток до восточной части Индостана и Зондских островов, с другой — на запад до Мадагаскара и Юго-Восточной Африки... Если мы примем эту Лемурию за прародину, то тем самым через миграцию легчайшим образом объясним географическое распространение различных видов человеческого рода».

Поскольку теория происхождения человека в тот период была главной темой всех дебатов, можно предположить, что и генерал Гордон не только слушал беседы о гипотезе Склетера относительно Лемурии, но, рассматривая, затаив дыхание, на Праслене место сотворения человека, находился тем не менее всецело под влиянием Геккеля.

Сам же Дарвин, относивший людей с различным цветом кожи к разным географическим расам, а не различным видам, писал в письме от 1876 года своему единомышленнику по эволюционной теории Альфреду Уоллесу, что он не верит в так называемый континент Лемурию. Столь же скептически воспринимал эту идею и Уоллес.

* Цит. по: А. Ф. Åkerberg. Naturlig Skapelsehistoria. Stockholm, 1882 (примеч. авт.).

В книге «Жизнь на островах» (1880) он тщательно систематизировал то, что было известно о различных тропических островах с их животным и растительным миром. Он отмечал, что «Сейшелы стоят на довольно обширной мелкой банке», и определил их флору как «уцелевшие остатки частичного затопления очень обширного острова». Отсутствие на этом острове сухопутных млекопитающих Уоллес объяснял тем, что Сейшелы либо никогда не были связаны с Мадагаскаром, либо подверглись серьезному наводнению, приведшему к гибели млекопитающих.

Этот ученый был убежден, что Мировой океан и континенты — довольно постоянны, и, поскольку на Мадагаскаре сухопутные млекопитающие не имели родственников лишь в Азии, он считал, что все их основные виды пришли из Африки очень давно. С другой стороны, по его мнению, наличие крупных затонувших островов позволило летающим животным, например птицам и летучим мышам, расселиться на Мадагаскаре.

Эта часть его рассуждений в конечном итоге оказалась более убедительной, чем он сам полагал. Намного позже стало известно, что Сейшельская банка, банка Амирантов и многие другие подводные банки между Индией и Мадагаскаром были участками суши в различные времена плейстоцена, т. е. «ледникового периода», когда в глыбах материкового льда скопилось такое количество воды, что мировые моря обмелели и их поверхность опустилась примерно на 140 метров ниже, чем сейчас. Это обеспечило возможность миграции животных в различных частях света, в том числе из Азии, через современный Берингов пролив в Северную Америку. Летающие животные и даже другие типы животных во «времена великих отливов» могли совершать «прыжки через острова», минуя Индийский океан.

В наши дни гипотеза Уоллеса стала истиной, доступной школьнику. В XX веке интерес к гипотетической Лемурии пропал, особенно с тех пор, как было обнаружено, что наличие такого континента не может объяснить миграцию полуобезьян, ради которых Скелетер «открыл» свой континент. Сейчас известно, что полуобезьяны Африки и Азии не очень близки мадагаскарским полуобезьянам, более того, в начале третичного периода, 50—60 миллионов лет назад, полуобезьяны обитали во многих

частях света, включая Европу и Северную Америку. Зоогеографы на этом основании полагают, что Мадагаскар получил своих «пралемуров» через Африку в ранний третичный период, когда существовала сухопутная связь через нынешний Мозамбикский пролив или, даже если ее не было, через море.

Но ряд имеющихся факторов усложняют картину. Растительность и животный мир Мадагаскара свидетельствуют о контактах, уходящих в глубь веков, а на Сейше-лах не только горные породы дают повод предположить, что острова эти были некогда частью одного континента...

Еще Дарвин во время своего кругосветного плавания на «Бигле» в 1832—1836 годах отмечал, что в Австралии и в Южной Африке есть пласты желтого песчаника одного и того же вида. А в 1847 году один английский ботаник сообщал, что обнаружил такой же песчаник в Антарктиде. Вскоре факты подобной геологической схожести, характерные для континентов Южного полушария, стали обнаруживаться один за другим. Кроме того, англичанин Блэдфорд открыл наличие одинаковых ископаемых растений в Южной Африке и Индии. Он выдвинул гипотезу, согласно которой эти страны во времена жизни обнаруженных видов растений, т. е. около 250 миллионов лет назад, в пермский период, составляли, по его словам, «индоокеанический континент».

Это позволило выдвинуть еще более смелые идеи. Так, в 1885 году австриец Зюсс сделал набросок единого, гигантского, южного континента, который, как он считал, располагался на всем пути от Австралии через Индийский океан, Мадагаскар, Африку, Атлантический океан до Южной Америки. К нему относились также Антарктида и Индия. Зюсс назвал свой континент Гондваной.

У зоогеографов эта догадка вызвала бурю восторгов: существование пра-континента объясняло целый ряд проблем, более важных, чем решали в свое время Лемурия и гипотетические затопленные сухопутные мосты, по которым могла осуществляться миграция животных и растений с одной части света на другую. Возникла возможность более глобальных обобщений. Существование Гондваны объясняло, например, почему рыбы, дышащие легкими, имеются в Австралии, в Африке и в Юж-

ной Америке, сумчатые животные — в Австралии и Южной Америке, а близкие родственники южноамериканских удавов и ящерицы-легуаны живут только на Мадагаскаре.

Предстояло, однако, ответить на вопрос, как могли эти части света удерживаться в пределах одного континента-гиганта? Некоторое объяснение этому было получено, когда немец Альфред Вегенер в 1915 году изложил теорию континентального сдвига, развив ее впоследствии. Еще в 1858 году геолог Снайдер заметил, что восточная береговая линия Северной и Южной Америки удивительно совпадает с линией западного побережья Европы и Африки, а в 1889 году некий Мантовани с Реюньона в местном научном журнале опубликовал статью, в которой говорилось, что все массы земли Индийского океана можно условно соединить, как бы собрать воедино.

Эти и многие другие идеи Вегенер принял безоговорочно. Он полагал, что все континенты земного шара примерно 200 миллионов лет назад были объединены и образовывали гигантский континент Пангею. Однако этот континент дал трещину, в результате чего Южная Америка в меловой период начала отделяться от Африки и «отплыла» на запад. Позднее Индия «переехала» на север, Австралия — на восток, а Антарктида — на юго-запад. В последнюю очередь, в ледниковый период, от Европы отделились Северная Америка и Гренландия.

Правда, некоторые части Пангеи находились под водой. Между общей для южных континентов землей Гондваны и Евразией северных континентов лежало море Тетис. Отдельные его напластования сморщились и образовали горные цепи типа Альп в Европе и Гималаев в Азии.

В то же время основные массы суши в третичный период обрели конфигурацию, близкую к современной. Но Тетис было относительно мелкое «межземное море», дно которого имело континентальный характер. В принципе все земные поверхности когда-то были взаимосвязаны и окружены единым, гигантским по размеру, океаном. Так было до тех пор, пока Пангея не разорвалась и ее обломки не начали разъезжаться в разные стороны.

Естественно, эта теория вызвала бурную дискуссию. Многие отказывались верить тому, что континенты вообще способны перемещаться. Пытались найти всевозмож-

ные объяснения огромному числу параллелей, обнаруженных в скальном грунте различных континентов, в характере растительности и животного мира по обе стороны океанов.

Южноафриканский геолог Дю Тойт в 30-е годы нашего века доказал, что части Южной Америки, Южной Африки, Индонезии и Австралии 200 миллионов лет тому назад были покрыты общим материковым льдом. Но его противники говорили: это было так давно, что, если даже допустить мысль о плотном соединении континентов друг с другом, она все равно не объясняет, каким образом развившиеся позднее группы животных могли оказаться в различных частях света. Кроме того, часть геологов совершенно определенно утверждала, что возраст Атлантического и Индийского океанов исчисляется, по крайней мере, двумя сотнями миллионов лет.

В разгаре дискуссии зоогеографы опасались ссылаться на Гондвану и теорию континентального дрейфа и охотно вернулись к измышлениям о существовании нелепейших, похожих на Панамский перешеек «сухопутных мостов» между Южной Америкой и Африкой — и даже через весь Тихий океан от Австралии до Южной Америки. Все это не объясняло, почему, например, сумчатые животные имеются на разных континентах. В связи с этим в начале 30-х годов вспомнили даже уже забытую Лемурию, правда, теперь она стала узким сухопутным, «языкообразным» полуостровом, протянувшимся от Индии до Мадагаскара.

Однако каким бы образом ни появилась Сейшельская банка в том месте, где она находится теперь, на этом просторном плато площадью в 50 тысяч квадратных километров с гранитом, покрытым во всех низинах коралловым песком и известковым шлаком, — все свидетельствует о том, что «изначально» это плато располагалось много выше и поднималось над водой как единый гигантский остров.

Под воздействием солнца, ветра и дождей здесь, как и во всех других местах, происходила эрозия горных пород, а море медленно, миллионы лет, надвигалось на сушу. И постепенно погибали отдельные представители животного и растительного мира Сейшел.

На многих гранитных островах, на высоте девяти метров над уровнем моря, встречаются остатки коралловых рифов. Эти кораллы, очевидно, были живыми в так называемый межледниковый период, когда вода еще меньше, чем сейчас, была связана с материковыми льдами у полюсов и вся низина у берегов Сейшел (плато, образованное из навесных с гор пород) находилась ниже уровня моря.

После столь существенных катаклизмов и преобразований, к которым прибавилось двухсотлетнее хозяйничание человека, когда он тащил вслед за собой на острова весь свой «скарб» из культурных растений и домашних животных, а также сорняков и вредителей, следует удивляться тому, как вообще могли сохраниться здесь растения и животные, ведущие свое происхождение из глубины веков. Конечно, такие растения прежде всего следует искать в горной среде над бывшим уровнем моря. А что касается животных, то они относятся к тем группам, которые не могут долго передвигаться ни по воздуху, ни в соленой воде океанов.

Таких животных на Сейшелах немного. Но все-таки имеется несколько видов, которые не смогли бы ни при каких условиях даже достичь гигантского острова, если бы в свое время он не примыкал к какому-либо континенту. Хью Скотт относит к ним прежде всего мелких хрупких жуков из семейства *Helodidae*, привыкших к влажной почве и выращивающих потомство в пресной воде, а также эндемичные виды примитивных бескрылых насекомых из класса *Apterygota*. К ним относятся ночные сетчатокрылые (*Trichoptera*), такие же хрупкие и недолговечные, как дневные сетчатокрылые (*Ephemera*). Они тоже развиваются в пресной воде и не способны к длительному передвижению по воздуху. На Гавайях, с которыми Скотт сравнивает Сейшелы, нет этого типа, их нет и на других океанических островах, куда все представители животного мира мигрировали морем.

На Азорских, Гавайских, Галапагосских, а также Андаманских, Никобарских, Маскаренских и других океанических островах нет и местных земноводных. Те земноводные, которые сейчас встречаются, например, на Маврикии и Реюньоне, были привезены сюда для борьбы с насекомыми-вредителями. Бернарден де Сен-Пьер, например, в 1770 году в книге «Путешествие на Остров де

Франс»* пишет: «Здесь попытались, но без успеха, ввезти лягушек, поедающих яйца комаров, которые те откладывают в стоячей воде».

Однако в горах островов Маэ и Силуэт живут маленькие луковичные лягушки. Им, несомненно, потребовалось очень много времени, чтобы развить свои отличительные черты. Совершенно неприемлема идея, что эти лягушки, как и очень чувствительные к среде подземные земноводные, успевшие развиться в эндемичные семейства и виды, могли быть занесены сюда за тысячи километров волнами и течением. Наличие их на Сейшелах тем более интересно: ведь обе эти группы представлены в Африке и Индии, но их нет на Мадагаскаре.

Кроме морской рыбы там, где речки впадают в море и где морская вода у берегов смешана с пресной, можно встретить угря (*Anguilla bicolor*). На островах Маэ, Праслен и Силуэт имеется даже настоящая пресноводная рыба (на других океанических островах рыбы местного происхождения не водятся). Это, например, небольшой яйцекладущий зубастый карп (*Pachyranchax playfairi*). Впервые он был обнаружен полковником Плейфромом в 60-х годах прошлого века.

Существует множество книг об «аквариумных рыбах». Авторы их единодушно утверждают, что эти виды либо встречаются у восточноафриканского побережья от Занзибара до Мозамбика, либо относятся лишь к «Сейшелам, Мадагаскару и Занзибару». Однако южноафриканский специалист профессор Смит уже в 1963 году в своей большой работе «Рыбы Сейшел» писал, что небольшая *goi jon* водится лишь на Сейшелах — хотя с годами она и стала «популярной аквариумной рыбкой». Могла ли она отсюда добраться до Занзибара и других мест с помощью энтузиастов по разведению аквариумных рыб? Или авторы книг выдвигают заведомо ложные теории? Я обнаружил, что на Мадагаскаре, на северной оконечности острова, водится рыба, близкородственная аквариумным. Это либо какой-то особый вид, либо один из подвидов сейшельского зубастого карпа. Наличие этой рыбы

* Издана под псевдонимом Un Officier du Roi (Офицер короля). Бернарден де Сен-Пьер больше всего известен своими руссоистско-романтическими произведениями «Поль и Виргиния» (1787), «Индийская хижина» (1790) и «Суражская кофейня» (1791) (примеч. авт.).

на Занзибаре подтвердил профессор Рагнар Ульссон из Стокгольма, приславший мне выдержку из современной немецкой работы «Рыбы аквариумов в словах и картинках», где некий господин Артур Рахов рассказывает, что в 1924 году он, к своему большому удивлению, получил из Занзибара посылку с этой рыбой.

Один немецкий коллекционер рыб сообщил, что в парке рядом со столицей Занзибара он в большом количестве ловил *Pachyranchox playfairi*, которая «до этого была известна лишь как местная рыба различных островов Сейшел, обитавшая к тому же в горных водах».

Можно подозревать, что на Занзибар эту рыбу завез сам полковник Плейфер. Он служил там некоторое время и, должно быть, очень гордился тем, что этот небольшой зубастый карп назван его именем. Впрочем, можно предположить, что эта рыбка родом с Сейшел, а все другие места ее находок объясняются «вмешательством в фауну» человека. В таком случае *Pachyranchox playfairi* вместе с насекомыми типа ночных и дневных сетчатокрылых, а также эндемичные земноводные являются зоогеографическим подтверждением гипотезы о континентальном происхождении Сейшел, того именно факта, что в период, когда основные составные части южного огромного континента Гондваны медленно отдалялись друг от друга, Сейшельская банка приобрела, так сказать, самостоятельность.

Принимая во внимание эволюцию Сейшельских островов в третичный период и в плейстоцене, не удивительно, что многие ботаники отмечают известную бедность флоры этой островной группы, несмотря на обилие зелени. Американец Джонатан Дауер в работе «Растения и люди на побережье Сейшел», изданной в 1967 году, утверждает, что панданус — по сути дела единственный эндемичный вид деревьев побережья; кроме него в глубине острова имеется лишь около дюжины видов папоротников и менее сотни цветковых растений, не встречающихся в других частях света.

Даже если мы добавим к этим эндемичным видам другие, предположительно характерные для островов еще до колонизации, но встречающиеся в иных частях света, то и в этом случае общее число их окажется не-

большим. Так, например, у побережья — всего 57 видов местного происхождения, а в гористых районах обнаружено лишь около 250 различных эндемичных цветковых растений и папоротников.

Отдельные горные эндемичные растения довольно интересны. Естественно, что за десятки миллионов лет механизм эволюции преподносил большие сюрпризы. Например, вполне вероятно, что отличительные признаки сейшельской пальмы развились уже после изоляции островного мира. Она относится к афро-азиатскому подсемейству пальм *Borassoideae*. Но из-за своих плодов (двойных кокосовых орехов) она называется кокосовой пальмой, хотя и относится к подсемейству *Coccoideae*.

Наличие столь крупных «семян» является признаком некоторой «физической неполноценности» дерева. Из-за тяжести своих плодов пальмы не могут расти на склонах гор, а лишь в долинах. Но сейшельские пальмы можно встретить и на вершинах гор и холмов, что объясняется, вероятно, их происхождением от пальм, которые и миллионы лет тому назад также росли высоко в горах Сейшел.

Одновременно сейшельская пальма не обладает способностью обычных кокосовых пальм перебираться на новые острова и побережья морем. Обычные кокосовые орехи, как известно, довольно долго побывав в соленой воде, сохраняют всхожесть и легко прорастают на побережье, но еще никогда не случалось, чтобы заброшенные волной на берег двойные кокосовые орехи пустили побеги. Однако трудно утверждать, что именно пребывание в соленой воде губит их; может быть, на «чужих» побережьях нет необходимых для этих гигантских семян климатических условий: ведь для прорастания им требуется восемнадцать месяцев.

Среди эндемичных растений на Сейшелах есть одно, которое настолько сильно отличается от всех известных растений мира, что ботаники считают возможным рассматривать его как самостоятельное семейство. Из-за сходства своих плодов с медузами, оно получило название *Medusagyne oppositifolia*. Начальник Департамента сельского хозяйства Сейшел Лионне, усердно популяризирующий флору и фауну островов в местных публикациях, называет его «растение-медуза».

Уникальное растение было обнаружено в 70-х годах

прошлого столетия в средней части острова Маэ, где оно росло в расщелинах скал высоко в горах Себер. В последний раз ботаники видели его в 1908 году. После этого, несмотря на длительные поиски, никто не встретил его ни на Себере, ни на других горах. Возможно, его небольшая популяция давным-давно «отошла в лучший мир», хотя некоторые специалисты надеются все же отыскать это удивительное растение. Как полагает Лионне, нет полной уверенности в исчезновении растения-медузы. А англичанин Джеффри в 1968 году в «Приложении» к Упсальскому симпозиуму на тему «Охрана растительности в Африке к югу от Сахары» писал даже, что растения-медузы могут быть обнаружены на Себере на высоте более 450 метров. Более того, он считает, что для этой горы характерно удивительное скопление редких видов растительности, в числе которых — эндемичная рандия (*Randia sericea*) и эндемичный ползучий непентес (*Nepenthes pervillei*).

Эти растения обычно неразлучны и никогда не встречаются отдельно друг от друга, но причины данного симбиоза еще никому не удалось определить. Непентесы живут за счет насекомых, которых они «вылавливают» в глубоких кувшинах своих листьев. Насекомое, привлеченное яркой окраской кувшина, попадает в него и быстро растворяется в специальной жидкости, находящейся на дне.

Особенно распространена эта загадочная пара растений на острове Силуэт, где целая гора носит имя одного из них: гора Пот-а-О (Лазящий водяной кувшин). Удивительно то, что непентес растет на Сейшелах, ведь центр его популяции — далекий Борнео. Судя по всему, это растение (как и многие насекомые) мигрировало сюда из Юго-Восточной Азии через Цейлон. Но в то время как «странствующий лист», например, так никогда и не «забрел» дальше Сейшел, непентес продолжал свой путь до Мадагаскара, где возник вид, который оказался, как ни курьезно, первым из местных растений, известных в Европе в XVIII веке.

Индо-малайский вклад в материковую флору Сейшел — как и в мир насекомых — очень заметен. Состав видов насекомых островного мира буквально поразил энтомолога Скотта. Он утверждал даже, «что если Сейшелы и укладываются в какой-нибудь из крупных (зоогео-

графических) регионов, то все равно их следует определить как особый Восточный подрегион»*.

Очевидно, здесь должно было произойти что-то такое, что в какой-то период времени способствовало распространению флоры и фауны именно с востока. Среди семи эндемичных орхидей этих островов выделяется один безлистный вид (*Vanilla phalaenopsis*), имеющий ближайших диких сородичей на Цейлоне и Яве. Но есть на островах и растения с явно выраженными африканскими признаками. «Должны были существовать близкие связи с тропической Азией и Африкой в то время, когда современные виды и подвиды растений уже существовали, возможно в начале третичного периода», — заметил в 1922 году немецкий ботаник Дильс, веривший в Лемурию и называвший виды, общие для Мадагаскара и Маскарен, «лемурийским элементом».

На Сейшелах нет недостатка и в таких растениях, которые имеют общетропическое распространение. Так, крупнейший из всех эпифитных** папоротников «птичье гнездо» (*Asplenium nidus*) имеется в тропических лесах Западной Африки, Азии, Австралии и Полинезии. Но основное число общих для тропиков видов растений встречается на побережье. Это и естественно, поскольку прибрежные растения, как правило, лучше приспособлены к миграции морем. Среди них, кроме кокосовой пальмы, следует отметить вьющийся, сдерживающий сыпучесть песка, родственник батата *Ipomoea pes-caprae*, и ценное дерево такамака (*Calophyllum inophyllum*), древесина которого используется для строительства судов и всевозможных столярных поделок.

Можно совершенно определенно утверждать, что островная флора и фауна время от времени получала «пополнения» через океан — как семенами, прибывшимися к берегам волной, так и с помощью птиц, приносявших

* Чаше всего зоогеографы объединяют Сейшелы с Маскаренами, Коморскими островами и Мадагаскаром и рассматривают все эти острова как особый зоогеографический регион — Мадагаскарский или как подотдел Эфиопского региона. В последнем случае юг Африки, начиная от Сахары, считается основной его частью (*примеч. авт.*).

** Эпифиты — растения, обитающие на других видах растений, но в отличие от паразитов не высасывающие пищу из своего «места обитания». Тропики обычно богаты эпифитами, живущими на деревьях (*примеч. авт.*).

семена и зерна в своем оперении. К остаткам первоначальной, «континентальной», флоры, возможно, следует отнести лишь те виды, которым потребовалось бы крайне много времени для их развития в нынешней горной среде. Речь идет, например, о сейшельской пальме и еще о пяти эндемичных семействах пальм с таким же количеством видов.

Поскольку на Мадагаскаре и Маскаренах имеются другие эндемики, а также много растений, напоминающих азиатские и африканские, не приходится удивляться тому, что есть еще ботаники, верящие в Лемурию. По-видимому, они не хотят считаться с мнениями современных океанографов о затонувших континентах. Так, голландец Стенис в 1962 году в объемистой диссертации, напечатанной в журнале «Блюмэа», утверждал, что «должна была существовать связь в виде перешейка между Мадагаскаром и Цейлоном через Сейшельско-Коморскую банку (Лемурию)».

Но встречаются случаи противоположной «ограниченности мышления». Например, Зауер, в заслуживающей внимания книге о прибрежной флоре Сейшел, категорически отказывается признавать наличие континентальных элементов в его флоре и фауне. Он как специалист по растениям морских побережий, большинство которых мигрируют морем, отрицает все остальные виды миграции, и не учитывает при этом, что на гранитных островах имеются, например, чувствительные к соленой воде земноводные. Этот автор делает вывод, что и растения и животные «могли достичь Сейшел трансокеаническим путем с такой же легкостью, как они добирались до многих других островов, типа Гавайской группы, для которых континентальная связь немыслима».

На Гондвану рассчитывать нечего, считает он. Если вообще такой континент когда-либо и существовал, то он треснул по крайней мере двести миллионов лет назад, т. е. еще до появления цветковых растений. Существование относительно небольшого числа различных видов со смешанным происхождением, а также родством с востоком и западом — все это, по Зауеру, закономерное следствие длительной миграции: капризного, случайного рассеивания, повторяющихся случаев, короче, гораздо легче представить себе «дрейфующие» виды, чем континенты...

В 60-х годах восемнадцать стран снарядили свои экспедиции геофизиков и океанографов в Индийский океан. Эти коллективные исследования назывались «Международной Индоокеанской экспедицией». Еще во время океанографического кругосветного путешествия в 1928—1930 годах на судне «Дана», оплаченного датскими нефтепотребителями через Карлсбергский фонд, была открыта гигантская подводная цепь, получившая название Карлсбергская гряда*. Она тянется от бухты Аден вниз на юго-восток немного восточнее Сейшельской банки и восточнее Маскарен, расположенных еще южнее.

Позднее было обнаружено, что для каждой из горных цепей, входящих в мировую вулканическую горную систему на дне океанов, характерны срединные осевые ложбины, прерывающиеся в разных местах. Одно ответвление Карлсбергской гряды, например, продолжается от южной Африки к югу, вплоть до Атлантического срединного хребта, а он, в свою очередь, тянется в направлении Исландии. Другое ответвление этой гряды отклоняется к юго-востоку и проходит между Австралией и Антарктидой.

Большинство специалистов сейчас полностью убеждено, что не существует никаких затопленных континентов: ни Атлантиды в Атлантическом океане, ни Лемурии — в Индийском. Вновь приобрела популярность теория континентального расщепления, хотя и не совсем в том варианте, как ее представлял Вегенер. Правда, выводы сторонников этой теории порой противоречат друг другу. Так, американец Фэрбридж полагает, что южные континенты никогда не входили в состав единого континента — Гондваны. Они всегда были разделены водными бассейнами. Австралия же, начиная с каменноугольного периода, то есть примерно 300 миллионов лет тому назад, отошла от нынешней Юго-Восточной Азии, таща за собой Антарктиду, и поплыла вниз через «нынешний» Индийский океан, где после длительных «странствий» остановилась на своем теперешнем месте.

Кому-то, безусловно, хочется представить себе, что Мадагаскар был некогда частью Индии. Другие считают, что этот крупный остров, как и Сейшельская банка,

* В советской географической литературе эту подводную гряду принято называть Аравийско-Индийским хребтом (*примеч. пер.*).

находился некогда по соседству с современной Танзанией и Кенией, а Индия к югу от них соединялась с Южной Африкой. Но все ученые единодушно признают, что на территории нынешнего Индийского океана некогда произошли крупные изменения, а большинство, к тому же, считают вулканические цепи с продольной впадиной по середине остатками той самой линии, по которой в свое время «разорвались» континенты.

Вариант этой же теории нашел отражение в работе американца Роберта С. Дитца, опубликованной в журнале «Нью Фронтир». Он предполагает, что щели образовались на территории нынешнего Индийского океана, в результате чего Индия отделилась от Африки. Затем, после того, как отошел Мадагаскар, щель распространилась на юг и прошла вдоль юга Африки до южной оконечности Южной Америки, мыса Горн. Антарктида и Австралия при этом оказались отрезанными от остальных частей. Затем трещина отклонилась на север, отделив Южную Америку от Африки, и так далее. Африка, по мнению этого автора, в основном приобрела свою нынешнюю береговую линию к концу юрского и началу мелового периода, то есть 150—100 миллионов лет назад. Однако на северо-востоке она окончательно оформилась позже: 15—20 миллионов лет назад, когда трещина Карлсбергской гряды прошла между Африкой и Аравией. Потом образовался дополнительный разрыв и через Восточную Африку в виде длинной системы впадин, где находятся озера Альберт, Эдуард и Танганьика.

Естественно, отдельные исследователи расходятся во взглядах относительно периодов возникновения тех или иных трещин, по-разному оценивают силы, способствующие их возникновению и распространению. Но для всех совершенно ясно, что Красное море является «новообразованием». Его можно считать «океаном», находящимся в процессе становления. В свою очередь, впадины в Восточной Африке можно рассматривать как свидетельства начала нового процесса расщепления. Большинство ученых считают также установленным, что из-за столкновения Индостана с Азией Гималаи «сморщились», а Тибетское плато вытеснилось вверх. Основную фазу этого горообразования относят к такому позднему времени, как середина третичного периода (примерно 70 миллионов лет назад).

Как Сейшелы (по времени и пространству) вписываются в эту индоокеаническую загадку континента — неизвестно. Одно ясно, что скорее всего они были связаны с Африкой, так как лежат на той же самой стороне от большой разделительной линии Карлсбергской гряды. А поскольку значительные преобразования еще в третичный период коснулись и Восточной Африки и Индостана, вполне возможно, что и Сейшельская банка «дрейфовала» в какой-то отрезок именно этого времени.

Дискуссии на эту тему, конечно, будут продолжаться. География западной части Индийского океана с его многочисленными континентальными «осколками» довольно сложная. Это касается и Амирантской банки — маленького цоколя, где лежат острова Альдабра, и многих других мест с многочисленными атоллами. Кроме того, совершенно неясно, являются ли Маскарены частицей континента, или они относятся к чисто вулканическим образованиям.

Во всяком случае нет никакого повода сомневаться в том, что Сейшельская банка отделилась так поздно, что к этому времени на континенте уже были и цветковые растения и земноводные животные. Луковичные лягушки, к примеру, имелись в Европе 40—50 миллионов лет назад. Пальмы существовали уже в триасовый период — примерно 200 миллионов лет тому назад. Меловой период, начавшийся примерно 140 миллионов лет назад — возможно, за сто миллионов лет до отделения Сейшел от Африки, — был временем, когда цветковые растения и их непременные спутники — насекомые широко распространились на земном шаре.

Конечно, от человека в известной мере зависит дальнейшая судьба последних растений и животных, прародителей которых, возможно, морем прибило к тому большому острову, каким была Сейшельская банка. Но представить себе, что с ними произойдет в будущем, не так уж сложно.

Уже сейчас море размыло некогда крупный остров до такой степени, что над поверхностью воды сохранились лишь небольшие его осколки. Несомненно и современные гранитные острова постепенно исчезнут под воздействием солнца, дождей и морских волн. Но этот процесс будет длиться миллион и более лет. Ледниковый период не завершился. Мы просто-напросто живем в относитель-

но свободной ото льда межледниковой фазе, подобной тем, которые уже неоднократно имели место в интервалах между четырьмя оледенениями плейстоцена в Северном полушарии. Возможно, Сейшелы еще раз — или много раз — окажутся первичными (докембрийскими) вершинами на высохшей банке в океане, в то время как новые материковые льды нагромоздятся над Евразией и Северной Америкой.

РАЗГРАБЛЕНИЕ, ВОЗДЕЛЫВАНИЕ И ОХРАНА ПРИРОДЫ

От девственного леса до мусорной свалки. Удачливое дерево — корица. Ваниль и пачули. Продукты питания и хлопок. Кокосовые пальмы, тодди и копра. Кофе и чай.

Планы по охране природы

Романтики представляют Сейшелы как тропический остров-рай с кокосовыми пальмами на побережье из кораллового песка, гранитными скалами, покрытыми зеленью до самых вершин, с проступающими кое-где каменистыми утесами или отвесными скалистыми стенами, которые усиливают общее впечатление величественной красоты. Даже известный знаток тропиков, профессор Ханс Петтерсон, посетивший эту островную группу в 1948 году, когда шведская океанографическая экспедиция «Альбатрос» совершала кругосветное путешествие, считал, что остров Маэ с его главным городом Викторией у подножия могучих гранитных утесов — один из прекраснейших в мире уголков Земли.

Наверно, еще более привлекательными казались эти гранитные острова их первооткрывателям. «После периода крупных преобразований на земном шаре,— писал Грандпре, завершив путешествие на Сейшелы в 1789 году,— природа, наконец, нашла время и нагромодила на этих островах такое огромное количество растительности, что сейчас они почти полностью покрыты толстым слоем гумуса, исключая места, поверхность которых не могла способствовать этому. Поскольку к тому же Сейшелы посещаются недавно, начиная с нынешнего столетия, они повсюду преподносят путешественникам сюрпризы, и прежде всего прекрасную растительность».

Отчасти это сохранилось до настоящего времени, особенно благодаря муссонам, приносящим на острова во все времена года обильные осадки. В апреле — сентябре, когда дует юго-восточный муссон, количество атмосфер-

ных осадков в низине, у Виктории, колеблется между 63 и 188 миллиметрами в месяц, а в период северо-восточного муссона (октябрь—март) ежемесячно выпадает от 225 до 375 миллиметров. За год Виктория получает 2250, а горные районы — свыше 4000 миллиметров осадков.

Но более внимательный путешественник легко обнаружит, в каком бедственном состоянии находится природа этого островного рая. Еще в самом начале колонизации французы вырубали леса на Сейшелах для строительных работ на Маврикии. Лес вывозился на специальных судах, командиры которых заставляли местное население валить подряд все деревья, в том числе и ценные их породы. Большой ценитель и знаток природы комендант Малавуа был серьезно озабочен этим и в 1787 году писал своему начальству в Порт-Луи рапорт за рапортом, стремясь предотвратить уничтожение природных богатств архипелага.

Он, в частности, говорил, что сейшельские леса еще недостаточно изучены. Действительно, здесь имеется множество всевозможных видов пальм, но большинство из них годятся лишь для того, чтобы их листьями покрывать хижины. Деревьев, пригодных для строительства судов, не так уж много. Чтобы предотвратить истребление лесов, Малавуа требовал ввести строгие правила вырубki и для нужд судостроения и для удовлетворения потребностей местных колонистов в лесоматериалах.

Плантаторы, считал Малавуа, должны нести ответственность за ущерб, причиняемый их рабами на королевской земле*; им следовало бы запретить сжигать ценные породы при расчистке участков под пашню. Прежде всего необходимо беречь *Intsia bijuga*, используемую для обшивки корпусов кораблей, и *Imbricaria sechellarum*, высокие прямые стволы которой идут на судовые мачты. В том месте, где лес вырубался, Малавуа рекомендовал, в зависимости от почвы, сажать два вышеуказанных вида деревьев, такамаку (*Calophyllum inophyllum*), которая также шла на обшивку судов, казуарины или кокосовые пальмы.

* Согласно французскому закону, полосы земли вдоль побережья шириной 50 сажений, то есть около 100 м (а иногда они еще шире), были зарезервированы короной для разных целей, в том числе и для обороны (*примеч. авт.*).

Кроме того, по мнению коменданта, следовало бы эксплуатировать не только прибрежные леса, но и те, что находятся в глубине островов. Конечно, производить вырубки там значительно сложнее, так как густые девственные заросли не дают возможности пользоваться повозками, чтобы доставлять строевой лес к берегу. Но ведь можно пилить тесину и доски на самой вырубке. Кроме того, он предлагал здесь же, на месте, производить кровельную дранку из стружки и продавать ее. Для того, чтобы начать эти работы, Малавуа просил выделить в его распоряжение «за счет короны двадцать хороших чернокожих».

На Маврикий даже было издано специальное предписание в защиту сейшельских лесов. Судя по всему, там действительно начали пилить деревья на доски, планки и бруски — вручную, обычной пилой, способом, распространенным еще и сегодня. Чаще всего бревна складывали на небольшом помосте или над ямами в земле. Один человек стоял наверху, другой под бревном. На Сейшелах и в Вест-Индии я встречал такие «лесопилки». В развивающихся странах, где рабочая сила оплачивается слишком низко, подобный способ, может быть, и оправдывает себя.

Доски, планки, бруски, дрова и даже весла, о чем свидетельствуют судовые регистры конца XVIII — начала XIX века, экспортировались с Сейшел на Маврикий и изредка — на Реюньон. Охране лесов, естественно, уделялось мало внимания. Хищническая вырубка лесов, начатая в XVIII веке, продолжалась в течение всего XIX столетия. В результате *Intsia*, *Imbricaria* и многие другие пользующиеся спросом деревья в настоящее время стали редкостью, а ценнейшая порода лесов низменности — железное дерево (*Vateria sechellarum*) — практически полностью истреблена. Ботаники весьма сожалеют об этом: ведь железное дерево было единственным представителем своего семейства к западу от тропиков Азии.

На месте вырубленных или сожженных лесов — сейчас огромные пространства низкорослых кустарников, где преобладают чужеземные породы. Девственных дождевых лесов на равнинах вообще больше не существует, есть только «испытательные участки» на островах Силуэт и Фелисите. Их место заняли кокосовые и иные плантации... и заросли, которые с полным правом могут быть

названы лесной «мусорной свалкой». Повсюду встречается быстрорастущая албизия (*Albizzia*) из Индии, когда-то культивируемая, но сейчас одичавшая, акажу (*Anacardium occidentale*) из Бразилии, тропические американские кусты гуайявы и другие чужеземные деревья и кустарники.

На больших площадях, где вырубка леса вызвала эрозию почвы, не растет ничего, кроме пантропического папоротника (*Dicranopteris linearis*). Департамент сельского хозяйства вынужден был даже предпринять специальные работы по очистке от него участка в две тысячи гектаров. При этом участки, более всего подвергшиеся эрозии, засадили южноамериканской кокосовой сливой (*Chrysobalanus icaco*) и другими растениями.

Конечно, ведутся посадки и ценного леса. Из местных пород — прежде всего красное дерево (*Dillenia ferruginea*) и капуцин (*Northea*) — виды, хорошо чувствующие себя в горной среде, а в низинах — казуарина и такамака. Однако выяснилось, что чужеземные деревья, включая австралийские виды эвкалипта и вест-индский пинус (*Pinus caribaea*), часто приживаются и растут быстрее местных.

Как видим, существует множество обстоятельств, способствующих вытеснению исконной флоры. Поэтому сейчас эндемичные растения встречаются крайне редко, чаще всего на высоких горных вершинах крупных островов. Многие из них рано или поздно и вовсе исчезнут, если их последние прибежища не станут заповедными. Естествоиспытатели находят мало утешительного в том, что лесные «мусорные свалки» имеют определенную ценность, поскольку в основном состоят из посеянной птицами корицы...

В кустарниках на тропинках можно нередко встретить мужчин или женщин со связками прутьев корицы за спиной, направляющихся к берегу, где это сырье будет переработано. В 1968 году переработанная кора дерева корицы стала главной статьей экспорта Сейшел. До этого она занимала второе место после копры, а на третьем месте было коричное масло. В 1968 году объем экспорта коры подскочил до 3059 тонн и дал 7 500 700 рупий прибыли, то есть больше, чем когда-либо приносила копра.

В начале 70-х годов XVIII века предприимчивый Пьер Пуавр послал первые саженцы корицы на Маэ. На Маврикии его идея культивировать корицу (*Cinnamomum seylanicum*) и пряную гвоздику (*Eugenia caryophyllata*) потерпела неудачу. Первая дала слишком тонкую кору, вторая — неполноценную пряность.

Пуавр надеялся, что для этих растений больше подойдет климат Сейшел, лежащих ближе к экватору. Одновременно ему хотелось скрыть свои планы от конкурентов. Поэтому сад пряных деревьев на Анс-Руайяль был создан в отдаленной безлюдной части острова Маэ. Туда прыпливали только рабы за свежей водой и черепахами для судов.

Вначале затея казалась многообещающей. Корица росла, другие пряности также. Но несчастья подстерегали предприимчивого Пуавра. В 1778 году Франция объявила войну Англии. На Маэ был послан приказ не допускать англичан к пряностям. И когда однажды большое французское судно с Мадагаскара приблизилось к острову, испуганный Пуавр, приняв его за британский военный корабль, приказал сжечь все деревья.

«Вот так и рухнули все надежды французского правительства,— констатировал одиннадцать лет спустя Грандпре.— Однако известно, что птицы очень любят плоды корицы, они-то и принесли на Маэ большое количество ягод, которые случайно попали в глубь острова, где ко времени заключения мира в 1783 году пустили побеги. За ними тщательно ухаживали, и, когда я посетил остров, корица, пряная гвоздика и мускат были в хорошем состоянии, хотя и не особенно многочисленны».

Грандпре был уверен, что на Сейшелах можно возделывать все виды пряностей, и Франция полностью будет обеспечена этим колониальным товаром. Но он опасался, что французское правительство не поддержит эти планы, так как пробные плантации пряностей на Французской Гвиане удались.

Его опасение было не напрасно. Сегодня на Сейшелах не так уж много пряной гвоздики и муската. Но зато повсюду растет посеянная птицами корица, особенно на Маэ, где она занимает площадь в 5670 гектаров.

Однако потребовалось много времени, чтобы одичавшие плантации корицы стали приносить выгоду: и запах, и вкус ее были довольно слабыми. В начале XX века на

мировом рынке возник большой спрос на коричневое масло. Тогда на островах начали строить перегонные установки и, конечно, стали вырубать коричневые деревья. Их валили, или обдирали с них кору настолько, что в результате они погибали. Но на пнях появлялись молодые побеги, а птицы между тем продолжали «посевную кампанию». Когда к 1915 году взрослых деревьев осталось мало, начали перегонять коричневое масло из побегов и деревьев, оставленных на семена.

При перегонке требовалось много топлива, а для этого истребляли высокогорные леса. В конце концов даже «заоблачные леса» — девственные горные дождевые леса оказались под угрозой уничтожения. Они не были истреблены целиком лишь потому, что труднодоступны. Отсутствие топлива вынудило перенести перегонные установки вниз к побережью, где можно было использовать отбросы, остающиеся при производстве копры: луб и скорлупу кокосовых орехов. К тому же деятельность по спасению девственных лесов, еще уцелевших в горах, стали контролировать местные власти.

Тем самым на время была спасена и часть коричневых плантаций. К 1942 году вновь появилась возможность начать промышленную добычу коры. Для производства трубочек из нее подбирают побеги толщиной с палец и делают на них два продольных надреза с каждой стороны, затем осторожно снимают две длинные полоски коры. Их скручивают в трубочки и после просушки обрезают до удобной длины, затем складывают в пачки и в таком виде отправляют на рынок.

Поскольку сейшельская корица имеет слабо пряный вкус, ее экспорт никогда не превышал нескольких тонн в год. Начиная с 1962 года на экспериментальной станции Департамента сельского хозяйства у Гранд-Анс на Маэ пробовали культивировать более пряные сорта, надеясь получить первоклассную «рулонную кору», способную конкурировать на мировом рынке с лучшими цейлонскими сортами корицы.

Но еще в 50-х годах так называемая китайская кассианская кора, или кассианская корица, получаемая из близкородственного вида (*Cinnamomum cassia*), растущего в Южном Китае и Юго-Восточной Азии, стала редкостью на западных рынках. В результате повысился спрос на более грубую «неочищенную» кору Сейшел,

которая была вполне пригодна для изготовления порошка.

Таким образом, одичавшие коричные деревья на «лесных мусорных свалках» на Маэ и других островах через две сотни лет после смерти Пьера Пуавра стали важнейшим источником доходов для Сейшел и сейчас находятся под присмотром специалистов.

Одно время на Сейшелах возлагали большие надежды на ваниль, лазающую орхидею (*Vanilla planifolia*). В 1960 году она принесла более полумиллиона прибыли, заняв четвертое место по масштабам доходов этой островной группы. На Праслене и Ла-Диге часто можно встретить ванильную лиану, обвивающую ветви кустарников и низких деревьев, растущих между кокосовыми пальмами и другими высокими деревьями: для роста ванильной лианы необходима тень.

Ваниль начали возделывать на островах значительно позже корицы. Правда, первые данные о наличии ванильной лианы на Сейшелах относятся к XVIII веку, но скорее всего в источниках того времени упоминается эндемичный вид (*Vanilla phalaenopsis*), или дикая ваниль, которая не годится для производства пряностей.

Лишь спустя столетие здесь с успехом начали сажать настоящую ваниль вдали от ее родины — Мексики и Гватемалы. Испанские и другие контрабандисты тайно переправляли семена этого растения из центрально-американских колоний, чтобы лишить их монополии на торговлю ванилью. Правда, попытки выращивать ее в других местах долгое время терпели неудачу. То же самое произошло и на Реюньоне, куда ваниль попала в 1822 году. Причины неудач крылись, вероятно, не только в непривычном для этих растений климате и среде. Если даже высаженные лианы зеленели и цвели, они все равно не давали плодов. Лишь в 1836 году одному бельгийскому ботанику удалось разгадать тайну. Цветы ванили опыляются маленькими дикими пчелами, встречающимися только на родине этого вида. Этот ученый изобрел метод искусственного опыления, который в 1841 году был улучшен Эдмондом Альбиусом, бывшим рабом с Реюньона. Сейчас этот метод применяется везде, где производится ваниль.

Лианы начинают цвести на третий год, и в каждом соцветии можно насчитать пятнадцать и более желто-зеленых соцветий, которые должны быть опылены до полудня, если они распустились на рассвете.

Если своевременно не убрать лишние цветы в каждом соцветии, то через несколько недель плоды достигнут двадцати сантиметров. Для полного созревания плодов требуется еще несколько месяцев, после чего они достигают нужных размеров. И этот момент нельзя пропустить, их необходимо собрать вовремя, иначе они раскроются и станут непригодными.

После того, как урожай снят, плоды обрабатываются особым способом и в разных местностях по-разному. Правда, все методы — лишь варианты древнего мексиканского способа. Плоды ненадолго окунают в горячую воду. Затем их укладывают в ящики и заворачивают их в шерстяные одеяла. Через сутки плоды начинают «потеть», после чего их часа три-четыре просушивают на солнце.

Когда они высыхают настолько, что теряют четыре пятых своего веса, их продолжают высушивать, но теперь уже в помещении, на одеялах, в течение одного-двух месяцев, затем упаковывают в новые ящики и дают им вылежать еще три месяца. Вот теперь плоды готовы. Они становятся темно-коричневыми, эластичными, их поверхность покрыта тончайшим слоем кристалликов, которые состоят из ванилина и других ароматических веществ, создающих сложную по запаху и вкусу гамму.

В настоящее время на Мадагаскаре производится намного больше ванили, чем в самой Мексике. Свыше шестидесяти процентов всего мирового производства ванили приходится на Мадагаскар, двадцать процентов — на Яву и другие острова тропических морей: на Реюньон, а также на Сейшелы, которые, по официальным данным, получили семена ванили с Реюньона в 1866 году.

К концу прошлого столетия ваниль стала важнейшим экспортным продуктом этой островной группы. Объем производства ее на Сейшелах был выше, чем во всех других британских колониях вместе взятых. Эта культура дала средства к существованию сотням мелких и средних землевладельцев на Маэ, Праслене и Ла-Диге. Но так продолжалось недолго. Уже в начале XX века ваниль на мировом рынке стала вытесняться ванилином, изго-

товленным из пряной гвоздики, а позднее — синтетическим ванилином. Кроме того, большой урон плантациям нанесла неожиданная для этих мест засуха (1904 год).

В 50-е годы удалось увеличить производство и экспорт ванили. Чтобы она дала богатый урожай, для ее цветения необходимы два сухих месяца, но они выдаются не каждый год. В довершение ко всему на Праслене и Ла-Диге, где в последние годы находились самые крупные плантации этой культуры, распространилось грибковое заболевание «фузариоз». Оно поражает корни лиан и бороться с ним чрезвычайно трудно. В результате на островах погибло так много лиан ванили, что большинство землевладельцев вынуждены были отказаться от ее производства. С 1966 по 1970-й год площади под плантациями уменьшились с 280 до 40 гектаров. Есть опасность, что эпоха ванили на Сейшелах закончилась.

Напротив, весьма многообещающим кажется возделывание филиппинского культурного растения из семейства губоцветных — пачули (*Pogostemon patchouli*). На Сейшелах оно было обнаружено, правда уже в одичавшем виде, в 1901 году. На Маэ его завезли явно из Индии. Высушенные пачули издавна использовались там для придания аромата сари и шалам. В Европе же еще в XIX веке из пачули изготавливали эфирные масла для парфюмерии. На Маэ эфирное масло из пачули на экспорт начали изготавливать в начале нашего столетия.

Во время второй мировой войны, когда крупнейшие поставщики пачули — Малайя и Зондские острова — были оккупированы японцами, спрос на пачулиевое масло чрезвычайно возрос. Поэтому землевладельцы на Сейшелах увеличили свои плантации, и эта культура быстро приобрела роль второго после копры источника доходов островного мира. Всех охватила «пачулиевая лихорадка». Каждый клочок земли возделывался под растение с этими ароматическими листьями.

После войны, когда положение в Юго-Восточной Азии нормализовалось, лихорадка несколько улеглась. В 1951 году сейшельцы поняли, что они сами могут экспортировать листья в Индию. В 60-е годы этот вид экспорта давал им в среднем около ста тысяч рупий в год. Эта культура не требовала много труда для своего возделывания. Хорошие урожаи давали возможность легко приспособляться к колебаниям цен на мировом рынке.

Ввозились на Сейшелы и другие культурные растения. Для первых колонистов было естественным попытаться разводить, например, рис. С этого начали поселенцы времен дю Барре на острове Сент-Анн. Позднее рисовые плантации заинтересовали Малавуа, который следил за тем, чтобы земля использовалась наилучшим образом. Возделывание плантаций на склонах гор вызывало эрозию почвы, поэтому необходимо было создавать террасы для удержания земли и воды там, где сажали рис и кукурузу. Малавуа рекомендовал сажать рис на болотистой земле низменностей.

Если судить по данным судовых регистров о грузах «риса и черепах», направляемых в 1798 году на Маврикий, эта затея была успешной. И все же вскоре на островах полностью отказались от возделывания риса и кукурузы, поскольку птицы истребляли урожай этих культур.

Надо сказать, что на островах осталось не так уж много культурных растений, обеспечивающих население продуктами питания. Здесь, конечно, можно встретить все тропические овощи и корнеплоды, и даже иногда картофель и другие культурные растения умеренного климата. Нет никакого сомнения, что Сейшелы могли бы самостоятельно обеспечивать себя всеми продуктами питания, которые может дать сельское хозяйство тропиков. Но требуется немало средств и труда, чтобы выращивать такие культуры, как бататы, ямс, маниок, бобы, томаты и многие другие. И хотя на Сейшелах масса низкооплачиваемых и вообще безработных, местные власти предпочитают увеличивать импорт продуктов питания.

На небольших участках около жилых построек, а также в тени под пальмами растут бананы (гигантские травянистые растения), хлебные деревья, папайя, манго, дающие вкусные плоды и отличный строительный материал, и другие тропические фруктовые деревья. Но на полях редко увидишь что-либо, кроме пачули и других растений, не пригодных для еды. Большая часть низменности занята под кокосовые плантации...

Французские плантаторы, не эмигрировавшие с Сейшел после отмены рабства, по словам одного английского наблюдателя, в 1841 году горько жаловались на упадок своих имений. Бывшие рабы не хотели «работать добровольно», что психологически понятно; кроме того, вряд

ли им было особенно выгодно работать у хозяев-банкротов. В середине XIX века британские администраторы отмечали, что островные землевладельцы часто оказывались не в состоянии выплачивать заработную плату...

Сколь плачевным было положение в то время свидетельствует рапорт комиссара по гражданским делам Креата, который писал в 1850 году: «За исключением тех владений, где производили ром и аррак, и небольшого количества плантаций кокосовых пальм, уже тогда приносивших прибыли, а также отдельных мелких плантаций какао, кофе, риса и табака, едва ли можно сказать, что какие-либо из многочисленных „абитасьонов” (так называются французские поместья на Сейшелах) находятся в расцвете или дают урожай для экспорта и местного потребления».

Их мог спасти лишь приток новой рабочей силы. В значительной мере благодаря 2400 бывшим пленникам, высаженным с британских судов в 1861—1874 годах на Сейшелах, плантации были восстановлены. Данные официального отчета за 1871 год говорят о больших успехах в разведении плантаций кокосовых пальм, кофе, табака и сахарного тростника, прежде всего на землях, находившихся во владении плантаторов — иммигрантов с Маврикия. Правда, многие из местных плантаторов не хотели ни продавать свою землю, ни делать какие-либо нововведения.

Вскоре снова возникла нехватка рабочей силы. Белая аристократия не смогла приспособиться к новой системе взаимоотношений с работниками. С новичками (с бывших работоргующих судов) они обращались не лучше, чем в свое время с «собственными» рабами; и когда истек срок «ученичества» по контракту, те также предпочитали, как правило, бросать работу.

Чтобы решить проблему рабочей силы, плантаторы в 1880 году обратились с просьбой о новых «освобожденных рабах». Это не было разрешено. Британские власти ответили, что они отныне предпочитают высаживать всех бывших рабов в Восточной Африке, где «явно на несколько лет вперед им могла быть обеспечена оплата и занятость в Британской восточноафриканской колонии, то есть в их собственной стране».

Однако постепенно местным плантаторам вновь удалось встать на ноги. Особенно большие доходы стали при-

носить им кокосовые плантации. Утверждают, что якобы именно недостаток рабочей силы вынудил большинство землевладельцев перейти к выращиванию кокосовых пальм: на кокосовых плантациях достаточно одного человека на четыре гектара для сбора созревших орехов. И не так уж страшно, если какая-то часть этих орехов при этом будет присвоена несчастными «дьяволами», не имеющими средств покупать кокосовое масло для приготовления пищи. Все равно орехов останется достаточно много.

Некогда на гранитных и на коралловых островах, типа Амирант, разводили и хлопок. В конце XVIII века его даже стали экспортировать, причем экспорт все время увеличивался. Но в 20-е годы, когда Северная Америка заполонила мировой рынок своим хлопком, цены на него в Европе снизились, и Сейшелы не выдержали конкуренции. На гранитных островах частично переключились на сахарный тростник. В 30-е годы XIX века он стал важнейшей экспортной культурой. Было начато производство сахара, а также рома. (Может быть, дешевизна местного рома и стала причиной ухудшения экономики и нравов на острове?)

Но производство сахара и рома на Сейшелах уже давно прекращено. Сейчас сахарный тростник, в основном, идет на изготовление «бакки» — сладкого пива, которое начиная с XVIII века получали из забродившего сока сахарного тростника. Его производство в настоящее время строго контролируется, и напиток этот продается лишь в специальных государственных пивных. Но в сельских местностях стражи порядка не столь уж придирчивы. Я по собственному опыту могу заверить, что в некоторых местах незаконное пивоварение чрезвычайно распространено.

Плантации, засаженные одним и тем же видом деревьев, очень однообразны. Это, конечно, относится и к кокосовым плантациям. Многие воспринимают их как самую романтическую принадлежность «островов Южных морей». Мне же трудно понять, почему на Сейшелах крупнейший отель с большим количеством бунгало поместили именно среди кокосовых пальм. Упаси меня, боже, еще раз когда-либо жить в таком окружении!

Кокосовые орехи то и дело с грохотом шлепаются на землю. У приехавших издалека гостей отеля и бара эти звуки неизменно вызывают плоские остроты и шутки о возможности падения ореха на голову. Туристы постоянно спрашивают у служащих отеля, как это они рискуют возвращаться домой под пальмами, а те пожимают плечами и дружелюбно объясняют, что никто еще не слышал о несчастном случае. Даже ботаник Антон Серлин, когда-то останавливавшийся в этом отеле под шелестящими кокосовыми пальмами, писал в своей книге «Острова муссонов»: «Он (кокосовый орех) весит пять-шесть килограммов, и если упадет тебе на голову, вряд ли в дальнейшем ты сможешь заниматься чем-либо».

Кокосовый орех действительно хорошо «упакован». С дерева падает, конечно же, не та круглая, твердая сердцевина, которую мы покупаем в овощных магазинах. Она находится в центре продолговатой, толстой и жесткой волокнистой оболочки длиной в несколько футов. (Кокосовое волокно, кстати, кроме всего прочего, используется для изготовления матрасов.) Этот пористый футляр к моменту созревания ореха полностью затвердевает, и, естественно, он не рассчитан на амортизацию ударов при падении орехов на человеческие головы.

Благодаря своей скорлупе, попав в море, орехи могут плавать, «завоеывая» новые острова. При этом волокнистая оболочка функционирует не только как «надувная резиновая подушка». Прежде всего она защищает сердцевину от проникновения морской воды. Проведенный на Гавайях опыт показал, что кокосовые орехи могут выдерживать воздействие соленой воды до ста десяти дней и дрейфовать на расстояние до пяти тысяч километров. Плоды пальмы *Cocos nucifera*s заносятся ураганами порой еще дальше, ядро ореха при этом не теряет своей способности к прорастанию. Сейшельские кокосовые орехи имеют необычайно толстое мочальное покрытие и маленькие ядра по сравнению с сортами, разводимыми в разных местах. Такие орехи имеются и на некоторых других островах, включая необитаемый атолл Пальмира в Тихом океане.

В настоящее время кокосовые пальмы можно встретить во многих местах земного шара. В этом немалая заслуга и человека. Испанцы и португальцы завезли это ценное растение на острова Карибского моря, побережье

Бразилии и Западной Африки. До периода европейской колонизации пальмы встречались лишь в районах Индийского и Тихого океанов, и ученые спорили об их происхождении.

Некоторые старые источники утверждают, что эти деревья родом из Америки, так как там имеются пальмы, похожие на *Cocos nuciferas*, и якобы их можно было встретить на тихоокеанском побережье Панамы и Колумбии еще до прибытия туда испанцев. Другие считают это невероятным, поскольку кокосовых пальм в то время не было на материковой («внутренней») стороне Панамского перешейка. Скорее всего гораздо позже они попали на тихоокеанское побережье через Полинезию, а первоначально следовало искать их в какой-нибудь части бывшей Гондваны. Эта мысль подтверждается, например, тем, что в Индии при раскопках в слоях, относящихся к началу третичного периода, находят окаменелые пальмы и орехи. Часть из них настолько напоминает современные кокосовые пальмы, что некоторые ученые даже считают их идентичными.

Зауер в книге «Растительность и люди на побережье Сейшел» рассказывает об одном исследователе, который утверждал, что современная кокосовая пальма ведет свое происхождение от прибрежных пальм коралловых островов западной части Индийского океана. Оттуда, очевидно, она мигрировала по воде в Индию, на Цейлон и Зондские острова. Там человек и начал использовать ее плоды и листья для своих нужд, поэтому именно в этих районах земного шара сосредоточено большинство культивируемых сортов. Затем, во времена миграции населения, кокосовая пальма была завезена дальше на восток уже как культурное растение.

Если эта гипотеза верна, то Сейшельские острова сыграли важную роль в истории этого вида. Они стали своего рода пальмовым заповедником во времена высокой воды ледникового периода, когда атоллы были еще подводными рифами, и кроме этого — центром миграции, когда море вновь опустилось и коралловые острова стали доступны для дрейфующих кокосовых орехов и других принесенных водой семян. Во всяком случае, кокосовые пальмы на Сейшелах были уже в те времена, когда первые люди сошли на берег с британского судна «Ассеншен» (в 1609 году). Этот же сорт кокосовой пальмы пре-

имущественно разводится на островах и сегодня, поскольку он лучше других выдерживает нападения насекомых-вредителей.

Вначале на Сейшелах собирали орехи в диких лесах на побережье. Как правило, пальмы этих сортов не росли в центре островов дальше 20—40 метров от берега. Небольшая часть собранных орехов шла на корм домашней птицы, но основная их масса использовалась для приготовления кокосового масла. Уже в 1785—1786 годах, по данным Малавуа, производили 6332 литра. Судя по всему, масло в те годы получали способом, которым получают и сегодня: твердую, содержащую жир, сердцевину зрелых орехов отжимали в так называемых «воловьих воротах», где шедшие по кругу животные тянули шест, вращающий маслобойку.

Кокосовое масло и, в меньшей степени, жир акул с конца XVIII века экспортировались на Маврикий и Реюньон. В судовых регистрах того времени имеются упоминания о твердом и жидком мыле, вырабатываемом из кокосового масла.

По мере роста кокосовых плантаций экспорт масла увеличивался и в XIX веке, пока не поняли, что выгоднее экспортировать копру, полученную после просушки сердцевины на воздухе или в печах.

Уже в начале XX века именно копра стала важнейшей частью сейшельского экспорта.

Сейчас кокосовое масло на островах производится для местного потребления как пищевой жир, а на экспорт идет лишь копра очень высокого качества. Кокосовые плантации занимают около семи тысяч гектаров и приносят огромные доходы.

Кокосовая пальма дает человеку не только орехи. Из ее листьев, как уже было сказано, делают крыши и многое другое; верхушечные стрелки используются для приготовления «салата миллионера»; стволы, распиленные на бревна, идут на топливо. Кроме того, из части внешнего покрова кокосовых орехов получают волокно. И, конечно же, все пьют почти прозрачную жидкость, содержащуюся в молодых, зеленых орехах и почему-то называемую «кокосовым молоком». Это — прекрасный освежающий напиток. Его употребляют либо в «чистом» виде и пьют через отверстие, проколотое большим ножом, либо в коктейлях.

Кокосовая вода — не единственный напиток, получаемый из этого растения. Повсюду встречаешь пальмы («тодди») с вырубленными в них отверстиями и ступеньками, позволяющими взбираться наверх: из них выкачивается «пальмовое вино». Цветonoжки, находящиеся в кроне кокосовой пальмы, срезают. Из среза каплями стекает сок, предназначенный для питания цветов и плодов. Его собирают в сосуд, изготовленный из бамбука в виде широкой трубки; через равные промежутки времени наполненные трубки снимают. Только что собранный сок «тодди» (или «кала») свеж и сладок на вкус. Вскоре он начинает бродить и становится опьяняющим напитком.

Этот забродивший пальмовый сок во многих районах называется «арраком». На Сейшелах его производство запрещено, и я никогда не слышал, чтобы его там делали. «Пальмовое вино», как и «бакка», позволяет забыть тяготы жизни даже беднейшим из бедных, которые не в состоянии купить заграничные вина или крепкие спиртные напитки.

Дешевле всего «бакка» в тех специальных «клубах», где спиртное продается легально, но только в определенное время дня.

Пальма-тодди — хороший источник доходов для всякого, кому посчастливилось ее иметь. Правда, требуется лицензия на выгон сока, но одна хорошая пальма дает более десяти бутылок в день. Сейчас на Сейшелах выдано лицензий на более чем четыре тысячи деревьев-тодди, и доходами от них обычно распоряжаются женщины — хозяйки семьи. Эта традиция столь строга, что даже законный муж покупает напиток у своей жены за наличные.

На Сейшелах время от времени предпринимаются попытки культивировать новые растения. Давным-давно уже доказано, что сейшельский краснозем в горах и влажный, не слишком жаркий климат островов создают прекрасные условия для чайных плантаций. Несколько десятков лет на эти рекомендации не обращали внимания. И лишь в 1962 году одно акционерное общество арендовало у государства под чайную плантацию землю на западном склоне Маэ. Общество получило заем и к 1970 году засадило сто пятьдесят гектаров кустами чая.

Кофе выращивается здесь издавна, но в небольшом количестве, несмотря на то, что уже в первые десятилетия предпринимались серьезные попытки разводить его и экспортировать. В судовом регистре за 1808 год упоминается груз из «хлопка и кофе», направляемый на Маврикий. Однако уже в это время число кофейных плантаций на островах, по всей вероятности, пошло на убыль. Достаточно сказать, что в том же, 1808 году здесь имелось 435 кустов кофе, в следующем году только 212, а в 1810 — не более 104.

В селениях всегда разводили кофе, но он шел на удовлетворение личных потребностей. Сорт этого кофе превосходный. Он может соперничать с лучшими сортами из Кении. Но в то же время крупные суммы отпускаются на закупку «фабричного» кофейного порошка, который, судя по всему, считается здесь «лучшим». В отелях и ресторанах готовят кофе обычно из растворимого порошка, разумеется, если специально не попросишь «настоящего». Эта просьба вызывает удивление, но на следующий день ты все же получаешь «кофе локаль».

Еще в 60-е годы на экспериментальной сельскохозяйственной станции попробовали выращивать африканский кофе. Но в это время гораздо большее внимание привлекли к себе проекты производства чая. Небольшая чайная фабрика, построенная в 1966 году, обеспечивает местный рынок примерно двумя тысячами килограммов в месяц. Но на Сейшелах все же рассчитывают увеличить производство и экспорт чая. Здешние сорта не так уж плохи, хотя они не лучше обычных цейлонских.

Только на Маэ в горах имеется как минимум четыреста гектаров земли, пригодной для чая. Правда, есть опасения, что если чайная промышленность окажется перспективной, то, занимая все большие и большие участки земли, она вытеснит последние остатки девственного леса в горных районах. Чтобы спасти его для будущих поколений, сейчас делаются попытки получить разрешение на создание там заповедного национального парка.

Однажды на Маэ меня пригласили в Сейшельский колледж, ученики которого должны были рассказывать о результатах своей работы по описанию северо-запад-

Порт-Луи. Маврикийский институт

ной части острова. Руководители этой работы — архитектор Виктории Комлоси и школьный учитель биологии француз Анри Эбер, не раз вдохновлявший своих учеников на такие экскурсии по островам, в том числе — на Праслен и Кузен.

На этот раз речь шла об очень важном участке — районе, отведенном под национальный парк, план которого в принципе уже одобрен высшими инстанциями. Ученики обследовали в общей сложности площадь в 45 квадратных километров. Они нанесли на карты пятьдесят будущих смотровых площадок, водопады и места, где были обнаружены редкие растения. Никаких сенсационных открытий они не сделали. Никто не видел, например, исчезнувшее дерево-медузу. Но многие из более сорока эндемичных видов растений им все же удалось занести в свои дневники. На территории проектируемого заповедника существует, оказывается, много экземпляров почти исчезнувшего железного дерева.

Одна из задач национального парка — сохранение горных массивов, имеющих важное значение для сбора

воды и естественной защиты недавно созданной плотины, обеспечивающей Викторию пресной водой. Территория заповедника охватит также обширную целинную область между двумя высочайшими на этой островной группе горами — Сейшелуа (905 м), с ее редким облачным лесом, и Ле Ниоль (681 м). (Совсем недавно там встречали сейшельскую карликовую сову.) Сюда же войдет и малонаселенная береговая линия с коралловыми рифами, которые надо защитить от вооруженных гарпунами браконьеров и туристов — любителей устриц и раковин.

Если эти планы воплотятся в жизнь, то появится большой единый заповедник для охраны остатков эндемичной флоры и фауны, включая все виды насекомых, обитателей эндемичных растений, и богатой красками фауны коралловых рифов, которая также окажется под угрозой, когда на Сейшелах появится регулярное воздушное сообщение и увеличится поток туристов.

Но ради сохранения этой удивительной флоры требуется не один заповедник. Английские ботаники предложили создать двенадцать подобных заповедников на пяти островах, где эндемичные виды сочетались бы с африканскими, малагасийскими и индо-малайскими. Это предложил Джеффрей на симпозиуме по проблемам Африки в 1968 году в Упсале.

Планы создания некоторых из них, например заповедников сейшельской пальмы «Валле-де-Мэй», «Анс-Мари-Луиза» и «Фонд Фердинанда» на Праслене, можно считать вполне осуществимыми. Несомненно, возникнут большие затруднения в тех местах, где сохранились частные владения, на которые не распространяются законы. Например, то немногое, что еще осталось от низменного леса на Силуэте, принадлежит индийцу, который вряд ли захочет отказаться от своей собственности за сравнительно низкую цену. И в отношении государственной земли могут возникнуть некоторые конфликты, например, связанные с законным интересом властей к расширению чайных плантаций, чтобы дать работу и доход все увеличивающемуся населению. До сих пор эти чайные плантации вплотную подступали к последним районам естественного леса на горе Бланк (667 м), которая по проекту должна войти в национальный парк...

Уже в 1968 году архитектор Комлоси разработал положение о национальном парке, согласно которому дол-

жна быть создана комиссия, полномочная распоряжаться своими собственными ресурсами. С 1961 года существует лишь Комитет по охране природы. Но никто до сих пор не знает, откуда взять необходимые для этих целей средства, в том числе и для покупки частных владений. Гораздо легче заполучить средства для защиты редких животных или для приобретения птичьих островов, типа Кузен, от международных организаций, чем иметь местные фонды для сохранения ценных растений в их естественной среде. Сегодня, когда я пишу эти строки, я не знаю еще, чем кончатся благие намерения местных энтузиастов.

**Рыболовство, администрация и эксплуататоры-чужаки.
Исчезновение морской коровы. Попытки отлова китов.
Истребление морских черепах. Ограбление ожидает острова Альдабра. Запрещение охоты и рыбной ловли с оговорами**

Когда рыбаки возвращаются с богатым уловом, у пирса или у берега, где они пристают, начинается настоящее светопреставление. «Посмотрите, какие огромные рыбины!»—восторгаются зрители. Здесь мало кому по карману мясо. Главный источник белка—рыба. Ее могут купить многие, особенно если улов настолько богат, что рыбаки продают за несколько жалких рупий и небольшие связки мелкой рыбешки, и «солидного», достигающего иногда три четверти метра в длину «вара-вара» (*Lutianus bohar*), и деликатесного морского окуня (из семейства *Epinephelus*).

«Во какая была рыба!»—говорят здесь, отмеряя на левой руке от кончиков пальцев длину рыбы. Никому из местных жителей и в голову не приходит размахивать руками на манер европейских рыболовов-любителей.

Наилучшим для рыбаков сезоном считается время с ноября по апрель, когда дует северо-западный муссон. Тогда к берегам один за другим подходят большие косяки съедобной рыбы, преследуемые хищниками, правда, тоже съедобными. В это время можно ловить даже кошельковым неводом, укладывая его дугой вокруг косяка и затем вытягивая на берег. И, наоборот, в месяцы юго-восточного муссона часто бывает так мало рыбы, что она становится слишком дорогой для бедняков.

Увеличению добычи рыбы мешают устаревшие методы рыболовства. Как любители, так и профессионалы выходят в море на небольших пирогах и недалеко от берега забрасывают лесы. У большинства местных жителей имеются рыболовные снасти, но лодок нет. Новая пирога

стоит слишком дорого для бедных сейшельцев. Обычно они нанимают ее у какого-нибудь зажиточного землевладельца, расплачиваясь затем частью улова. Но на такой маленькой лодке невозможно добраться до дальних банок, где еще сохранилось много рыбы. Поэтому рыбу ловят у близлежащих рифов, отчего количество обычных видов прибрежных рыб сильно сократилось. А море в это время бороздят крупные рыболовецкие суда, принадлежащие японцам и китайцам с Тайваня.

Во времена Малавуа, естественно, все было иначе. Тогда рыба водилась в изобилии даже в заливах и около побережья. В одном из своих донесений от 1787 года он отмечал, что здесь много рыбы-пилы, из печени которой колонисты делают жир и используют его как для приготовления пищи, так и для заправки ламп. Он перечислял и другие виды рыб, содержащих жир, включая акул, огромных «дьяволов-тунцов», а также упоминал морскую корову. (Малавуа считал морскую корову рыбой.) Командант полагал, что на островах можно с выгодой основать несколько фабрик по производству рыбьего жира. Кроме того, он рекомендовал места для постройки солеварен.

Всё говорило о том, что к его советам прислушались. В 90-х годах XVIII века Сейшелы начали экспортировать рыбий жир, соленую рыбу и соль на острова, расположенные к югу от них. Но добиться многого тогда не успели, и в XIX веке, в период общего упадка экономики, их экспорт прекратился. В настоящее время никто здесь не производит соли и не ловит рыбы больше, чем требуется для местного потребления, хотя прибыльная деятельность иностранных рыболовецких флотов доказывает, что островное население должно было бы достичь определенного благосостояния, только правильно используя свои морские богатства.

Правда, еще в 50-е годы нашего столетия здесь попытались развивать рыболовство. Исследования специалистов показали, что для этого имелись хорошие возможности, и Корпорация колониального развития послала два современных рыболовецких судна на Маэ, чтобы поставить рыболовство на промышленную основу. Полагали, что можно будет продавать рыбопродукты в Восточную Африку, но по какой-то причине — явно не из-за отсутствия рыбы — предприятие это провалилось, суда

отобрали и продали в Момбасу. После чего отношение британских властей к этому вопросу стало резко отрицательным, и они отклоняли любую просьбу о поддержке рыболовства на Сейшелах. Более того, в конце 60-х годов они предоставили выгодные условия в Виктории японцам и китайцам с Тайваня. Во время моего пребывания на Маэ туда часто заходили японские суда за углем или для перегрузки улова с небольших судов на более крупные, отправлявшиеся в Японию.

Подобное отношение британского правительства к развитию рыболовства на Сейшелах тем более удивляет, что этот же вопрос в других государствах оно решало совершенно по-иному. Например, задолго до того, как Барбадос стал самостоятельным, английские банки предоставили островным рыбакам кредиты на приобретение океанских судов. Именно поэтому Барбадос сумел создать рыбную промышленность, оказавшуюся в состоянии конкурировать с японцами в Атлантическом океане.

Морские коровы, о которых писал в свое время Малавуа, вероятно, были дюгонями. Это — неуклюжие водные млекопитающие, которые живут в мелкой прибрежной воде, питаясь донной растительностью. Из-за хвостового плавника и передних конечностей, развившихся в плавательные ласты, они выглядят почти как увальники, хотя и относятся к совсем другому отряду животных. В то время, как тюлени и киты происходят от хищных животных, морские коровы развились от копытных. Они более всего сродни слоновым. Об этом свидетельствует и форма их скелета.

Некоторые виды морских коров вымерли уже в третичный период, а большинство из оставшихся видов были уничтожены в XVIII веке. Огромная морская корова Стеллера достигала восьми метров в длину, и единственным местом ее обитания были воды у Командорских островов. Кроме дюгоня сохранилось три вида ламантин из семейства *Trichechus* в прибрежных водах и реках Западной Африки, в районах Карибского моря и реки Амазонки. Но и они в значительной мере истреблены хищническим отловом. В Бразилии до сих пор продолжается незаконная охота на этих животных ради их мяса, жира и кожи, несмотря на то, что они объявлены заповедными.

Лучше других видов морских коров сохранился, достигающий трех с половиной метров в длину, дюгонь

(*Dugong dugon*), да и то благодаря тому, что встречается он на обширной территории от Красного моря на западе до Соломоновых островов и Новой Каледонии в Тихом океане. О наличии дюгоней в Красном море и в Индийском океане известно с незапамятных времен от народов Восточного Средиземноморья, Месопотамии и Индии. Чем-то дюгоны напоминали им людей: сидящая на шею голова, а может быть то, что самки держат своих детенышей лапами, прижимая их к груди. Возможно, с этими животными и связаны древние мифы о сиренах и морских девах — ведь ко всему прочему они любят высовывать над водой голову и верхнюю часть туловища.

Раймонд Декэри пишет в книге «Фауна Мадагаскара», что мусульмане, живущие на Коморских островах, верят в то, что дюгоны происходят от людей. Согласно их легендам, брат и сестра однажды согрешили в воде, и в наказание за кровосмешение Аллах превратил их в нечто среднее между человеком и рыбой.

Но это не мешает населению, как на Коморах, так и на других островах, с удовольствием, не боясь быть людоедами, употреблять мясо дюгоней. Привлекает и шкура этих животных. Считается, что из нее можно получить самую крепкую кожу для сандалий и для других поделок. Говорят даже, что Ноев ковчег, сыгравший большую роль в истории древнейшего Израиля, был покрыт кожей дюгоня, обитавшего в Красном море.

Несколько столетий назад морских коров было много повсюду, где у берегов имелись подходящие пастбища. Многие европейские путешественники прошлого писали о крупных стадах дюгоней в местах, где это животное сейчас встречается редко или где оно совсем исчезло. Такие свидетельства содержатся и в книге французского путешественника-гугенота Франсуа Легата «Путешествия и приключения», где он рассказывает о своем посещении острова Родригес: «Иногда мы обнаруживали три или четыре сотни дюгоней, пасущихся на прибрежной донной растительности. Они совсем не пугливы, часто мы даже ощупывали их, чтобы выбрать самых жирных. Для этого мы цепляли их веревочной петлей за хвосты и вытягивали из воды». «Вкуснее всего мясо детенышей,— констатирует он и добавляет,— тот, кто первый раз попробовал мясо дюгоня, как правило, принимал его за настоящую говядину». Подобные замечания можно

встретить и у путешественника на Маврикий Бернарде-на де Сен-Пьера: «Иногда здесь ловят ламантинов*. Я ел их мясо, оно напоминает говядину».

У Маскарен и Сейшел дюгони давным-давно уничтожены, а в других местах количество их сильно уменьшилось. Название сейшельского острова Иль-о-Ваш (или же Иль-о-Ваш-Марин, то есть Остров Морских коров) — единственное, что напоминает о них. Точное время их исчезновения неизвестно. Но поскольку ни один автор XIX века не упоминал дюгоней, можно предположить, что это произошло скорее всего сразу же после колонизации. Они были истреблены так же быстро, как и морские коровы Стеллера в других частях света. А тех истребили уже через двадцать лет после того, как обнаружили...

Морские коровы — единственные млекопитающие, использующие морскую растительность и «превращающие» ее в съедобное «говяжье» мясо. Тюлени и киты, например, питаются различного рода животной пищей. Поэтому, когда шли дискуссии о путях получения из моря большего количества белка для голодающих, супружеская пара исследователей, англичане Кейт и Колин Бертрам, предложила разводить именно ламантинов и дюгоней. В 1966 году в американском журнале «Морские границы» они писали о том, что этих животных можно разводить в прибрежных водах в качестве прирученного скота, но сначала надо запретить их хищническое истребление и предоставить им возможность увеличить свои стада настолько, чтобы они выдерживали отлов, основанный на рациональных принципах ведения хозяйства.

В этом случае дюгоней не трудно было бы транспортировать в те районы, где они когда-то обитали и где, следовательно, есть необходимая для них среда. Однажды дюгони в течение двух месяцев существовали в танкере, заполненном водой. Владелец судна вначале принял их за жертвы кораблекрушения и сигнализировал им. Лишь подойдя поближе, он увидел, что над водой были головы дюгоней.

Для Продовольственной и сельскохозяйственной организации при ООН было бы небезынтересно узнать, что

* Этот автор перепутал дюгоня с вест-индскими ламантинами, которых он видел в двенадцатилетнем возрасте в 1749 году, когда вместе со своим дядей посещал Мартинику (*примеч. авт.*).

у перенаселенных архипелагов типа Маскарен и Сейшел есть шанс заселить свои прибрежные воды морскими коровами и, таким образом, увеличить производство мяса без излишних капиталовложений.

Некогда поблизости от Маскарен и Сейшел обитали киты. Будучи на Маврикии, Бернарден де Сен-Пьер отмечал: «Часто с наветренной стороны острова видны киты, особенно в сентябре, в период их спаривания». На Сейшелах, на маленьком острове Сент-Анн за Викторией сохранились развалины китобойной станции.

История отлова китов на Сейшельской банке ведет свое начало с XIX века, когда американские китобойные суда из Бостона и других портов атлантического побережья США достигали Тихого и Индийского океанов в поисках настоящих китов и кашалотов. Для китоловов того времени, не имевших возможности на своих парусных судах ни разделять туши китов, ни вытапливать из них жир, было важно как можно скорей добраться до островов, где они могли бы выволакивать туши на берег и перерабатывать их до того, как те начинали портиться.

У Сейшел охотились в основном на кашалотов — больших зубастых китов, питающихся кальмарами. На Сейшельской банке они водились в большом количестве. Но эта эпоха в истории островов закончилась уже в 60-х годах XIX века. Тогда китобой достигли юга Индийского океана и французских островов Крозе, где они начали отлов южных китов, принадлежащих к семейству так называемых северных пиратов (*Eubalaena glacialis*). Их длинные эластичные усы («китовый ус») особенно ценились и использовались для изготовления упругих корсетов и поясов.

После того как южные киты, как, впрочем, и киты северных морей, из-за прихоти женской моды были почти полностью истреблены в Европе и в Америке, китобой вспомнили о Сейшелах.

В 1913 году сюда прибыл норвежский капитан Хенриксен на судне «Эбба». Его команда убила двенадцать кашалотов, обработала их прямо в море, потеряв при этом значительную часть ценного спермацетового жира. После этого Хенриксен и еще один владелец китобойного судна основали акционерное общество и построили жиrowарню на острове Сент-Анн.

Кроме кашалотов они намеревались ловить сейвалов, которые подходили к Сейшельской банке со стороны Антарктики в зимние для Южного полушария месяцы. Одновременно предполагалось использовать гуано*, скопившийся в огромных количествах после ледникового периода на коралловых островах к югу от Сейшел. Но этим предпринимателям удалось достичь немногого. Они поймали 121 кашалота, одного кита, но ни одного сейвала и экспортировали 2191 бочку добытого жира, то есть меньше восемнадцати бочек на одного кита. Когда в 1946 году английский биолог Уэлер исследовал потенциальные возможности Сейшельской банки, он пришел к выводу, что это акционерное общество выловило самок и детенышей.

В 1915 году предприятие было ликвидировано, а сооружения на острове Сент-Анн превратились в развалины. Позже не раз возникали идеи создания китобойных акционерных обществ, и некоторые из них вплоть до 30-х годов XX века в разное время пытались использовать Сейшелы как базу. Эти планы так никогда и не осуществились, возможно потому, что здесь, как и в других местах, китов осталось слишком мало. «С точки зрения современных методов добычи,— писал Уэлер,— отлов малого количества китов на банках невыгоден, и, если, как я предполагаю, основная часть здешних китов — самки и детеныши, было бы разумнее скорее объявить их заповедными, чем делать жертвами хищнического предпринимательства».

Еще более веско это высказывание звучит сегодня, когда крупные усатые киты на севере и на юге практически истреблены, а за кашалотами в тропических и субтропических широтах, то есть там, где они еще сохранились, стали охотиться с гораздо большим рвением, чем когда-либо.

На Маскаренах и Сейшелах немного осталось и морских черепах. Еще в древности черепахи из Индийского океана считались ценным товаром и вывозились во многие страны Средиземноморья. Рассказывают, что ванная

* Гуано — залежи высохшего в сухом климате помета морских птиц. Используется как органическое удобрение (*примеч. пер.*).

комната Клеопатры была выложена пластинами из черепашьего панциря, а в Риме жены патрициев имели гребни, браслеты и другие украшения, изготовленные из этого ценного материала. По сведениям некоторых источников, торговые дома в Александрии ко времени завоевания ее Юлием Цезарем были битком набиты черепашьими панцирями.

Пока острова не были обжиты и мало заселены, отлов черепах не очень тяжело сказывался на размерах их популяции. Еще в XVII и XVIII веках море, вероятно, могло предложить людям безграничное количество черепах-каретт (*Eretmochelys imbricata*), обладающих ценным панцирем, и суповых черепах (*Chelonia mydas*). К сожалению, Франсуа Лега не видел разницы между этими двумя видами, но из его описания черепах у острова Родригес ясно, что он имел в виду морских черепах. Они выходили ночью на берег, откладывали яйца, зарывали их в песок, и через несколько недель из них вылуплялись детеныши, которые самостоятельно перебирались в море.

Мясо этих животных похоже на говядину, замечает Лега, как и мясо дюгоней. Это могу подтвердить и я — правда, я его пробовал в Вест-Индии, где меня угощали и суповой черепахой, и черепахой-кареттой. Мясо черепах-каретт намного грубее, чем суповых, и напоминает мясо очень старого быка.

Еще в конце XVII века один голландец на Маврикии предложил своим соотечественникам продавать черепашьё мясо в Сурат и на Коромандельский берег в Индии. Неизвестно, существовал ли этот вид экспорта. Но совершенно очевидно, что с Маврикия рано исчезли не только сухопутные гигантские слоновые черепахи, но и их сородичи, обитавшие в море. Примерно в 1770 году Бернарден де Сен-Пьер рассказывал: «Раньше на берегу была масса морских черепах, сейчас их увидишь очень редко».

Но вскоре Сейшелы стали поставлять на Маврикий суповых черепах, и уже в 1787 году их отлов так сильно увеличился, что Малавуа вынужден был напомнить властям: «Морская черепаха с каждым днем становится на Сейшелах все более редкой; правда, на некоторых островах архипелага она еще выходит на сушу».

Конечно же комендант в данном случае имел в виду суповых черепах, поскольку в том же донесении он не-

сколько раз упоминал черепаху-каретту. По его мнению, эта черепаха могла бы быть важным «товаром», если, разумеется, отлавливать ее в допустимых размерах. А вместо этого «все, без разбора, кинулись ловить ее с форменным бешенством» и успокоились лишь тогда, когда этих животных стало так мало, что выгоднее было заняться обработкой земли...

Для защиты популяции черепах-каретт власти запретили отлов, и Малавуа полагал, что этот запрет должен распространиться на ближайшие пять-шесть лет, после чего отлов снова будет разрешен, но только не чаще, чем один раз в три года. В своем рапорте Малавуа предлагал также создать питомник, который мог бы стать базой, обеспечивающей мясом суповой черепахи больницы для больных цингой моряков, списанных на берег.

Но идеи Малавуа как всегда значительно опережали время. Хотя в 1807 году французские власти ввели новые ограничения, порядок установить не удалось. Отношение к суповой черепахе на островах выразительно охарактеризовал английский капитан В. Оуэн. В 1820 году он писал, что эта черепаха на Сейшелах служит в основном пищей для бедняков, в особенности для представителей «низших» слоев на острове Ла-Диг. «Остальные иногда даже преследуют их за это. Проходя мимо такого бедняка, они морщатся и восклицают: „У-ф-ф, как воняет морской черепахой!“».

Однако популяции морских черепах, обычно откладывавших яйца на Сейшельских островах, вскоре были истреблены. Когда в 1862 году американский консул на Маврикии Никола Пик в журнале «Субтропические прогулки» отмечал, что на Сейшелах убили 1800 таких черепах, оставив при этом мясо гнить и забрав лишь небольшую часть панцирей для продажи, чтобы впоследствии выдать их за панцири гигантских черепах, конечно же он имел в виду добычу черепах у какого-нибудь отдаленного кораллового острова, возможно, у берегов островов Альдабра, которые вплоть до 1965 года находились во владении Сейшел.

Та же судьба постигла и большую сухопутную черепаху. Когда она исчезла на гранитных островах Маэ, Праслен, Силуэт, Ла-Диг и других, ее стали привозить

издалека. Это было выгодно, потому что суповые черепахи выбирали местом для кладки яиц необжитую группу островов Альдабра, расположенную примерно в 350 километрах к северо-западу от северного мыса Мадагаскара и состоящую из островов Альдабра, Космоledo и небольших островов Ассампшен и Астов.

Эти острова находятся на расстоянии примерно тысячи километров к югу от острова Маэ, и долгое время их положение было неопределенным. Однако французы считали необитаемые острова частью Сейшел, и впоследствии они стали принадлежать Великобритании. В 70-х годах XIX века об их существовании стало известно в Европе. Британское правительство считало их землей королевской короны, что видно из документа, датированного декабрем 1882 года, в котором обсуждаются юридические обоснования сдачи земли внаем, а британский уполномоченный по гражданским делам Артур Бэркли замечает, что раньше таких прав на земли островов не имелось.

В это время случайные экспедиции вылавливали сухопутных и морских черепах у островов Альдабра, но первым начал отлов суповых черепах в огромных масштабах некий Томас Джеймс Спарс в 90-е годы XIX века. Он планировал отлавливать ежегодно по 12 тысяч черепах. Судя по тому, что контракт вскоре перешел в другие руки, это предприятие кончилось неудачей.

С начала нового столетия отлов продолжался и весьма интенсивно. Большую выгоду приносил предпринимателям экспорт сухого «калипе» — похожего на желе вещества, которое находится у черепахи перед желудочным щитком и используется для приготовления настоящего черепашьего супа. 150-килограммовая суповая черепаха давала около двух килограммов «калипе» и примерно 30 килограммов мяса, которое, как правило, не вывозилось, а использовалось самим населением. Кроме «калипе» в небольших количествах экспортировали черепаший жир и другие продукты, включая консервы из жареного в масле черепашьего мяса.

Самых больших размеров объем экспорта продуктов, которые получали от этих животных, достиг в 1912 году, когда в Англию было продано «калипе» из 9 тысяч суповых черепах. В то время за одну только ночь можно было легко поймать пятьдесят черепах, выходявших на су-

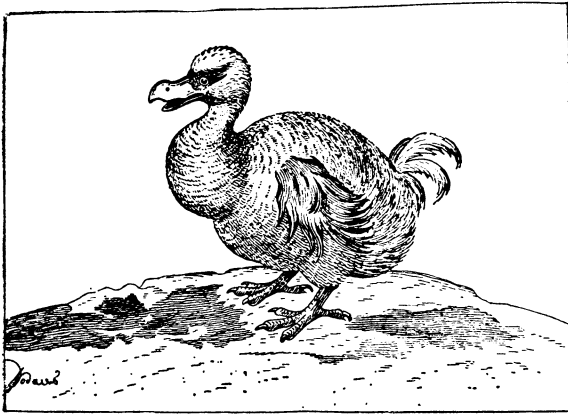
шу для кладки яиц, на Альдабре, примерно столько же — на близлежащем острове Ассампшен, где рекордная цифра достигала ста черепах за одну ночь. В большом количестве ловили самок и на Космоledo.

Хищническая охота за яйцекладущими самками, естественно, привела к существенному сокращению популяции суповых черепах. В 1925 году, после исследований, проведенных ихтиологом Джеймсом Орнелем, власти снова вмешались и определили объем допустимого отлова, одновременно запретив грабеж «гнезд» в песке, куда самки откладывали свои яйца. Но, к сожалению, никто не последовал главной рекомендации: не трогать этих животных в период самой интенсивной кладки яиц.

Орнель не верил в благородство арендаторов островов Альдабра и имел все основания для этого: они продолжали брать все, что могли. Правда, добыча уменьшилась сначала до 4 тысяч черепах в год, а затем, после второй мировой войны, сократилась до 1500. Их отлавливали главным образом на атолле Альдабра.

Не помогла и предпринятая в 1930 году попытка создать на островах Ассампшен и Альдабра инкубаторы и выращивать детенышей черепах в бассейнах, чтобы защитить их от многих грозящих им опасностей, например от птицы-фрегата, которая на лету хватает только что вылупившихся маленьких черепашек, когда они ползут к воде. Насколько я выяснил, это намерение не было осуществлено до конца. Сейчас на острове Ассампшен суповая черепаха — большая редкость. Правда, все еще довольно много черепах выходит из моря на острова Астов и Космоledo, а вот на атолле Альдабра, ранее считавшемся главным во всем Индийском океане местом кладки яиц, в 1968 году насчитывалось менее тысячи самок. В свое время их уничтожали в таком количестве, что сейчас одна самка приходится на пять самцов...

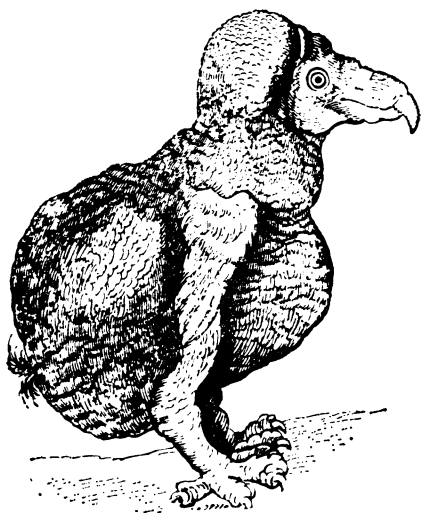
Подтвердились опасения специалиста Уиля, который двадцать лет назад писал, что «отлов черепах ведется по принципу коммерческой эксплуатации» хорошо известными методами хищнической охоты, приведшей к почти полному истреблению китов и тюленей на островах Прибылова, у Патагонии, а также, в районе острова Южная Георгия — морских слонов. К этому перечню, пожалуй, можно добавить голубых китов, финвалов и всех других больших китов в Антарктиде.

Белый дронг. Рисунок, сделанный в XVII веке

Лишь в 1962 году власти Виктории по рекомендациям Орнеля объявили суповых черепах заповедными в период кладки яиц. С тех пор с декабря по март их оставляют в покое. Одно время было запрещено также брать самок на берегу и в ночное время гарпунить их, ослепляя в воде, вылавливать черепах в районе тысячи метров от линии высшего уровня воды и собирать яйца на берегу.

Но, как и во многих других частях света, здесь трудно контролировать, как исполняются предписания властей, следить за тем, чем занимаются люди на отдельных островах. На Альдабре, например, нет ни одного инспектора или хотя бы обычного полицейского, который бы наблюдал за порядком и за действиями персонала, смотрящего за черепахами. И сейчас положение намного хуже, чем даже было в 1966 году, когда швейцарец Рене Е. Хонеггер писал: «Вместо пятисот, разрешенных правительством, здесь (на Альдабре) убивается и обрабатывается на экспорт около 1500 или даже больше черепах». При этом Хонеггер отмечал, что у островов вокруг Маэ имеется масса так называемой черепашей травы (*Cymodocea*), которая могла бы обеспечить питанием множество суповых черепах, и все же их почти уже нет в этом районе. Ведь как только какая-нибудь черепаха появляется на горизонте, ее тут же гарпунуют. По его мнению, тре-

Серый дронг. Карикатура 1646 года

буются неотложные меры для защиты того, что еще осталось как у Сейшел, так и у островов Альдабра.

Однако Хонеггер не официальное лицо, он «просто-напросто» зоолог, занимавшийся на островах исследовательской работой. Более официальный характер носили выводы исследования Продовольственной и сельскохозяйственной организации при ООН, проведенного в 1968 году ее членом, американским профессором Хиртом, который также подчеркивал, что положение во всем этом районе вплоть до Альдабры крайне неблагоприятно, и он настаивал на том, чтобы этот атолл превратить в постоянный заповедник для всего живого, включая суповую черепаху. Этот вид ценных животных надо объявить и на всех других островах полностью заповедным лет на десять.

Естественно, власти не желали согласиться с этими выводами. Правда, в 1968 году отлов был на пять лет запрещен, но нет уверенности в том, что это постановление будет проводиться в жизнь. Слишком уж велико сопротивление рыбаков, подогреваемое арендатором Альдабры. Но даже если распоряжение и будет выполняться, это не даст хороших результатов, пока на соседних

островных территориях не предпримут аналогичных мер. А если этого не случится, правительство может снова разрешить отлов, причем задолго до того, как восстановится популяция суповых черепах.

А о том, чтобы объявить заповедными черепах-каретт, не было даже и речи. Они не так уязвимы, поскольку их самки не собираются на определенных островах, а зарывают свои яйца где угодно на побережье. Кроме того, охота на них уменьшилась прежде всего потому, что их панцирные спинные пластинки цвета коричневого мрамора не пользуются спросом. Из-за массового производства пластмасс отпала потребность в изделиях из черепашого панциря, и их экспорт стал незначительным. Основная часть «сырья» идет на изготовление сувениров: портсигаров, брошей, серег, пуговиц и т. п.

Но есть опасность, что спрос на сувениры местного производства резко увеличится, когда откроется воздушное сообщение и возрастет приток туристов на Сейшелы. Увеличится и число аквалангистов, плавающих среди коралловых рифов и охотящихся на рыбу и черепах.

Новая английская колония. Крейсер «Кенигсберг» и современная военно-воздушная стратегия. «Исчезнувшие» скандинавы. Настоящие эксплуататоры. Неожиданно богатая фауна. Неопределенное будущее

В Виктории я разыскал арендатора Альдабры Гарри Сэви, чтобы справиться у него, могу ли я добраться на одной из его шхун до этого отдаленного атолла. Много лет атолл находился в центре внимания защитников природы в разных странах, частично из-за своих суповых черепах, но главным образом потому, что на нем сохранился последний дикий вид сухопутных гигантских черепах Индийского океана. Об их уничтожении на всех других островах я уже рассказал в разделе «Реликтовый мир животных».

Когда мы плыли из Момбасы, мои спутники предупредили меня, что арендатор Альдабры ни для кого пальцем не пошевелит, если это не принесет ему личной выгоды. И действительно, он заломил бесстыдно высокую цену за шхуну. Арендатор отнесся ко мне очень холодно, хотя из предосторожности я ни разу не коснулся волнующей меня темы животного мира островов. И без того у него было кислое и неприветливое выражение лица.

«Они хотят отнять у меня острова»,—проворчал Гарри Сэви. Под «они» подразумевались проклятые ученые и защитники природы, которые уже с середины 60-х годов всеми силами боролись за то, чтобы сохранить все еще богатую природу островов Альдабра. Одновременно они ставили палки в колеса самому Гарри Сэви, занимавшемуся отловом морских черепах.

Это «научное вмешательство» было обусловлено тем же обстоятельством, которое побудило английское правительство сделать довольно неожиданный шаг. Задолго до того, как Маврикий получил независимость, у него

были отобраны несколько подчиненных ему островов. Это были острова архипелага Чагос, лежащие посередине между Маврикием и Цейлоном, приблизительно в двух тысячах километрах к востоку от Сейшел. Одновременно у Сейшел были отобраны острова Дерош, Фаркуар и Альдабра.

В результате возникло такое явно несвоевременное явление, как новая английская колония в виде мельчайших необитаемых и населенных островов, где насчитывалось не более двух тысяч населения и производилось около 1400 тонн копры в год.

Но не копра привлекла англичан. В ноябре 1965 года была создана Британская территория Индийского океана (БТИО), управление которой находилось в Виктории. И в Лондоне пеклись не о благосостоянии местного населения, хотя с 1968 года небольшой норвежский моторный катер «Нордвер» стал совершать круговые рейсы, развозя почту, пассажиров и предметы первой необходимости на острова, составляющие БТИО, а также на некоторые из коралловых островов, которые до сих пор принадлежат Сейшеламам...

Новая колония обязана своим появлением военным интересам Англии. В этой связи интересно обратить внимание — хотя бы из чистого любопытства — на то, что острова Альдабра, лежащие вдали от магистральных морских путей, благодаря своему географическому положению, сыграли известную роль еще в первой мировой войне. 20 сентября 1914 года германский крейсер «Кенигсберг» потопил у берегов Занзибара британский военный корабль и с тех пор неоднократно нападал на морские транспортные суда, совершая дальние рейды, вплоть до бухты Аден. Для того, чтобы нейтрализовать коварного противника, на его поиски были высланы хорошо вооруженные английские, французские и японские военные суда.

Почти двадцать кораблей безуспешно разыскивали «Кенигсберг», который, казалось, бесследно исчез, пока в один прекрасный день небольшой сейшельский парусник случайно не оказался у берегов тогда еще необитаемых островов Альдабра. К удивлению пассажиров, находящихся на борту парусника, они увидели немецкий крейсер, который стоял на якоре в одной из бухт атолла, защищенной со стороны океана несколькими островками.

Парусник тут же повернул назад и поспешил на Сейше-лы, чтобы там забить тревогу. С Маэ была тотчас же от-правлена шифрованная телеграмма, сообщавшая о месте укрытия «Кенигсберга», и, если бы немцы не перехватили эту телеграмму, атолл Альдабра наверняка стал бы местом исторического морского сражения.

За четыре часа до того, как первый английский бое-вой корабль достиг атолла, крейсер отошел к устью реки Руфиджи в Танганьике, которая была немецкой коло-нией и контролировалась немецкими войсками. Он при-шел туда 30 октября 1914 года и благополучно простоял на новом месте до июля 1915 года.

Ныне не приходится опасаться, что вражеские кораб-ли могут спрятаться в Индийском океане между его ост-ровами. Тем не менее в августе 1964 года английская пресса стала публиковать сообщения о том, что вынаши-ваются планы постройки в этом районе военного аэро-дрома. Спустя год лондонская «Таймс» назвала возмож-ные пункты для этого строительства: острова Альдабра, остров Диего-Гарсия в архипелаге Чагос, а также Кокос-овые острова, лежащие значительно дальше к востоку и принадлежащие Австралии. Уже тогда было ясно, что речь идет о совместном англо-американском проекте. По-степенно всплыло на поверхность и то, что английские ВВС еще в 1962 году, то есть за три года до того, как было основано БТИО, тайно снарядили экспедицию на острова Альдабра для их исследования.

В это же время на Сейшелах и на островах Альдабра работали ученые из Бристольского университета. В ян-варе 1966 года они вернулись на родину, привезя с собой интересные сведения, подтверждающие, что на атолле обитает множество видов птиц, а также животных, вклю-чая гигантских черепах, которые кроме этих мест нигде больше не встречаются. В своем предварительном докла-де члены экспедиции назвали этот остров уникальным заповедным раем и заявили, что планы создания англо-американской военно-воздушной базы представляют со-бой смертельную угрозу для пока еще практически не-тронутого человеком атолла, так как нарушат там при-родное равновесие.

В июле 1966 года состоялось заседание комитета Ко-ролевского общества, на котором обсуждалась эта проб-лема. До сих пор военные ни разу не советовались с на-

туралистами, которые бы, несомненно, вместо девственных и очень важных для науки островов Альдабра, могли порекомендовать для строительства аэродрома соседний с ними остров Ассампшен, который давно был «испорчен» и превращен в пустыню из-за добычи там гуано и отстрела птиц. Уничтожены были его некогда богатейшие птичьи колонии и почти вся остальная фауна. Строительство аэродрома на этом острове причинило бы минимальный ущерб природе. Однако уже то, что Ассампшен не входил в БТИО, означало, что военные сделали свой выбор. И дело было не в одном аэродроме.

Скоре стало известно, что «Би-Би-Си» собирается послать на острова Альдабра экспедицию, чтобы выяснить возможности строительства там радиостанции, которая бы транслировала радиопрограммы из Лондона в страны, лежащие по другую сторону Индийского океана. Королевское общество добилось того, чтобы вместе со специалистами из «Би-Би-Си» и представителями английских и американских ВВС на остров отправились и два натуралиста.

Одновременно в прессе, в научных журналах и в изданиях обществ охраны природы в Великобритании и в США разгорелся спор. В США, кроме обществ охраны природы, о своем протесте заявили также Национальная академия наук и вашингтонский Смитсоновский институт. Королевское общество в 1967—1968 году организовало свою собственную экспедицию с целью тщательно обследовать острова Альдабра до того, как туда будут доставлены бульдозеры и землечерпалки для расчистки территории под планируемую 4500-метровую посадочную полосу, строительства порта для танкеров, а также ангаров, домов, мостов между островами, автомобильных дорог и т. д., включая радиостанцию «Би-Би-Си».

Противники строительства базы ссылались не только на науку, которая более всего заинтересована в том, чтобы последний из девственных атоллов в Индийском океане был сохранен для грядущих поколений в своем первозданном виде. Орнитологи доказывали, что весьма спорной была и безопасность полетов из-за громадных птичьих колоний на архипелаге Альдабра, где одних только птиц-фрегатов насчитывается 30 тысяч. Из всех островов Индийского океана острова Альдабра плотнее всего заселены этими большими птицами, которые име-

ют привычку парить в восходящих потоках воздуха, представляя серьезную опасность для самолетов.

Несмотря на то, что здравый смысл указывал на единственно правильное решение: построить и аэродром, и радиостанцию на другом острове,— все говорило о том, что события будут развиваться в том направлении, в каком они обычно развиваются, когда политические и военные круги принимают «коридорное решение» по проблеме еще до предания ее гласности. Уже заранее было решено, какие именно острова войдут в БТИО.

Несмотря на вмешательство Королевского общества, английское правительство заключило в декабре 1966 года договор с США о том, что БТИО, в том числе и атолл Альдабра, на протяжении по меньшей мере пятидесяти лет будет использоваться для «оборонительных» целей. Таким образом, Соединенным Штатам предоставлялось право по мере необходимости строить военные объекты на любом из островов БТИО, даже без ведома Великобритании. В начале 1967 года был подписан договор, а в апреле этого года — через четыре месяца после подписания (!), участь островов Альдабра была предрешена.

В первых сообщениях, опубликованных в печати, о планах эксплуатации островов Альдабра речь шла о довольно безобидном предприятии. В 70-х годах прошлого века с Мадагаскара, на котором уже тогда жили норвежские торговцы и миссионеры, в Берген вернулись колонисты скандинавского происхождения, которые рассказали о том, что они узнали от команды одного английского военного корабля о лесистых, необитаемых островах, расположенных к северо-востоку от Африканского континента. Речь шла об островах Альдабра. Вскоре после своего возвращения скандинавы стали подготавливать экспедицию к этим, судя по всему, богатым, но никем не используемым островам.

Так как в это время Норвегия была охвачена эмиграционным психозом, организаторам экспедиции не составило особого труда завербовать людей, готовых принять участие в такой аванюре, как аннексия островов и создание небольшой колонии в Индийском океане в пользу объединенного королевства Швеция — Норвегия. Эмигранты должны были быть верующими христианами, годными к тому, чтобы распространять «правильную» веру

среди туземного населения. Все они должны были быть трудоспособными людьми, а некоторые из них — опытными лесорубами, так как помимо занятия земледелием будущие колонисты рассчитывали экспортировать древесину в английскую провинцию Наталь в Южной Африке, где этот товар можно было выгодно продать.

Естественно, потребовался капитал для покупки судна, которое после прибытия на острова Альдабра использовалось бы для торговых рейсов к Мадагаскару и к берегам Южной Африки. Ни один из участников экспедиции такими средствами, конечно, не располагал. Эмигрантам все же удалось собрать необходимые деньги, продав все, что у них было за душой. В 1879 году они купили почти новенький галеас «Дебору» и 19 июля того же года отправились в долгое плавание к островам Альдабра. На борту было семнадцать человек команды, двадцать семь пассажиров старше четырнадцатилетнего возраста и тринадцать маленьких детей.

Сообщения об отплытии колонистов и их планах появились не только в норвежских, но, в частности, и в немецких газетах. Одно из них, опубликованное в Германии, впоследствии послужило поводом к мифотворчеству. В первом сообщении не было ничего ужасного. Американец Джеймс Парсонс почерпнул из одной немецкой газеты следующие сведения для своей книги «Зеленая черепаха и человек» (Гейнсвилл, 1962 г.): «...в 70-х годах прошлого столетия группа скандинавов захотела основаться на незаселенном атолле длиной в 18 миль. Группа людей — двадцать семь взрослых и тринадцать детей — отплыла из Бергена в июле 1879 года с намерением основать колонию на островах Альдабра. Они должны были соединиться с другой группой своих соотечественников на острове Носи-Бе у Мадагаскара. Судьба этих скандинавов неизвестна».

Но, как это обычно бывает, история, которую много раз пересказывают, неизменно искажается, так сказать «развивается». Отрывок из книги Парсонса о скандинавах на Альдабрах был впервые перепечатан — почти без изменений — в 1967 году в одной сейшельской газете. Когда же англичанин Тони Бимиш в 1970 году использовал тот же самый материал в своей книге об Альдабрах, ему каким-то образом удалось превратить бедных скандинавов не более и не менее, как в рыбаков-пионеров, да

еще и коммунистов: «В 1879 году, — писал он, — на острове высадилась группа из сорока норвежских коммунистов, не считая детей, которые решили основать там рыбацкую колонию. Похоже, что они исчезли, не оставив никаких следов».

Однако на родине скандинавов вовсе не считают пропавшими без вести. При помощи газеты «Бергенс Тиденде» мне удалось собрать о них необходимые сведения, в частности ознакомиться с большим отрывком из статьи Челля Фалька, напечатанной в «Ежегоднике истории мореплавания» за 1965 год, в котором рассказывается о норвежской торговле, мореплавании и колонизации на Мадагаскаре. Фальк пишет, что 17 октября 1879 года «Дебора» бросила якорь на Мадагаскаре в порту Тулеар, где иммигрантов встретил норвежский миссионер. Он пригласил их на службу, крестил двух младенцев, родившихся за время плавания, и причастил двенадцать детей.

В Тулеаре колонистов, однако, ожидало разочарование. Острова Альдабра оказались вовсе не такими пригодными для колонизации, как они рассчитывали. Острова, как им сказали, состояли из негостеприимных, шероховатых известняковых скал; к тому же на них почти не было пресной воды. После двухнедельных сомнений и споров эмигранты решили вовсе туда не плыть. Некоторые из них остались на Мадагаскаре, а остальные поднялись на борт «Деборы» и отплыли в Дурбан. Большинство из них там и осталось. Несколько человек вернулось на родину, а один кончил свою жизнь портовым миссионером в родном Бергене.

Многие норвежские семьи, живущие в Южной Африке, ведут свой род от участников этой экспедиции, так никогда и не достигших островов Альдабра, которые они собирались колонизовать. Но поскольку история об исчезнувших норвежских «коммунистах» и об этих загадочных островах благодаря английской книжке разносится теперь по всему миру, придется нам снова окунуться в литературу...

Древние арабские мореплаватели, вероятно, неплохо знали острова Альдабра, встречая их на своем пути во время плаваний между торговыми центрами восточно-африканского побережья, Коморскими островами и Ма-

дагаскаром. На одной из португальских карт 1511 года атолл носит название Альдахара, которое, очевидно, можно считать искажением арабского Аль-Хадра, что в переводе означает «Зеленый остров». Эксплуатация островов началась еще в то время, когда французы с Маскаренских, а позже с Сейшельских островов стали охотиться на черепаха у коралловых атоллов. Если не раньше.

Самое раннее сообщение об охотничьих экспедициях на острова Альдабра, которое мне удалось разыскать, датировано 5 декабря 1796 года, когда с этих островов на Маврикий одновременно прибыли два судна «Жен Мими» и «Жен Индъен», нагруженные сухопутными черепахами. Эти и другие суда, появлявшиеся здесь позже, вероятные виновники того, что на наиболее доступных островах Альдабра сохранилось сравнительно мало гигантских черепах.

В 1835 году разграбление животного мира на всех островах, за исключением атолла Альдабра, достигло своего апогея. В 1874 году группа английских натуралистов направила губернатору Маврикия послание, в котором, в частности, говорилось, что ценным гигантским черепахам Индийского океана угрожает полное уничтожение. Одним из ученых, подписавших эту петицию, был Чарлз Дарвин. Он и его коллеги высказывали надежду, что «нынешнее правительство» найдет способ спасти последних из оставшихся в живых животных на островах Альдабра.

Губернатор незамедлительно отдал распоряжение своему ближайшему подчиненному на Сейшелах, гражданскому комиссару Бэркли, чтобы тот обеспечил охрану оставшихся животных. И когда атолл впервые был сдан в аренду некоему господину Жюлю де Шермону, который кроме всего прочего собирался выращивать на арендованной земле кофе, его обязали «уважать» альдабрских гигантских черепах. Последним, как отмечал Бэркли год спустя в письме своему начальству, будет «значительно безопаснее теперь, когда островом владеет надежное лицо, обязавшееся их защищать».

Впрочем, опасность, грозящая черепахам, была, возможно, не столь велика, как предполагали. По мнению Сперза, арендовавшего острова в 90-х годах прошлого века, беспокойство властей по поводу того, что матросы

с арабских и реюньонских судов, а также охотники за морскими черепахами могут положить конец роду гигантских черепах, было преувеличенным. Сама природа островов была настолько труднодоступной для людей, которые приезжали на Альдабры в поисках «ее любопытных тварей», что полное истребление черепах представлялось маловероятным.

К этому времени стало ясно, что атолл Альдабра не годится для земледелия. Если бы норвежские эмигранты достигли островов, они бы сильно пожалели об этом. По берегам лагуны действительно растет мангровый лес, но пригодные для земледелия почвы здесь полностью отсутствуют. Кофейную плантацию де Шермон так и не смог развести. Позже сажали лишь кокосовые пальмы, которые растут теперь вокруг небольшого залива на Вест-Айленде, где живут работники арендатора.

Большая часть атолла состоит из труднодоступных ископаемых коралловых рифов. Они образуют то, что некоторые называют «скальный грунт в виде воскового пирога», который настолько гигроскопичен, что моментально пропускает дождевую воду. Поверхность этих «грибов» — как их называют сейшельские рыбаки — имеет множество острых выступов и впадин, больших и малых. Кроме того, на ней растет непроходимый колючий кустарник.

Встречаются на острове более или менее ровные песчаные участки с лужами пресной воды, которые в засушливые периоды почти высыхают. Здесь в некоторых местах растут высокие панданусы и низкорослый лес из цветущих кустов и деревьев. У больших луж находят пристанище черепахи. Но туда-то как раз добраться очень трудно. Участники экспедиции на «Валгалле», снаряженной в 1906 году, провели на атолле три дня, но кроме рыбацкого поселка и его окрестностей так ничего и не увидели. Один из членов экспедиции, Николл, с разочарованием писал о том, что гигантских пресмыкающихся когда-то было множество, а теперь они сохранились лишь «в маленьком районе на северной стороне», месте столь труднодоступном, что «увидеть черепах в их естественных условиях» им так и не удалось.

Если гигантских черепах действительно стало так мало, было преступлением продолжать на них охоту. Но тем не менее их уничтожали. Когда в 1955 году Гарри Сэви стал арендатором островов, по контракту он не должен

был причинять ущерба самому большому острову из группы Альдабра — Саут-Айленду, ставшему своего рода временным природным заповедником. В качестве компенсации за это арендатору было разрешено отлавливать в ограниченном количестве (не более сорока в год) гигантских черепах в других местах и продавать их зоологическим садам.

Труднопроходимая местность островов Альдабра не только спасала гигантских черепах от уничтожения, но и не давала возможности точно подсчитать животных, обитавших там. До 1966 года называли цифру: десять тысяч. А в 1966 году бристольтские зоологи, возвратившись из экспедиции в Англию, заявили, что на атолле живут не менее 33 тысяч гигантских черепах, причем 30 тысяч из них — на Саут-Айленде, 3 тысячи — на Миддл-Айленде и 200 — на Вест-Айленде, где находится рыбачий поселок. Экспедиция Королевского общества, работавшая более тщательно, чем все предшествующие, установила, что на островах обитают от 60 до 100 тысяч особей. Однако главная ценность островов Альдабра — не только гигантские черепахи. Они бы не вымерли полностью, даже если бы английские или американские ВВС прибрали к рукам большую часть островов. Специалисты уверены в том, что животных можно заставить размножаться в зоопарках и заповедниках.

Ценными с научной точки зрения острова Альдабра делает их девственная первозданная природа, богатый растительный и животный мир. Двести лет назад таких островов было довольно много. Теперь же острова Альдабра — единственные в своем роде не только в Индийском океане, но и во всем мире. Исключение составляет лишь небольшая часть Вест-Айленда, куда были занесены чужеродные сорняковые растения и где живут крысы, одичавшие куры и кошки, а на Саут-Айленде — козы, которые были завезены сюда еще в прошлом веке.

На островах Альдабра гнездятся около тридцати видов птиц и среди них малые фрегаты (*Fregata minor al-dabrenis*), которых здесь такое множество, что они могли бы представлять собой опасность для самолетов. Помимо них на островах живут буревестники и крачки различных видов. Из болотных птиц выделяются фламинго (*Phoeni-*

capterus ruber roseus) и особый эндемичный вид райских ибисов (*Threskiornis aethiopica abbotti*). Только среди птиц, как установили орнитологи, насчитывается с дюжиной эндемичных видов и подвидов.

Один из этих видов можно даже считать родственным нелетающим дронтам, которые некогда жили на Маскаренских островах, а впоследствии были полностью истреблены. Это — нелетающий пастушок (*Dryolimnas cuvieri abbotti*), который, насколько можно судить, обитает лишь на Норд-Айленде, причем в очень небольшом количестве — несколько сот особей, не больше. Эндемичные пастушки могут исчезнуть вовсе, если дикие кошки с Вест-Айленда распространятся на другие острова. Их исчезновение было бы тем более трагично, что это последний из многовидового рода птиц, которые в процессе эволюции утратили способность летать и навечно поселились на островах Индийского океана.

Еще в начале нашего века родственники этого пастушка жили на соседних островах Ассампшен, Астов и Космоledo. Но добыча в огромных масштабах гуано привела к уничтожению растительности, а вместе с ней и самобытной фауны островов.

Сегодня новые открытия могут дать натуралистам лишь острова Альдабра, причем не только в отношении «низших» животных. Совсем недавно экспедиция, организованная Королевским обществом, обнаружила доселе неизвестную науке небольшую певчую птичку, принадлежащую к тому же роду, что и «маленький островной дрозд», живущий на Сейшелах.

История этого открытия довольно туманна. Через семь недель после того, как в Британский музей (Отделение естественной истории) были отправлены самка и три ее яйца, найденные на острове, поймали самца, который кружил неподалеку от гнезда. Очевидно, это было его собственное гнездо, и в нем жило его семейство. Все указывало на то, что этот вид, получивший название *Nesillas aldabranus*, обитает лишь в чрезвычайно ограниченной микросреде. Все попытки обнаружить еще несколько экземпляров этих птиц окончились неудачей.

«Можно с уверенностью утверждать, что ни один из известных видов не имеет столь ограниченного распространения», — написали ученые, сделавшие открытие. Журнал «Нью сайентист», недовольный исследованием остро-

ва таким способом, в марте 1969 года снабдил сообщение английских натуралистов ироническим комментарием: «Они могли бы и добавить, что этот вид теперь, вероятно, полностью вымер».

Можно, конечно, надеяться, что «дрозда» удастся обнаружить там, где его еще не искали. Если нашли хотя бы одну пару животных, значит есть и другие. Но и этим птицам, и другим животным пришлось бы очень худо, если бы в девственную природу атолла вторглись военные летчики и радиотехники. Уникальная природная среда была бы уничтожена. Острова заполнили бы сорняковые растения и вредоносные животные. Природное равновесие было бы во всех отношениях нарушено, и, что досаднее всего, уникальная природа была бы загублена напрасно, ибо по соседству с островами Альдабра есть уже испорченные человеком острова, на которых хватает места и для аэродрома, и для радиостанции, и для других сооружений.

Вмешательство в дело охраны природы научных организаций, требовавших отказаться от использования островов Альдабра, не возымело действия, безрезультатно кончились и дебаты по этому вопросу в английском парламенте. Участь островов была предрешена в декабре 1966 года соглашением между Англией и США. Что действительно спасло атолл — по крайней мере, на некоторое время, — так это девальвация английского фунта стерлингов в ноябре 1967 года. Возникла необходимость в жесткой экономии, и среди проектов, поставленных на тормоза, оказалось строительство аэродрома на Альдабре. Би-Би-Си также на время отодвинула свои планы.

Однако уже через несколько дней министр обороны Англии дал достаточно ясно понять, что строительство военно-воздушной базы лишь откладывается на неопределенное время. Правительство, по его словам, решило построить на атолле станцию промежуточной посадки, и проект будет разморожен, как только улучшится экономическое положение страны. К тому же сохраняет свою силу договор, который дает США право в любой момент приступить к строительству военных объектов на островах Альдабра или на любом из островов, входящих в БТИО.

Таким образом, дальнейшая судьба уникального острова до сих пор остается неясной. Правда, опасность несколько уменьшилась, когда Соединенные Штаты решили расширить уже существующий аэродром на Маврикий, а Великобритания — строить аэродром на Сейшелах, который, несомненно, можно будет использовать как промежуточную базу для военных самолетов.

Правда, и Королевское общество не сидело сложа руки. Британская академия наук в 1969 году добилась государственного ассигнования в 26 тысяч фунтов на строительство постоянной научно-исследовательской станции на Альдабре. Можно надеяться, что атолл все-таки станет природным заповедником на благо как мировой науки, так и населенных островов данного региона: ведь отлов съедобных суповых черепах может стать для них выгодной и постоянно расширяющейся отраслью хозяйства, если только животным дадут возможность спокойно размножаться на песчаных пляжах, куда они с давних времен выходят в период спаривания и кладки яиц.

Сам я, к сожалению, так и не добрался до островов Альдабра. Цена, которую заломил с меня арендатор за короткий визит на атолл, была слишком высокой, так что у меня оставалась последняя возможность: доплыть до островов на новом судне БТИО «Нордвер». Если бы я ею воспользовался, мне пришлось бы либо остаться там на неопределенное время, пока не подвернулась бы какая-нибудь возможность вернуться обратно, либо, после короткого осмотра, снова сесть на «Нордвер» и плыть на нем до Момбасы. Я предпочел отказаться от своих первоначальных планов, остаться на Сейшелах и дожждаться возможности посетить их некогда «материнский» остров Маврикий.

Опасность купания во время прилива. Акулы, морские змеи и ядовитые рыбы. Морской скороход и илистый прыгун. Среди каракатиц и морских огурцов. Раковины-убийцы, ядовитые улитки и собиратели улиток

Я бы так никуда и не уехал с Сейшел, если бы мне не помогло одно обстоятельство. Мой креольский друг Филибер Луазо, хозяин бара «Гардения», пригласил одного англичанина, бывшего чаевода из индийского города Ассама, одного путешествующего вокруг света американца, меня, двух коллег по ОПН и нескольких девушек на воскресный пикник у моря.

Мы облюбовали себе место на безлюдном берегу, но купаться там было рискованно из-за острых коралловых рифов. Мы позавтракали креольскими деликатесами, запивая их голландским пивом, а затем поехали в ближайшее частное владение Ла-Плэйн попросить разрешения воспользоваться местным пляжем.

Если бы на Сейшелах действительно следовали Кодексу Наполеона, который официально считается действующим с 1805 года, когда он был провозглашен на Маврикии и принадлежащих ему островах, разрешения не понадобилось бы, так как берег был бы доступным для всех. Однако уже давно эта всеобщая доступность была ликвидирована, и владелец плантации, американский миллионер Уильям Померой, передал через своих слуг, что пляж занят. Я подозреваю, что за его отказом скрывались политические соображения: нежелание оказаться в обществе членов ОПН, которая не одобряет пребывание плантатора на Маэ.

Как бы там ни было, мы поехали дальше вдоль берега на юг, к Гранд-Анс, одному из самых длинных и красивых побережий, расположенному напротив острова Иль-о-Ваш, бывшего пристанища морских коров. Дощечка, прибитая к одной из кокосовых пальм, предупреждала,

что каждый, кто зайдет в воду, рискует жизнью. Море у Гранд-Анс было коварным, вероятно из-за отсутствия коралловых рифов, которые разрезают волны и подводные течения. Филибер рассказал нам, что несколько лет назад в этом месте произошел трагический случай. Губернатор сэр Джон Торп, которого на острове очень любили, и его ближайший помощник — отличные пловцы — были унесены течением в море и погибли.

Мы не собирались рисковать. Но вряд ли было что-нибудь опасное в том, чтобы окунуться возле самого берега. Филибер и еще один сейшелец вошли в воду и сделали несколько шагов вглубь, отыскивая в воде «тек-тек» — небольших моллюсков, считающихся деликатесом и прячущихся в своих раковинах на песчаном дне в зоне прилива. Я также вошел в воду и побрел навстречу большим волнам. Я чувствовал их упругие удары и наслаждался этим ощущением. Никто из нас и не подумал о том, что начался прилив и что в этот день был прибой.

Я зашел не очень далеко и думал, что у меня под ногами дно. Но море наступало, и дно уходило.

— Боюсь, что мы попали в беду! — крикнул я двоим своим спутникам, которые были в том же самом положении, что и я, хотя держались ближе к берегу. Дело приобретало серьезный оборот. Как ни старались мы плыть к берегу, подводное течение относило нас в противоположном направлении, а волны накрывали нас с головой...

Оставшиеся на берегу наконец поняли, что мы не ради удовольствия плавали кругами и кричали изо всех сил. Теперь, когда море поднималось все выше, плыть за нами было чистым безумием. И не было ни куска веревки, ни лодки на берегу... В конце концов, американец бросился к машине и помчался за помощью.

Это было настоящее сражение за жизнь. Скоро мне стало ясно, что я уже никогда не ступлю на твердую землю. Силы мои иссякли, я задыхался. Говорят, что перед смертью человек вспоминает все свои грехи. Я же, к своему удивлению, обнаружил, что думаю вовсе не о них, а о том, что мне чертовски не повезло: утонуть всего за несколько дней до того, как я должен был поехать на Маврикий! Перед глазами промелькнули строчки из некролога: «Писатель Бенгт Шёгрэн утонул у берегов Сейшел».

Нет, черта с два! Я должен бороться! Я плыл и плыл, сопя и пыхтя, хватая ртом воздух и стараясь прятать голову, когда сзади накатывались волны. Я видел, как где-то справа от меня двое других пловцов медленно приближались к берегу. Они то взлетали высоко, то снова исчезали в волнах. Мне стало ясно, что я один стану жертвой океана.

Но вдруг что-то произошло с подводным течением, так как я неожиданно почувствовал кончиками пальцев дно. Появилась надежда, а вместе с ней и силы. Я, наконец, доплыл до берега, откуда ко мне тянулись дружественные руки. Тяжело дыша, я повалился на песок, и меня поволокли подобно разбитому бурей кораблю прочь от наступающего моря. Кто-то вспомнил, что тонувших надо класть на живот, и меня хотели перевернуть, но я протестовал: мне хотелось спокойно полежать на спине и отдышаться. Недалеко под пальмами лежали двое других горе-купальщиков.

Наутро я вспомнил одну креоло-французскую половицу и записал: «Море, как женщина. Никогда не знаешь, что тебя ожидает». И приписал к ней красными буквами «Гранд-Анс». Во время своих путешествий я никогда не веду дневника, а делаю лишь разрозненные заметки. Вот и теперь ограничился лишь названием местности, как ключевым словом. До сих пор удивляюсь, как я вернулся оттуда живым.

На следующий день мне говорили, что при встречном течении, уносящем тебя от берега, самое правильное не сопротивляться, а экономить силы и тратить их лишь на то, чтоб удержаться на поверхности, пока тебя не спасут. Правда, тогда есть другая опасность — акулы, но об этом никто не говорил, так как море вокруг Сейшельских островов считается свободным от них. Местные жители не помнят случая, чтобы в этих местах акула напала на человека.

Это объясняется, возможно, тем, что в прежние времена вокруг Сейшел велась довольно интенсивная охота на акул. Их плавники вывозились даже в Сингапур и Гонконг, а остальные съедобные части употреблялись в пищу самими сейшельцами. Профессор Дж. Смит в своей книге «Рыбы Сейшельских островов» именно так объясняет отсутствие акул у берегов Сейшел. Лично я сомневаюсь в этом, так как Сейшельская банка велика,

и акулы как «центробежные» рыбы легко могли вернуться к этим берегам. Думаю, что вообще вероятность нападения акулы на купающихся мала сама по себе. Когда где-нибудь происходит серия несчастных случаев, приковывая к себе внимание мировой прессы, то во всех этих случаях замешана одна и та же акула, которая ведет себя как «рецидивист». Не так велик риск, как его себе представляют.

Необходимо также отметить, что в сейшельских водах либо полностью отсутствуют, либо очень редки морские змеи, хотя в популярных книгах о животных и сказано, что ядовитые змеи из семейства *Hydrophiidae* «встречаются в тропических районах Индийского и Тихого океанов». Но эти морские рептилии — всего лишь довольно миролюбивые охотники за рыбами. Они далеко не так агрессивны, как большинство сухопутных ядовитых змей. Очень редки случаи, чтобы морская змея укусила купающегося человека.

Но есть здесь другая опасность. Для прогулки вокруг коралловых рифов во время отлива надо надевать на ноги обувь с толстыми подошвами: в небольших лужицах, образовавшихся после отлива, может скрываться каменная рыба (*Synanceia verrucosa*), одна из опаснейших и к тому же одна из самых безобразных рыб в мире. Она похожа на бычка, с уродливой головой и огромной пастью. Из-за серо-пятнистой защитной окраски ее трудно разглядеть в песке, а когда к ней приближаешься, она становится абсолютно неподвижной.

Таким образом каменная рыба обманывает мелкую рыбешку, быстро заглатывает ее, после чего возвращается в исходную позицию. На спине у нее тринадцать ядовитых жестких шипов — грозное оружие, которым она пронзает даже резиновую подметку теннисных тапочек. В любом из тропических районов Индийского и Тихого океанов, бродя у береговых рифов, можно случайно наступить на этого уродца. Тому, кто это сделает, сильно не поздоровится. Шипы у каменной рыбы, полые внутри, действуют как шприц. Боль от укола нестерпима, тело жертвы покрывается холодным потом, возникают судороги и сердечно-сосудистые спазмы. До тех пор пока в 60-х годах австралийские ученые не изобрели противоядия, врачи мало чем могли помочь пострадавшему. Единственное, что оставалось делать — ждать, пока боль не от-

ступит. Проходили месяцы, прежде чем человек полностью избавлялся от последствий этого страшного укула; были и смертельные случаи.

Опасность подстерегает и тех, кто ныряет у коралловых рифов без защитного резинового костюма. Ныряльщик может довольно сильно обжечься о крапивообразные полипы, червей, моллюсков, наткнуться на рыбу-зебру (*Pterois volitans*); это очаровательная рыбка, которую англичане называют «бабочковой треской» за ее большие, пестрые плавники, делающие ее похожей на бабочку, но и у нее есть ядовитые шипы, которые она пускает в ход, если чувствует себя в опасности. Правда, ее яд не смертелен; к тому же из-за яркой окраски она хорошо различима в море. Однако я коснулся темы, которую другие знают гораздо лучше меня. Тем, кто ею заинтересуется, хочу порекомендовать, в частности, книгу Иренеуса Эйбль-Эйбесфельдта «В царстве тысячи атоллов» (Мюнхен, 1964), которая посвящена фауне коралловых рифов в Индийском океане. Правда, речь в этой книге идет не о Сейшелах, а о других архипелагах.

К сожалению, мои океанологические познания весьма неглубоки. Правда, когда я был на Сейшелах, мне предлагали нырнуть с аквалангом, но я довольствовался прогулками по берегу во время отлива. Даже такие прогулки подчас могут быть весьма познавательными.

Одним июльским днем, гуляя по берегу небольшого, хорошо защищенного от ветра залива, на который выходили окна отеля «Бо Валлон Бич», я заметил, что поверхность воды от берега до ближайшего рифа покрыта насекомыми. Это были морские скороходы из рода *Halobates* — одна из очень немногих групп насекомых, которые приспособились к жизни в морской среде. Они принадлежат к тому же семейству полужесткокрылых (*Gerridae*), что и водомерки, или водяные пауки, которых часто можно встретить снующими взад и вперед в озерах, прудах и небольших речках, где они питаются другими насекомыми, случайно оказавшимися в воде.

Так как я ни разу до этого не видел морских скороходов, меня удивило, что они были меньше, чем наши обычные пресноводные водомерки, размеры которых заметно возрастают с увеличением размеров водоемов,

в которых они живут. А следовательно, можно было бы предположить, что океанские скороходы должны быть еще больше. Морские жуки, которые плавали в «лагуне» перед отелем, имели различные формы. Я смог выделить из общей массы только что вылупившихся из личинок и насекомых постарше. Но ни одно из них в длину, между двумя вытянутыми лапками, не превышало одного сантиметра. И все они были бескрылыми, как личинки водомерки. Может быть, все насекомые были личинками разных возрастов? Или же среди них были и взрослые особи?

Последнее предположение казалось ближе к истине. Это подтвердила и справочная литература, в которой указывалось, что морские скороходы в отличие от остальных водомерок бескрылы. В процессе адаптации к жизни на морской поверхности крылья насекомых выродились, став ненужной «роскошью». Водомерка нуждается в крылышках, чтобы перебираться в новый водоем, если прежний станет непригодным для жизни или высохнет. Морским же скороходам это не грозит.

В природе насчитывается около сорока различных видов морских скороходов. Все или почти все из них питаются животной пищей, которую они находят на поверхности моря. Некоторая их часть проводит всю свою жизнь вдали от берега в открытом море, скапливаясь вокруг различных плавающих предметов. Большинство же морских скороходов, как правило, держится вблизи островов и побережий.

Один их вид *Halobates proavus* на острове Перим в Баб-эль-Мандебском проливе, соединяющем Красное море с Индийским океаном, встречается у самого берега и даже на самом берегу в маленьких лужицах, оставленных отливом.

Этот ли именно вид я видел на Маэ — трудно сказать. Несмотря на свое увлечение в прошлом энтомологией, я зарекся собирать насекомых и не взял с островов ни одного экземпляра. Не меньше, чем морским скороходам, я обрадовался присутствию в сейшельских водах других животных.

Вдали от берега, в том месте, где волны разбивались о скалы, на отмелях вовсю кипела жизнь. Веселые, достигающие в длину десяти сантиметров, рыбки с большими головами и глазами, как у лягушек, своими брюш-

ными плавниками то «обнимали» камни, а то вдруг отталкивались от них хвостами и прыгали в воздух, описывая дугу. Таким образом этим небольшим рыбкам удавалось перескакивать с камня на камень, покрывая расстояние в несколько десятков сантиметров. Иногда было видно, как они прыгали за добычей.

Эти лазающие и прыгающие рыбки, так называемые илистые прыгуны из рода *Periophthalmus*, живут обычно в зоне прилива; некоторые виды — в илистом грунте прибрежных мангровых болот, где во время прилива они прыгают по ветвистым корням мангровых деревьев, охотясь за насекомыми и мелкими крабами. Я бы лично назвал рыб, которые прыгают по камням, не «илистыми», а «наскальными прыгунами». Судя по рисункам, которые приводит в своей книге о сейшельских рыбах Смит, мои рыбы были периофтальмусами (*Periophthalmus koelreutheri africanus*). Но на островах живет и другой вид периофтальмусов, который я бы и сам охотно назвал илистыми прыгунами.

Однажды, сидя на радиостанции, расположенной на окраине Виктории, в ожидании, когда можно будет передать путевой репортаж Шведскому радио, в одной из илистых луж под окном я увидел множество пар глаз, смотрящих из воды, в точности, как это делают лягушки — я и принял их сначала за лягушек. Когда же я пригляделся к ним хорошенько, то обнаружил, что и это тоже илистые прыгуны, поджидавшие добычу, но окраска у них была более светлая. «Проконсультировавшись» со Смитом, я пришел к выводу, что эти рыбы должны принадлежать к виду *Periophthalmus sobrinus*. Определить это мне не составило особого труда, так как на Сейшельских островах встречается лишь два вида илистых прыгунов...

Впрочем, в моих выводах не было ничего сенсационного. Илистые прыгуны часто встречаются на берегах Индийского и Тихого океанов. Но для меня, видевшего лишь фауну побережья Атлантического океана и Карибского моря, где эти «рыбы-амфибии» не водятся, в этом наблюдении было много нового и увлекательного. Я мог часами любоваться веселыми прыжками маленьких скалолазов и размышлять, скажем, об удивительной приспособленности их зрения к воздушной среде. В воде илистые прыгуны видят плохо, но стоит им высунуть глаза

из воды, и они видят все вокруг на несколько метров. Для рыбы, которая охотится на поверхности воды, это очень важно.

Однажды вечером управляющий отелем индеец Дуду Чудасама родом из Занзибара пригласил меня на весьма странную рыбную ловлю. Она состоялась примерно в полночь, при полной луне, прибое и самой низкой точке отлива. В это время суток можно было зайти далеко за береговые рифы, и Дуду использовал эту возможность, чтобы с помощью карманных фонарей и палок с крючками на концах «удить» в лужах, оставленных на берегу отливом. К нам присоединились два официанта из бара и ночной сторож. И хотя я не ожидал ничего веселого от такого рода охоты с загонщиками, я все же согласился участвовать в ней в качестве наблюдателя, водрузив на ноги толстые сандалии для защиты от острых кораллов и возможных укулов каменной рыбы.

Рыбалка была не очень удачной. Моим спутникам удалось оглушить с десятков небольших рыбешек и трех небольших, но вполне съедобных каракатиц. На следующий день мне дали попробовать лакомый кусочек, приправленный, как обычно, уничтожающим вкус всякой пищи соусом-карри, который употреблялся тем чаще, чем беднее кухня.

Это были три экземпляра из вида восьмируких моллюсков (*Octopus*), питающихся главным образом ракообразными и сльвших почему-то наиболее «смышленими» из всех беспозвоночных животных. Каракатицы, естественно, пытались обороняться, что было бесполезной защитой против людей, вооруженных крючьями, которыми они шарили по дну их тесного убежища. Один постоялец отеля, американец, видимо не знавший, что каракатица способна нанести ответный удар своими острыми сильными челюстями, предназначенными природой для охоты на крабов и лангустов, проявил неосмотрительность и получил сильный щипок в руку.

Пока шла ловля, я бродил по берегу и наблюдал. Кое-где мне попадались морские огурцы, достигавшие в длину двадцати, а иногда и более сантиметров. Этих странных, похожих на колбасу, моллюсков из рода *Holothuria* я, конечно, видел и раньше во время купания, а иногда

даже ради развлечения опирался на них ногой — не сильно, но достаточно для того, чтобы они в целях самообороны выпустили (через задний проход) белое «облачко», которое, в отличие от первого оборонительного средства каракатиц, не предназначается для дезориентации противника. У морских огурцов это облачко состоит из вещества, способного в воде застывать в клейкие волокна, опутывающие обидчика; в любом случае они испортят ему аппетит и принудят оставить намеченную жертву в покое.

На Сейшельских островах почти никто не ест черных морских огурцов. Лишь китайцы-иммигранты, поселившиеся на некоторых островных группах, до сих пор варят из них суп. Их употребляют в пищу также некоторые народы Восточной и Юго-Восточной Азии, где они известны под именем трепангов.

В прежние времена сейшельцы экспортировали морские огурцы в Сингапур и Гонконг. В справочнике по Сейшелам за 1928 год сообщается о некоем торговце по имени Чан Сам-трепанг и об экспортируемых им трепангах. Однако вывоз морских огурцов с Сейшельских островов никогда, по-видимому, не был особенно большим. Как мне удалось узнать, в 1938 году эта экспортная статья составила 408 килограммов с весьма скромной общей стоимостью в 163 рупии.

Помимо морских огурцов, морских ежей и больших морских звезд, так плотно пристающих своими двумя или тремя щупальцами к скалам, что их невозможно отдрать, не разорвав при этом на части, на морском дне, что напротив отеля, почти не на что было смотреть. Конечно, в такой близости от туристического центра не приходится рассчитывать на богатую фауну моллюсковых. И тем не менее, однажды я нашел на берегу раковину красивой хищной улитки из рода *Lambis* длиной в десять сантиметров. Эти улитки, за характерный для них панцирь с длинным рядом «ножек» с одной стороны, получили свое название «паучья улитка». Обычно море выносит на берег лишь небольшие раковинки улиток.

А во время нашей ночной «экспедиции» единственной необычной находкой была алая морская звезда, не считая тех бедных каракатиц, которые кончили свою жизнь в кухонном горшке.

В других местах мне везло больше, в особенности на островах Кузен и Ла-Диг, где я собрал маленькую коллекцию красивых раковин каури, полосаток и т. п., которые туристы охотно берут с собой в качестве сувениров. Кроме ракушек в моей коллекции оказались «пепельницы» в виде раковин моллюсков из рода *Tridacna*. К этому же роду принадлежат гигантские улитки, иногда называемые в литературе «раковинами-убийцами». В одной научно-популярной работе говорится, что «сила, с которой моллюск захлопывает свою раковину, настолько велика, что нырлящик, по неосторожности угодивший в нее ногой, может лишиться ее».

Существует одно любопытное свидетельство, принадлежащее голландскому автору, настолько древнему, что даже Брем цитирует его со словами «даже старый Румфиус». Этот Румфиус, о котором я уже упоминал, когда речь шла о двойных кокосовых орехах, утверждал в своем объемистом труде об индонезийском островном мире, что гигантские улитки своими раковинами запросто могут перерезать якорный канат и тросы. Равным образом «каждый, кто попытается сообразно этому рукой схватить открытую раковину, лишится своей руки, если прежде того не просунет что-либо между ее створками, чтобы она не смогла закрыться».

Гигантские раковины были известны в Европе и до «старого Румфиуса». Экземпляр такой раковины средней величины, предположительно с Индийского океана, в XVI веке был послан Венецианской республикой королю Франции Франциску I. Постепенно она перекочевала в церковь «Сен-Сюплис» в Париже, где и по сей день используется в качестве сосуда для хранения святой воды. Я видел, как более мелкий экземпляр использовался для аналогичной цели на Сейшельских островах. Но Румфиус, видимо, был первым, кто стал утверждать, что *Tridacna* способна отрезать руку или ногу человека. А дальше произошло то, что частенько бывает, когда «ученые мужи» списывают друг у друга: его домыслы стали кочевать из одной работы в другую.

Когда же кое-кто усомнился в том, что раковины гигантских улиток так точно рассчитаны природой, что могут действовать как орудие ампутации, вместо утверждений Румфиуса появились истории о том, как легко застрять ногой в такой раковине. В книге об одной швед-

ской любительской экспедиции к коралловым рифам в Красном море мы читаем: «Многие ныряльщики встретили мучительную смерть, безжалостно пойманные за ногу на морской глубине».

В литературе и в печати мы сплошь и рядом встречаем заметки о подобного рода несчастных случаях на море, в частности на австралийском Большом Барьерном рифе, где обитают самые гигантские из гигантских моллюсков. Лишь после того, как один американец Роджер Кэрас собрал материал для книги о более или менее опасных животных («Дикие животные, опасные для человека. Дефинитивное исследование их общепризнанной опасности для человека». Филадельфия, 1964), озадачившей специалистов по гигантским улиткам, оказалось, что не существует ни одного документального свидетельства о том, чтобы «раковина-убийца» лишила жизни человека. Это говорит о том, что истории о смертельных случаях представляют не что иное, как пустой вымысел, и что вид *Tridacna*, следовательно, не более опасен, чем гигантские улитки, интересные не только своими размерами (их раковина порой достигает полуметра в диаметре и весит до 250 килограммов, а то и больше, при возрасте, значительно превышающем сто лет), но и тем своеобразным образом жизни, который они ведут на коралловом рифе.

Подобно другим улиткам, они частично питаются водой, которую пропускают через отверстия в своей мантии. Их жабры поглощают кислород и оттеживают микроскопические водоросли, а также другие органические частицы. Но этой пищи, однако, недостаточно, чтобы удовлетворить аппетит гигантских улиток. Необходимый для них вспомогательный рацион составляют одноклеточные зеленые водоросли, живущие внутри мантии и в процессе своего роста использующие солнечный свет для фотосинтеза, то есть образования нового органического вещества. Другими словами, гигантские улитки живут в симбиозе с водорослями, которых они подставляют солнечному свету, открывая свои раковины. Размножающиеся водоросли попадают в печень добавочным источником питания гигантских моллюсков.

В западных районах Индийского океана и в Красном море встречаются гигантские улитки лишь средних размеров. Самые большие экземпляры — 40-сантиметровые

Tridacna squamosa, или 20—30-сантиметровые из вида *Tridacna maxima*, которые с трудом оправдывают свое «максималистское» название и менее всего могут быть заподозрены в способности задержать на дне морском взрослого человека. Они вполне съедобны, и в некоторых местах их собирают для употребления в пищу. Однако есть другие моллюски, встреча с которыми может быть небезопасной.

Большим спросом у собирателей раковин пользуются похожие на фарфоровые изделия улитки-полосатки из рода *Conus*. Они удивительно красивы, но опасны, поскольку ведут хищный образ жизни, умервляя добычу своеобразным язычком, снабженным рядом шипов. Большинство животных пользуются такими шипами для разрыва пищи. У полосатки же они — своего рода ядовитый шприц. Моллюск медленно подбирается к своей добыче и языком гарпунирует ее, подтягивая жертву ко рту.

В тропических морях встречаются сотни различных видов полосаток. За некоторые из них собиратели раковин, в особенности в США, платят довольно большие деньги. Одно американское издательство выпустило в свет своеобразный прейскурант раковин: «Каталог раковин Ван Ностранда». Большинство раковин из рода *Conus* оцениваются в нем в сто и больше долларов; самым дорогостоящим считается вид *C. gloria maris*. Красивый экземпляр этой раковины каталог оценивает в 650 долларов, а платят за него, наверняка, дороже. Самая большая и самая роскошная из этих раковин, стоимостью в 2 тысячи долларов, хранится в одном из филладельфийских музеев.

При таком положении вещей охотников за раковинами не очень-то пугают ядовитые шипы полосаток, а также и то, что некоторые из их коллег лишились жизни на коралловых рифах. В то время как в западной части Тихого океана нашли не более тридцати полосаток (*Conus gloria maris*), рифы у Сейшельских островов изобилуют *Conus textile*, называемыми так за свой «текстильный рисунок», а также *Conus geographicus*, раскраска которого, вероятно, напоминает географическую карту.

Из тридцати восьми человек, которых в разное время и в разных уголках земного шара укусили ядовитые улитки, одиннадцать умерло. До сих пор не удалось найти противоядия. Единственный способ спастись (как и

при змеином укусе) — разрезать рану и постараться высосать из нее как можно больше яда, а затем наложить плотный жгут.

Охотники за раковинами, в особенности профессионалы, стараются собирать живых улиток, чтобы раковины были в полной сохранности. Стремясь заработать побольше, они вынуждены рисковать. В общем-то, это — их дело, конечно, до тех пор, пока коралловые рифы не будут целиком разграблены. Но в последнее время коралловые рифы доступны слишком многим фанатичным собирателям раковин.

Что касается меня, то мне вполне достаточно пустых раковин, которых само море выбрасывает на берег. Они вполне годятся для сувениров, несмотря на то, что местами их поверхность слегка истерлась о песок и камни.

Особенно не повезло моллюскам, живущим вокруг острова Маэ. Профессиональные охотники за раковинами и страстные любители-ловцы в значительной мере опустошили коралловый риф. Поэтому необходимо как можно скорее принять защитные меры, и прежде всего присоединить как Маэ, так и другие острова к национальному заповеднику, не дожидаясь, пока воздушный транспорт 70-х годов превратит Сейшелы в центр массового туризма. В некоторых местах, например у берегов Флориды, в Вест-Индии и вблизи туристских центров у берегов Восточной Африки, рыбная ловля и охота у коралловых рифов уже запрещены. Это — единственный способ спасти рифы как природные достопримечательности, сохранив их хотя бы для многочисленных мирных «наблюдателей», которые просто плавают вокруг них и фотографируют красочную подводную фауну.

Загадочный «Людовик XVII». Наполеоновские террористы. Султан Перака и «Розали». Король Премпе с Золотого берега. Несколько королей и другие. Архиепископ Макариос

Благодаря своему здоровому, прохладному и ровному климату, своей привлекательной природе и, что немаловажно, изолированному положению, которое затрудняет побег с островов или даже попытку установить связь с окружающим миром, Сейшелы с 1875 года стали местом ссылки для «строптивых» королей и вельмож, «неудобных» политиков и свергнутых вождей. Примерно так Джон Бредли в своей «Истории Сейшельских островов» начинает раздел о политических деятелях, высланных сюда британскими властями в период расцвета Империи из колоний и так называемых протекторатов.

Он мог бы прибавить одно столетие, поскольку еще Наполеон, впоследствии сам ссыльный номер один для англичан, отправил на Сейшелы целых два корабля, груженных потенциально и действительно опасными преступниками. Ко временам французского владычества относится и наиболее фантастическая из всех историй о людях, которые отбывали ссылку на этих далеких островах.

Однажды на Маэ меня представили одному почтенному джентльмену, которого, разумеется, не зовут Бурбоном, но который уверен в том, что ведет свой род от этой королевской династии. Мсье Анри Гонтье, владелец плантации близ Анс-Руайяль в южной части острова, у себя дома хранит коллекцию реликвий. Сам он считает (и сумел убедить других), что она подтверждает его родословную от Людовика XVI и сына Марии-Антуанетты, маленького дофина Людовика-Карла (Луи-Шарля). Если это так, то «Людовик XVII», как роялисты называли мальчика после смерти его отца на эшафоте, был по-своему самым выдающимся историческим лицом, высланным на Сейшельские острова.

Сама по себе претензия на родство с Людовиком-Карлом довольно оригинальна, если принять во внимание, что последний, даже после того как сначала его отец, а потом и мать были казнены, содержался в башне Тамплъ, где, согласно официальным источникам, в 1795 году он и умер от туберкулеза в возрасте около десяти лет. Слухи о том, что на самом деле в тюрьме умер другой мальчик, не новы. Настоящий дофин якобы после смерти Марии-Антуанетты был выкраден из тюрьмы и спрятан в неизвестном месте, а вместо него в Тамплъ посадили другого. Это, в частности, утверждала вдова одного сапожника, казненного в 1794 году, который какое-то время сторожил наследника.

В XIX веке так много людей выдавало себя за Людовика XVII, что это имя в результате приобрело дурную славу. Даже в 1926 году у Людовика нашлись потомки. Им оказался один немецкий часовщик, самостоятельно боровшийся за «право» на французский престол и заявивший о своих претензиях в Париже. Вместе с тем никто не мог представить точных доказательств, что в башне Тамплъ умер настоящий дофин. Так что нет ничего безрассудного в размышлениях о том, куда он мог исчезнуть. С этой точки зрения история одного из предков Гонтье, Пьера-Луи Пуарэ, настолько правдоподобна, что над ней никто не смеется.

Пуарэ прибыл на Сейшелы, будучи еще совсем молодым человеком, на французском фрегате «Маренго», скорее всего с Иль-де-Франс (Маврикий). По одной из версий, он сошел на берег на изолированном, но населенном острове Пуавр в Амирантском архипелаге, в то время как судно с двумя другими пассажирами на борту поплыло к острову Маэ. Полагают, что один из пассажиров, человек по имени Эмэ, вез с собой инструкции французскому коменданту Сейшельских островов де Кенсси. Согласно другой версии Пуарэ прибыл сразу на Маэ. Прибытие «Маренго» было отмечено в судовом регистре 22 мая 1805 года.

Как бы там ни было, доподлинно известно, что Пуарэ поселился на острове Пуавр. В те времена на острове выращивали хлопок (теперь там растут лишь кокосовые пальмы). Он получил работу на хлопкоочистительной фактории. От одной мулатки по имени Мари-Дофин (не любопытно ли?) в 1817 и 1818 году у него родились две

девочки. Сохранилась составленная нотариусом бумага, в которой Пуарэ подтвердил свое отцовство, когда его дочери впоследствии вышли замуж.

После 1822 года Пуарэ перебрался на Маэ, где ему выделили землю под хлопковую плантацию и рабов. Франция к тому времени уступила Сейшельские и близлежащие острова Великобритании, и, согласно одному старому источнику, земельные дела Пуарэ устроил Е. Мэдж, доверенное лицо британских властей. Бывший начальник архива Уэбб утверждает, однако, в своей «Истории Сейшел», что инициатива в этом деле принадлежала Кео де Кенсси, который после прихода англичан все еще продолжал свою деятельность на островах, правда, уже в качестве мирового судьи.

Живя на Маэ, Пуарэ, похоже, держался на расстоянии от других французских колонистов. Те же, в свою очередь, относились к нему с большим уважением, за исключением, вероятно, «террористов», сосланных на острова Наполеоном. Последние дали ему прозвища Фламан (народное название башни Тампль) и лё Капэ, как революционеры называли заключенного в нее дофина.

Когда в 1856 году Пуарэ умер в возрасте около семидесяти лет, он оставил новую жену и детей — всех вместе не менее семи человек, и у каждого одно из имен было Луи или Мария. Одну из девочек звали попросту Марией-Антуанеттой, а младшего сына — Луи-Шарлем.

Пока был жив де Кенсси, ничто не пролило свет на загадочное появление Пуарэ на островах. Но после смерти бывшего французского коменданта в 1827 году Пуарэ стал открыто претендовать на свою идентичность с Людовиком-Карлом, читай «Людовиком XVII». У Гонтье сохранился фрагмент наброска письма, в котором Пуарэ пишет: «Я — сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты, тот, которого считают похороненным более сорока лет назад и который теперь хочет сообщить о... с тех пор, как в 1792 году Папа́ разлучили с Мамáн в башне Тампль, когда Папа́ передали в руки палача. Потом меня перевезли в Дюнкерк... я занимался физическим трудом на одном из Сейшельских островов. Я надеюсь вернуться. При встрече я расскажу вам больше».

Это письмо было написано в 1838 году и адресовано брату Марии-Антуанетты, великому герцогу Карлу Ав-

стрийскому. Но Пуарэ писал и другим европейским августейшим особам, особенно свергнутому в 1830 году французскому королю Карлу X, иначе графу Д'Артуа, младшему брату короля Франции, гильотинированному во время Французской революции. В письмах к нему Пуарэ утверждал, что он его племянник. Вся корреспонденция Пуарэ переправлялась через английского чиновника Мэджа. Уэбб считает, что последний знал от Кенсси о подлинном происхождении Пуарэ и был уверен в правильности этих сведений.

Можно ли рассматривать историю о Пьере-Луи Пуарэ как доказательство в пользу той версии, что французские роялисты действительно спасли жизнь «Людовику XVII», но что впоследствии мальчика посчитали «неудобным», и влиятельные родственники убрали его со своего пути? Самым безопасным было бы, конечно, предположить, что этот странный человек, живший на Сейшелах, был попросту психически ненормальным, что в голову ему запали слухи о спасении дофина из башни Тампль и что Кео де Кенсси и Мэдж были к нему снисходительны.

Добросовестное эпистолярное творчество Пуарэ на склоне лет—такое же слабое доказательство его высокого происхождения, как и то, что у некоторых из его потомков хранятся драгоценности: серебро с гербом Бурбонов, миниатюрные портреты Марии-Антуанетты, Людовика XVI, самого дофина и его сестры, принцессы Марии-Терезы-Шарлотты, которая действительно была спасена из заключения в Париже. Сомнительный пункт в семейной истории — утверждение, что Пуарэ взял себе имя того сапожника, который, дескать, был его тюремным надзирателем. Гонтье называет его Симоном Пуарэ, тогда как в справочной литературе он именуется Антуаном Симоном.

Дело, однако, не в том, чтобы сразу же отвергнуть историю Пуарэ как плод больного воображения. Молва могла прибавить к ней несуществовавшие в действительности детали. Кроме того, насколько известно, и приезд Пуарэ на острова, и его прошлая деятельность были окружены глубокой тайной. Несмотря на то, что в те времена тщательно велись регистрационные книги, сохранившиеся до сегодняшнего дня, имя Пуарэ мы не встречаем ни в списках вновь прибывших, ни в списках земельных кон-

цессионеров. Это обстоятельство, возможно, указывает на то, что во времена де Кенсси существовала некая причина, препятствовавшая документальному оформлению пребывания Пуарэ на островах.

Загадкой остается также, где он раздобыл первоначальный капитал. Какой-то капитал ему должны были пожертвовать, хотя он никогда не принадлежал к числу богатейших плантаторов на Сейшелах. В официальных английских документах — «Отчетах о компенсационных требованиях рабовладельцев», объемистом томе, напечатанном в Лондоне в 1838 году, — я обнаружил, что после отмены рабства в британских колониях Пуарэ получил немногим более 421 фунта в качестве компенсации за 14 отпущенных на волю рабов.

Если он действительно был «Людовиком XVII», то лучшего места, чем крошечные французские владения в Индийском океане, лежащие далеко к северу от более крупных владений Франции, найти было невозможно. Необходимо также отметить, что де Кенсси до того, как в 1786 году он был послан в колонию, был тесно связан с домом Бурбонов. В молодости он служил камергером у старшего брата Людовика XVI, графа Прованского, который после действительной или мнимой смерти дофина стал ближайшим претендентом на французский престол, а после свержения Наполеона — королем Франции под именем Людовика XVIII. После его смерти французский трон был занят другим его братом — Карлом X.

В сентябре 1804 года эти два брата встретились на шведской земле, в Кальмаре, где договорились о совместной борьбе против Наполеона. Вполне возможно, что при этом они условились и еще кое о чем. Спустя несколько месяцев после их встречи Пуарэ прибыл на Сейшелы...

Французские революционеры, которые частенько подтрунивали над Пуарэ, прибыли на острова в Индийском океане за несколько лет до него и при весьма драматических обстоятельствах. 24 декабря 1800 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт (императором он стал лишь в 1804 году) сопровождал свою супругу Жозефину в «Гранд-Опера», где в тот день состоялась премьера оперы Гайдна «Сотворение

мира». На улице Сен-Никез столкнулись две лошади, в результате чего образовалась пробка, и Наполеон поехал в Оперу другим путем. В это время на улице Сен-Никез произошел страшный взрыв. Были разрушены пятьдесят домов, сорок человек убиты и сто тяжело ранены.

Взрыв, конечно, произошел не случайно — это было покушение на Наполеона. Сам он считал, что его организовали якобинцы, недовольные его политикой, направленной на защиту интересов крупной буржуазии. И уверенный в том, что за этим актом последуют другие, Наполеон вызвал к себе морского министра и приказал ему подготовить сведения о колониях, куда удобнее всего было бы сослать людей, угрожавших «государственной» безопасности.

Министр не стал рекомендовать Наполеону такие нездоровые, с точки зрения климата, места, как Французская Гвиана, которая впоследствии стала прославленным местом ссылки преступников. Мадагаскар также был отвергнут, так как на острове свирепствовали эпидемии тропических болезней. Неподалеку от него лежал остров под названием Маэ. На нем-то министр и остановил свой выбор. Жившие на острове французские колонисты придерживались патриархальных традиций, земли на нем отличались плодородием, да и места для мелкого предпринимательства было достаточно.

Министр полиции Фуше закончил свое предварительное расследование 3 января 1801 года и представил Наполеону список ста тридцати двух террористов. Никаких доказательств того, что именно они совершили покушение, не было. Но их участия в предыдущих заговорах для наполеоновского правительства оказалось достаточно, чтобы выслать их из страны.

Для осуществления высочайшего решения в Нанте были снаряжены два корабля, фрегаты «Шиффон» и «Флеш». На них разместили лишь часть арестованных. Те, которые были сочтены менее опасными, остались у себя на родине под замком. Вскоре фрегаты с промежутком в два месяца отплыли от берегов Франции. О месте их назначения знали лишь капитаны. Напрасно ссыльные клялись в своей невинности. Их не спасло даже то, что спустя некоторое время в Париже были схвачены настоящие участники покушения.

Плавание было богато приключениями, так как Франция в это время воевала с Англией и Португалией. Фрегат «Шиффон», покинувший Нант последним, в Южной Атлантике столкнулся с португальцами, а в Индийском океане — с англичанами. Из всех сражений он, однако, вышел победителем и даже смог наполнить свои трюмы ценными трофеями.

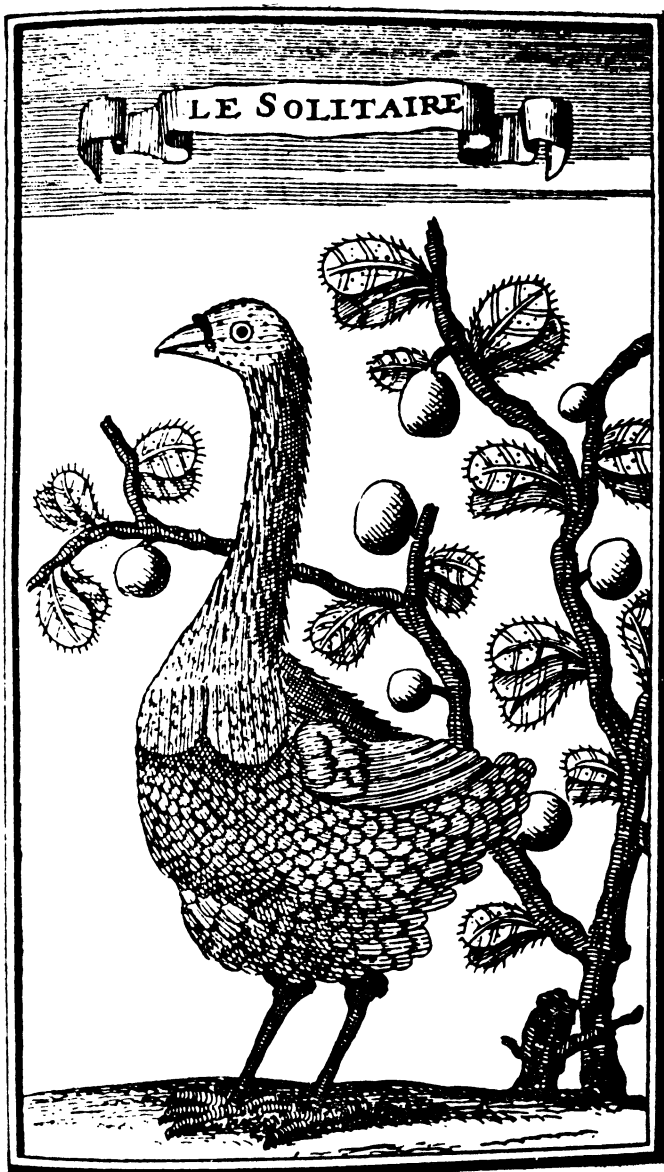
В июле, сильно потрепанный в последнем сражении, «Шиффон» бросил якорь у берегов Маэ. Его капитан передал де Кенсси приказ о ссыльных. Среди колонистов возникло смятение. Однако им ничего не оставалось, как подчиниться приказу и выделить ссыльным жилище, еду и одежду.

«Шиффон» стоял на ремонте, когда (20 августа) к берегам Маэ подошел британский фрегат «Сибилла» и открыл огонь. После ожесточенной перестрелки, которая длилась шестнадцать минут и принесла французской стороне большие потери, «Шиффон» пошел ко дну. Через двенадцать дней, после того как искушенный дипломат Кео де Кенсси возобновил контракт о капитуляции острова от 1794 года, англичане ушли восвояси.

Таким образом, когда на следующий день, 3 сентября, к Маэ подошел «Флеш», берег для него, можно сказать, был очищен. Капитан фрегата Бонами во время плавания пытался избегать встреч с англичанами. Один раз ему все же пришлось вступить в схватку, после чего судно вынуждено было зайти для ремонта в один испанский порт, где и простояло три месяца. Позже, когда на корабле началась цинга, Бонами решил запастись свежим провиантом на Реюньоне. Но комендант острова отказал ему в приеме, решив, что он один из ссыльных.

Все на корабле радовались, что наконец достигли места назначения и что их сердечно встретили на берегу товарищи по несчастью. Но всеобщее ликование длилось не более двух дней: у берегов Маэ неожиданно появился британский военный корабль «Виктор» и открыл огонь по французскому фрегату. Бой длился два с половиной часа, после чего Бонами вынужден был посадить «Флеш» на мель. Команда корабля спаслась на лодках, посланных де Кенсси.

И снова комендант Сейшельских островов предъявил англичанам свидетельство о капитуляции, которое было подписано лишь после того, как над вверенной ему тер-

Зарисовка дронга, сделанная на основании отдельных частей скелета

риторией взвился английский флаг. Подобно своим предшественникам капитан британского судна Кольер счел колонию окончательно завоеванной: он не взял с собой ни одного военнопленного. Но стоило английскому кораблю выйти в море, как Маэ снова стал французским.

Прошло совсем немного времени, и на имя французского губернатора стали поступать жалобы на террористов. В них говорилось, что ссыльные не только весело проводили время у одной вольноотпущенной негритянки, Вола-Маиффа, но и агитировали рабов, призывая их к восстанию. Особенно активно действовал ссыльный по имени Серполе, за что вместе с тремя рабами был изолирован от остальных на небольшом островке Фрегат. Но беспорядки продолжались, и по острову поползли слухи о всеобщем восстании рабов.

Губернатор Магаллон узнал также, что террористы, предводительствуемые генералом времен Французской революции Россиньодем, собирают деньги на покупку судна, чтобы вернуться во Францию. О «заговоре» Магаллон сообщил министру по морским делам в Париже. Одновременно он просил Сейе Абдуллу — султана Анжуана, одного из Коморских островов, о разрешении перевести ссыльных на его остров. Султан согласился, но при условии, что они будут себя хорошо вести, в чем Магаллон поспешил его заверить. Террористы еще не успели реализовать свой план побега, когда в марте 1802 года на Маэ за ними прибыл с Иль-де-Франс корвет «Белье». Он взял только самых опасных: тридцать три террориста и трех рабов-смутьянов — для всех на корабле не нашлось места — и отплыл на Анжуан. Этот остров, с его плантациями сахарного тростника и всевозможными фруктовыми деревьями, поначалу показался вновь прибывшим весьма привлекательным. В городе им не позволили поселиться, но они отыскивали местечко, где могли построить себе жилище во французском стиле того времени. Первые две недели все шло превосходно. Но вскоре один за другим бунтари стали жертвами непонятной болезни, сопровождавшейся чудовищными болями и конвульсиями.

Какая участь постигла рабов, мне неизвестно, а французов от этой таинственной болезни за два месяца погибло двадцать один человек, в том числе Россиньоле. Оставшиеся в живых бежали с Анжуана на остров Комор

и даже в Африку. В тот же год пятеро скончались на Коморе и трое — в Мозамбике. Одному террористу каким-то образом удалось достичь Индии, еще троим — ценою больших лишений — Франции, где они до конца дней своих преследовались полицией.

Несколько террористов умерло еще до ссылки на Анжуан, и когда «Белье» отчалил от острова Маэ, на нем оставалось всего тридцать четыре ссыльных. Кео де Кенсси выделил каждому по десять гектаров земли, но она их не интересовала. Им хотелось домой. Напрасно они посылали прошение о помиловании министру по морским делам. Ответ из Парижа так и не пришел. Их жены и дети, оставшиеся во Франции, пытались добиться для них амнистии, но и это не помогло. Некоторым все же удалось бежать с острова, но куда они направились неизвестно; колонисты нередко тайно помогали им в этом: они были готовы на все, лишь бы отделаться от своих беспокойных соседей. Шестнадцать человек переселились на Иль-де-Франс после того, как новый губернатор отменил указ, запрещающий ссыльным селиться на этом острове. Пятерым из них удалось получить разрешение вернуться во Францию в 1811 году, когда англичане завоевали Иль-де-Франс.

Тем временем многие из сейшельских ссыльных умерли. В живых остались лишь пять человек, и среди них — бывший сторонник Марата в революционном комитете типографский рабочий Гильом. Он нашел пристанище у плантатора Флорана Пейе на острове Ла-Диг. Другой его соотечественник, парикмахер Галлабер, занялся своим прежним ремеслом, а бывший владелец парижского кафе Гардино открыл небольшой трактир. Шевалье, которого здесь все считали полусумасшедшим, стал звонарем, а Кинон — плантатором.

Многие из первоначальных семидесяти по именам известных революционеров, которых Наполеон самолично выслал на Сейшелы, оставили здесь потомство. Но «легальным» из них было лишь потомство Кинона, которое до сих пор живет на островах.

Когда в 1875 году в малайском государстве Перак был убит британский резидент, у англичан впервые появился повод использовать Сейшельские острова как

место ссылки. К Пераку была выслана карательная экспедиция, которая оккупировала страну. Султан Абдуллахан и трое из его ближайших подчиненных были арестованы по обвинению в убийстве, лишены власти и должностей и отправлены на запад через Индийский океан вместе со своими женами, детьми и другими родственниками. Первые несколько лет их держали на крошечном островке Фелисите. Британские власти быстро навели порядок в Пераке, после чего, в 1879 году, было решено предоставить ссыльным свободу передвижения, и их перевезли в Викторию.

Вместе с султаном туда прибыли его старая мать, четыре жены, четыре сына и три дочери. Детей определили в англиканскую школу. Малайские ссыльные как будто бы неплохо устроились в изгнании. Султан жил на широкую ногу, как и подобает восточному владыке, пользовался большими привилегиями, вплоть до того, что имел свободный доступ в резиденцию правительства. Он вращался в высших кругах местного общества и по традиции пользовался большой популярностью среди всех слоев населения.

Для султана и его спутников ссылка оказалась долгой. На свою родину они вернулись лишь в 1895 году. Но за время изгнания они успели сильно привязаться к своему вынужденному месту жительства. В прощальной речи султан долго говорил о грусти, которую он испытывает, покидая своих друзей на Сейшельских островах, где он провел, по его словам, много счастливых лет. Но султан не ограничился этим. Ему так понравилась народная песня «Розали», которую он выучил на Маэ, что, вернувшись к себе на родину, он сделал ее мелодию национальным гимном Перака.

А спустя много лет после того, как Абдуллахан отправился вслед за своими предками, она стала национальным гимном всей Малайской федерации.

О последствиях еще одного эпизода из истории Сейшельских островов как места ссылки мне рассказал мой друг Макгоу, директор Государственного архива в Виктории. В Лондоне он как-то встретил одного студента, молодого человека, принадлежавшего к августейшему роду Ганы, бывшего Золотого Берега. Студента звали

Уильям Премпе, он бегло изъяснялся по-креоло-французски и приходился внуком Премпе, королю Ашанти, некогда могущественного королевства, которое до конца сопротивлялось стремлению англичан «защищать» его и которое в XIX веке часто воевало с Англией, в том числе, как пишет Генри М. Стэнли, за выход к морю.

Лишь после четырех кампаний, начатых под различными предложениями, английским войскам удалось, наконец, в 1896 году победить воинственный ашантийский народ и присоединить его территорию к своей колонии Золотой Берег. Король Премпе капитулировал. Но так как он не хотел принимать предъявленные ему условия, то вместе с несколькими преданными ему вождями племен был посажен в крепость, а затем выслан на Сейшелы. 11 сентября 1900 года в Викторию прибыл блестящий кортеж. На Премпе была леопардовая шкура, говорившая о его высочайшем происхождении. С ним прибыли его мать, три жены и пятьдесят пять человек свиты. Год спустя к ним присоединились еще двадцать один политический заключенный с Золотого Берега, а население Сейшельских островов с их помощью обогатилось не менее чем тремя королями из этой колонии, семнадцатью вождями племен, большим числом королей, принцев и принцесс, а также их многочисленной челядью.

Прибывшие поселились за пределами Виктории в общем лагере, где верховный правитель Премпе пополнил свой гарем местными негритянскими девушками и содержал свой двор точно так же, как у себя дома, в Ашанти. Историк Бредли, который лично знал его величество, рассказывает: «Для его окружения слово его было законом. Короля повсюду сопровождал телохранитель, который стоял со своей секирой за его спиной, когда Премпе под огромным зонтом сидел на приемах, выслушивал жалобы и судил своих подданных. Он очень удивился, когда, приговорив одного из своих рабов к смерти якобы за очень тяжкое преступление, узнал от инспектора Смита, что его приговор противоречит закону и не может быть приведен в исполнение».

Уяснив себе, что он уже не обладает властью над жизнями своих подданных, король придумал новые меры наказания. Те, кто поступали против его воли, должны были платить своеобразный штраф бутылками со спиртным...

Постепенно король знакомился с европейским образом жизни. Он выучился английскому, дети его получили образование в школе, созданной на территории лагеря. Так как лагерь не охранялся, никто и не препятствовал тому, чтобы некоторая часть ашантийцев устроилась на работу за его пределами. Как англиканская, так и католическая церковь послали в лагерь своих миссионеров, чтобы те обратили короля и его двор в христианскую веру. Поначалу король отнесся к ним с большой осторожностью по двум причинам. Во-первых, он был удивлен, что две различные церкви могут выдавать себя за представителей единственно правильного христианского вероучения, а во-вторых, для него было мало привлекательного в том, что христианин должен довольствоваться одной-единственной женой. Однако когда он узнал, что его повелитель, король Эдуард VII Английский, принадлежит к англиканской церкви, то выказал предпочтение последней. И, окончательно решившись, распрощался со своими многочисленными женами.

При крещении Премпе назвался Эдуардом и с тех пор стал одеваться, как английский джентльмен: носил серый цилиндр, визитку, лакированные ботинки и гамаши. Когда он посылал в Лондон просьбы о помиловании, губернатор Сейшел всякий раз подтверждал, что король вел себя в ссылке примерно, и народ его прилежно посещал церковь. Но прошло целых двадцать два года, прежде чем кто-либо из его окружения получил разрешение вернуться на Золотой Берег, а сам король смог уехать на родину лишь в сентябре 1924 года. К этому времени из восьмидесяти одного ашантийца, прибывших на Сейшелы, в живых остались лишь двенадцать. Зато появилось большое потомство. Многие из ссыльных, включая четырех сыновей Премпе, в изгнании женились или обзавелись любовницами, но перед отъездом на родину было решено, что поедут лишь законные жены и дети. Вместе с оставшимися в живых ссыльными их набралось до семидесяти человек. Ашантийцы забрали с собой прах всех своих умерших на островах земляков. Они должны были обрести покой на кладбище своих предков в Ашанти.

Таким образом, в 20-х годах нашего столетия пятьдесят восемь женщин и детей, родившихся на Сейшельских островах, покинули свою родину и, обогнув весь Афри-

канский континент, оказались на Золотом Берегу. Едва ли кто из детей в то время мог изъясняться на каком-либо другом языке, кроме креоло-французского и английского. То же самое, естественно, касалось и тех детей, матери которых были сейшелианками. Креоло-французский язык до сих пор живет в Гане, правда, как маленькая лингвистическая достопримечательность, удобная лишь в тех случаях, когда нужно «посекретничать».

Убедительный пример тому Уильям Премпе, которого в 1961 году встретил в Лондоне Макроу. Он появился на свет значительно позже того времени, когда его дед и отец получили разрешение вернуться на свою западно-африканскую родину.

В начале нашего века губернатор Сейшельских островов писал английскому министру по делам колоний в одном из своих отчетов: «Политические заключенные из Ашанти под руководством бывшего короля Премпе и королевы-матери в течение некоторого времени регулярно посещают англиканскую церковь, и вид Премпе, королевы-матери и двух бывших королев Уганды, Унванга и Кабарега, сидящих в церкви бок о бок, не лишен интереса. Продолжится ли образцовое поведение этих политических заключенных, если им разрешат вернуться в свою страну, я не вправе судить, но на Сейшелах они ведут необычайно праведную жизнь».

Уже в 1901 году в окружении Премпе, а также подчиненных ему королев и вождей оказались король Буганды Мванга (Унванга), король Буньоро Джон Кабарега и еще десять человек из их угандийских родов. У них хватило дерзости не одобрить оккупацию англичанами их государств. Когда в 1897 году в Уганде в суданском войске, принадлежащем Британской Восточно-Африканской компании, вспыхнул мятеж, они воспользовались удобным случаем и подняли открытое восстание против британских отрядов, посланных в страну для подавления мятежа.

За это «преступление» — к тому же, их еще подозревали в причастности к убийству одного английского епископа — после неизбежного поражения они были высланы на Маэ. Там через два года король Мванга умер, по

мнению церковного историка Дейера, в наказание за свои грехи. Королю Кабареге грехи, однако, не помешали, и он прожил еще несколько десятилетий, хотя так никогда и не вернулся на родину. В 1923 году англичане разрешили ему поехать домой, но он был тяжело болен и скончался вскоре после того, как сошел с корабля в Момбасе.

В 1915 году поддерживаемое Германией восстание в Ньясаленде (ныне Малави) привело к тому, что колония на Маэ пополнилась тремя иеговистами, распространявшими свою опасную для государства религию и способствовавшими возникновению довольно серьезных беспорядков. Прибыли на остров и некоторые единомышленники Премпе.

Первым приехал султан Махмуд Али из рода Варсангли в Британском Сомали. Он был не только враждебно настроен к колониальным властям в своей стране, но и не ладил с местными, дружественными родами, например, воровал у них скот. Когда англичане потребовали от него прекращения воровских рейдов, он наотрез отказался, за что в 1920 году был сослан на Маэ.

С ним обошлись хуже, чем с другими ссыльными. Администрация Британского Сомали сочла, что протекторат не так богат, чтобы выплачивать султану более семи с половиной фунтов в месяц. Этих денег хватало ненадолго. Стремясь «поднять свой жизненный уровень», он вскоре попросил разрешения продать часть лошадей и 572 ружья, оставленные им на родине. Ему разрешили, но отклонили другую его просьбу: прислать на Сейшелы четырех его жен и четырнадцать детей.

Шли годы. В 1925 году он узнал, что его самая младшая жена у себя на родине забеременела. Сам он в 1928 году взял себе в жены шестнадцатилетнюю сейшелианку, но и этой «радости» его лишили. Надзиратель выставил ее за дверь. Когда же губернатор прислал бедному султану мальчика-слугу, чтобы тот готовил ему и прислуживал за столом, султан отказался. Ему нужна была женщина в доме! Через несколько недель ему все же разрешили вернуться на родину через Аден. К этому времени у султана почти не осталось денег. Он попытался было просить у властей несколько сот фунтов займа на костюм и билет второго класса, но ему отказали. Пришлось султану Махмуду Али покинуть Сейшелы простым

палубным пассажиром. Правда, в Адене, когда он ожидал корабль, плывущий в Сомали, ему платили «командировочные» — три шиллинга в день.

Тем временем на Сейшелах произошли изменения: кое-кто получил амнистию, а им на смену прибыли новые ссыльные. На Маэ приехал ставленник Германии, претендент на султанат Занзибар, Сей-Баргаш, который несколько лет провел в заключении на острове Святой Елены. Он попался в руки англичан, когда те во время первой мировой войны завоевали Танганьiku. Еще более солидными фигурами были шесть политиков из Египта, сосланных на Сейшельские острова в 1922 году, после того как пытались сопротивляться британскому влиянию у себя на родине. Среди них оказался ни более ни менее, как премьер-министр Египта Саад Заглул-паша, который после своего освобождения, на следующий год, снова сформировал правительство в Каире.

В 1937 году на Маэ явился сам муфтий Иерусалима Имин аль-Хусейн с четырьмя другими палестинскими лидерами. Поводом для их ссылки послужили беспорядки, возникшие в связи с началом дискуссии о разделе Палестины на еврейское и арабское государства. Они прожили в изгнании немногим более двух лет.

Отбывали срок наказания на Маэ политические заключенные из Адена, Индии и Персии. На Сейшелах оказался даже родной брат императора Эфиопии Хайле-Селассие, когда после разгрома итальянцев англичане некоторое время держали страну под своим контролем. Однако Сейшелы никогда не были местом массовой ссылки, несмотря на существовавшие одно время планы переселить сюда несколько сот военнопленных, взятых в англо-бурской войне, а также на намерение Уинстона Черчилля в 1922 году, в период кровавых волнений в Ирландии, выслать на Сейшельские острова пять тысяч ирландцев.

Пожалуй, последним в длинной плеяде политических деятелей, отправленных в изгнание на Сейшелы, был архиепископ Макариос. Насколько мне известно, на Сейшелах его приняли лучше всех его предшественников. Вместе с тремя другими священнослужителями архиепископ Кипра поселился в Сан-Суси, в роскошной вилле,

загородной резиденции губернатора, расположенной высоко над Викторией, с прекрасным видом на город, порт и близлежащие острова.

Архиепископ был доставлен сюда вместе со своей свитой в марте 1956 года, после того как переговоры между английским правительством и правительством Макариоса об «ограниченном самоуправлении» зашли в тупик*. Однако, несмотря на то что не он сам, а Министерство колоний выбрало место ссылки, есть все основания полагать, что глава кипрской церкви чудесно провел на Маэ «священные годы вдохновения». Известно даже, что здесь он одевался более легко, чем в официальной обстановке у себя на Кипре: в простые черные брюки и темно-синюю рубашку с открытым воротом.

Каждый день Макариос и его спутники молились на свежем воздухе, под сенью громадного хлебного дерева, окруженные со всех сторон цветущими экзотическими растениями. Они часто выезжали на прогулки и были в самых дружественных отношениях с такими же, как и они, длиннородыми служителями католической церкви, жившими на острове.

До того, как в апреле 1957 года Макариос покинул Сейшельские острова, он написал письмо в газету «Сейшелуа», в котором отозвался о Сан-Суси как о «месте, где можно размышлять в тишине и покое». Красота природы заглушала печаль ссылке. «Мне бы не хотелось, — писал он, — подвергнуть сомнению веру генерала Гордона в то, что Сейшелы некогда были библейским Эдемом. Сама природа этого места оправдывает такое название».

* Архиепископ Макариос III был сослан на Сейшелы английским правительством за активное участие в борьбе против господства англичан на Кипре (*примеч. пер.*).

Спорные бомбы. Независимость или интеграция? Предвыборная борьба и прочее. Смертный приговор на основании судебной ошибки. Новые выборы и дальнейшее развитие событий

Это случилось 14 июля. Я находился в Сейшельском клубе, где высшие слои местного общества во главе с французским консулом и двумя английскими колониальными чиновниками (но не губернатором) праздновали годовщину взятия Бастилии в 1789 году — день, который стал национальным праздником буржуазной Франции. Вдруг раздался грохот. Где-то в Виктории взорвалась бомба. Началась суматоха, все бросились к окнам. Но потом снова заиграла музыка, возобновились танцы, будто ничего и не произошло. Дальше все шло, как обычно, лишь увеличилось количество полицейских, охранявших клуб.

На следующий день я отправился посмотреть на место происшествия — боковую улочку Лапудриер. Каменная стена, за которой находились владения одного богатого индийского торговца, получила небольшие повреждения. Кто бы ни был организатором взрыва, он наверняка не собирался причинить серьезные разрушения. Скорее всего, это было лишь «предупреждение», напоминание о том, что покушавшийся ходит на свободе.

Бомбы на Сейшельских островах взрывались и прежде. В тот же день, но только тремя годами раньше, значительно более мощный заряд разорвался в самом здании клуба. Взрывом разворотило часть пола на веранде, но, к счастью, в тот момент на веранде никого не было. Может быть, и тогда это было предупреждение? Не знаю.

Небольшая бомба была помещена под пол в штаб-квартире партии состоятельных торговцев и плантаторов (Сейшельской демократической партии) — и опять-таки, очевидно, с целью запугать кого-то. Через несколько ме-

сяцев после того, как я уехал с островов, там снова прогремели взрывы. Забастовка на американской военно-воздушной станции слежения за спутниками закончилась покушениями на американского миллионера Уильяма Помероя. И на этот раз обошлось без кровопролития. На воздух взлетел лишь автомобиль одного из сотрудников миллионера. Приблизительно в то же время другая бомба была брошена во двор резиденции Помероя, расположенной на склоне горы.

Насколько мне известно, ни одно из этих покушений так и не было раскрыто. Правые «демократы», естественно, утверждают, что за этими взрывами скрывается левая оппозиция. Левая же организация ОПН, наоборот, рассматривает их как провокацию правых. Один из ее лидеров, Филибер Луазо, сообщил мне в письме о покушении на Помероя: «Случаи подобного рода всегда происходят в тот момент, когда мы пытаемся как-то улучшить положение бедняков. Должен тебе сказать, я и не сомневаюсь в том, что это — работа наших противников. Таким образом они хотят заставить общественность поверить в то, что ОПН использует насильственные методы».

Были ли эти события идентичны тем (значительно более кровавым событиям), которые происходили на Маврикии в 1965—1968 годах*, то есть до того времени, как остров получил независимость? Сейшельские «демократы» поддерживали тесные связи с теми кругами на Маврикии, которые, опасаясь как бы новое, избранное народом, правительство не лишило их прежних привилегий, стремились сохранить британское владычество.

Из осторожности я оставляю эти вопросы открытыми. Лично у меня нет полной уверенности в том, что в некоторых случаях за этими взрывами не скрывались наиболее рьяные сторонники ОПН, то есть крайние левые. Небезынтересно обратить внимание на то, что за день до взрыва на улице Лапудриер в газете «демократов» «Сейшелз Уикли» появилась заметка, так сказать, предвосхитившая это событие. В ней говорилось: «Три года назад, утром 14 июля, в здании Сейшельского клуба взорвалась бомба. Преступники, пытавшиеся взорвать клуб, гуляют на свободе... так что будьте осторожны».

* Речь идет о событиях, предшествовавших выборам 1967 года (примеч. пер.).

Осенью 1967 года в мировой печати то и дело появлялись необычайные новости с Сейшельских островов. До этого многие и слыхом не слыхивали об этих островах. Раньше на Сейшелах, как и на других территориях, где действовали устаревшие колониальные законы, деньги давали право на участие в выборах. Англичане, правда, постепенно либерализовали систему выборов, и в последнее время от сейшельца, участвующего в выборах, требовалось быть старше 21 года, иметь 500 рупий годового дохода, уметь написать свое собственное имя, постоянное местожительство и право гражданства в колонии. Но даже эти ограничения закрывали многим путь к избирательным урнам. Теперь ее жители, после того как было введено всеобщее избирательное право, впервые получили возможность участвовать в выборах.

Борьба разгорелась между пробритански настроенными «демократами», возглавляемыми сыном торговца, адвокатом Джеймсом Мэнчемом, и ОПН, которая во главе с Франсом Альбером Рене выступала за социальный прогресс и независимость. Однако несмотря на то, что избирательное право распространялось и на беднейшие слои, которые в случае победы левых сил выиграли бы все, что только могли выиграть, и терять которым было абсолютно нечего, случилось невероятное: большая часть населения этих далеких островов проголосовала против деколонизации и независимости и за продление зависимости от колониальной державы...

Как это могло случиться? Побеседовав с членами обеих партий и ознакомившись с партийными газетами, я выяснил следующее.

Всего за несколько лет до выборов организация местной буржуазной аристократии «Ассоциация налогоплательщиков и производителей» выступила за автономию, в то время как левые силы ни при каких условиях не соглашались на эту меру до тех пор, пока сейшельцы не получат всеобщего избирательного права. Реформа успокоила левых, которые боялись, что их острова превратятся в «новую Родезию». Но одновременно она обеспокоила правящие классы. Ведь если бы левые победили на выборах, а англичане оставили бы Сейшелы, то получился бы «новый Занзибар»...

С удивлением и страхом плантаторы и торговцы читали и слушали о революции в этой старой колонии, о ки-

тайско-маоистской «инфильтрации» в Восточную Африку и о «возросшем советском влиянии» в районе Индийского океана. Характерно, что, когда два русских научно-исследовательских океанографических судна посетили Викторию, даже сейшельский филиал «Барклейз Бэнк» писал в своем «Заморском отчете», что подобного рода визиты стали все более частыми с тех пор, как американские ВВС построили на Маэ станцию слежения за спутниками.

При таком скоплении враждебных сил в окружающем мире плантаторы сочли самым надежным коренным образом пересмотреть свое прежнее отношение к автономии. При этом все высшие слои общества присоединились к «демократической» партии, орган которой газета «Сейшелз Уикли» не упускала повода для пропагандистских запугиваний, а также постоянно напоминала своим читателям о том, какие «ужасы творятся на бедном независимом Маврикии».

Для того, чтобы понять причины странного исхода выборов, достаточно, проходя по улицам Виктории, оглядеться по сторонам. На стенах домов еще висели предвыборные плакаты. Пропаганда ОПН перед выборами была аргументированной и содержала лозунги, которые прямо апеллировали к бедным людям. Например: «Голосуя за ОПН, вы голосуете за то, чтобы у вас было больше пищи». Или: «После нескольких веков произвола и эксплуатации трудно выиграть борьбу против болезней, отсталости, нищеты и невежества, но ее надо выиграть!»

Буржуазная пропаганда играла совсем на другом: «Голосуйте за демократов — голосуйте за синих, за прогресс, за благосостояние, за лучшую жизнь, за то, чтобы остаться вместе с Англией».

Голосуйте за ОПН — голосуйте за красных, за коммунизм, насилие, независимость, рабство».

Боевики, из которых «демократы» извлекали немалую пользу в предвыборной борьбе, не содержали такого совершенно фантастического утверждения как то, что независимость якобы приведет одновременно к коммунизму и восстановлению рабства. Но и они были недалеко от этого. Пел их Микки Мэнчем, младший брат лидера «демократов» и популярный исполнитель сег. Сочиненный им самим боевик представлял собой не что иное, как пародию на старую народную песню времен отмены рабства.

ва. Его первая строфа в своем первоначальном виде выглядела следующим образом: «Свобода, не мы тебя требовали — англичане тебя потребовали. Они дают нам свободу».

Если эта песня выражает благодарность англичанам, отменившим рабство — первыми из всех рабовладельческих наций, — то версия Микки Мэнчема проникнута чуть ли не своего рода «несчастной» любовью к британскому владычеству: «Независимость, не мы тебя потребовали — ОПН тебя потребовала. Мы не хотим независимости. — Демократическую партию, вот что мы хотим. Не мы требуем независимости. Мы не хотим независимости. — Мсье Мэнчем, спешите скорее прийти. Спасите нас от рабства. Мы не хотим независимости. — О, Англия не должна нас забывать. Вспомните, мы хорошие креолы. Мы не хотим независимости».

В один из первых дней моего пребывания на Маэ, прослушав только что пластинку с записью этой наивной демагогической песенки в «Дискотеке Рея» в Виктории и, конечно, купив ее, я разыскал Джеймса Мэнчема, чтобы спросить его, каким он представляет себе будущее Сейшел. Мысль о том, что острова слишком малы для того, чтобы они могли существовать как самостоятельная единица, сама по себе не была мне чуждой. Разумнее было бы представить себе Сейшелы с их площадью в 230 квадратных километров и населением в 50 тысяч человек как составную часть крупного государства.

Несмотря на то, что большинство на выборах высказалось за сохранение зависимости от Англии, Мэнчем, наверняка, стремился к некоей форме внутреннего самоуправления, подобной тем, какие существовали в различных маленьких колониях Англии в восточной части Карибского моря. Иного я не мог себе представить. Карибские владения Англии в 60-х годах получили автономию, превратившись в так называемые «государства, ассоциированные с Великобританией». На деле это означало, что колониальная власть отныне формально отвечала лишь за внешнюю политику и оборону этих островов.

Мое предположение, однако, было ошибочным. Мэнчем не только был противником независимости, которую считал весьма опасной затеей, но и не допускал мысли о возможности внутреннего самоуправления на Сейшельских островах. Посмотрите только, что происходит в Вест-Ин-

дии, говорил он мне, какое безобразие творится в «ассоциированном государстве» Сент-Киттс* — Невис — Ангилья. Ангилья от него откололась, а на Сент-Киттсе оппозиционные лидеры были брошены в тюрьму.

Нет, говорил он, лишь сохранив на островах прежний британский режим, мы можем рассчитывать на политическую стабильность и свободу критиковать власти. Что мы действительно хотим, так это полную интеграцию с Великобританией, то есть примерно те же самые отношения, которые существуют в старых французских колониях, нынешних заморских департаментах Франции.

Мэнчем мечтал превратить Сейшелы в своего рода английское графство, в настоящее «заморское графство». Уже через несколько дней после нашей с ним беседы он опубликовал свое предложение, которое должен был передать в Законодательный совет колонии. В нем он просил о «встрече с Правительством Ее Величества для обсуждения возможности интеграции Сейшельских островов с метрополией». В своей газете он объяснял это желанием того, чтобы «каждый сейшелец получил право или возможность поехать на Британские острова и устроиться там на работу, как если бы он обладал полным британским гражданством».

В этом пункте своего заявления он мог быть и прав. Действительно, жители островных государств, несмотря на то что у них британские паспорта, не имеют права свободно путешествовать в Великобританию.

Вместе с тем все, о чем политик говорит в своем интервью, — далеко не всегда правда. Впоследствии, когда я узнал, какие круги поддерживают Сейшельскую демократическую партию, а также ознакомился с некоторыми из ее пропагандистских методов, мое отношение к «демократам» стало еще более скептическим. Недаром издаваемая роталитным способом газета левой оппозиции «Пипл» писала в феврале 1969 года, когда было совершено покушение на миллионера Помероя: «Каждый, кто следил за деятельностью политических партий и ознакомился с их целями, понимает, что из этих двух партий одна стремится к тому, чтобы повысить жизненный уровень народа, в то время как другая — призвана посеять страх в души людей... Необходимо задать себе

* Остров Сент-Киттс, или Сент-Кристофер (*примеч. ред.*).

вопрос, не входят ли эти взрывы в „кампанию запугивания” одной из двух политических партий...».

В этой чересчур напряженной атмосфере нередко и случаи политических потасовок. О некоторых из них мне рассказывали, а одну я видел собственными глазами у бара «Гардения». Я сидел там, когда на улице поднялся страшный шум. Едва владелец бара Филибер Луазо подошел к дверям своего заведения, как на него набросились вооруженные камнями молодчики, состоявшие, как говорили, на службе у реакционных сил. Это могло бы плохо кончиться для Филибера, если бы на помощь ему не пришел один американский студент: драка с иностранными туристами, видимо, не входила в их намерения...

Совсем противоположные мысли и высказывания я слышал в штаб-квартире ОПН или когда беседовал с завсегдатаями бара «Гардения», где мне удалось узнать, в частности, о той удивительной обстановке, в которой проходили выборы 1967 года. «Демократы» не ограничились лишь одними методами устрашения. Игра шла по заранее продуманному плану. Католические священники агитировали в своих приходах, а работодатели воздействовали на избирателей поистине классическими методами: в некоторых случаях возле участков, где проходили выборы, устраивались столовые, и голоса «покупались» бесплатной едой и спиртными напитками. Рассказывают, что некоторые предприниматели, в том числе и Померой, угрожали уволить тех служащих, которые отдадут свои голоса за ОПН.

Эти сведения, естественно, трудно проверить в деталях. Но ясно одно: не было никакой тайны голосования. Под предлогом того, что многие избиратели были неграмотны, голосование проводилось путем, что называется «выбора масти». Вот почему в предвыборной пропаганде так часто можно было встретить фразы «голосуйте за синих» и «голосуйте за красных». Те, кто голосовал за ОПН, должны были опустить свои бюллетени в красные урны, а за «демократов» — в синие.

«Синие» победили на выборах с таким незначительным перевесом, что на следующих выборах ветер мог легко подуть в другую сторону. Я был уверен в том, что

так и произойдет, особенно после того, как мне довелось присутствовать на мощной антиколониальной манифестации, «походе бедноты». На Маэ в нем приняли участие по меньшей мере три тысячи человек из различных населенных пунктов.

Кое-кто на этих маленьких островах производит впечатление политически незрелых людей, но к участникам демонстрации такое определение мало подходило. В колонне, двигавшейся к площади Гордона в Виктории, царили спокойствие и порядок. Небольшой шум возник лишь на самой площади, да и то по вине одного из «демократических» депутатов. На митинге выступили несколько левых лидеров. Я обратил внимание на то, что один из них, Ги Синон, подверг резкой критике крупных индийских торговцев. Отправной точкой для его критики послужила полемика в печати недельной давности о праве на жизнь и на труд на Сейшелах.

Вот уже более двух лет многие сейшельцы говорят: «Индийцы, уезжайте домой!» Примерно так говорил и Синон: «Сулеман Адам говорит, заткни глотку и ешь рис, у вас нет никакой национальности! Если каждый „малабар“ думает, как Сулеман, что на этих островах в течение последних двухсот лет жили лишь черепахи и крокодилы — и что они принадлежат любому, кто сюда придет, — то индийцы сильно ошибаются. У Сулемана может быть здесь британское право гражданства, но не право рождения. Острова принадлежат тем, кто на них родился».

Синон говорил о том, что индийцы держатся особняком от остального населения, культура которого ближе к Франции, и что они редко вкладывают какие-либо средства — если вкладывают вообще — на социальные нужды Сейшел, здравоохранение, образование и т. п. Они посылают свои деньги за границу, а собственностью владеют здесь, на островах. Если они не желают быть солидарными со своими согражданами, они могут уезжать прочь!

ОПН — социалистическая партия. На ее манифесте — старый лозунг: «Свобода — Равенство — Братство», а основные пункты манифеста — аграрные реформы, равное образование для представителей всех социальных слоев и развитие рыбной промышленности. Я, однако, не смог обнаружить в ОПН той «красноты», которую по-

стоянно приписывают ей ее противники. Несмотря на то, что некоторые члены ОПН в своих воззрениях определенно зашли далеко влево, у нее имеются и такие идеи, которые носят совсем иной характер. Один из представителей этой партии в колониальном Законодательном совете, плантатор с острова Ла-Диг, француз по происхождению, как ни странно отозвался о Южной Африке как о довольно хорошей стране. Двое его детей эмигрировали туда. Там у них возможности значительно шире, чем на наших маленьких островах, сказал он мне.

Думается, что если такая разношерстная партия придет к власти, Сейшелы получат то, что в Швеции мы называем «смешанной экономикой». Возможно, по своему социально-экономическому положению они будут похожи на то, к чему сейчас приближается независимый Маврикий, до сих пор входящий в Британское Содружество Наций.

В настоящее время, как и ранее, ОПН выступает за независимость. Ее члены гордятся тем, что в Африке их партию считают лидером Сейшельского национально-освободительного движения. Но, так как время для решительного шага пока не настало, ОПН за несколько лет до выборов 1967 года изменила свое требование независимости в требование «статуса ассоциации с Великобританией», то есть именно такого политического устройства, о котором я говорил Мэнчему. В любом случае члены партии стремятся к автономии для того, чтобы легче было разрешить социальные и другие противоречия.

Одновременно с этим партия выступает против любой попытки строительства иностранных военных баз на Сейшелах и других островах Индийского океана, включая, конечно, и острова Альдабра. Мне сказали, что британские колониальные власти предоставили своему американскому союзнику слишком большие льготы для их станции слежения за спутниками: аренда за землю, где возведена станция и где стоят автофургоны, в которых живет обслуживающий персонал*, носит чисто символический характер (чуть ли не доллар в год), а высоко-

* Американцы живут на станции, можно сказать, «на чемоданах», точно американские ВВС готовы в любое время снова сменить свое местонахождение. В 1963 году станция переехала сюда с Занзибара в связи с предоставлением острову независимости... (примеч. авт.).

оплачиваемые американские служащие, которые иногда годами живут на Маэ, полностью освобождены от налогов.

Не успели американцы обосноваться на Сейшелах, как вспыхнул конфликт. Станция нуждалась в местной рабочей силе, но ее владельцы оказались жадными до денег. В результате в сентябре 1964 года произошла первая в истории Сейшельских островов забастовка, в ходе которой начальник станции, майор Болье, отказался признать профсоюз партнером по переговорам. Английскому губернатору, однако, удалось все уладить, и с тех пор американские ВВС платили своим местным сотрудникам ту же заработную плату, что и колониальное правительство своим служащим.

Когда двумя годами позже на Сейшелах снова вспыхнула забастовка, того же самого губернатора — Его Превосходительство Достопочтенного Графа Оксфордского и Асквитского — охватила паника. На этот раз речь шла чуть ли не о всеобщей забастовке. На открытом месте в Виктории собралось около трех тысяч рабочих. Никаких беспорядков не возникло. Забастовщики лишь не желали расходиться, дожидаясь результатов, которых добьются для них профсоюзы и ОПН. Но, по требованию губернатора, на Сейшелы был послан эскадронный миноносец, чтобы разогнать забастовщиков.

Этот случай был рассмотрен в одном из комитетов ООН. Члены комитета указали на всю странность того обстоятельства, что Великобритания, не желавшая положить конец жестокому самоуправству белых колонистов в Родезии, в то же время не отказалась от проведения «политики канонерок» в отношении одной из самых маленьких своих колоний, где три тысячи рабочих требовали всего-навсего повышения заработной платы.

В феврале—марте 1969 года снова вспыхнула забастовка, и снова причиной ее послужила низкая оплата труда на американской станции слежения за спутниками, точнее, в фирмах «Мсье Уильям Померой Лимитед» и «Мсье Ришар Мэнчем Лимитед», находившихся в распоряжении американских ВВС. Сейшельское правительство незадолго до этого повысило своим рабочим минимальную заработную плату на двадцать пять процентов, а назван-

ные выше фирмы отказались последовать этому примеру, что послужило поводом к забастовке, во время которой взорвались две бомбы у Помероя. Губернатор ввел на островах чрезвычайное положение. Началось судебное расследование, но совсем по другому поводу.

Забастовка приняла всеобщий характер и длилась несколько часов, до тех пор пока американское военное начальство в тот же день не обязалось выплатить местным предпринимателям компенсацию за повышение заработной платы, требуемое рабочими.

Вскоре после окончания забастовки одному из профсоюзных лидеров, Филиберу Луазо, было предъявлено обвинение в том, что во время этой забастовки он «силой» помешал работать трем штрейкбрехерам, занятым на дорожном строительстве. Проезжая будто бы мимо, он остановился, вылез из машины, отнял лопату у одного из рабочих и приказал всем трем кончать работу, так как идет забастовка.

Показания штрейкбрехеров были очень противоречивы. Свидетели от ОПН утверждали, что в течение указанного времени Луазо не отлучался из партийно-профсоюзной штаб-квартиры. Он был целиком поглощен переговорами, которые привели к скорому прекращению забастовки. Несмотря на его алиби, английский судья, служивший до этого на Занзибаре, признал Луазо виновным и приговорил его к трем месяцам заключения.

Никто, однако, не удивился, что Луазо был освобожден сразу же после того, как обжаловал приговор в Сейшельском верховном суде. Решение суда выглядело как серьезное предупреждение судье, вынесшему неправильный приговор. К сожалению, правосудие на Сейшельских островах не всегда вершится по справедливости. Тот же самый Луазо в 1955 году чуть было не стал жертвой «смертной казни на основании ошибочного судебного приговора...»

В апреле того года в Викторию пришел военно-транспортный корабль с сейшельцами, служившими в английских войсках на Ближнем Востоке. В порту напротив отеля «Герб пирата» вспыхнула драка. На пирсе было как всегда многолюдно. Многие приходили сюда посидеть на длинной каменной стене. В одной из групп было три человека: Филибер Луазо, его младший брат Патрик и еще один человек по имени Гобин. Другая группа лю-

дей, находившихся на пирсе, состояла из одного пожилотого мужчины, Феликса Бейкера, и трех женщин. Третья—состояла из проституток и подобных им особ.

Из города в порт вернулись индийские моряки-мусульмане, служившие на английском корабле. Они добросовестно отпраздновали свое прибытие на Сейшелы, и один из матросов был сильно пьян. Двое из них вошли в отель за пивом. Пока эти двое ходили, остальные стали приставать к сидящим на стене. Один из матросов ударил Филибера Луазо, а тот дал ему сдачи. Бейкеру также досталось от того же самого матроса, но он повалил обидчика на землю. Поднявшись на ноги, матрос ринулся на проезжавшего мимо мальчика-велосипедиста и сбил его с велосипеда и т. д. Было очевидно, что выпитое пиво сильно ударило моряку в голову.

Большинство зрителей предпочло скрыться в отеле или отойти в местечко потемнее. Таким образом, то, что потом произошло, вполне могло быть «междоусобной» дракой, в которой участвовали лишь сами матросы. Те двое, что пошли за пивом, вернулись, и один из них, старший в группе, приказал всей компании вернуться на корабль, но своим приказом лишь подлил масла в огонь. Кто-то ударил старшего матроса ножом. Раненого доставили в госпиталь, где он скончался от потери крови. Тем временем матроса, затеявшего драку, ранили в руку. Несмотря на кровотечение, он не умерил свой пыл и продолжал драться, когда братья Луазо и Гобин, выйдя на пирс, снова наткнулись на него. Они посоветовали матросу срочно обратиться к врачу и перевязать рану, в ответ на это тот ударил Филибера в грудь раненой рукой, выпачкав кровью его рубашку.

Хотя в тот момент, когда началась поножовщина, вокруг отеля и было много народа, мало кто видел, как все произошло, за исключением Уиллии Кувидон, которую на следующее утро вызвали на допрос в полицию. Во время драки она подошла к дерущимся матросам и видела, как один из них ударил другого, лежавшего на земле.

На следующее утро транспортное судно покинуло Викторию. Как это ни удивительно, вместе с ним дали уйти в море и всем матросам — свидетелям убийства. На Маэ остался лишь раненный в руку матрос по имени Мооса Баба, судя по всему, зачинщик. В Виктории он нашел убежище у влиятельного индийского торговца,

также мусульманина. В ходе последующего судебного разбирательства этот купец сопровождал матроса, и, что удивительно, никто не относился к Мооса Баба как к подозреваемому в убийстве.

«Правосудие» избрало своей жертвой не его, а «заяптанного кровью» Филибера Луазо и его товарища Гобина, которые, согласно показаниям свидетелей, во время поножовщины находились далеко от места происшествия. Судья был весьма странной личностью. Годом раньше пятьдесят жителей подписали петицию о снятии его с занимаемого поста, в частности за то, что он был алкоголиком, водил машину в нетрезвом состоянии и имел множество других недостатков. Петиция была отклонена частично потому, как считали многие, что судья был старым школьным другом губернатора, а в других местах его просто не взяли бы на должность судьи. Проще всего было оставить его на изолированных от всего мира Сейшельских островах, пока он не выйдет на пенсию...

Вся история полна удивительнейших деталей и могла бы послужить хорошим сюжетом для детективного романа с местом действия на тропических островах. Но для обвиняемых судебный процесс обернулся суровой личной трагедией. Против них дали показания несколько свидетелей, один из которых признался впоследствии, что он был подкуплен. Свидетельства же, говорящие о невиновности Луазо и Гобина, были отвергнуты судьей. Суд оштрафовал Феликса Бейкера на 400 рупий за «затягивание процесса». Под тем же самым предлогом одна проститутка и один китаец были приговорены к штрафу, соответственно на 150 и 100 рупий, а четвертый свидетель вынужден был дать противоречивые показания. Тем самым удалось запугать остальных свидетелей, в том числе Уиллию Купидон. Судья постановил, что суд не нуждается в дополнительных свидетелях, и обвиняемых приговорили к смертной казни за убийство.

Они, конечно, обжаловали свой приговор. Ближайшая судебная инстанция, Восточно-Африканский апелляционный суд в Найроби через несколько месяцев формально аннулировал приговор на основании того, что судья допустил ошибку, обращаясь к членам апелляционного суда, как к суду присяжных. Но здесь апелляционный суд сам допустил ошибку. Он не потребовал пересмотра дела. Оно и не было пересмотрено.

К тому времени Мооса Баба уплыл к себе на родину, а Луазо и Гобин заново предстали перед судом, который на этот раз обвинил их в непреднамеренном убийстве. И, несмотря на то что свидетельские показания были противоречивыми, суд приговорил их к длительным срокам заключения. Сомнительное поведение судьи обсуждалось даже в нижней палате английского парламента в 1956 году, но Луазо и Гобину все же пришлось отсидеть полный срок заключения в тюрьме на острове Маэ, хотя они и не раз пытались обжаловать свой приговор.

Прошло более десяти лет, прежде чем их дело снова было пересмотрено. Один англичанин из Индии, некий Х. Тайндейл-Бискоу, поселившийся на Сейшелах, узнал об этом судебном скандале и стал изучать его досконально. В результате более высокая судебная инстанция в Лондоне аннулировала решение Сейшельского суда на том основании, что одних свидетелей вынуждали давать ложные показания и молчать тех свидетелей, которые выступали в пользу обвиняемых.

Многое в сейшельской администрации изменилось к лучшему. Необходимо, однако, отметить, что хотя все и указывает на то, что приговор Луазо и Гобина был результатом гнусного заговора и подкупа, эта сторона дела никогда не расследовалась. Похоже, что в высших кругах сознательно замалчивали судебные махинации Сейшельского суда, говорящие о том, во что может обернуться попытка использовать маленькую колонию как место ссылки не только для «повстанцев» из других колоний и протекторатов, но и для собственных чиновников, профессиональная непригодность которых в другом месте больше бросается в глаза.

Луазо и Гобин так и не получили денежной компенсации за свое противозаконное тюремное заключение, несмотря на то что хорошо документированный отчет о произволе и пьянстве судьи в 1968* году стал достоянием палаты общин. Судя по всему, выплата компенсации зависит от решения самого Законодательного совета Сейшельских островов. Лишь левая оппозиция в нем проголосовала «за», в то время как «демократическое» большинство воспротивилось выплате.

* House of Commons. Official Report. Parliamentary Debates (HANSARD). Vol. 758, № 56, с. 562—568 (примеч. авт.).

«Демократы» извлекают прямую выгоду из того, что в этом деле до сих пор существует как бы некоторая неясность. Так и по сей день можно распространять слухи, что приговор за убийство был вынесен неправильно, и что лидер левых Филибер Луазо на самом деле не был признан невиновным. Лично мне не раз приходилось слышать фразы типа: «Остерегайся этого человека. Ты разве не знаешь, что он сидел в тюрьме за убийство?»

Когда в ноябре 1970 года состоялись новые всеобщие выборы, власти ввели новый порядок голосования, который не только обеспечил тайну выборов, но и помог неграмотному населению сделать правильный выбор. На избирательном участке голосующим выдавали конверты и избирательные бюллетени на двух кандидатов от каждой партии, баллотирующихся в данном районе. Исключение составил лишь маленький Ла-Диг, где надо было выбрать лишь одного представителя. На бюллетене имелись фотографии кандидатов, их имена и «цвет партии»: темно-синий для «демократов», красный для ОПН и другие цвета для двух новообразовавшихся партий. Избиратели заходили за ширму, клали в конверт бюллетень той партии, за которую хотели проголосовать, выбрасывали оставшиеся бюллетени в белую корзину для использованной бумаги и выходили из-за ширмы, чтобы опустить закрытый конверт в черную урну.

На этот раз предстояло избрать правительство нового типа. Раньше председателем Законодательного совета Сейшельских островов был губернатор. Кроме него в совет входили три официальных члена (английские чиновники): вице-губернатор, королевский юрист (генеральный прокурор) и секретарь по финансовым делам; четыре члена, назначенные губернатором, и восемь — избранных народом. Теперь же надо было выбрать Законодательную ассамблею. Она состояла из председателя палаты, трех официальных членов и пятнадцати, а не восьми, депутатов, избранных всеобщим голосованием.

Впервые должен был быть образован из кандидатов победившей партии небольшой кабинет министров во главе с премьер-министром. Это нововведение — результат переговоров, состоявшихся в марте 1970 года в Лондоне, куда английское правительство вызвало губернатора и партийных лидеров на «конституционную конференцию».

Давно было ясно, что англичане не собираются удовлетворять наивное требование «демократов» об интеграции Сейшельских островов с Великобританией. За несколько месяцев до конференции газета ОПН писала, что правительство в Лондоне «никогда не было готово, не готово сейчас и никогда не будет готово предоставить сейшельцам тот же статус, что и англичанам». Находясь в Англии, Мэнчем напрасно пытался получить аудиенцию у власть имущих, чтобы поговорить с ними на эту тему. Как сообщала английская печать, ему так и не удалось пойти выше второстепенных чиновников министерств.

Не помогло ему и выступление на конференции, где он выразил желание превратить Сейшелы в интегрированную часть Великобритании. Новая конституция явилась скорее шагом в сторону автономии, хотя и с ярко выраженным оттенком прежней колониальной опеки. Три должностных лица будут входить в состав кабинета министров, губернатор обладает полномочиями отклонять рекомендации совета, и лишь Ее Величество в Лондоне может изменить или отменить конституцию.

Перед выборами можно было наблюдать обычную картину: демагогического характера агитацию с обещанными лозунгами о призраке «коммунистической угрозы». Большую роль в обычной пропаганде «демократов» сыграли и взрывы бомб. В ход были пущены различного рода слухи, призванные очернить левую оппозицию в глазах избирателей. Не менее важным было и то обстоятельство, что многие сейшельцы — в том числе те из них, которые по долгу службы жили какое-то время в Восточной Африке, — несмотря на свой цвет кожи, считают себя наполовину европейцами. Это дает почву как для расовых предрассудков, так и для реакционной демагогии.

Результаты выборов снова удивили меня: партия Мэнчема победила большинством (52,8 процента) голосов ОПН, набравшую не более 44,1 процента. Голоса на выборах разделились таким образом, что «демократы» победили в пяти избирательных округах и тем самым провели десять своих представителей в законодательный орган. ОПН завоевала большинство в трех оставшихся избирательных округах (один из них Ла-Диг) и удовольствовалась пятью выборными местами в новом маленьком «парламенте». Тем самым Джеймс

Мэнчем впервые в истории острова стал премьер-министром колонии и, если не произойдет ничего непредвиденного, останется им в течение пяти лет, до следующих всеобщих выборов в 1975 году.

Естественно, англичане и американцы приветствовали победу буржуазной партии на выборах гораздо больше, чем если бы победила ОПН, которая могла бы потребовать расширения права на самоопределение. Поскольку планы строительства военного аэродрома на островах Альдабра были на неопределенное время отложены — а Великобритания принялась за аэродром на Маэ — стратегическое значение Сейшельских островов заметно возросло. В 1969—1971 годах на Маэ была построена трехкилометровая посадочная полоса, стоимостью в пятьдесят миллионов крон, протянувшаяся вдоль восточного побережья острова, близ Пуант-Ла-Рю, примерно в десяти километрах от Виктории.

Было бы странно думать, что такие большие деньги были вложены в Сейшелы лишь для того, чтобы улучшить коммуникации прежде изолированной островной колонии с населением в 50 тысяч жителей и тем самым облегчить доступ туристов к островам. Недаром же Сейшелы — за исключением маленьких коралловых островов в системе БТИО — последняя территория во всем Индийском океане, которая находится под британским контролем, и в горах на Маэ расположен передовой пост американских ВВС...

Аэропорт, между тем, — не единственный объект инвестиционной деятельности. Великобритания решила также в ближайшее пятилетие (1971—1975) серьезно заняться улучшением быта сейшельцев, в том числе и для того, чтобы укрепить доверие местного населения к колониальным властям, загладив тем самым свои прежние грехи в этом отношении.

Уже сооружена плотина, которая обеспечивает снабжение Виктории пресной водой. Несколько миллионов рупий намечено затратить на строительные работы в порту: будет увеличена его пропускная способность. В пределах порта планируется построить новый торговый центр. Ежегодно будут строиться двести индивидуальных жилищ. Небольшие предприятия, использующие местное сырье, получают финансовую поддержку. Постепенно повысится эффективность сельского хозяйства и возрас-

тет экспорт сельскохозяйственной продукции. Одновременно планируется производить больше продуктов для местного потребления, сократив их ввоз.

Очевидно также, что постоянно расширяющаяся сеть воздушных линий увеличит бюджет Сейшел. Если в 1968 году острова посетила лишь одна тысяча туристов, то уже в 1972 году, как предполагают, их число возрастет до десяти тысяч, а к 1975 году их будет не менее тридцати тысяч. В связи с этим планируется строительство больших и маленьких отелей прямо-таки конвейерным способом. На это широкое строительство нацелен прежде всего иностранный капитал. Развитие массового туризма желанно и для индийских крупных торговцев, в чьих руках большая часть торгового оборота островов, а также плантации, отели и другая недвижимость.

Возможно, что острова привлекут к себе и пенсионеров. Впрочем, колония не окажется своеобразным Эльдorado* для спекулянтов земельными участками, наподобие тех, которые в 60-х годах в Швеции продали в рассрочку вест-индские земли людям, уверовавшим благодаря рекламе в то, что тропические острова, с их влажным и теплым климатом,— лучшее место, где можно потратить пенсию. Такого рода иммигрантов здесь не хотят.

Чтобы получить разрешение поселиться на Сейшелах, одинокий иностранец должен иметь годовой доход не менее 2 тысяч фунтов. В добавление к этой сумме требуются 500 фунтов за жену и 300 фунтов за каждого прочего члена семьи. И это еще не все. Потенциальный переселенец должен быть в состоянии купить или построить себе дом не менее чем за 6 тысяч фунтов.

Независимо от того, кто выиграет больше всех на развитии туризма, средства, полученные от него, будут пущены в обращение, профсоюзы постепенно добьются более высокой заработной платы для рабочих — и уровень жизни возрастет. Таким образом, будущее Сейшельских островов предстает в довольно радужном свете.

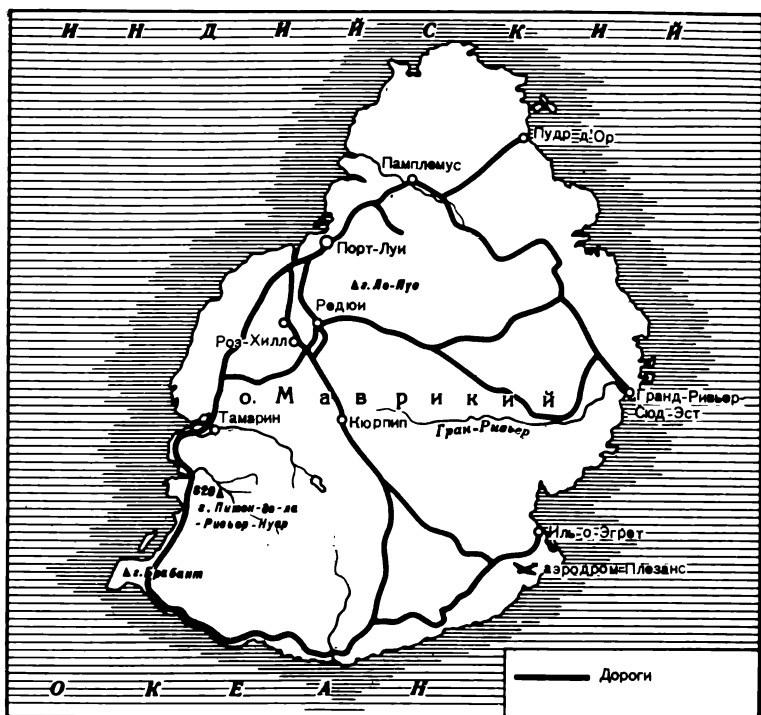
* Эльдorado (*исп.* el Dorado, букв. «золоченый», «золотой») — несуществующая страна, будто бы богатая золотом и драгоценными камнями, которую конкистадоры искали на территории Латинской Америки в XVI веке. Со временем Эльдorado стало употребляться в переносном смысле для обозначения страны богатств, сказочных чудес (*примеч. пер.*).

Путешествие на Маврикий и первые впечатления. Вымышленные и действительные первооткрыватели. Голландцы и датчане. Французы на Мадагаскаре и Реюньоне. Пираты, Карл XII и кладоискатель. Маврикий становится французским. Революция и английское завоевание

В столице Маврикия Порт-Луи в старом отеле «Насьональ» над лестницей, ведущей на этаж с номерами, висит громадная карта Франции. Именно Францию большинство маврикийцев считают своей истинной родиной. Одним воскресным утром я прибыл с острова Маэ на Маврикий после пяти ночей и четырех дней плавания по морю на корабле «Маврикий», который несколько раз в год вывозит гуано с коралловых островов, принадлежащих Сейшелам, а в промежутках между этими рейсами перевозит убойный скот с Родригеса или Мадагаскара в Порт-Луи.

На острове Ассампшен корабль погрузил две тысячи тонн гуано, предназначенного для плантаций сахарного тростника на Маврикии, после чего он зашел в Викторию, чтобы забрать на борт пассажиров. Помимо меня ими оказались «хозяин гуано», арендатор Ассампшена, Альдабры и других островов Гарри Сэви, а также семья плантатора де Равель де л'Аржантьера, безусловно чисто французских кровей, направлявшаяся домой после визита к родственникам. Вместе с нами на борт поднялись два индийца, с которыми я не имел возможности познакомиться, так как на протяжении всего плавания бедняги страдали морской болезнью и не показывались из своих кают.

Путешествие вместе с грузом гуано было не таким чудовищным, как предполагали многие из моих знакомых, когда я рассказал им о предстоящем плавании. Никакого запаха я не чувствовал. «Маврикий» оказался чистым и аккуратным судном. Но поскольку число моих

попутчиков было ограничено, а к Сэви я испытывал открытую неприязнь, плавание показалось мне скучным, несмотря на то что в море я обычно чувствую себя хорошо. Прогулочной палубы на «Маврикий» не было; за все пять суток скитания по океану нам не встретилось ни одного корабля, и единственной землей, которая едва обозначилась на горизонте, были низкие, поросшие кокосовыми пальмами, острова Агалега.

Капитан, Сэви и чета де Равель де д'Аржантьер убивали время игрой в домино, которая настолько их захватила, что они продолжали стучать костяшками еще час после удара гонга, звавшего к трапезам, самым светлым, на мой взгляд, минутам нашего плавания. Иногда и я принимал участие в их играх, но чаще всего они играли без меня. По вечерам я в полном одиночестве сидел в салоне. Как-то раз, будучи явно не в духе, я записал

в свою записную книжку: «Бар открыт лишь до еды, когда в нем на французский манер принимают аперитивы... После еды, вечером, когда все нормальные люди желают выпить, бар принципиально закрыт. Черт возьми».

Первое впечатление от Порт-Луи не подняло моего настроения. Мы бросили якорь в центре гавани, где стояло множество японских и тайваньских рыболовецких судов, и надо было как-то еще добираться до берега. После этого в моей книжке появилась такая заметка: «Только мы прибыли, за меня тут же взялись носильщики, лодочники и таксисты... Носильщики ворчали, что я дал им только пятерку. Лодочник затребовал с меня пятерку за короткий бросок к причалу, и таксисту захотелось пятерки*. Ну в точности, как меня об этом предупреждали. То ли дело на Сейшелах...»

Мое ощущение отчужденности усилилось еще и потому, что день приезда на Маврикий был как раз днем моего рождения. Не помогло мне и зрелище таких «европейских» птичек, как домовые воробьи, которые прыгали по улицам и площадям. Я подумал, что им здесь не место. Но, к счастью, первое впечатление чаще всего длится не долго. Отель, где я остановился, был старым, уютным, обслуживающий персонал приветливым, цены приемлемыми. Уже после первой короткой воскресной прогулки по городу у меня появились друзья.

По грязным улочкам я добрался до Центрального крытого рынка. Я прошел по всем его отделам, где всевозможные товары — от скоропортящихся продуктов питания до пряностей, ладана и цветных иллюстраций с изображениями индуистских божеств — продавались в таких ужасных санитарных условиях, которые наверняка свели бы с ума членов комиссии по санитарному надзору в Швеции (зловонные мясные ряды с москитными сетками на дверях и множеством разбитых окон). Закончив осмотр, я заглянул в близлежащий простенький бар, где решил снять первую пробу с маврикийского рома.

Это было довольно беспокойное местечко. Мальчишки то и дело проскальзывали в бар и пытались попро-

* Проезд на такси в черте города по тем временам стоил одну рупию (примеч. авт.).

шайничать, пока служащие не выставляли их за дверь. К моему столу подошла какая-то пьяная личность, села рядом и стала что-то говорить по-креоло-французски. Я так и не успел разобрать что именно: двое людей, сидевших за стойкой, схватили пьяного, потащили его к выходу и вернулись обратно. В одном из них я без труда определил индийца. Его звали Соопайя. Его спутник по имени Бэлмик, тоже индеец, был в берете и выглядел почти как француз-южанин. Ни один из них не говорил по-английски, а Бэлмик превосходно изъяснялся на французском.

Оба оказались владельцами небольших лавочек на рынке. Они только что закрылись на дневной перерыв. Бэлмик угостил меня ромом и пригласил как-нибудь заглянуть к нему в лавку. Он предложил свести меня со своими друзьями, один из которых имел машину и мог показать остров. Так и случилось через несколько дней, когда мы отправились на экскурсию по северной части острова. Впоследствии мне еще не раз приходилось убеждаться в справедливости бытующего на островах Индийского океана мнения, что жители Маврикия очень гостеприимны.

Таким образом, лавка Бэлмика стала одним из моих личных опорных пунктов в Порт-Луи. Другим таким пунктом стал бар «Чан Кин». Его владелец, китаец, пригласил меня однажды к себе домой и всегда отказывался брать с меня деньги, когда я заглядывал в его заведение на улице Фаркуар промочить горло. Он также не говорил по-английски, но хорошо владел французским. Вообще говоря, без элементарных знаний французского на «британском» Маврикии приходится трудновато, по крайней мере тем, кто хочет познакомиться с представителями возможно большего числа социальных и этнических групп на острове, где насчитывается более 800 тысяч жителей.

Впрочем, здесь, конечно, можно встретить и людей, которые не понимают ни английский, ни французский, а говорят лишь на хинди, урду или каких-нибудь других индийских языках, либо на одном из китайских диалектов, чаще всего — кантонском. Многое изменилось с тех пор, как Маврикий был французской колонией и Бернарден де Сен-Пьер написал свою трагиромантическую, переведенную во всех культурных странах и долгое время

чрезвычайно популярную в Европе повесть «Поль и Виргиния» — сагу в стиле Руссо о двух влюбленных молодых людях, живущих среди тропической природы Маврикия в окружении благородных рабов и рабынь с Мозамбика и Мадагаскара.

Но многие события на Маврикии произошли еще до того, как французы пришли на этот остров, который в XVIII веке, в период борьбы с Англией за обладание Индией, стал для них «звездой и ключом Индийского океана». Этот девиз и поныне украшает герб Маврикия.

До сих пор неизвестно, кто открыл Маврикий и другие острова Маскаренского архипелага. В то же время в некоторых изданиях можно прочесть, что «первыми их посетителями были, возможно, и финикийцы, за которыми через 1500 или 2 тысячи лет последовали переселившиеся на Мадагаскар малайцы». Это можно прочесть даже в издании лондонского Центрального бюро информации.

Ни в одном источнике нет указаний на то, что финикийцы добрались до Маврикия, хотя точно известно, что они плавали через Красное море в Индийский океан, торгуя с городами Индии и других стран. Согласно греческому историку Геродоту, египетский царь Нехао II в VII веке до н. э. снарядил финикийскую экспедицию, участники которой, вернувшись на родину, утверждали, что плавали вокруг Африки. Геродот довольно скептически относится к их рассказам, особенно к утверждению, что во время кругосветного плавания «солнце было по правую руку» — нечто малопонятное для представителя средиземноморской культуры.

Вряд ли эти предприимчивые мореплаватели имели основания удаляться от берегов Африки и Мадагаскара на такое большое расстояние, чтобы достичь Маскаренских островов. Что же касается современных жителей Мадагаскара, предки которых были выходцами из Юго-Восточной Азии, то о путях их переселения на острова вообще ничего не известно.

Принято считать, что они пересекли Индийский океан с помощью южного экваториального течения, которое действительно могло принести их к Маскаренским островам. Тот, кто хочет снискать себе мировую славу, мо-

жет, конечно, «доказать» эту гипотезу, покрыв данное расстояние на каком-нибудь старинном малайском судне, непременно имеющем на борту радиопередатчик для контакта с мировой прессой. Однако уместно было бы предположить, что если люди, отправившиеся на поиски новой земли, пригодной для колонизации, действительно встретили на своем пути эти богатые острова, то они непременно поселились бы там или, по крайней мере, сделали на этих островах передышку, чтобы снова продолжить странствование, оставив следы своего пребывания. А вот следов-то как раз и не обнаружено.

Поскольку все племена, живущие на Мадагаскаре, говорят на языках одной и той же группы, вряд ли также можно считать, что переселение через обширный незнакомый океан проходило в таких масштабах. Эмигранты из Юго-Восточной Азии должны были иметь некоторое представление о том, куда они направляются. Поэтому я отдаю предпочтение теории, выдвинутой американским этнографом Линтоном, который считает, что переселение шло поэтапно более северным путем, совпадающим с древними морскими торговыми путями между Индонезией — Малайзией, Индией — Цейлоном и восточноафриканским побережьем. Достигнув берегов Африки, некоторая часть переселенцев осела на них, смешавшись с африканцами. С помощью этой теории можно объяснить, почему многие малагасийские племена — «негроиды»*.

* В доказательство того, что жители Мадагаскара долгое время непосредственно контактировали со своими соплеменниками, жившими по другую сторону Индийского океана, немец Пауль Германи в своей книге «К незнакомым берегам» цитирует арабского географа аль-Идриси, который в XII веке, находясь на службе у норманнского короля Рожера II на Сицилии, составил описание Мадагаскара тех времен:

«Люди на Мадагаскаре не имеют судов для плавания по морю. Но к ним приплывают корабли из Омана и других мест. Потом они плывут дальше к островам Дьявага (Ява), которые являются частью индийских островов. Иностранные моряки обменивают свои товары на малагасийские. Люди с островов Дьявага приплывают к ним на барках и больших кораблях и вывозят их товары, ибо они понимают язык друг друга».

К сожалению, тот же самый текст приобрел совсем иное звучание в английском сборнике документов «Восточноафриканское побережье» (Оксфорд, 1962), составленном Г. Фримен-Гренвиллем: «На восточноафриканских берегах Зань нет кораблей, на которых можно

В то же время не возникает сомнений в том, что Маскаренские острова были известны средневековым арабским мореплавателям. Это, в частности, следует из того, что на первых португальских картах Индийского океана острова носили арабские названия. Современный Реюньон назывался Дина-Маргабим, Маврикий — Дина-Ароби и Родригес — Дина-Моразе. Однако нет никаких сведений о том, что арабы ступили на эти острова раньше португальцев, которые, начиная с первого путешествия Васко да Гамы в Индию в 1498 году (лоцманом у него был индеец из восточноафриканского города Малинди), стали использовать знания морских путей между Африкой и Азией, накопленные их предшественниками.

Точное время открытия португальцами Маскарен неизвестно. Возможно, самый большой и гористый из Маскаренских островов, Реюньон был впервые замечен в 1509 году, Маврикий — в 1511 году и Родригес — в 1538, хотя в литературе встречаются и другие даты. Во всяком случае, последний и самый маленький остров уже в XVI веке был назван в честь своего первооткрывателя Диего Родригеса, Маврикий получил название от португальского корабля «Серне» — Илья-до-Серне (Лебединый остров). Реюньон сначала назывался Санта-Аполлония, а впоследствии его переименовали в Маскареньяс в честь мореплавателя, который часто фигурирует в роли первооткрывателя. Естественно, что название самого большого острова в островной группе с годами было перенесено на все острова, которые стали называться Маскареньяскими, а затем Маскаренскими.

плавать, но там пользуются кораблями из Омана и других стран, которые приплывают к островам Зань, принадлежащим Индии. Эти чужестранцы продают там свои товары и покупают товары той земли. Люди с островов Дьявага плывут к Занзибару на больших и малых кораблях и потребляют их для торговли своими товарами, ибо они понимают язык друг друга».

Это еще не все. Мы читаем дальше: «Среди островов Дьявага лежит Андьюба (Анжуан)...» Другими словами, речь идет вовсе не о торговле между Мадагаскаром и Явой, а о торговых связях между городами на восточноафриканском побережье и островом Анжуан, а также остальными Коморскими островами, расположенными между северной оконечностью Мадагаскара и Африканским континентом. Германн, или тот, на кого он опирался, очевидно, ошибочно приняли Зань за Мадагаскар и на тех же шатких основаниях истолковали «Дьявага» как старое название Явы... (примеч. авт.).

Португальцы, не меньше, чем арабы, были поглощены поисками культурных стран, с которыми могли бы торговать и которые при случае могли бы грабить. На Маврикий португальцы довольствовались сбором провианта и заселением острова различными животными, например козами и свиньями (в те времена мореплаватели часто завозили на острова во всех частях света домашних животных и оставляли их там, обеспечивая себя и своих соотечественников съестными припасами на случай захода на острова). Маскарены продолжали оставаться необитаемыми, когда в Индийский океан пришли голландцы, которые стали вытеснять отсюда португальцев.

С тех пор, как в 1598 году первая голландская экспедиция высадилась на Маврикий (который тогда и получил свое нынешнее название по имени принца Нидерландов Морица Оранского), у берегов острова стали бросать якоря голландские корабли, направлявшиеся в Восточную Индию. Кроме одичавших домашних животных, завезенных португальцами, там было множество непуганных птиц, гигантских черепах и, естественно, пресная вода. Голландцев привлекли на Маврикий и его богатые леса, где росло необычайно твердое и прочное черное дерево.

Немного потребовалось времени, чтобы остров оказался на пути английских, французских и датских судов, плывущих к своим колониям в Индии, где еще в XIX веке датчане долго сохраняли свои владения в Транкебаре на Коромандельском берегу. В 1622 году из Копенгагена вышел только что построенный корабль «Фленсбург», который принадлежал королю Кристиану IV и находился под командованием голландца Паулуса Корнелиссена. Он направлялся главным образом на Маврикий, чтобы там загрузиться черным деревом.

Поскольку остров в то время считался собственностью нидерландской Ост-Индской компании, такого рода экспедиция носила «пиратский» характер. К тому же она была инспирирована голландскими купцами, не обладавшими акциями компании. О самом плавании известно мало. Однако в это же время исландец Йон Олафссон обогнул мыс Доброй Надежды на другом датском судне, «Кристиансхавн», которое направлялось в Индию. Он-то

и указал в своем путевом дневнике место назначения и цель плавания «Фленсборга», а также добавил, что команда корабля состояла целиком из голландцев.

Имеющиеся документальные источники умалчивают о возвращении датского корабля. Однако это событие можно отнести к 1624 году, когда из Копенгагена в Гамбург отправили партию черного дерева и когда Кристиан IV просил в своем письме к Морицу Оранскому, чтобы тот лично проявил внимание к голландскому капитану и не дал его в обиду за его участие в датской экспедиции на Маврикий.

Неясно, имела ли эта экспедиция свое продолжение, или же была единственной в истории Дании. Французы довольно часто рубили черное дерево на острове. Раздосадованные французской конкуренцией и обеспокоенные слухами о колонизаторских планах Англии, голландцы приняли решение аннексировать и охранять Маврикий, и в 1638 году нидерландская Ост-Индская компания послала туда губернатора и двадцать пять человек охраны. Но это новое владение принесло голландцам мало выгоды. Уже через двадцать лет, когда компания оценила преимущества Капской земли, как перспективной колонии, так и опорной базы на пути в Ост-Индию, голландцы оставили Маврикий. Другая попытка колонизации острова (1668 год) была еще менее успешной.

К 1690 году на Маврикий находились около тридцати голландских семей и военный гарнизон, приблизительно в пятьдесят человек, рабы и ссыльные с Явы, которые занимались в основном рубкой черного дерева. Голландцы, кроме того, возделывали земли, охотились на местных животных, а также разводили тех животных, которых они привезли с собой. Однако беспрестанные ураганы и крысы наносили серьезный ущерб их хозяйству, и в 1710 году голландцы покинули остров.

Тем временем французы обосновались на Реюньоне: португальское название острова они переименовали в Маскарен или Маскарену. Формально они завладели Реюньоном в 1638 году, когда англичане считались претендентами на Маскаренские острова. На одном из деревьев был прикреплен «герб короля Франции», однако ни один колонист не остался на острове. Французов, оче-

видно, больше интересовал Мадагаскар. В 1643 году они основали там первое укрепленное поселение — Форт-Дофин.

О Маскарене вспомнили через три года, когда на Мадагаскаре вспыхнул мятеж. На этот необитаемый остров было выслано двенадцать мятежников, и там их предоставили самим себе. Через три года они вернулись в Форт-Дофин в таком превосходном состоянии, что их земляки, оставшиеся на терзаемом лихорадкой Мадагаскаре, пришли в изумление и заговорили о здоровом «воздухе» Маскарены.

Комендант Форт-Дофина Флакур в угодливом рвении решил переименовать Маскарену в Иль-Бурбон, в честь французской королевской династии. Остров настолько замечательный, утверждал он, что лучшего названия для него не придумать. Это, однако, не помешало ему в 1654 году выслать на него новую партию бунтовщиков: восемь французов и шесть малагасийцев, добровольно отправлявшихся вместе с ссыльными в качестве слуг. Они собирались зарабатывать себе на жизнь, выращивая табак. Тем не менее, через три года и восемь месяцев ссылка утомила их, и они бежали с острова на проходившем мимо пиратском судне «Тома Гийом».

В следующий раз поселенцы появились на Бурбоне в 1663 году. Ими оказались два француза, добровольно приплывшие на остров, и десять малагасийских рабов, среди которых были три женщины. Рабы, после неудавшейся попытки убить своих хозяев, бежали в горы. Согласно одному из источников, они хотели забрать женщин себе, «ибо черные должны иметь женщин». Однако, когда за ними стали охотиться французские солдаты, беглые рабы вернулись обратно, поверив в данное им обещание о помиловании. Малагасийки со временем прижили детей как с туземцами, так и с французами.

Приблизительно в эти же годы во Франции была создана Ост-Индская компания, которая в 1665 году выслала из Бретани четыре судна на Мадагаскар и Бурбон. На Бурбоне высадилось восемнадцать или двадцать человек, а так как имена большинства из них известны, то нетрудно установить, что именно они положили начало заселению этих островов. Даже на Сейшелах встречаются такие фамилии, как Оора и Мюссар, ведущие свое происхождение от этих колонистов.

Некоторым из них достались француженки. В 1667 году новый корабль высадил на остров нескольких «сироток», добродетельных девиц из дома для бедноты во Франции. В этом году на Бурбон прибыло в общей сложности восемь француженок и тринадцать малагасиек. В 1671 году за ними последовали еще несколько малагасиек, в 1676 году — парочка уличных женщин из Парижа и, наконец, в 1678 году — четырнадцать женщин с Коромандельского берега, часть из которых была португальского происхождения.

Женщины, приезжавшие на остров без мужей, тут же выходили замуж, а те, что становились вдовами на острове, быстро находили новых женихов. Об остром недостатке женщин говорят, например, такие сведения: в 1685—1700 годах тридцать три девочки были выданы замуж в возрасте между десятью и четырнадцатью годами.

Таким образом было положено начало первому коренному населению острова, в формировании которого приняли участие представители различных стран и континентов. В 1696 году на Бурбоне насчитывалось не более 488 жителей всех возрастов и национальностей. Затем — новое переселение. И в 1711 году на нем уже насчитывалось 1300 человек. Между тем, на соседнем с ним острове — Маврикий — остались лишь беглые рабы.

Еще во времена голландского господства в Индийском океане морские разбойники, охотившиеся за дорогими товарами индийских купцов, почти беспрепятственно заходили на Маврикий и запасались там продовольствием. После ухода голландцев остров снискал еще большую популярность у пиратов. Основные их опорные пункты, однако, находились на Мадагаскаре. В бухте нынешнего Диего-Суареса один из разбойников даже учредил «социалистическую» республику под названием Либертация, или Либерталия, с общей собственностью на награбленные товары и другое имущество. Его «коллеги» обосновались в других уголках острова, а также на острове Сент-Мари. Большей частью они сбывали свою «продукцию» в Северной Америке. Любопытно, что двое из пиратов даже оставили свой след в шведской истории.

Этим двум личностям удалось одурачить самого Карла XII. В 1748 году граф Ганс Вахтмейстер защитил в Упсале диссертацию на тему «О планах и мерах Швеции в отношении морских разбойников на Мадагаскаре. 1718—1727 годы», из которой следовало, что по мере того, как положение пиратов в Индийском океане становилось все более сложным, они стали искать защиты у европейских правителей. В Англии, однако, их ждал весьма холодный прием. Иначе дело для них обернулось в Швеции. Когда в 1718 году Карл XII находился в Стрёмстаде, ему нанесли визит два пиратских «депутата», Морган и Моннери, которые лестью и вымыслом о несметных сокровищах обратили на себя королевское внимание.

Мадагаскарские пираты предложили в обмен на покровительство Швеции «внести сумму значительно больших размеров, чем та, которая была предложена Англии, равно как большим числом кораблей своих усилить шведский флот». Швеция в то время находилась на грани банкротства, к которому ее привели неудачные походы Карла XII и его длительный плен в Турции. А посему предложение показалось королю соблазнительным. Когда же оба морских разбойника еще и обещали сделать Сент-Мари шведской колонией, а также — свою помощь в завоевании близлежащего побережья Мадагаскара, король пришел в такой восторг, что назначил Моргана шведским губернатором Сент-Мари, снабдив его полномочиями «в будущем также основать колонию на самом Мадагаскаре».

Влиятельный советник короля барон Герц полностью согласился с тем, что нельзя упускать случая поправить скудные финансы Швеции. Но прежде, чем удалось что-либо сделать, Карл XII был убит на поле брани, а Герц казнен. Однако «мадагаскарские» планы не канули в бездну забвения. Была образована «Мадагаскарская комиссия», и дело зашло так далеко, что в 1721 году в Карлскруне снарядили фрегаты «Яррамас» и «Фортуна», которые должны были плыть к Индийскому океану в сопровождении других судов, поставленных Морганом и его компаньонами.

Фрегаты направились в испанский порт Кадис для окончательной экипировки. Однако деньги кончились прежде, чем экспедиция была готова продолжать плава-

ние. Морган, судя по всему, довольно ловкий мошенник, раздобыл капитал в одном из мадридских торговых домов. Между тем шведский капитан Ульрих стал более осмотрительным. Он заявил, что «считает удобное время для плавания вокруг мыса Доброй Надежды упущенным», и вернулся на родину.

В Швеции его возвращение восприняли с большим разочарованием. Как риксрод*, так и «Мадагаскарская комиссия» «поддерживали короля в том, чтобы продолжить экспедицию, в надежности которой они не сомневались, прежде всего потому, «что она была начата столь проницательным господином, как Его Величество». Но длительное взвешивание всех «за» и «против» так ни к чему и не привело, хотя бы потому, что Морган и его компаньоны не могли больше финансировать свою долю предприятия.

Мадагаскар был предан забвению, пока в 1726 году в Стокгольме не объявился некий морской капитан Спаак, который заявил, что если только ему дадут фрегат с сорока пушками, он вернется с Мадагаскара с сорока кораблями и тысячами тонн золота. Даже этот шутник был тепло принят весьма наивными правителями Швеции, и, если бы государственное казначейство не заявило, что оно не располагает требуемыми средствами, Секретный комитет, не задумываясь, выплатил бы мошеннику все, что он просил. С его согласия, однако, была подписана 141 акция, прежде чем некоторые руководящие лица поняли неладное и отказались от этой затеи.

Таким образом, Швеция избежала опасности быть вовлеченной в борьбу держав за Индийский океан, где она, несомненно, оказалась бы в «дурной» компании. Вместо этого в 1731 году была учреждена шведская Ост-Индская компания для заключения менее авантюристических сделок, главным образом для торговли с Китаем. Но слухи о сокровищах, собранных пиратами, живут и по сей день, причем не только на Сейшелах, но и на Маврикии, где, как известно, часто останавливался удачливый Ла-Бюз.

В местечке с впечатляющим названием Бэ-де-Томбо (Могильная бухта) я познакомился с одним маврикийским кладонскателем Бешерелем, который был женат на

* Риксрод (шведск.) — кабинет министров (примеч. пер.).

молодой шведской художнице Стине Спангенберг. Он высверлил и вырубил в скалах неподалеку от берега глубокие отверстия. По его рассказам, там он обнаружил три скелета. Рядом с одним из них лежали клинок и молоток, которыми, как считает Бешерель, был убит человек, дабы он не смог указать место, где спрятаны сокровища.

Семью метрами ниже Бешерель обнаружил — опять-таки если верить его словам — куски дерева и камни квадратной формы с магическими знаками, которые пираты обычно использовали для опознавания «матроса — наследника сокровища». Одно отверстие было заделано досками, вытесанными из дерева какой-то американской породы.

Он также показал мне камень, форма которого почти в точности повторяла форму черепа. Это — явный «знак», сообщил мне Бешерель. Лично я вовсе не был уверен в том, что не сама природа придала камню такую форму. Когда же Бешерель показал мне, как пираты «зацементировали» отверстие в скале, у меня возникло подозрение, что геолог в данном случае наверняка предпочел бы слову «цемент» название одной из вулканических пород. Честно говоря, мне было куда интереснее посмотреть красочные, своеобразные рисунки Стины Спангенберг, нашедшей вдохновение в пестроте народной жизни Маврикия.

Бешерель, однако, был так же уверен в том, что несметные сокровища Ла-Бюза находятся где-то поблизости, как Круиз Уилкинз — в том, что они спрятаны на Маэ. И многие верили этому. Сверлить отверстия в скалах и не пускать в них грунтовую воду — довольно дорогое занятие. И подобно своему сейшельскому коллеге, Бешерель добывал деньги на свое кладоискательство, продавая акции оптимистам. Я встречался с двумя его акционерами и лично видел, как один из них подписывал контракт, который, по всей вероятности, никогда не принесет ему дивидендов...

Французы решили аннексировать Маврикий главным образом для того, чтобы приостановить действия пиратов, угрожавших торговле между Европой и Ост-Индией. В сентябре 1715 года по приказу французского морского

министра из Сент-Мало вышло военное судно, которое бросило якорь в естественной гавани, называемой голландцами Мелукесенреееде, т. е. «Черепаший рейд». Над берегом взвился французский флаг, бухте дали французское название Ред-де-Тортю, а сам остров стал называться Иль-де-Франс.

Первые годы своего господства французы, казалось, не особенно спешили с реализацией своих замыслов относительно этой колонии. Дело приняло решительный оборот лишь тогда, когда король Людовик XV — точнее, его опекун Филипп Орлеанский — передал остров французской Ост-Индской компании, которая в 1721 году вступила во владение им с еще большей помпой. В апреле следующего года на острове появились первые французские колонисты, переселившиеся с Бурбона: пятнадцать добровольных поселенцев, один священник и один фельдшер. Вместе с ними, разумеется, прибыли и рабы.

В последующие несколько лет на Иль-де-Франс переместились новые колонисты — и добровольно, и вынужденно — с Бурбона, из Франции и других мест. Они хлебнули горя не только от ураганов, крыс и прочих стихийных бедствий, которые вытеснили с острова голландцев. Досталось им и от беглых рабов. Но самым страшным испытанием были циклоны, которые в иные годы (в декабре — марте) причиняли большой ущерб хозяйству и серьезно угрожали мореплаванию. Все это, казалось, вынудит французов покинуть остров. Но в 1735 году Маскарены получили нового губернатора Маэ де Лабурдоннэ, в задачу которого входило обеспечить французское господство в Индийском океане. Возникла необходимость в защищенном от ураганов порте, не в последнюю очередь эта необходимость была продиктована военными интересами. Такой порт, а вместе с ним и город, был выстроен напротив «Черепашьего рейда», в так называемом Норд-Вестер-Хавен, переименованном потом в честь французского короля в Порт-Луи.

Поскольку на Бурбоне (нынешний Реюньон) почти не было удобных бухт, Лабурдоннэ перенес в Порт-Луи и свою штаб-квартиру. Быстрая колонизация принесла на Иль-де-Франс законность и порядок. Уже в 1741 году в порту дислоцировались пять французских военных судов с 1200 матросами и 500 солдатами, которые большей частью рекрутировались из числа индийцев-мусульман.

Вернувшись на Иль-де-Франс, он нашел там приказ о своей отставке и требование явиться в Париж. В Париже его обвинили в том, что он принял взятку от врага. Лабурдоннэ был реабилитирован лишь после того, как отсидел два года в Бастилии. Но его карьера офицера и чиновника тем не менее на этом закончилась, а спустя три года он умер в нищете.

Иль-де-Франс и Порт-Луи тем временем процветали, приобретая особое значение как французская база в Семилетней войне 1756—1763 годов, когда, между прочим, одним из союзников Франции в Европе была Швеция. Иль-де-Франс стал базой для двадцати двух военных кораблей, сражавшихся в прибрежных водах Индии. В том, что на этом фронте война завершилась не в пользу французов, Париж необоснованно обвинил руководство французской Ост-Индской компании, отвечавшее за ведение военных действий в тех районах, в которых эта компания была экономически заинтересована. В 1764 году французский двор принял решение отобрать Иль-де-Франс и другие острова у обанкротившейся компании, и скоро на островах обосновались королевские чиновники.

При новом губернаторе Жане-Даниеле Дюма на Маскаренских островах развернул свою деятельность самый известный из всех французских администраторов после Лабурдоннэ Пьер Пуавр. Именно в этот период Маскарены как никогда соответствовали своей роли военных опорных баз. В 1778 году в Индийском океане снова стало беспокойно, так как Франция вмешалась в войну за независимость в Северной Америке на стороне восставших английских колоний, будущих Соединенных Штатов.

Большое значение острову — французской военно-морской базе и перевалочному пункту для кораблей, плывущих к французским поселениям на Коромандельском и Малабарском берегах Индии — придавали не только сами французы, но и англичане. Об этом свидетельствует, в частности, некто Дэлримпл, посетивший Иль-де-Франс по заданию английской Ост-Индской компании. Он пишет: «Дикий и почти пустынный остров мосье Лабурдоннэ превратил в цветущую и прибыльную колонию для французской компании, и я сильно опасаюсь, что порт даст французам больший перевес над нами в Индии, чем мы даже можем себе представить».

В скором времени Лабурдоннэ предпринял первую попытку исследовать далекие Сейшельские острова. Экспедиции к Сейшелам носили чисто исследовательский характер, до тех пор пока в 1744 году Франция не объявила войну Англии. Французский генерал-губернатор в Индии Дюплеи, живший в Пондишери, попросил о помощи, жалуясь на британскую эскадру, захватившую одну за другой французские фактории.

Чтобы отвести угрозу, Лабурдоннэ в 1746 году отплыл с Иль-де-Франса и Бурбона на север с тремя тысячами человек, разбил англичан и захватил их важнейший укрепленный пункт Мадрас. Взятие Мадраса было зенитом карьеры Лабурдоннэ, но оно же послужило и поводом к ее закату. В то время как Дюплеи рассматривал падение Мадраса важнейшим шагом к тому, чтобы вытеснить английских конкурентов из Индии, а посему считал, что Франция должна сохранить за собой город, Лабурдоннэ, напротив, за выкуп вернул его англичанам.

Слабый флот, состоявший из пяти судов, базировавшихся во время войны на Иль-де-Франсе, естественно, не мог воспрепятствовать английским вооруженным силам захватить некоторые фактории в Индии. В 1781 году в Индийском океане появилась новая эскадра под командованием де Сюффрен де Сент-Тропеза. Используя Порт-Луи в качестве своей базы, французские военно-морские силы в последующие годы время от времени наносили англичанам поражение, и не только в Индии. Экспедиции направлялись в различные районы Индийского океана.

Никогда Иль-де-Франс так точно не подходил под определение «звезда и ключ Индийского океана», как в тот период. Впервые в истории Франция победила Англию в районе Индийского океана. И Порт-Луи сыграл в этом немаловажную роль: французские корабли всегда могли остановиться там для ремонта, а также для пополнения провиантом и боеприпасами.

Де Сюффрен намеревался закрепить Индию за Францией, окончательно разгромив там англичан. Ему удалось лишь частично осуществить свои планы, и французы обьясняли это плохой дисциплиной среди офицеров. Как бы там ни было, у Франции именно тогда были хорошие возможности, которые больше ни разу ей не представились.

Первые известия о Французской революции дошли до Иль-де-Франса 31 января 1790 года. Вскоре после этого на острове, а также на соседнем с ним Бурбоне и Сейшельских островах были созданы колониальные законодательные собрания, а в населенных пунктах впервые состоялись выборы в муниципалитеты. Колонисты с радостью восприняли предоставленные им новые права. По примеру Парижа на Иль-де-Франсе и Бурбоне были созданы революционные клубы — якобинцев, санкюлотов и другие. Большим достижением революции стало учреждение на островах нескольких школ.

Не заставил себя долго ждать и приказ о переименовании Бурбона. В Национальном конвенте в Париже с шумным одобрением встретили письменное послание революционного министра по морским делам Монжа, в котором говорилось:

«Свергнув деспотизм, Национальный конвент уничтожил и все королевские эмблемы. Ничто более не свидетельствует о нашем рабском прошлом, и символы свободы приходят на смену монументам тирании. Возможно ли после этого, чтобы одна из частей Республики, остров Бурбон, продолжал называться в честь семьи деспотов? Разве можно таким образом оскорблять республиканцев, живущих на этом острове? Национальный конвент, без сомнения, считает необходимым, чтобы сделать их причастными к нашим завоеваниям, дать земле, которую они возделывают, такое название, которое напоминало бы о победах нашей революции, назвав остров вместо Бурбона Реюньоном».

Тем самым Бурбон, он же Санта-Аполлония, он же Маскареньяс, он же Маскарена, получил название Реюньон, мало о чем говорящее нашим современникам, но имевшее глубокий смысл для французов революционных лет. По мнению историка Брунэ, в их лексиконе «реюньон» было «словом абсолютной ценности, словом, не означавшим какой-нибудь отдельный предмет или определенное событие, но характеризовавшее некое состояние, подобное Свободе, Равенству, Братству». Для жителей колоний это слово символизировало «всеобщее желание жить как братья по законам отечества, в единении с оным».

Однако «всеобщее желание» несколько поубавилось как на вновь нареченном Реюньоне, так и на Иль-де-

Франсе, равно как и на Сейшелах, когда из Парижа было получено известие о том, что 4 декабря 1794 года Национальный конвент отменил рабство. С этого момента колонисты отказались подчиняться революционному правительству в метрополии и выставили с островов присланных им комиссаров. Но, как истинные французы, колонисты оказались достаточно лояльными для того, чтобы стать на защиту своей родины в войне с Англией.

В 1793—1802 годах в одном Порт-Луи было снаряжено не более не менее, чем сто одиннадцать каперских экспедиций*. За тот же период французские каперы захватили и привели с собой сто девятнадцать английских судов, общую стоимость которых англичане в начале XIX века оценивали в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. В результате Порт-Луи наводнили индийские товары, а в Иль-де-Франс стали прибывать иностранные корабли, главным образом американские, а иногда даже датские и шведские, искавшие на острове выгодных торговых сделок. Считают, что без товаров первой необходимости, получаемых колонистами от этих «нейтралов» в обмен на каперскую добычу, Иль-де-Франс вряд ли бы смог продержаться в революционные годы, так как англичане почти полностью блокировали связь острова с Францией.

Подобная картина наблюдалась и после непродолжительного Амьенского мира (с 1802 по 1810 годы), когда восемьдесят две экспедиции, снаряженные на Иль-де-Франсе, пополнили свои трофеи неизвестным числом караванных судов, захваченных у английской Ост-Индской компании. В 1804 году, когда процветало французское каперство в Индийском океане, на Маскаренские острова из Франции прибыло семь кораблей: два из них были французскими, четыре — под американским флагом, один — под шведским. В том же году еще двадцать французских судов причалило к Маскаренам. И кроме того, туда приплыло девятью одно американское судно, двадцать пять датских, три шведских и еще пятнадцать судов других стран.

Тем временем во Франции снова установился режим, который устраивал плантаторов-колонистов: к власти

* Каперские экспедиции снаряжались частными лицами для нападения на вражеские торговые суда и на суда нейтральных стран. Каперство было запрещено Парижским трактатом 1856 года (*примеч. пер.*).

пришел Наполеон и снова ввел рабство. В 1803 году он назначил на Маскарены нового губернатора, генерала Декаэна, который по прибытии на острова незамедлительно распустил колониальные ассамблеи и муниципалитеты, а также разогнал национальных гвардейцев и другие революционные организации. Он же переименовал Порт-Луи в Порт-Наполеон, а другой город острова Маэбур — в Порт-Империаль. Реюньон с его легкой руки стал называться Иль-Бонапарт.

Однако в истории Маскарен то был лишь короткий эпизод. С началом наполеоновских войн положение французских островов в Индийском океане осложнилось в связи с усилением военной активности Англии.

Ликвидировав каперство и установив блокаду Маскарен, англичане сначала оккупировали небольшой остров Родригес, затем Иль-Бонапарт. В июле 1810 года на этом острове высадились пять тысяч английских солдат. Однако первая попытка англичан завладеть островом Иль-де-Франс окончилась неудачей. У входа в Порт-Империаль они столкнулись с таким ожесточенным сопротивлением, что потеряли несколько кораблей; через месяц их и вовсе прогнали с острова.

В ответ на поражение англичане мобилизовали почти все свои свободные силы в Бомбее, Мадрасе, Калькутте, а также на Капской земле. У берегов Родригеса был собран мощный английский флот, и 29 ноября 1810 года в северной части Иль-де-Франса высадилось десять тысяч человек. Через четыре дня Декаэн капитулировал на почти джентльменских условиях.

Правда, ни сам Декаэн, ни его гарнизон из четырех тысяч солдат не были взяты в плен, а французскому населению острова было предоставлено право сохранить свою религию, обычаи и законы. Женщины могли в течение двух лет покинуть острова, захватив с собой свое имущество. Иная участь постигла наполеоновские и революционные географические названия.

Острову Иль-Бонапарт, он же Реюньон, вернули его дореволюционное название Бурбон. Порт-Наполеон снова стал Порт-Луи, а Порт-Империаль — Маэбуром. Важнейший остров Маскарен, естественно, также не мог продолжать называться Иль-де-Франсом. Ему вернули его старое голландское название — Маврикий, которое осталось за ним и поныне.

В Европе война завершилась в 1814 году. Наполеона свергли, королем Франции вновь стал представитель династии Бурбонов, Людовик XVIII. С разочарованием восприняли на островах Индийского океана известие о мирном договоре, который в том же году новый король подписал в Париже. На предшествовавших ему переговорах Англия предложила вернуть Франции Маврикий и подчиненные ему острова, включая Родригес и Сейшелы, если та раз и навсегда откажется от своих небольших владений в Индии.

Питая тщеславные надежды вновь подчинить себе эту богатую страну, французское правительство, однако, сделало выбор в пользу своих индийских земель на побережье, поступившись даже тем островом, который был для нее «звездой и ключом Индийского океана». За Францией остался лишь один Бурбон, который со временем (через сто лет после того, как в 1848 году, во времена недолговечной Второй республики, он снова был переименован в Реюньон) превратился в департамент Французской республики. Но весьма странный департамент...

Французская культура на почетном месте. Рабство и его «непопулярная» отмена. Массовая иммиграция из Индии. Китайцы и креолы. Беспорядки на пороге независимости

Приезжим, которые хотят жить в комфорте, не следует останавливаться в Порт-Луи: там нет современных отелей. Туристы обычно предпочитают курортные отели на побережье, а те, кто хочет подчеркнуть свое высокое социальное положение, живут в горах, в городе Кюрпипе, где и воздух прохладнее, и население состоятельнее, и отели куда фешенебельнее, чем в столице. Меня же вполне устраивала гостиница «Насьональ», служившая мне своего рода «трамплином» к достопримечательностям Порт-Луи, в том числе к Маврикийскому институту, на втором этаже которого находится богатая библиотека, а на первом — современный музей естественной истории.

Днем в «Насьонале» я часто встречал человека довольно странной наружности, бродившего взад и вперед по коридорам. Он постоянно пребывал в глубокой задумчивости, разговаривал сам с собой и тер виски. То был маврикийский писатель Мэлколм де Шазаль. Многие, впрочем, считали его полоумным, а некоторые — слишком занятым своей собственной персоной. О нем говорили, что когда он прогуливается по берегу, то «не он любит море, а море любит его».

Этот «великий» отшельник выпустил в свет мистический опус «Петрусмок» (1950 год) о некоей Лемурии, которую посетила его душа и где обитали удивительные великаны. В горах Маврикия он якобы видел созданные ими оккультные скульптуры. Если бы ему показали череповидный камень кладоискателя Бешереля, он бы скорее принял его за творение лемурийцев, чем за опознавательный знак морских разбойников.

Весь его вид, казалось, говорил, что он не желает, чтобы его беспокоили во время философских прогулок по гостиничным коридорам; к тому же он слыл нелюдимом. В отеле Шазаль устроил себе рабочий кабинет, ибо дома, как мне объяснили, он не мог оставаться наедине со своими мыслями.

Однажды в ресторане я встретил свою знакомую с Сейшел, польку мадам Ростовскую, жену английского колониального чиновника, тоже по национальности поляка, служившего когда-то на Маврикии. Мадам Ростовская должна была встретиться с Шазалем, который, судя по всему, был к ней расположен. Но и на этот раз мне не удалось познакомиться со «знатоком» лемурийской культуры. Когда писатель вошел в ресторан и увидел меня в обществе мадам Ростовской, он резко повернулся и устремился вверх по лестнице к своей комнате. Лишь после того, как я пересел за другой столик, этот пугливый чудак решил снова сойти вниз, чтобы описать свои последние видения внимательной слушательнице.

Впрочем, Мэлколм де Шазаль — скорее местная достопримечательность, носитель оригинальных, но причудливых идей, а не представитель французской культуры, столь богатой и многоплановой на Маврикии, значительно более богатой и многоплановой, чем на далеких Сейшелах.

Между островом и Францией существуют тесные связи. Французские суда — нередкие гости в Порт-Луи, между Парижем и местным аэропортом Плезанс регулярно курсируют французские самолеты, летящие через Найроби, Антананариву на Мадагаскаре и Сен-Дени на Реюньоне. Не менее важны и культурные контакты.

Еще Чарлз Дарвин, посетивший Маврикий во время своего кругосветного путешествия (1832—1836 годы), был поражен его необычайно «французским» обликом.

В отличие от других колоний, где ему пришлось побывать, Маврикий показался ему культурной страной. «Там имеется очень милый небольшой театр, в котором дают чудесные оперы,— писал ученый.— Странно было видеть здесь множество стенных полок, заставленных книгами. Но характер музыки и литературы указывает на близость цивилизации Старого Света, ибо как Австралия, так и Америка, в сущности, — Новый Свет».

В то время английскому владычеству на острове считывалось не более двух десятков лет. Удивительно, что и сейчас там преобладает французская культура. Частично это объясняется тем, что англичанам достаточно было лишь управлять своей новой колонией. Большинство их было чиновниками и военными, которые, прослужив несколько лет на острове, переводились в другие колонии или возвращались на родину. Лишь немногие оседали здесь надолго. Те, что приезжали сюда по долгу службы, как правило, держались особняком.

Таким образом, местная элита, которая создавала культуру на острове и пользовалась ею, была французской. Париж остался «метрополией» для франкоязычных маврикийских ученых и литераторов. Они выпускают свои книги в «Пресс Университе де Франс» и других парижских издательствах или издают их у себя на острове. Даже в 1964 году Маврикийская академия сотрудничала с Французской академией наук при несомненной поддержке — и не только моральной — министра культуры Мальро. «Французский альянс» до сих пор играет видную роль в жизни острова, равно как и «Кружок французской культуры», да, впрочем, и такие культурные и литературные организации, как «Общество истории острова Маврикий», «Литературный кружок Порт-Луи», «Общество маврикийских писателей», «ПЕН-клуб Индийского океана»...

Эти названия в их французской транскрипции красуются даже в английском ежегодном отчете, который выпускала в Лондоне Канцелярия ее величества до того, как Маврикий получил независимость. Исключение составляет «Королевское общество искусств и наук Маврикия», созданное в 1829 году под французским названием «Общество естественной истории» и переименованное в 1847 году, когда королева Виктория удостоила его чести называться «королевским». Другое исключение — Маврикийский университет, основанный в 1967 году. Но это лишь исключения.

Несмотря на то, что с начала XIX века английский язык считался официальным на Маврикии, он остался до такой степени второстепенным языком, что его понимают лишь те, кто изучал его в школе. Из всех газет, издаваемых на французском, английском, хинди, тамильском, урду и китайском языках, французские газеты наиболее

влиятельные. К ним относятся «Сернеэн», основанная еще в 1773 году, и «Морисьен» (1910).

Как и во времена Чарлза Дарвина, книжные магазины заполнены французской литературой. На улицах и в табачных лавках с забавными табличками «курительная комната» можно купить французские сигареты «Голуаз» и «Житан». Архитектурный стиль построек в основном соответствует французскому. Повсюду стоят памятники всевозможным местным французским деятелям, а памятник Лабурдоннэ красуется на самом видном месте в порту. Среди них единственными исключениями, на которые я обратил внимание, были Христос и Святая Дева Мария, а также королева Виктория, статуя которой как бы охраняет вход в здание местного правительства.

В остальном же объектами увековечивания стали французы, французы и еще раз французы. В результате у вас невольно возникает ощущение, что вы находитесь на французской земле, несмотря на то что Маврикий был английской колонией в течение более чем полутора столетия (со времени завоевания его англичанами в 1810 году и до предоставления независимости — в 1968), а также несмотря на то, что с тех пор на острове обосновались новые большие этнические группы...

Действительно, лишь одна четвертая часть населения Маврикия ведет свой род от французских колонистов времен французского владычества и тем самым принадлежит к «основному населению», как называли его англичане. Это — почти 10 тысяч человек европейского происхождения и приблизительно 220 тысяч — целиком или частично ведущих свой род от тех рабов, которых в XVIII веке в большом количестве вывозили с Мадагаскара и из различных районов Африки на Маскарены и в другие колонии с плантационным земледелием.

Африканцев везли главным образом из португальских портовых городов в Мозамбике или с арабских рынков на Занзибаре, в Килве и на острове Анжуан. Везли их и из Западной Африки на судах, плывущих из Европы вокруг мыса Доброй Надежды к французским островам в Индийском океане. За два года до начала Французской революции 1789 года население Маврикия насчитывало приблизительно 40 тысяч жителей, из которых одну де-

святую составляли белые французского происхождения, одну двадцатую — свободные мулаты, а остальные 34 тысячи были рабами.

Большинство рабов, занятых в сельском хозяйстве, прибыли с Мадагаскара. Бернарден де Сен-Пьер, один из противников рабства, в своем путевом дневнике повзятил мадагаскарским рабам самые теплые слова. По его мнению, они умны, благородны и музыкальны. «Они очень гостеприимны,— добавляет автор.— Любой черный, когда он находится в пути, может зайти в первую попавшуюся хижину, где его никто не знает. Хозяин поделится с ним пищей и не спросит, откуда он идет и куда держит путь — таков обычай». Но плантаторы обращались с мадагаскарскими рабами как с рабами.

Согласно закону, провинившийся раб мог быть наказан не более чем тридцатью ударами хлыстом; рабов должны были освобождать от работ по воскресеньям; давать им каждую неделю мясо и каждый год — новую рубашку. Однако эти правила никто и не думал выполнять. Некоторые рабы не выдерживали издевательств и накладывали на себя руки, иные пытались бежать в пирогах к себе на родину, на Мадагаскар. Чаще всего их ловили еще до того, как они успевали отплыть далеко от берега. После первого побега раба пороли и отсекали одно ухо, после второго — пороли и отсекали ноги. В третий раз раба ждала виселица, если только хозяин, жалея деньги, которые он заплатил за раба, не оставлял его в живых.

Жестоко наказывали даже за небольшие проступки: «Каждый день я видел, как мужчин и женщин били кнутом за то, что они разбили какой-нибудь глиняный сосуд или забыли закрыть дверь. Я видел, как „лечили“ их кровоточащие раны, втирая в них уксус и соль». Наблюдая еще более ужасные картины, Сен-Пьер задавался вопросом, действительно ли Европа так нуждается в продуктах, что европейцам приходится платить за них столь страшной кровавой ценой...

Положение не изменилось и в первые десятилетия английского господства: запрещение работорговли лондонским правительством не возымело действия. Новых рабов стали ввозить контрабандным путем. Но когда в 1833 году англичане все же отменили рабство как таковое, рабовладельцам во всех британских колониях уже

ничто «не помогло». Возмущенные плантаторы, расценивавшие отмену рабства как нарушение условий капитуляции 1810 года, даже обратились с жалобой к французскому правительству. Но и здесь их ждала неудача. Им ответили, что эти условия утратили свою силу после Парижского мирного договора 1814 года. Жители Маврикия французского происхождения уже не могли больше считать себя французами. Они стали английскими подданными.

После четырехлетнего переходного периода, в течение которого освобожденные рабы должны были продолжать свою прежнюю работу как «ученики» — и, согласно закону, получать за нее денежное вознаграждение, — они получали право делать все, что им заблагорассудится. Их прежние хозяева, однако, не остались обездоленными. Согласно официальной статистике, в 1835 году по этому закону лишь на Маврикии и подчиненных ему островах рабовладельцы получили компенсацию около двух миллионов фунтов за 56 699 рабов (за стариков и маленьких детей — а их было 9914 — компенсации не выплачивалось). Другой источник сообщает нам, что в 1835 году на Маврикии насчитывалось 101 469 жителей, из них 76 774 — рабов.

Некоторую отсрочку получили соседи и родственники крупных маврикийских плантаторов на Бурбоне-Реюньоне. Во французских колониях рабство было отменено во второй раз лишь после Февральской революции 1848 года. На сей раз решение было окончательным, несмотря на то что новое республиканское правительство вскоре после этого пало и к власти пришел племянник Наполеона I, который стал императором Наполеоном III. Но времена были уже не те, чтобы можно было вернуть рабство. К тому же, ко времени реставрации королевской власти рабовладельцам уже выплатили компенсацию. За каждого отпущенного раба на Реюньоне, где при населении в 105 677 человек было 60 629 рабов, власти выплачивали его бывшему владельцу 705 франков с тем, чтобы отмена рабства не привела к экономическому краху.

На Маврикии, как и в других колониях, обнаружился острый дефицит рабочей силы, так как многие из бывших рабов ни за что не хотели оставаться на плантациях, где им пришлось столько выстрадать. В результате

сложилась ситуация, которую описывает Карл Скугман, рассказывая о визите шведского фрегата «Еушени» на Маврикий в 1853 году:

«Подобно большинству плантаторов французских колоний, плантаторы на Маврикии после присоединения острова к английским владениям залезли в долги: причина тому — последствия войны, расточительный образ жизни и легкомыслие в торговых делах. Вскоре широкое развитие и распространение получило выращивание сахарного тростника, но имущество многих плантаторов продолжало оставаться под большим залогом. Наступила отмена рабства, которую давно ждали. Значительные денежные средства, например, компенсация за вольноотпущенных, пополнили оборотный капитал острова, но вместо того, чтобы с их помощью поправить свои дела и выкупить обратно заложенное, плантаторы большей частью тратили их на развлечения и, когда последний фунт был истрачен, они оказались в довольно бедственном положении».

К этому времени экономическое положение на острове улучшилось, и этим владельцы плантаций несомненно были обязаны новым рабочим, все в большем количестве прибывавшим на остров и заменявшим собой рабов. Скугман отмечает, что, согласно одному подсчету, в 1851 году население острова возросло до 180 тысяч человек, из которых 78 тысяч были «индийцы»; к последним автор относит и мусульман индийского происхождения. Среди них ощущался острый недостаток в женщинах (13 714 на 64 282 мужчин). Но вскоре пропорция изменилась, и индийцы стали самой большой этнической группой на Маврикии.

Еще во времена рабства маскаренские плантаторы могли по достоинству оценить индийских работников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они обратили свои взгляды к Индии, когда нуждались в рабочей силе. Выходцы из Азии уже давно принимали участие в образовании населения на Маскаренских островах и даже на Сейшелах. Помимо лохаров, которых Лабурдоннэ определил на службу в порту, и индианок, доставленных на Бурбон еще в XVIII веке, там жили еще и малабарцы. «Они приезжают из Пондишери, где сдают себя внаем на

несколько лет», — писал Бернарден де Сен-Пьер. Наемные работники использовались главным образом в качестве слуг. «Было бы хорошо, если бы на острове поселилось большое число малабарцев, главным образом из рабочих, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них намеревался заняться сельским хозяйством». В то же время именно на эту работу нанимались вновь прибывшие индийцы, законтрактованные на Маврикий вместо освобожденных рабов*.

Иммиграция из Индии приняла внушительные размеры в 1835 году, когда многие частные предприятия занялись «торговлей кули», как англичане называли эту форму торговли людьми. Было в ней много сходства с работниками, хотя скупщик не играл уже своей прежней роли. По прибытии в Порт-Луи законтрактованных рабочих селили во временных лагерях. Здесь плантаторы ожесточенно спорили между собой, желая подешевле выторговать свою долю в новом «грузе».

Многие индийцы приезжали на Маврикий из Калькутты и говорили на хинди. Те, что говорили на тамильском и телугу, были из Мадраса, на урду — из Бомбея. Среди первых партий было много таких, которые, подписывая контракт, не подозревали о том, куда их везут: им внушали, что Маврикий — одно из мест в Индии. Зачастую корабли, отправлявшиеся на Маврикий, были

* Чарлз Дарвин, посетивший Маврикий в 1836 году, ничего не пишет об индийских завербованных рабочих. Но он встретил здесь индийских каторжников. На всем острове их было около 800 человек. А так как незадолго до этого ученому пришлось видеть в Австралии английских каторжников, он не удержался от соблазна провести небольшое сравнительное исследование:

«До того как я увидел этих людей, я и представить себе не мог, что у жителей Индии столь благородная внешность. У них очень темный цвет кожи, а у многих пожилых людей — длинные, белоснежные бороды, которые в сочетании с горящим взором придавали их облику чрезвычайное достоинство. Многих из них сослали сюда за убийство и прочие тяжкие преступления, другие же оказались на острове по причинам, которые нельзя рассматривать как нарушение морали. Некоторые, например, были сосланы за то, что вследствие побудительных мотивов своего суеверия они совершали действия, противоречащие английским законам. Эти люди в большинстве своем тихие и ведут себя примерно. Благодаря их поведению, опрятности и тщательному соблюдению религиозных обрядов на них смотрят иначе, чем на низких преступников в Новом Южном Уэльсе» (цит. по шведскому изданию книги «Путешествие натуралиста вокруг света», 1872) (*примеч. авт.*).

настолько переполнены людьми, что на них легко вспыхивали эпидемии, и смертельные случаи считались обычным явлением.

В 1839 году британские власти в Индии были вынуждены запретить «сделки» с наемными работниками. Вывоз индийских кули на Маврикий возобновился лишь в 1842 году, когда маврикийское правительство взяло на себя ответственность за их транспортировку и дальнейшую судьбу. Тем временем возникла необходимость в соответствующих пропорциях между мужским и женским населением плантаций, и к концу XIX века вошла в практику вербовка индийских семей. Тем самым индийцы получили значительно бóльшую возможность сохранить свою национальную индивидуальность и свою культуру, чем прежние рабы, которых свозили на плантации вперемешку, без различия рода и племени.

К 1907 году на Маврикий были вывезены по пятилетнему контракту более 450 тысяч индийцев, из них по истечении контракта на родину вернулись менее 170 тысяч. То, что большинство приезжих оставались на острове, далеко не всегда зависело от их доброй воли. Если первоначально индийцам гарантировали бесплатное возвращение на родину, то в 50-х годах прошлого столетия их лишили этого права, и вместо того, чтобы выдавать им бесплатные обратные билеты, заставляли возобновлять контракты. В 60-х годах додумались до того, что стали выдавать завербованным рабочим, у которых истек срок первого контракта, специальные пропуска, сильно ограничивавшие их свободу передвижения. Чего только не изобретали, лишь бы оставить индийцев на острове в качестве дешевой рабочей силы. За один только год 12 тысяч индийцев были брошены в тюрьму за «дезертирство» и почти 10 тысяч — осуждены за «бродяжничество».

Лишь после того, как две английские комиссии в 70-х годах прошлого века обнаружили это возмутительное самоуправство и был введен новый закон, вынудивший плантаторов обеспечить своих индийских работников сносными жилищами, медицинской помощью, регулярным заработком (!) и известной свободой выбирать себе место работы, положение индийцев стало более или менее терпимым, но далеко не приемлемым. Франко-маврикийцы пользовались слишком большим влиянием, и на практике индийцы получили возможность работать там, где

они пожелают, лишь в 20-х годах нашего столетия. По-настоящему теперь почему вольноотпущенные рабы, слишком хорошо знавшие своих «работодателей», покинули плантации сразу же после освобождения...

Помимо завербованных рабочих в XIX веке на Маврикий переселились индийские торговцы. Некоторые их коллеги сколотили свое состояние на островах еще раньше. В списках лиц, получивших компенсацию за вольноотпущенных рабов, встречаются и индийские имена. Со временем многочисленные потомки бесправных иммигрантов улучшили свое экономическое и социальное положение прилежанием и бережливостью, то есть благодаря тем качествам, которые еще Сен-Пьер считал характерными для маврикийских индийцев. Многие из них стали плантаторами, мелкими и средними торговцами, садовниками. Кстати, овощи, чай и табак, который теперь выращивается на Маврикий, производят главным образом индийцы.

Состоятельные индийцы охотно давали своим детям образование, поэтому среди них немало чиновников, учителей, адвокатов, врачей. В 1952 году индийцы составляли 21 процент врачебного персонала острова, сейчас этот процент значительно возрос. Но тем не менее большинство сельскохозяйственных рабочих также индийцы. Уже в 60-х годах прошлого века на них приходилось примерно две трети всего населения Маврикия, а так как рождаемость среди них выше, чем среди «основного» населения, их численность росла быстрее, чем численность франко-маврикийцев. Несмотря на то, что они были более уязвимы к тропическим заболеваниям и эпидемиям, чем представители других национальных групп, и в некоторые годы количество их даже уменьшалось, сейчас индийцы составляют 70 процентов населения Маврикия, то есть большинство, но большинство, естественно, разобщенное. Менее чем три четверти индийского населения острова составляют индусы, почти четверть — мусульмане и несколько процентов приходится на долю христиан. Торговцы-мусульмане контролируют львиную долю торговли тканями и импортным рисом, которая на Маврикий, как и на Сейшелах, облагается пошлиной. Однако одни лишь индусы составляли 52 процента от общего населения острова, и многие из них не забывают о тех временах, когда их отцы были рабами. Нет ничего

удивительного в том, что они всегда боролись в первых рядах за демократию и повышение жизненного уровня, а франко-маврикийские консервативные газеты писали об «индийской опасности», угрожавшей-де острову в случае введения на нем всеобщего избирательного права...

Однажды вечером, выйдя из ресторана в китайском квартале Порт-Луи, я услышал музыку и пение, доносившиеся со второго этажа дома на противоположной стороне улицы. Это была китайская средняя школа. Я поднял голову и увидел через окно большой зал, переполненный китайскими детьми. Они танцевали народный танец, а на стене над кафедрой или трибуной висел портрет Мао Цзэдуна.

На Маврикии, таким образом, есть маоисты, но едва ли они имеют здесь какое-либо политическое значение: среди индийского большинства они не могут рассчитывать на сочувствие и, по всей вероятности, не пользуются заметным влиянием даже среди местных китайцев, в основном состоятельных предпринимателей, далеких от политики или в интересах клиентуры скрывающих свои политические взгляды и весьма охотно поддающихся европеизации и «креолизации».

Первые китайские торговцы прибыли на остров в конце XVIII века. Один французский путешественник сообщает, что в 1801 году он встречал их в Порт-Луи и что на Маврикии можно было купить китайский фарфор и другие товары из «Срединной империи». Другой француз писал в 1817 году, что в то время в островной столице имелся даже небольшой китайский квартал. В период отмены рабства попытались было завезти на остров китайцев в качестве дешевой рабочей силы. Однако китайских вербованных рабочих всегда было мало, и многие из них вскоре возвращались на родину. В 1901 году на Маврикии жило не более 3509 китайцев и лишь 58 из них — женщины.

Китайская иммиграция впоследствии расширилась за счет торговцев. Обосновавшись на Маврикии, они зачастую возвращались в Гонконг, Кантон или другие города, откуда приехали, чтобы там жениться или забрать оттуда своих родственников, которые помогали им вести дело на Маврикии. Бродя по Порт-Луи или другим горо-

дам и населенным пунктам, видишь, что небольшие гостиницы и рестораны, лавки и бары принадлежат главным образом китайцам. Многие из них служат конторщиками, чиновниками, либо, получив соответствующее образование, учителями, врачами и т. п.

С китайцами на Маврикии встречаешься очень часто. Можно подумать, что их здесь великое множество. Это впечатление, однако, обманчиво: их сейчас здесь 25 тысяч человек — три процента от общего населения, и женщин значительно меньше, чем мужчин. Поэтому они часто берут себе в жены местных женщин, а их дети, как и на Сейшелах, сливаются с остальным населением. Нередко случается, что даже у обоих родителей, прибывших из Китая, дети настолько растворяются в новом окружении, что порой забывают родной язык. Из двух девушек-гидов, которых маврикийское агентство по туризму прислало мне однажды для экскурсий по Порт-Луи, одна была китайкой. Она превосходно говорила по-французски и по-английски, но призналась мне, что так и не выучилась языку своих родителей.

Девушки показали мне, в частности, китайскую пагоду, находящуюся неподалеку от ипподрома (ставшего, кстати, уже с XIX века одним из главных мест развлечения островитян). Но и с религиозной точки зрения многие маврикийские китайцы поддались местному влиянию. По данным переписи населения 1962 года из 23 058 зарегистрированных китайцев лишь 5590 человек исповедуют буддизм, 1406 — конфуцианство и другие религии. Но основная часть китайцев приняла католическую веру, которой придерживается большинство белого и креольского населения.

Современные маврикийские креолы существенно отличаются от креолов других мест. В прежние времена на Маврикии, как и в других французских колониальных владениях, креолом назывался человек, принадлежавший к французской национальности, но родившийся в колонии. Во Франции слово «sгеole» до сих пор имеет это значение, если судить по словарю «Нуво пти Ларус», который определяет креола как «человека белой расы, родившегося в старейших европейских колониях». Но если вы назовете современного франко-маврикийца креолом, он примет это за оскорбление, так как это слово в его среде используется теперь для обозначения исклю-

чительно цветной части «основного» населения, т. е. тех жителей, которые имеют смешанное происхождение, главным образом малагасийско-африканское.

По данным той же самой переписи населения, креоло-французский является родным языком для, приблизительно, 29 процентов жителей острова, в то время как на чисто французском говорят менее 7 процентов. Помимо французской культуры, за чистоту которой неустанно борются франко-маврикийцы, на острове, естественно, развилась и креоло-французская культура. Значительное место в ней на Маврикии, как на Мадагаскаре и в Африке, занимают музыка и танец. И то и другое на Маврикии богаче, чем на Сейшелах.

Маврикийские «сеги» утонченнее, а маврикийские песни — совершеннее песен малых островов, лежащих к северу от Маскарен. Тот, кто ознакомится с креоло-французским фольклором Маврикия, безусловно, найдет в нем сокровища более очевидные, чем мифические сокровища морских разбойников, в поиски которых легковверные люди вкладывают свои деньги.

Некоторые потомки рабов еще в XIX веке достигли довольно высокой ступени на социальной лестнице. Плантаторы выделили из общей темнокожей массы тех, в жилах которых текла европейская кровь, а кожа имела светлый оттенок, и дали им возможность развиваться, не считая их, однако, равными себе. Даже англичане покровительствовали им, назначая на второстепенные должности в своем административном аппарате.

В результате отбора по расовому признаку на Маврикии довольно рано образовались креольские средние и высшие слои, которые стараются иметь как можно более европейский вид. Цвет кожи у жены должен быть светлым, что дает престиж. Темный цвет свидетельствует о принадлежности к рабочему классу, в точности как во времена рабства. Креольское «кафр» считается бранным словом.

На пороге политической независимости Маврикия чернокожие рабочие стали сотрудничать с индийцами в рамках Лейбористской партии острова. Зажиточные креолы, боясь, что индийцы составят им конкуренцию в аппарате управления, где они практически захватили власть, вместе с франко-маврикийцами старались не допустить или, по крайней мере, отсрочить решение вопроса

о независимости. Стали даже распространяться слухи, будто бы индийское большинство попытается присоединить остров к Индии...

Вплоть до середины XX века Маврикием управляла горстка британских чиновников совместно с крупной франко-маврикийской буржуазией. В 1886 году была принята новая колониальная конституция, мало что изменившая в жизни острова. Она предоставила населению право избрать лишь десять членов Законодательного собрания острова; помимо них в него непременно входили восемь высших английских чиновников во главе с губернатором и девять человек, назначаемых губернатором, часть из которых также были должностными лицами. Избирательное право покупалось за деньги. Право голоса имели лишь те, кто зарабатывал не менее 50 рупий в месяц или владел крупной недвижимостью. В 1891 году из 370 тысяч жителей лишь 5164 были достаточно состоятельными, чтобы участвовать в выборах десяти «народных депутатов»...

Впоследствии число зажиточных маврикийцев возросло, так что к середине 40-х годов нашего века из 430 тысяч жителей острова 12 тысяч имели право голоса. Креолы образовывали политическую оппозицию и боролись за принятие законов об охране труда и социальном обеспечении. Они же организовали профсоюзы и основали Лейбористскую партию. Однако решительный удар по власти франко-маврикийского меньшинства был нанесен лишь в 1948 году, когда англичане предоставили право голоса всем умеющим читать и писать как мужчинам, так и женщинам. В результате число имеющих право голоса возросло до 72 тысяч человек, а из девятнадцати мандатов двенадцать достались индийцам.

Теперь уже забеспокоились не только белые плантаторы, но и многие креолы, а также индийские мусульмане. Креольская оппозиция раскололась на две части. Одна из них стала поддерживать Маврикийскую социал-демократическую партию, которая, несмотря на свое название, представляет собой реакционную политическую организацию, в то время как другая часть оппозиции осталась в Лейбористской партии и продолжала бороться за социальные реформы и всеобщее избирательное пра-

во, которое было закреплено в новой конституции, введенной англичанами перед выборами 1959 года, в которых смогли участвовать 200 тысяч человек. Лейбористская партия тогда получила абсолютное большинство голосов, завоевав двадцать три из сорока мандатов. Из оставшихся мандатов пять достались партии «Мусульманский комитет действия», три — «социал-демократам» и шесть — лево-радикальному «Независимому передовому блоку», поддерживаемому главным образом индусами; один мандат получил независимый кандидат.

Наступило время внести в повестку дня обсуждение дальнейших шагов по пути к политической самостоятельности. На первой конференции по этому вопросу, состоявшейся в 1961 году в Лондоне, взаимопонимание не было достигнуто, и двумя годами позже партия франкомаврикийцев увеличила число своих мест в законодательном органе с трех до восьми. Судя по всему в этом ей помогли креолы, которые вышли из Лейбористской партии. Лейбористы на этих выборах утратили абсолютное большинство, однако после выборов довольно неожиданно вступили в коалицию с партией «Мусульманский комитет действия», образовав правительство во главе с премьер-министром индийцем, доктором С. Рамгуламом.

Новое коалиционное правительство продолжало добиваться независимости, демагогическая агитация «белых» усилилась, атмосфера становилась все более напряженной, и в мае 1965 года начались первые серьезные уличные беспорядки. Трое было убито, многие получили ранения. Губернатор ввел чрезвычайное положение и комендантский час, а из Адена были срочно переброшены на самолетах английские войска. Кое-кто из консерваторов надеялся, что эти уличные беспорядки заставят англичан призадуматься и они откажутся от предоставления Маврикию политической самостоятельности, столь желанной для народа. Но их надеждам не суждено было осуществиться.

Активными противниками независимости были «правые» внутри партии маврикийских социал-демократов во главе с адвокатом Гаэтаном Дювалем. Поскольку сохранить британский колониальный режим было уже невыносимо, они выступали за то, чтобы предоставить Маврикию внутреннее самоуправление, похожее на то, какое

было введено на некоторых мелких островах в Вест-Индии. Когда же в сентябре 1965 года во время новых переговоров в Лондоне стало очевидно, что англичане и думать не желают о подобном компромиссном решении, Дюваль был настолько возмущен, что демонстративно покинул конференцию.

Тогда было решено, что Маврикий станет независимым к концу 1966 года. Так скоро, однако, этого не случилось. Ожесточенное сопротивление, оказанное франко-маврикийскими социал-демократами и их сторонниками, привело к отсрочке провозглашения независимости. Когда же в августе 1967 года подошло, наконец, время выборов в Законодательную ассамблею, на которых население острова должно было заявить о своем решении, снова возникли беспорядки. Особенно острый характер они носили в Порт-Луи, где полиция вынуждена была применить слезоточивый газ.

Выборы, однако, не были сорваны. Они проводились под контролем представителей Великобритании, Канады, Мальты, Тринидада и Индии, которые впоследствии докладывали, что результаты этих выборов отражают подлинные чаяния маврикийского народа.

Перед выборами лейбористы, «Мусульманский комитет действия» и «Независимый передовой блок» объединились в коалицию под названием «Партия независимости». Против предоставления острову самостоятельности выступала лишь Маврикийская социал-демократическая партия. Кандидаты обеих партий принадлежали ко всем четырем «признанным» группам населения: индийцам, «основному» населению, мусульманам и китайцам. Победила на выборах коалиция с перевесом в мандатах 43 на 27. Сразу же было введено внутреннее самоуправление, а провозглашение независимости — назначено на 12 марта 1968 года.

Экстремистские круги, однако, продолжали яростную пропаганду, которая привела к серьезным уличным беспорядкам в январе 1968 года. Я видел их следы, когда ехал со своими друзьями на автомобиле с Центрального базара. Около двадцати человек было убито. Кровавое пролитие продолжалось до тех пор, пока англичане снова не послали на Маврикий свои войска, на этот раз из Сингапура, так как к этому времени они уже покинули Аден, который теперь входит в Народную Республику Южного

Йемена (сейчас Народная Демократическая Республика Йемен. — *Е. Г.*).

О том, что дело тогда зашло довольно далеко, свидетельствуют обгоревшие дома на побережье к северу от Порт-Луи и на северной оконечности острова. Судя по всему, беспорядки начались с обычной драки между враждующими группами молодежи, которая быстро переросла в настоящее побоище. Основными ее зачинщиками были креолы и мусульмане. «Не мы, мы — люди мирные», — сказал мой попутчик-индус. Мне так и не удалось получить ясное представление о том, как все началось. Вполне вероятно, что началу беспорядков предшествовала ожесточенная «подготовительная работа», в которой молодежь сыграла роль зачинщика.

Первая неделя после провозглашения независимости была беспокойной, и местные власти снова ввели комендантский час. Затем страсти поутихли. Судя по всему, главе правительства С. Рамгуламу удалось-таки доказать, что ни одно из меньшинств не утратит своего права жить согласно собственным законам. Конституция Маврикия гарантирует полную свободу вероисповедания, равенство рас и равенство перед законом (?). Желание утвердить это в сознании населения, вероятно, было одним из поводов к тому, что к концу 1969 года было создано коалиционное правительство, куда вместе с представителями от Независимого передового блока вошли представители от Партии маврикийских социал-демократов.

Но многие франко-маврикийцы, не желая видеть в остальной части населения равных себе, покинули остров; большинство из них перебралось в Южную Африку, все еще находившуюся на той стадии развития, которую маврикийская крупная буржуазия пыталась сохранить у себя дома.

Музей в Порт-Луи. Вымершие маврикийские серые дронты. Белый дронт на Реюньоне. «Лгун», который говорил правду. Птица-пустынник на Родригесе. Ископаемые скелеты и сожженный музейный экземпляр. Гигантский голубь или коростель?

Живя на Маврикии, я неоднократно посещал Маврикийский институт, чтобы встретиться с исследователями и навести кое-какие справки в его богатой библиотеке. Привлекал меня и институтский музей. Его естественно-историческая коллекция тем более заслуживает внимания, что она содержит не обычные и общеизвестные экспонаты флоры и фауны «семи морей» и шести континентов, а уникальные, дающие представление о природе своей родины, о естественной истории Индийского океана, Маскарен и, прежде всего, самого Маврикия.

Здесь можно найти документы, рассказывающие о том, как шаг за шагом осваивался остров. Чучела всех животных, завезенных на Маврикий, снабжены табличками, где сказано, когда и каким образом эти животные (многие из которых превратились в опасных вредителей природы и сельского хозяйства) попали на остров. В богатой коллекции чучел птиц представлено большинство маврикийских видов как эндемичных, так и завезенных на остров, а также различных видов перелетных птиц.

Больше всего меня интересовали, пожалуй, рисунки и скелеты птиц, погибших в результате колонизации и варварской эксплуатации Маскаренских островов. К сокровищам музея относится единственный в мире полностью сохранившийся скелет маврикийского нелетающего коростеля (*Aphanaptryx bonasia*) и одно из трех во всем мире чучел вымершего «голландского голубя» (*Alectroenas nitidissima*). Из всех экспонатов, выставленных в «почетной» витрине, наибольшее внимание привлекают большие дронты.

Помимо скелета серого маврикийского дронты, или додо (*Raphus cucullatus*), и птицы-пустынника с острова Родригес (*Pezophaps Solitarius*) в музее экспонируется одно чучело, по внешнему виду напоминающее дронты. К сожалению, его оперение составлено из чужих перьев. Но судя по рисункам, сделанным в то время, когда дронты еще встречались на Маскаренах и вывозились в Европу, чучело довольно точно воспроизводит эту птицу, пожалуй, самую известную из всех вымерших птиц в мире.

По своим размерам она была больше лебедя, с мощным изогнутым клювом и неоперенной кожей вокруг клюва и глаз. Считают, что взрослая птица могла весить до 20—25 килограммов. У достаточно упитанных — грудь почти волочилась по земле. И серый дронты, и его сородичи, белый реюньонский дронты и птица-пустынник, не могли летать. До тех пор пока европейцы не вмешивались в природу Маскарен, там не было сухопутных хищников, которые угрожали бы жизни дронтов. А следовательно, предки дронтов могли спокойно приспособиться к жизни на земле, и крылья у них постепенно превратились в маленькие «пучки перьев», а хвостовое оперение — в небольшой хохолок.

Из-за отсутствия врагов дронты, подобно многим другим животным, жившим в таких же благоприятных природных условиях на океанских островах, утратили инстинкты, заставлявшие обитателей опасной (нормальной) среды при первой же опасности прятаться или обращаться в бегство. Вдобавок, передвигались они довольно медленно. Самки откладывали лишь одно яйцо и высиживали его в гнезде, расположенном прямо на земле.

Дронты, таким образом, были чрезвычайно уязвимыми, когда на Маскаренские острова пришли люди со своими домашними животными — козами, свиньями и другими. Эти животные быстро одичали. Свиньи, как известно, всеядны и довольно охотно набивают себе желудок птичьими яйцами и птенцами. В этом им помогли обезьяны из Юго-Восточной Азии, так называемые крабовые макаки, которых привезли с собой португальцы, и черные крысы, появившиеся на Маврикии в начале XVI века с первыми португальскими каравеллами.

Доказательства того, что дронты в тот период были известны в Европе, отсутствуют. Как это ни прискорбно,

никто не обнаружил их и в архивных материалах о Маскаренах, принадлежавших португальским первооткрывателям и хранящихся в Лиссабоне. Но когда воды Индийского океана вслед за португальцами стали бороздить голландцы, серые маврикийские дронты в нашей части света стали хорошо известной достопримечательностью.

Первый голландский капитан, вице-адмирал Вибрандт ван Варвик, ступивший на берег Маврикия в 1598 году, окрестил эти удивительные существа «тошнотворными птицами», так как «чем дольше ее варишь, тем жестче и безвкуснее становится ее мясо. Но грудка птицы,— добавил он,— съедобна и мягка».

Вместе с гигантскими черепахами и завезенными португальцами козами и свиньями дронты стали приятным добавлением к пищевому рациону на кораблях. Тремя-четырьмя птицами можно было досыта накормить целую команду. И достаточно было убить и засолить несколько десятков птиц, чтобы обеспечить себя провиантом на все время плавания. Матросы нередко забавлялись тем, что старались забить как можно больше дронтов, так сказать из чисто спортивного интереса.

Охота на дронта была чрезвычайно простой, хотя птица, естественно, и пыталась как-то защищаться. Адмирал Вергуген, посетивший остров в 1607 году, рассказывает, что дронты могли «очень больно кусаться». Этого оборонительного средства, однако, хватало ненадолго в борьбе против дубинок и прочего холодного оружия, и нет ничего удивительного в том, что скоро все «дронтовое население» острова перекочевало в «лучший мир». Когда в 1638 году голландцы выстроили на Маврикии укрепления и в довершение ко всему завезли на остров собак и кошек, понадобилось каких-нибудь пятьдесят лет, а то и меньше, чтобы исчез последний серый дронт.

Дронты стали редкостью еще во времена голландской колонизации. Англичанин Питер Манди, в том же году посетивший остров, не встретил на нем ни единой птицы этого вида, хотя явно интересовался ими и видел два экземпляра в Индии, в городе Сурате, куда они были привезены с Маврикия.

Последнее упоминание о дронтах относится к 1681 году и принадлежит англичанину Бенджамину Хэрри, который провел несколько месяцев на Маврикии. В сво-

ем манускрипте, который хранится в Британском музее, он упоминает «додо, у которой очень жесткое мясо». Он говорит также об обезьянах, диких свиньях и «множестве крыс» — то есть о тех животных, которые после человека и собак, были, пожалуй, самыми злостными врагами дронтов.

Хотя свидетельство Хэрри слишком лаконично, чтобы судить о том, сам ли автор видел серых дронтов и пробовал их мясо или же писал с чужих слов, тем не менее на основании этих высказываний можно предположить, что эти птицы вымерли «приблизительно к 1680 году» или чуть позже. Уже Франсуа Лега, посетивший Маврикий в 1693—1696 годах, в своем путевом очерке совсем не упоминает дронтов, хотя и рассказывает о многих других животных, включая гигантских черепах и различных пернатых.

Но на других Маскаренских островах серые дронты жили еще несколько десятилетий. Самое раннее упоминание о белом реюньонском дронтe (*Raphus solitarius*) относится к 1613 году, когда английский капитан Каслтон посетил необитаемый остров, оставив там различных домашних животных, как это сделали португальцы уже в 1545 году.

Двенадцать лет спустя один из помощников капитана, некий Тэттон, издал свой путевой дневник. О птицах он пишет: «Там множество птиц, больших и малых, много голубей, попугаев и им подобных; есть там и большая птица величиной с индюка, очень жирная и с такими короткими крыльями, что она не может летать. Она белого цвета и почти ручная. Эти птицы непохожи на других и тем, что не боятся выстрелов, они их даже не беспокоят. Наши люди убивали их палками и камнями. Десять человек могут добыть столько птиц, что они на целый день обеспечат пищей сорок человек».

Аналогичные сведения приводит голландец Бонтекоэ ван Горн, который в 1618 году провел на Реюньоне 21 день. Он назвал жирных птиц «хохлохвостками»; в то время это было обычное голландское название для серых маврикийских дронтов. К сожалению, он ни слова не говорит об окраске птицы; о ней не пишет и французский священник, побывавший на острове в 1668 году. Его наблюдение напоминает наблюдение Тэттона: «В этом месте я увидел птицу, которую нигде раньше

не встречал. Колонисты называют ее птицей-пустынником, так как она действительно любит одиночество и встречается в глухих местах. Она была бы похожа на индюка, если бы не длинные ноги. Ее красивое оперенье радует глаз. Цвет его постоянно меняется, отливая золотом. Мясо у нее изысканное... Каждый из нас захотел взять с собой по две птицы, чтобы послать их во Францию и там передать Его Величеству; но на корабле птицы умерли, вероятно, от тоски, отказавшись от еды и питья».

Эти свидетельства побудили японского эколога Ма-сауи Хачисука выдвинуть гипотезу о существовании на Реюньоне двух различных видов дронтов: одного—белого и другого — бледно-желтого, длинноногого, похожего на птицу-пустынника, жившую на Родригесе. К сожалению, его гипотеза остается недоказанной, так как имеющиеся свидетельства либо носят описательный характер, либо состоят из сомнительных рисунков.

От реюньонских дронтов не осталось ни одного скелета. Между тем, по имеющимся данным, в Европу были завезены по крайней мере два белых дронта: один из них — в Амстердам около 1670 года и другой — во Францию, между 1735-м и 1746-м годами, губернатором Лабурдоннэ. Это говорит о том, что в середине XVIII века белый дронт еще жил на острове. К тому времени, как француз Бори де Сен-Венсен издал описание своего путешествия на Реюньон в 1801 году, птица уже пала жертвой тех же самых врагов, которые погубили ее на Маврикии.

Последние сообщения о живых дронтах поступили с Родригеса. В XVI и XVII веках этот маленький остров редко посещали корабли, колонизации он подвергся значительно позже, чем другие Маскаренские острова. Все это объясняет, почему особый вид дронта с Родригеса — птица-пустынник — прожил добрую половину XVIII века, вероятно, пережив белого дронта.

Видел пустынника и Франсуа Лега, которого часто называют стропроцентным лжецом и плагиатором, в частности, за то, что иллюстрации птиц в его книге «Путешествие и приключения Франсуа Лега и его компаньонов» чрезвычайно сомнительны, а также и потому, что автор широко черпал материал из чужих источников. Его даже обвиняли в том, что он выдумал свою книгу.

Тем не менее я склонен думать, что в его книге содержатся факты, говорящие о том, что он действительно совершил путешествие. Об этом, в частности, свидетельствует описание пустытника, которое, насколько известно, до него не сделал ни один из путешественников*.

В то время (конец XVIII века) Родригес еще не был заселен привезенными четвероногими животными. Правда, и на этом острове не обошлось без крыс, но в основном там обитали ящерицы и черепахи, летучие мыши и птицы, среди которых, как пишет Лега, «самой диковиной была та, которую называют пустынником; ее редко видят в компании, хотя она и многочисленна».

Поскольку описание Лега — самое детальное, я счел целесообразным привести его почти полностью:

«Оперение у самцов сероватое и коричневое, лапы напоминают индюшачьи, и даже клюв, как у индюка, но только сильнее изогнут. У них почти нет хвоста, а их задняя часть, покрытая перьями, закруглена, как бедро лошади. Они рослее индюка и имеют прямую шею, более длинную, чем у индюка, когда тот ее вытягивает. Глаза у них черные и подвижные, а на голове нет ни гребешка, ни хохолка. Они никогда не летают: крылья слишком маленькие, чтобы выдержать вес. Они лишь дерутся ими и машут, созывая друг друга. Взмахи эти быстры и следуют один за другим двадцать или тридцать раз в течение четырех-пяти минут; движения крыльев создают шум, напоминающий звук, издаваемый пустельгой. Его слышно на расстоянии более двухсот метров. Костяк крыла более жесткий во внешней части и образует под перьями птицы маленький круглый нарост, напоминающий мушкетную пулю, который вместе с клювом — главные средства защиты. В лесу их очень трудно поймать, но на открытой местности это не составляет особого труда, так как человек бегаёт куда быстрее. К ним довольно

* В антологии «Африканские путешественники» (1965) uppsальский профессор Карл Еста Видстранд иронизирует над описанием пустытника, сделанным Лега. Видстранд, не подозревая о том, что части скелета птицы хранятся не далее как в Палеонтологическом институте в Упсале, называет пустытника Лега птицей «того же сорта, что и „сквадер” (?)» — знаменитое шуточное животное, чучело которого, сделанное из частей зайца и глухаря, хранится в музее в г. Сундсвале. Кости нижней конечности пустытника находятся, в частности, в Государственном музее естественной истории в Стокгольме (*примеч. авт.*).

легко подобраться. С марта и по сентябрь они жирны и отменны на вкус, в особенности молодые птицы. Встречаются самцы, которые весят до 45 фунтов.

Самки удивительно красивы. Среди них встречаются как „блондинки”, так и темные; блондинками я называю тех, цвет которых соответствует цвету светлых волос. У основания их красновато-коричневого клюва имеется кайма, напоминающая траурную повязку вдовы. Ни одно перо не высовывается из общей массы перьев, так как птицы постоянно наводят порядок в своем оперении, чистят его клювом. Хвостовые перья закруглены на концах, как раковинки, и весьма пушисты. На зобу у них — два бугорка из перьев более светлой окраски, чем все остальные. Походка у этих птиц такая грациозная, что невольно любишься, когда они передвигаются по земле. Их красивый внешний вид часто спасал им жизнь.

Хотя эти птицы, если за ними не гнаться, доверчиво подходят к человеку, их никак не удастся приручить: как только они попадают в неволю, то начинают плакать, упрямо отказываются от любой еды до тех пор, пока не умирают. И у самок и у самцов всегда находят в желудке коричневый, весьма тяжелый и твердый камень, величиной с куриное яйцо. Он имеет довольно грубую и шероховатую поверхность, плоскую с одной стороны и круглую — с другой. Мы пришли к выводу, что это врожденный камень, ибо его обнаруживают у птицы в любом возрасте. К тому же канал, который ведет от зоба к желудку, слишком узок, чтобы по нему мог пройти предмет даже вполовину меньше такого камня. Мы охотно пользовались им для точения ножей.

Когда птицы хотят построить себе гнездо, они выбирают голое место, нагромождают пальмовые листья в виде холмика высотой до полутора футов и откладывают одно яйцо, которое значительно крупнее гусиного. Самцы и самки по очереди высиживают его. Птенец появляется не ранее, чем через семь недель. Несколько месяцев, пока они сидят на яйцах и выкармливают птенца, никто, даже птица их вида, не может подойти к гнезду ближе, чем на двести шагов. Если самец замечает чужую самку, он начинает вращать крыльями, издавая характерные звуки. На эти звуки прибегает его самка и изгоняет чужачку. Самки ведут себя аналогично, предоставляя своим самцам изгонять чужих.

Схватки иногда продолжаются довольно долго, так как чужак во время бегства описывает круги, не удаляясь от самого гнезда; преследователь, однако, не отстает от него до тех пор, пока не выгонит его вовсе».

После этого рассказа, который незаметно переходит в описание брачных игр пустынных птиц или, по крайней мере, их поведения во время охоты, Лега дает волю своей фантазии. Он утверждает, что птенцы пустынного образуют семейные пары и «женятся» уже через несколько дней после того, как покидают гнездо, подавая, так сказать, пример людям, которые, как он считает, также должны жениться в раннем возрасте, «чтобы удовлетворить природу в должный момент».

Может быть, Лега действительно украл кое-какие данные о строительстве гнезда пустынного и времени выведения им птенцов у француза Коша, который писал о дронтах в 1651 году. Однако Лега ни разу не упоминает о дронте, описывая фауну Маврикия, а ведь он должен был читать об этой птице и едва ли мог знать, что она вымерла, если бы действительно был тем фантазером-домоседом, которого из него хотят сделать его свирепые критики. Вместо этого у Лега имеются описания других маврикийских птиц, которым он частично обязан своей сомнительной репутацией, так как эти описания зачастую туманны (к тому же искажены бесчисленным количеством ошибок в старых английских и немецких переводах). Натуралисты не всегда их правильно понимали. Так, лорд Ротшильд и позже японец Хачисука «обнаружили» на Маврикии с легкой руки Лега несуществующие виды и даже придумали им латинские названия.

Пустынный действительно дожил до 1761 года. В том году на Родригес прибыла французская астрономическая экспедиция для наблюдения за планетой Венера. Один из участников экспедиции, священник Пенгрэ, исследовал природу острова. Самому ему не удалось увидеть пустынного. Но комендант Родригеса сообщил ему, что эти птицы еще живут в труднодоступных местах.

Когда в 1789 году в одном из гротов на Родригесе были обнаружены части скелета больших птиц, решили, что они принадлежат дронтам. Очевидно, этот вид к тому времени вымер, причем так давно, что о нем никто и не вспоминал. Останки скелета были посланы в Па-

риж, где их исследовали; постепенно было установлено их истинное происхождение. Позднее на Родригесе было найдено множество костей пустынноика, и ученые установили, что описание Лега строения тела этой крупной птицы — правильное.

В 1848 году англичанин Стрикленд в объемистом труде «Додо и его родня» утверждал также, что подобные находки можно сделать на Маврикии и Реюньоне не только в гротах, как на Родригесе, но и в приливных наносных отложениях, а также на развалинах старых строений. Это заявление вдохновило на поиски английского школьного учителя и натуралиста Джорджа Кларка. Подходящих гротов в Маэбуре, где он работал, не оказалось, так что Кларк решил начать со старых голландских и французских поселений, но и там ничего не обнаружил. В 1865 году ему, однако, удалось узнать, что работники плантаций находили странные кости в болотистой почве Мар-о-Сонж, неподалеку от современного аэропорта Плезанс, когда они копали там торф, используемый в качестве удобрения.

Первая находка Кларка, сделанная на краю болота, оказалась костями черепахи. Тогда Кларк послал несколько человек на середину болота, где вода достигала глубины в три фута, и там, как писал автор в одном английском журнале за 1866 год, «шаря голыми ступнями по илистому дну, они нашли целую большую берцовую кость, часть другой кости, а также голеностопный сустав». Кости эти принадлежали серому дронту.

Кларк расширил поиски, в результате чего на свет появилось множество ископаемых образцов, в том числе тазобедренные кости, масса позвонков, многочисленные нижние челюсти и черепа. Редкость последних натуралист объяснил тем, что их сильно разрушали забиравшиеся внутрь корни растений. В то же время, ничто не указывало на то, что птицы были убиты. Судя по всему, они умерли естественной смертью на болоте, где когда-то водились в больших количествах.

После смерти Кларка число находок продолжало возрастать: кости были обнаружены даже у подножия холмов, окружающих Порт-Луи, который частично построен на болоте, так что со временем можно было воссоздать несколько более или менее полных скелетов дронта, правда, из костей, принадлежащих различным экземплярам.

Помимо Маврикийского института такие скелеты можно сейчас встретить в Лондоне и Кэмбридже, Париже, Вене, Штутгарте, Франкфурте, Нью-Йорке, Вашингтоне и в американском университетском городе Кэмбридже. Почти полный скелет экспонируется в Государственном музее естественной истории в Стокгольме.

Когда-то существовало даже чучело дронта. В 1638 году в Англию был доставлен в живом виде серый дронт, и когда он умер, из него сделали чучело, которое сначала оказалось в одной частной коллекции, а потом перекочевало в оксфордский музей Ашмола. Но там, видимо, не подозревали о его истинной ценности. В 1755 году его выбросили из экспозиции и сожгли, решив, что оно слишком изъедено молью. От единственного в мире чучела дронта чудом уцелели лишь голова и одна лапа.

Этот дронт, о котором в музейном каталоге за 1656 год сказано: «Дронт с острова Маврикий; из-за своих больших размеров он не может летать», все же успел дать англичанам представление об образе жизни своих сородичей. В Лондоне он вызвал немалое удивление, например, тем, что охотно глотал кремни. Частично на основании этих наблюдений, а также данных Лега о камне, обнаруженном им в желудке пустынного, решили, что у дронтов, как, например, у некоторых коростелей, камни в желудке в той или иной степени участвуют в процессе «перетирания пищи».

Что именно должны были перетирать эти камни, точно нельзя сказать. Единственной пищей, по свидетельству Лега, им служили, вероятно, плоды пальмы латании. Во всем мире встречаются лишь три вида этих пальм, и все они растут на Маскаренах. «Так как у нас было много более съедобных вещей,— писал Лега,— рыбы и мяса, фруктов и т. д., мы оставили финики черепахам и птицам, прежде всего пустынным».

Однако строение клюва дронтов — а он завершается мощным крючком, как у птиц, питающихся улитками,— говорит о том, что дронты питались не только финиками, но и улитками, а также другими мелкими животными.

Но несмотря на богатый материал о дронтах, собранный на Маврикии и Родригесе за последнее время, ученые так и не пришли к единому мнению о том, к какому виду принадлежит эта птица. На ранней стадии изучения дронтов было предложено отнести их к роду куриных

(*Gallus*). Позже решили считать дронта своего рода лебедем. Этой точки зрения долго придерживался Карл Линней, но с годами изменил мнение и в десятом издании своей «Системы природы» отнес его к роду страусиных (*Struthio*), конечно же потому, что он, как и страус, не умел летать.

Другие ученые считали, что изогнутый клюв дронта доказывает его принадлежность к хищным птицам, а точнее — к грифам, так как и у тех и у других вокруг клюва имеются неоперенные участки кожи.

Лишь в 40-х годах прошлого столетия датский профессор Й. Рейнхардт пришел к выводу, что дронт, возможно, представляет собой «аномальную форму голубя». Эта мысль пришла ему в голову, после того как он обнаружил череп дронта, завезенный в XVII веке в Данию.

Примерно в то же время на островах Самоа в Тихом океане был обнаружен необычный вид голубя, похожего на дронта, но не такого исполинского размера и не утратившего способности летать. Об открытии так называемого «зубастого» голубя впервые сообщалось в 1844 году, и птице тогда дали научное название *Didunculus*, что в переводе с латыни означает «маленький дронт».

Четырьмя годами позже Стрикленд выпустил в свет свой объемистый труд о дронтах, в котором повторил идею Рейнхардта, заявив, что дронт — это «колоссальный короткокрылый, плодоядный голубь». Несмотря на то, что Стрикленд ссылается на своего датского коллегу, в научно-популярной литературе его стали называть автором этой идеи.

Литература о дронтах настолько путанна, полна противоречий, явно ошибочных суждений, а также большим количеством названий как на латинском, так и на живых языках, что читатель должен проявлять известную осторожность, чтобы не угодить в ее многочисленные ловушки. В шведской литературе была предпринята, например, попытка называть дронтами лишь особей серого вида, живших на Маврикии, а «додо» употреблять применительно к их белым сородичам на Реюньоне. Поскольку и по сей день оба вида по-английски называются «додо», было бы разумнее рассматривать слова «дронт» и «додо» как синонимы. Чтобы разграничить маврикийский и реюньонский виды, можно было бы говорить соответственно

о сером и белом дронтах, сохранив за разновидностью, обитавшей на Родригесе, название пустынный*.

Но и сейчас еще не все уверены в том, что этих больших нелетающих птиц действительно можно отнести к голубям. Немецкий натуралист Люттшвагер позволяет себе в книге «Дронты» (1961 год) критиковать сторонников «голубиной» точки зрения. Он считает, что отождествление двух птиц основывается главным образом на сопоставлении их голов, в то время как голова дронта непохожа на голубиную. После того, как на Маврикий и Родригесе были найдены скелеты дронтов, некоторые авторы стали указывать и на другие немаловажные различия между дронтами и голубями. Однако, за исключением Люттшвагера, никто не сомневался в их родственной связи.

Люттшвагер же находит, что скелет дронта похож скорее на скелет коростеля, который большую часть своей жизни также проводит на земле. Сходство обнаруживается в их тазобедренных суставах, грудных костях, сильных лапах. К тому же коростели утратили способность летать, причем, не только на маленьких и изолированных островах. Известный тому пример — почти полностью вымерший ново-зеландский такахе, или маорийская султанка. Другим видом, о котором Люттшвагер ни разу не упоминает, были южноамериканские птицы (вымершие еще в третичный период), жившие подобно страусам. Многие нелетающие островные пастушковые также были целиком или частично уничтожены теми четвероногими пришельцами, которые погубили дронтов.

Между тем нет ни одного вида голубя, который полностью потерял бы способность летать, оказавшись на маленьком острове в океане, вопреки предположению, что дронты были нелетающими гигантскими голубями. Более того, когда первые европейцы стали прибывать на

* Еще раньше считалось, что слово «додо» происходит от португальского слова «болван». Слову же «дронт» один голландский исследователь приписывал датское происхождение, так как в датском языке существует слово *drunte* («двигаться медленно, неуклюже»). Название «дронт» в таком случае должно было появиться на свет в 20-х годах XVII века, когда датчане плавали на Маврикий. При всех предположениях это слово принадлежит к германской группе языков и родственно шведскому *döbaga* «медлительный, нерешительный» (*примеч. авт.*).

Маврикий, Реюньон и Родригес, они встретили дронтов в окружении множества настоящих голубей самых различных видов.

Когда я писал эту книгу, никто еще не выступал против теории Люттшвагера, по крайней мере, ни в одной из научных публикаций. А ведь он впервые выдвинул свою теорию в 1959 году на Международном зоологическом конгрессе в Лондоне. Подобное молчание, конечно, может означать, что ни один из ныне здравствующих зоологов не интересуется более скелетами дронтов. Но оно может объясняться и тем, что остальные специалисты пребывают в нерешительности. Один датский исследователь, к которому я обратился за разъяснением, считает вовсе не бесспорным утверждение, что дронты ведут свой род от коростелей; с таким же успехом их можно отнести и к голубям. Однако и в последнем случае есть много неясного, добавляет он, так что нет ничего невероятного в том, что Люттшвагер может оказаться прав.

РАЗОРЕННАЯ ПРИРОДА С ЧУЖЕЗЕМНЫМИ РАСТЕНИЯМИ И ЖИВОТНЫМИ

Горные массивы с «деревьями путешественников». Вулканические, океанические острова. Участь пернатых. Заморские млекопитающие и другие. Остатки флоры

До самой высокой точки на Маврикии — вершины Питон-де-ла-Ривьер-Нуар довольно трудно добираться. Она находится в южной части острова, и с нее открывается удивительная панорама: широкая и глубокая, похожая на каньон долина Ривьер-Нуар с одной стороны, и морское побережье — с другой. Высота горы над уровнем моря не превышает 826 метров, к ней можно подъехать на машине так, что до самой вершины останется не больше двух часов пешком. Но они-то даются с большим трудом: частые дожди, влажный и размытый грунт, во многих местах взрыхленные и истоптанные свиньями тропы, густой кустарник — не позволяют балансировать на краю тропы.

Когда же пытаешься ухватиться рукой за ветку или сучок, то натыкаешься на колючие кусты малины (*Rubus moluccensis*), завезенной сюда из Индонезии. В свое время птицы так широко разносили по острову ее семена, что это растение стало самым вредным чужеродным сорняком на Маврикии.

Здесь, как и на Сейшелах, сплошь да рядом встречаешь одичавшую американскую тропическую гуайяву, плодами которой с давних пор лакомятся свиньи. В результате, косточки этого растения «посеяны» по всему острову. Это — лишь два растения из множества, главным образом азиатского и американского происхождения, завезенных на Маврикий и распространившихся с помощью птиц и других животных в ущерб местной флоре.

Вокруг Ривьер-Нуар еще сохранились значительные массивы дождевого леса, некогда покрывавшего большую часть острова. Наиболее характерные для этой местности растения — высокорослые виды из семейства колокольчиковых, вересковых и крушиновых. Во влажных местах землю устилает сфагнум, а также ветвистый серый лишайник, который показался мне удивительно знакомым.

Я признал в нем олений мох (*Cladonia rangiferina*). Впоследствии я узнал от своего друга Уве Альмборна из Ботанического музея в городе Лунде, большого знатока лишайников, что не совсем верно утверждать, будто бы на Маврикии растет «наш» вид лишайника. Еще Карл Тунберг, в 70-х годах XVIII века совершивший путешествие в Восточную Азию, писал об оленьем мхе, растущем в Южном полушарии, точнее на горе Таффель неподалеку от Кейптауна. С тех пор лишайники этого вида были обнаружены на Килиманджаро и других восточноафриканских горах, а также на Мадагаскаре, Реюньоне, Маврикии, в Австралии и Новой Зеландии.

Однако было установлено, что «старый» олений мох на самом деле представляет собой целую группу близкородственных видов. Из них шесть видов растут только в Северном полушарии, а четыре — только в Южном. Вид, который встречается в районе между Южной и Восточной Африкой и Новой Зеландией, отныне называется *Cladonia leptoclada*. Во всяком случае мне было приятно узнать, что я не попал пальцем в небо. На лавовом грунте Маврикия рос вид из группы *C. rangiferina*.

Меня не раз брали с собой в горы мои друзья — орнитологи и ботаники Франс Стоб и Жозеф Гео. И хотя мы видели таких редких птиц, как маврикийские зеленые благородные длиннохвостые попугаи (*Psittacula krameri echo*), — о которых один орнитолог еще в 1929 году писал, что в скором времени их, возможно, постигнет та же участь, что и остальных маскаренских туземных попугаев, — и множество местных растений, наибольшее впечатление на меня произвел все же не эндемичный вид. Этим растением оказалось декоративное «дерево путешественников» (*Ravenala madagascariensis*), достигающее в высоту более десяти метров и имеющее длинные, широкие листья, которые делают дерево похожим на гигантский веер.

Они встречаются в различных местах тропиков, но на Маврикии мне впервые удалось попробовать то, что дало растению его название «дерева путешественников». Если проколоть плотный и толстый у основания лист, из него ударит струйка прохладной и чистой жидкости. Даже в засушливые периоды дерево в своих полых листьях хранит влагу к великой радости жаждущих путешественников. Я охотно подтверждаю, что напиток — самый что ни на есть освежающий и к тому же лишен какого-либо привкуса.

Дерево это удивительно и с точки зрения географии растений. Из его рода, который принадлежит к семейству банановых, в настоящее время сохранились лишь два вида. С одним из них — *Ravenala guianensis* — я уже успел познакомиться в Вест-Индии и Гвиане. Он более низкорослый, и ствол его имеет зеленоватый оттенок — в точности как у банана. Оба вида «дерева путешественников» служат ботаническим свидетельством некогда существовавшей связи между континентами, в частности между Мадагаскаром и Южной Америкой, до тех пор, пока гигантский континент Гондвана не начал раскалываться и расползаться...

Появление мадагаскарского дерева на Маврикии, помимо всего прочего, связано с драматическим и романтическим эпизодом в истории колонизации островов. Французская Ост-Индская компания в 1750 году получила от королевы маврикийского рода бетсилео Бэти концессию на остров Сент-Мари, бывшее пристанище морских разбойников, а также на небольшую часть мадагаскарского берега вокруг Фулпойнта и к югу от него. В 1754 году местное население в ответ на тиранию французского «начальника колонии» господина Госса подняло восстание и убило Госса и его людей.

С Иль-де-Франса была выслана карательная экспедиция. Королеву Бети обвинили в «предательстве» и доставили в Порт-Луи в качестве пленницы. Когда же, наконец, выяснилось, что она никоим образом не была замешана в резне, ее освободили, и она вернулась на родину. Нас, правда, больше интересует тот факт, что именно Бети привезла на Маврикий «дерево путешественников». Значит, туда оно попало несколько раньше, чем на Реюньон, а именно к 1768 году. С тех пор удивительное дерево распространилось по Маскаренским

островам, благодаря птицам, которые выклевают из его громадных плодов черные, похожие на бобы семена, облаченные в синюю «кожицу».

Растения и животные, привезенные сюда человеком, составляют, однако, не всю флору и фауну этих островов. Многие так давно живут здесь, что уже успели превратиться в новые виды и роды.

Маврикий, Реюньон и Родригес составляют в некотором роде единое целое с Сейшельскими островами, хотя эта взаимосвязь несколько туманна. От Сейшельской банки и до самых Маскарен протянулся на юг дугообразный подводный хребет. Обычно его называют Маскаренским хребтом. Одни геофизики считают, что он целиком имеет континентальное происхождение, другие же не менее уверены в том, что южная часть хребта, где расположены Маскаренские острова, носит чисто вулканический характер. Независимо от того, кто из них прав, очевидно, что Маскарены, в отличие от Сейшел, не являются «осколками» бывшего материка Гондваны.

На них не встречаются докембрийские скалы. Острова целиком состоят из базальта и других вулканических пород, не считая, конечно, прибрежных коралловых рифов и их остатков, возвышающихся над поверхностью моря, как и на Сейшелах, и напоминающих о том времени, когда уровень океана был выше нынешнего.

Судя по всему, острова возникли в результате двух периодов вулканической деятельности. В первом из них с океанского дна медленно поднялись гигантские вулканы и возвысились над морской поверхностью. Это, вероятно, произошло к концу мелового и началу третичного периода. Затем последовал период затишья, во время которого вулканы эродировались. Этот процесс продолжался до тех пор, пока в конце третичного периода не началась новая вулканическая деятельность. Лавовые потоки образовали тогда те горные породы, которые составляют приблизительно две третьих современной площади Маврикия.

Сейчас на Маврикии и Родригесе царит тишина. Считается, что вулканическая деятельность прекратилась здесь приблизительно сто тысяч лет назад. И лишь на Реюньоне, который также отличается диким горным

ландшафтом, древний бог Вулкан еще сохранил свою кузницу на вершине Питон-де-ла-Фурнез, что в переводе с французского означает «вершина плавильной печи».

Первоначальная флора и фауна Маскарен была такой же, какая обычно бывает на «классических» океанических островах, поднявшихся над водой. И пришли они сюда также воздушными и водными путями. Характерно, что на островах не водилось никаких млекопитающих, но птичий мир был довольно богатым, хотя и далеко не таким многообразным, каким его представляли себе мечтатели-орнитологи.

Гибель дронтов как бы символизирует собой трагедию, постигшую всю природу Маскаренских островов. Влияние колонизации было опустошительным и для пернатых — в большей степени, чем, например, на Сейшелах, которые до 1971 года потеряли не более одного эндемичного попугая и одной эндемичной очковой птицы. Остается лишь сожалеть, что литература в этой области довольно противоречива.

Голландец Шлегель, например, находясь под впечатлением путевого дневника Лега, в котором тот рассказывал о маврикийских птицах-«великанах» («ибо величиной они в шесть футов»), в 50-х годах прошлого века написал научный трактат о «вымерших» гигантских птицах на Маскаренских островах». Он дал им латинское название — *Leguatia gigantea*, жаловался на то, что до сих пор не удалось обнаружить ни одного скелета этой птицы, но в то же время утверждал, что их ближайших родственников следует искать среди африканских страусов и новозеландских моа.

Другие исследователи, не желавшие верить в «страусиную теорию», видели в «великанах» переросшую камышницу. Те же, кто относился к творчеству французского гугенота, как к чистой воды фантазии, естественно, считали ее выдумкой. И, наконец, существовало мнение, что Лега попросту имел в виду какой-то вид фламинго, хотя в таком случае его оценка величины птицы преувеличена.

К этой точке зрения можно присоединиться, так как в описании «великанов» есть, в частности, и такие слова: «Они чрезвычайно рослые, и шея у них очень длин-

ные. Туловище — не больше, чем у гуся. Они белые, и лишь под крыльями у них красноватые пятна». В то, что Лега имел в виду именно фламинго, охотно верится, так как впоследствии на Маврикии были найдены скелеты, принадлежавшие двум африканским видам фламинго.

Это, однако, не мешает тени «великана» блуждать по орнитологической литературе и фигурировать в списках «гипотетических» видов всего мира, где преобладают птицы, которые якобы когда-то жили на Маскаренских островах. Как в вопросе о существовании на этих островах загадочных дронтов, так и в дебатах о таинственных «великанах» ученые зашли в тупик.

Пожалуй, самая странная с этой точки зрения фигура — одержимый орнитологией лорд В. Ротшильд, написавший в 1907 году фолиант «Вымершие птицы». В своем сочинении он снабдил латинскими названиями виды птиц, о которых он, по-видимому, вычитал в более или менее сомнительных старых путевых дневниках. После того как совсем недавно, в 1953 году, Масауи Хачисука опубликовал труд, посвященный маскаренским вымершим птицам, где он указывает еще несколько видов, список вымерших эндемичных птиц на Маврикии, Реюньоне и Родригесе насчитывает теперь сорок два вида.

В «Красной информационной книге» Международного союза по охране природы (МСОП) содержится более скромный список птиц, вымерших с начала XVII века. Но, к сожалению, и в нем отразилось общее заблуждение: отсутствуют некоторые виды, существование которых было подтверждено находками скелетов, и одновременно присутствуют многие из несуществующих видов. Правда, составители книги были близки к истине, когда обозначили шесть вымерших эндемичных видов и подвидов на Маврикии, восемь — на Реюньоне и восемь — на Родригесе.

Это — коростели, голуби, попугаи, совка с Маврикия, сова-минерва с Родригеса, три «признанных» дронта и другие. Некоторые из этих птиц, подобно гигантским черепахам, стали жертвами человека. Охота на них была довольно простым занятием, так как животные за время своей длительной изоляции на островах, где отсутствовали сухопутные хищники, утратили инстинкт самосохранения.

Когда мореплаватели сходили на берег, птицы слетались посмотреть на пришельцев. Питер Манди, посетивший Маврикий в 1638 году, рассказывает: «Птицы стаями окружили нас, словно изучая, так что мы могли побить их палками». Существует немало свидетельств того, насколько «ручными» и доверчивыми были эти птицы. Например, сине-серый попугай (*Lophopsittacus mauritianus*), к тому же плохо летал и был весьма съедобен. Все это указывает на то, что он был полностью истреблен еще в первой половине XVII века.

То же самое можно сказать и о пастушковых. Они, подобно дронтам, полностью утратили способность летать, что сделало их легкой добычей как для людей, так и для собак, крыс и свиней. Считается, что маврикийский пастушок (*Aphanapteryx Ponasia*) был истреблен к 70-м годам XVII века, а его сородич на Родригесе (*Aphanapteryx Leguati*) — приблизительно к 1730 году.

Возможно, что на островах когда-то жили еще один или два вида пастушковых. Известно, что, по крайней мере, один из них вымер на Реюньоне. Загадку представляет собой давно исчезнувший местный вид султанской курицы (*Porphyrio porphyrio*). Однако и здесь мы имеем дело лишь с гипотезой, основанной на старых путевых дневниках, так как ископаемый материал по султанской курице столь же малочислен, как и по белому реюньонскому дронту.

Большинство других видов также прекратили свое существование в XVII и XVIII столетиях. В XIX веке вымерли два вида на Маврикии, два — на Реюньоне и два — на Родригесе. Некоторые сохранились лишь в виде чучел, например, лакомый «голландский голубь» (*Alectroenas nitidissima*), погибший уже в 20-х годах прошлого века, а также реюньонский серо-бурый попугай (*Mascarinus mascarinus*), последний экземпляр которого погиб в 1834 году в Европе, в клетке короля Баварии.

На Реюньоне с эндемичными видами, имеющими, так сказать, право гражданства, конкурируют не менее семнадцати чужеродных видов. Турач (*Francolionus pinta-deanus*) и перепел (*Coturnix coturnix africana*) были завезены сюда в качестве съедобной дичи; к этой же категории относится карликовый голубь (*Geopelia striata*) из Юго-Восточной Азии, индийский скворец-майна (*Acridotheres tristis*), африканский астрильд (*Estrilda astrild*) и

мадагаскарский ткачик (*Foudia madagascariensis*), который, как считают некоторые орнитологи, самостоятельно переселился на Реюньон. Большинство из этих видов, включая домового воробья, история которого немного туманна, были также завезены на Маврикий.

На Реюньоне полагают, что первые домовые воробьи прибыли на остров в прошлом веке из Франции, а на Маврикий будто бы их привез из Англии один солдат, который плыл на военном судне в Индию. В пути он заболел и умер в госпитале в Порт-Луи. После его смерти птиц выпустили из клетки, и они стали размножаться на свободе со свойственной им быстротой.

Похоже, что за этими легендами скрывается истина. На западе, в Южной Африке и на востоке, вплоть до Австралии и Новой Зеландии, сентиментальные клонисты развели домовых воробьев, ставших впоследствии во многих районах «всенародным бедствием». На Маскаренские острова эти птицы были несомненно завезены из Индии. Домовые воробьи на Реюньоне и Маврикии больше похожи на индийский подвид (*Passerdomesticus indicus*), чем на европейские подвиды. Французский орнитолог Жак Берлиоз, который исследовал реюньонских птиц, считает их поэтому смешанным подвидом.

Удалось пережить гонение двум эндемичным хищным птицам. Одна из них — местный вид луны (*Circus maillardi*). Его изредка можно встретить в горных районах Реюньона. Другой — маленький бурый сокол (*Falco punctatus*) — живет на Маврикии и считается особым видом. Его еще называют «куроедом», что дает представление о том, как поступают местные жители, когда сокол приближается к ним на расстояние выстрела. В результате в живых осталось не более десятка экземпляров.

На Реюньоне и на Маврикии живет одна эндемичная ласточка (*Phedina borbonica borbonica*), родственная мадагаскарскому виду *Phedina borbonica madagascariensis*. Реюньон и Маврикий имеют по одному виду длиннохвостой мухоловки (*Terpsiphone bourbounensis*), по одному виду *Hypsipetes borbonicus*, по собственному виду обеих белоглазок (*Zosterops curvirostis* и *Zosterops borbonicus*), а также по одному из рода *Coguius*. На Реюньоне живет *Coguius newtoni* и на Маврикии — *Coguius turpicus*. Оба эти вида малочисленны, а первый из них считают близким к вымиранию.

Только на Реюньоне водится чекан (*Saxicola borbonensis*). И на этом список оставшихся в живых реюньонских эндемичных видов заканчивается. К нему остается добавить лишь три маврикийские птицы: ткачика (*Foudia rubra*), голубя (*Nesoenas mayeri*), очевидно, менее лакомого, чем истребленный «голландский голубь», и благородного длиннохвостого попугая (*Psittacula krameri echo*), которых осталось немногим больше, чем эндемичных соколов.

На Родригес было завезено девять видов птиц, включая домового воробья. Из некогда живших на острове одиннадцати эндемичных видов до сегодняшнего дня дожило не более двух: ткачик (*Foudia flavicans*) и певчая птица *Berbrornis roderican*. Их осталось всего несколько экземпляров. Эта маленькая певчая птичка во всем мире имеет лишь один родственный вид (*Berbrornis seychelensis*), который ныне обитает на острове Кузен. Они, возможно, и жили на Маврикии и Реюньоне, но исчезли там давным-давно: вероятно, их сдули ураганы, постоянно свирепствующие на Маскаренах.

Именно это и произошло с одним чужеземным видом восточноафриканского вьюрка (*Serinus canicollis*), часто встречающегося на Реюньоне и ни разу на Маврикии, по крайней мере, с тех пор, как в 1892 году над островом пронесся сильный ураган. Подобные природные катаклизмы необходимо принимать во внимание, когда речь идет о причинах вымирания такого большого количества птиц.

Одной из причин разорения пернатой фауны была вырубка больших лесных массивов. Птицы либо целиком, либо частично лишались своей среды обитания. Сплошная вырубка открывала больший простор для ураганов. Особенно губительно сказывались ураганы на птицах, которые жили на возделанных низменностях.

Многие эндемичные птицы могли выжить лишь, так сказать, в «раю», где у них не было бы врагов и конкурентов. Как только изоляция островов нарушилась, они были обречены. Дронты, возможно, и выжили бы за защитной сеткой заповедников и зоологических садов. Но некоторые из вымерших летающих птиц могли бы сохраниться и в естественных условиях Маскаренских островов, а тех, что остались, было бы больше, если бы люди не привезли на острова четвероногих хищников...

Самостоятельно на Маврикий, Реюньон и Родригес добрались лишь плавающие и летающие млекопитающие: дюгоны и киты, плодоядные летающие собаки и насекомоядные маленькие летучие мыши. Но дюгоны вокруг Маскарен, как и в районе Сейшельской банки, были давно уничтожены. В результате хищнической охоты почти полностью исчезли из этих мест и киты. Остались несъедобные летучие мыши, летающие собаки или летающие лисицы, которые на каждом из трех Маскаренских островов представлены особым эндемичным видом из рода *Pteropus*. Эти животные широко распространены, несмотря на то что жители этих островов, подобно сейшельцам, считают их мясо деликатесом и всюю на них охотятся.

Хотя летающие лисицы иногда и навещают фруктовые сады, причиняемый ими вред не сравнить с тем, который наносят четвероногие прихлебатели человека, как одичавшие домашние животные, так и завезенные сюда дикие звери. Неистребимые крысы, в свое время способствовавшие вытеснению с островов голландцев и несущие значительную долю «ответственности» за гибель пернатых, всегда были вредителями номер один.

Помимо черных крыс, живущих главным образом в селениях, здесь водятся серые крысы, прибывшие сюда, по-видимому, в XVIII веке, когда, наводнив Европу, они, подобно черным крысам, получали «бесплатные билеты» на корабли, плывущие во все уголки земного шара. У моего соседа по гостинице в Порт-Луи, человека много путешествующего, собирателя пресмыкающихся, немца Карла Мартенса крысы частенько грабили ящики с ценными эндемичными ящерицами-гекконами. В номере у него стояло несколько больших мышеловок, и не проходило ночи, чтобы в них не попалась хотя бы одна «роскошная» серая крыса.

И по сей день на плантациях и в лесах живут одичавшие, всеядные и везде сующие свой нос свиньи, оставшиеся здесь со времен португальского владычества. Одичавших коз на самом Маврикии нет. Есть лишь домашние «коровы бедняков», как их раньше называли в Швеции. Но острову от этого не легче. Холмы вокруг Порт-Луи некогда были покрыты густыми лесами эндемичных пальм. Теперь, когда здесь попытались посадить

новый лес, то натолкнулись на сопротивление владельцев коз: животноводы использовали окрестные холмы под пастбища и поджигали саженьцы, давая волю траве.

Одичавшие козы водятся лишь на маленьком необитаемом острове Иль-Ронд, лежащем у северной оконечности Маврикия, уничтожая там эндемичную растительность, которая кроме этого острова нигде больше не встречается.

На Маврикии им составляют компанию одичавшие свиньи и крабовые макаки (*Macaca irus*), которых, как считают, привезли сюда из Юго-Восточной Азии португальцы; другим маскаренским островам удалось избежать их нашествия. Эти обезьяны, величиной примерно с мартышку, живут стаями, которые делают набеги на сельскохозяйственные культуры. Они угрожают птицам, так как охотно грабят гнезда на деревьях. На их «совести» — истребление не одной птицы. Лесоводы же жалуются на то, что обезьяны вредят молодым соснам. Два урагана 1960 года уничтожили большинство обезьян, но уже через шесть лет лесники заговорили о необходимости «держатъ популяцию под контролем».

В 1639 году голландцы завезли на Маскарены с Явы замбарских оленей. Их также считают опасными вредителями плантаций и лесов. Но поскольку это — ценный зверь, и речи быть не может о том, чтобы объявить его вне закона. Напротив, охота на них ограничена; она ведется лишь с июня до начала сентября. Несмотря на то что за это время убивают около двух тысяч животных, их поголовье остается довольно стабильным и насчитывает примерно шесть-семь тысяч.

Полагают, что в том же году голландцы завезли на остров европейского дикого кролика (*Oryctolagus cuniculus*), который впоследствии с Маврикия попал на Иль-Ронд и Родригес. Водится ли он на Реюньоне, мне неизвестно, но туда, как и на Маврикий, французы привезли индийского зайца (*Lepus nigricollis*). Ко всем грызунам, домашним животным и обезьянам прибавляются еще теплокровные и «хладнокровные» хищники.

В начале прошлого века сюда был завезен малагасийский тенрек (*Tenrec ecaudatus*), скорее всего для кулинарных целей. Будучи насекомоядным, он косвенно

способствовал тому, что часть местных ящериц и неядовитых змей (ядовитых здесь нет), питающихся насекомыми, стали редкими или вовсе исчезли. Я его ни разу не видел на Маврикии. Зато я встретил мангусту. На Маврикии живет серая индийская мангуста (*Herpestes edwardsi*). Она была привезена сюда в начале нашего века, чтобы уничтожить крыс. Мангусты охотились за ними в какой-то мере. Но потом они стали мародерами, воруящими цыплят и уничтожающими местные породы птиц и пресмыкающихся, в том числе и тех, которые могли бы принести пользу в борьбе с вредными насекомыми.

Чтобы исправить ошибку, были завезены бесхвостые амфибии и среди них — в 1938 году — большая южноамериканская жаба-ага (*Bufo marinus*), скорее всего с Пуэрто-Рико. Считают, что она питается жуками, угрожающими плантациям сахарного тростника. С ее помощью хотели расправиться с жуками на маврикийских сахарных плантациях, и, вполне вероятно, что она приносила известную пользу, пожирая этих вредителей. Но вместе с ними жаба уничтожала всех насекомых и даже пресмыкающихся, словом всех, кого могла проглотить, в том числе змей и ящериц. К тому же в местах, где она водится, в большом количестве плодятся крысы, так как враги крыс, собаки, часто погибают, если не удержатся от соблазна и укусят одну из таких жаб...

Единственное место, где эндемичные маскаренские рептилии чувствуют себя в некоторой безопасности — это маленькие острова, на которых нет хищников, насекомоядных, крыс и свиней. Это прежде всего более или менее удаленный остров Иль-Ронд. Там обитают два вида удавов (*Boleyria multicarinata* и *Casarea dussumieri*), а также шесть видов ящериц, в том числе большой геккон (*Phelsuma guentheri*). Их единственные млекопитающие соседи — козы и кролики. Вполне возможно, что на самом Маврикии змей уничтожили одичавшие свиньи. Бывает, что эти всеядные животные глотают даже ядовитых змей.

Известно, что по крайней мере один из удавов, а также геккон ранее обитали на Маврикии. Их скелеты были найдены в Мар-о-Сонж — в той самой болотистой местности, где были найдены части скелета серого дронга и маврикийского коростеля.

Как прямое, так и косвенное влияние на животный мир оказало уничтожение первоначальной флоры на большей части Маскаренских островов. Во времена голландцев помимо лесов из ценного черного дерева на Маврикии, особенно на ровных участках северного и западного побережья, существовал тип растительности, который, как считают, напоминал пальмовую саванну. Колонисты приспособили ее под пастбища, а пальмы использовали для различных нужд. Теперь на самом Маврикии пальмовая саванна полностью исчезла, а вместе с ней — птицы и низшие животные. К числу подобного рода жертв можно отнести попугая (*Lophopsittacus mauritianus*).

Лишь на необитаемом острове Иль-Ронд, площадь которого не превышает 150 гектаров, сохранились остатки реликтового пальмового леса с тремя эндемичными видами деревьев. Один из них ревогони (*Mascarena revaughani*), названный так в честь главного ботаника Маврикии доктора Р. Е. Вогана, имеет необычный, сильно утолщенный книзу ствол. Оно растет лишь на Маврикии и на островах, окружающих его. Другой эндемичный вид из этого же рода в естественных условиях встречается лишь на Родригесе, а третий его вид, ставший сейчас очень редким, можно обнаружить только на Маврикии и Реюньоне.

Еще один вид пальмы, растущей на Иль-Ронде и на нескольких соседних с ним небольших островах, — *Latania loddigesii*. На Маврикии и Реюньоне встречается родственная ей пальма *Latania borbonica*. Она широко распространена в тропиках и используется как декоративное растение. Эту пальму часто можно встретить на Мартинике и Гваделупе. В целом пока нет опасности, что с десятков видов пяти различных родов маскаренских пальм вымрут. Даже на их родине можно встретить искусственные посадки. Дикорастущих пальм почти не осталось, только — на Иль-Ронде, но и там им угрожают кролики, одичавшие козы и ураганы. Чтобы спасти этот последний уголок дикой растительности, некогда характерной для большей части Маскаренских островов, а также защитить его уникальный животный мир, в 1957 году остров объявили заповедным и сейчас собираются полностью уничтожить на нем травоядных млекопитающих.

На Родригесе удалось истребить хотя бы чужеродных замбарских оленей. Теперь там хозяйничают лишь крысы, кролики и различные млекопитающие, принадлежащие человеку. Но на Родригесе нет заповедника. А на Реюньоне есть лишь три небольших. Один из них предназначен главным образом для ценных местных пород деревьев. Одновременно планировалось создать первый птичий заповедник, Форэ-де-л'Этан-Салé.

На Маврикии работа по охране природы ведется уже давно, в значительной мере благодаря доктору Вогану и Ж. Венсону, бывшему руководителю Маврикийского института. Кроме острова Иль-Ронд, заповедным был объявлен Иль-о-Эгретт, и восемь заповедников было создано также на самом Маврикии, в основном для защиты флоры; тем самым улучшили жизнь эндемичных птиц. А в 1957 году было издано постановление об охране этих птиц. Самый большой из заповедников, имеющий общую площадь в 1926 гектаров,— лесной массив Бель-Омбр, расположенный в юго-западной части острова на высоте 240—480 метров.

Создание десяти природных заповедников на Маврикии и его «островах-сателлитах» было необходимым шагом на пути к сохранению девственной природы островов, ибо помимо такого растительного комплекса, как пальмовая саванна, в небытие канули многие отдельные виды растений. Например, несколько видов орхидей, о которых в 1822 году писал один французский ботаник. Главная причина их гибели — изменение окружающей среды. Но самой серьезной опасностью для эндемичной флоры является то, что лесоводы предпочитают сажать не местные ценные породы деревьев, а быстрорастущие заморские виды...

Маскаренское столпотворение. Памплемус и завоз культурных растений. Работоторговля и производство сахара. Земледелие и лесоводство. Больше пищи и другие перспективы

Приняв во внимание, как жестоко эксплуатировалась природа Маскарен и истреблялся животный и растительный мир, нет ничего удивительного в том, что многие авторы подают историю их колонизации как своего рода иллюстрацию хищнической природы человека как таковой. Уничтожение первоначальной природной среды и эндемичных видов было делом не трудным, ибо сами острова довольно малы по своим размерам. Они, правда, в несколько раз больше Сейшельских, но гораздо скромнее, чем себе представляешь, если учитывать ту роль, которую они (особенно Маврикий) сыграли в мировой истории.

По своей общей площади (4486 квадратных километров) Маскарены, куда входят Маврикий, Реюньон и Родригес, немногим меньше, чем, например, Мальмёхус в Швеции. В то же время на них живет миллион с четвертью островитян*: примерно две третьих живут на Маврикии (1856 квадратных километров), т. е. 450 жителей на один квадратный километр; около 450 тысяч человек живут на более крупном — Реюньоне (2512 квадратных километров), и большинство из них теснятся в низменных районах вдоль побережья скалистого острова; на маленьком Родригесе (109 квадратных километров) разместились примерно 20 тысяч.

Таким образом, места для дикой, первозданной природы почти и не осталось, разве что в труднодоступных

* Даже маврикийские индейцы, которые не являются маврикийцами в собственном смысле этого слова, предпочитают называть себя просто островитянами (*примеч. авт.*).

горных районах в глубине Реюньона. Но, хотя история островов знает немало примеров хищнической эксплуатации их флоры и фауны, не стоит все же слишком сурово судить тех, кто повинен в этом. Освоение островов было исторической необходимостью. Часть грубейших ошибок была совершена в то время, когда люди думали, что природа неиссякаема, что они присваивают себе лишь толику ее богатств.

Прежде всего надо остерегаться преувеличений, типичных для фантазеров-защитников природы, которые считают «уничтожение среды» результатом человеческой жизнедеятельности. Небезынтересно отметить, что мысли Чарлза Дарвина текли в противоположном направлении, когда в 1836 году он любовался Маврикием с вершины Ле-Пус, традиционной наблюдательной точки в Порт-Луи:

«Земля в этой части острова очень хорошо возделана, разделена на пашни и сады. Экспорт сахара значителен. Меня, однако, уверяли, что из всей земли плодородит пока еще не более половины. Если это так, со временем, когда остров будет заселен более плотно, он приобретет большое значение».

Реакция Дарвина, возможно, была бы иной сегодня, когда параллельно с ростом населения растет безработица и в торговом балансе почти ежегодно намечается значительный дефицит. Начиная с XIX века экономика Маврикия практически целиком основывается на производстве сахара. В подобной ситуации довольно соблазнительно взять на себя роль пророка и предсказать острову экономический крах, голод и регресс.

К счастью, есть повод говорить и о более благоприятном будущем этих островов. Чтобы преодолеть трудности, на Маврикии, в частности, стали больше внимания уделять развитию промышленности, сельского хозяйства (для местного потребления и на экспорт), а также туризму.

Сахарный тростник на Маврикии начали выращивать голландцы, но они, как и французы, использовали его сладкий сок прежде всего для производства спирта. В конце XVIII века француз Гийом-Тома Рейналь в объемистом труде о европейской колонизации «обеих Ин-

дий» (то есть Вест-Индии и Ост-Индии) отмечал, что на Маврикии были основаны три сахарные фактории и что их продукции хватало «на нужды колонии». В то время никто не собиравался превращать Реюньон или Маврикий в «сахарные» колонии. Франции было удобнее использовать для этой цели более близкие к ней колониальные владения в Карибском море, где один Санто-Доминго (Гаити) в 1791 году дал более 160 миллионов фунтов сахара. К возможным экспортным культурам можно отнести пряности, хлопок и кофе, но они были завезены на острова лишь для местного потребления.

XVIII век был веком ботаники. Разнообразные растения перевозились с одного конца земного шара на другой, в ботанических садах велись эксперименты с новыми видами деревьев, кустарников, трав. На Маврикии центром ботанических изысканий стало местечко Мон-Плезир в районе Памплемуса*, ботанического сада, примерно в десяти километрах к северо-востоку от Порт-Луи.

В Маврикийском институте я встретился с доктором Р. Воганом, главой маврикийских ботаников и директором Маврикийского гербария, который насчитывает около 15 тысяч растений исключительно маскаренского происхождения. Благодаря Вогану мне посчастливилось посетить гербарий, который с 1960 года находился в современном помещении Маврикийского научно-исследовательского института сахарной промышленности, а также ботанический сад.

Памплемус — один из самых больших и самых красивых садов в мире, где собраны растения со всех точек тропического пояса. По роскошным пальмовым аллеям посетители идут к главному зданию. Путь их лежит мимо прудов с пышной береговой растительностью, где преобладают «деревья путешественников» с их высокими стволами, заканчивающимися гигантскими веерами. Здесь растут и винтообразные панданусы с характерными для них корнями-ходулями. В просторных вольерах

* Памплемус — французское название восточноазиатского цитруса (*Citrus sinensis decumana*), который напоминает грейпфрут, но отличается от него более толстой кожурой и грушевидной формой. Шведы, между прочим, называют его «адамово яблоко», так как согласно Талмуду именно этот плод соблазнил Адама в раю (примеч. авт.).

бродят замбарские олени, ползают гигантские черепахи с островов Альдабра, напоминая о том, что они некогда были и на Маврикии.

Среди других достопримечательностей обращает на себя внимание макет примитивной сахарной фактории начала прошлого столетия. Быки, впряженные в ворот, приводили в движение три здоровенных каменных цилиндра, которые перетирали сахарный тростник и выдавливали из него сок. Он стекал по трубе в большой чугунный котел, где его варили и подвергали дальнейшей обработке.

Как и в других парках и садах Маврикия, в ботаническом саду имеется множество памятников выдающимся личностям, например, Бернардену де Сен-Пьеру, посвятившему несколько глав своего путевого описания (1773 года) культурным растениям и сельскохозяйственной продукции острова, а также способствовавшему международной известности Памплемуса тем, что поместил там героев своего любовного романа «Поль и Виргиния».

Эта книга неоднократно переиздавалась, и читательницы всего «цивилизованного» мира оплакивали участь двух влюбленных, которым жестокая судьба не позволила соединиться при жизни. «Рядом с Виргинией под тем же самым бамбуковым деревом положили ее друга Поля», — читаю я в шведском переводе романа, изданного в 1822 году. И напрасно автор добавил: «Над их тихими могилами нет мраморного камня, ни единая надпись не напоминает об их добродетелях». Когда в 1853 году на Маврикий прибыл фрегат «Еушени», кто-то уже давно определил их могилы, к которым приезжающие на остров совершали паломничество.

«Эти могилы совершенно просты, без какой-либо надписи, и содержатся без особого тщания, — писал Скугман. — В тесной ограде посажены кусты терновника, но на каждом кусте было по одному цветку, так что многие из нас удовольствовались лишь несколькими лепестками в память об этом месте, чтобы по прибытии домой подарить их почитателям романа Бернардена де Сен-Пьера. Действительно ли существовали лежащие в них герой и героиня? Об этом мы лучше промолчим».

Что случилось с теми могилами, я не знаю. По словам Скугмана, они находились в крошечном садике неподалеку от ботанического сада.

Может быть, они так сильно пришли в запустение, что для них нашли новое место. Как бы то ни было, к концу прошлого столетия народное поверье перенесло их в сад Памплемус. Аллея в нескольких шагах от его главного входа называется не более и не менее, как «Аллея гробницы Поля и Виргинии». Она ведет к обломкам какого-то монумента, считающегося теперь могилой несчастных влюбленных. Но поскольку роман о них уже давно канул в историю, отошли в прошлое и лучшие дни монумента как туристской достопримечательности. К тому же, он скорее всего не надгробный монумент, а цоколь алтаря, сооруженного в 1750 году губернатором Бартеlemi Давидом в честь богини Флоры...

До него Мон-Плезир принадлежал Лабурдоннэ, который засадил здесь целое поле культурными растениями, незадолго до этого доставленными на Маврикий. Его работа была продолжена неким господином Фюзе-Облем, ботаником и аптекарем, трудившимся на острове с 1752 по 1761 год, сначала в Мон-Плезире, а затем в местечке Ле-Редюи, по другую сторону от Порт-Луи. Уже в 1748 году французская Ост-Индская компания поручила Пьеру Пуавру освоить разведение пряностей в Юго-Восточной Азии, чтобы затем ликвидировать голландскую монополию на торговлю пряной гвоздикой и мускатным орехом.

Похоже, что эти два специалиста по культурным растениям сразу же стали смертельными врагами. Когда Пуавр вернулся с саженцами и семенами сначала из Замбоанги на Филиппинах, которые тогда принадлежали Испании, а потом с португальского Тимора, между ними начался конфликт. В 1755 году Фюзе-Обль заявил, что саженцы, привезенные Пуавром из Замбоанги, не были подлинными, а мускатные орехи с Тимора в действительности были орехами бетеля. Растения вскоре погибли. Пуавр обвинил Фюзе-Обля в том, что он нарочно загубил растения, поливая их горячей водой.

Хотя на Маврикии и считают, что Фюзе-Обль страдал профессиональной завистливостью в сочетании с манией преследования, в то время как Пуавр был несчастным, обманутым благодетелем, этот эпизод завершился тем, что Пуавр впал в немилость и вернулся во Францию. Вскоре остров Маврикий навсегда покинул и Фюзе-Обль.

Лишь в 1767 году, когда Пуавру была предоставлена возможность вернуться на Маврикий и работать в качестве главного растениевода, сад Памплемус превратился в настоящую ботаническую школу под названием «Сад короля». С Тимора были привезены новые пряные растения, а на Реюньоне и Сейшелах открыты филиалы маврикийского ботанического сада. Но с выращиванием пряностей не ладилось. Говорили, что его пряные гвоздики были «маленькими, сухими и тощими». К тому же Фюзе-Обль обосновался в Кайенне, где дела у него пошли так хорошо, что в Париже решили сделать ставку на выращивание пряностей в этой французской колонии в Южной Америке. Население же Маврикия теперь должно было производить продукты питания для гарнизона и проходящих мимо судов.

Из Памплемуса пряные растения были в несколько этапов переправлены в Кайенну и во французские владения на Антилах. После того, как в 1775 году Пуавр окончательно вернулся на родину, на Реюньоне удалось добиться исключительно хороших результатов. А в XIX веке остров превратился в важнейшую «пряную» колонию Франции, уступая лишь Кайенне. С Реюньона растения были перевезены на Мадагаскар. Даже арабский Занзибар, который впоследствии стал крупнейшим в мире производителем пряной гвоздики, получил с Реюньона первое растение этого вида, происходившего от тех гвоздик, которые Пуавр привез на Маврикий. Таким образом, ему все-таки удалось нарушить голландскую монополию. Даже после его смерти ботанический сад в Памплемусе продолжал расти и расширяться. В 1785 году в нем насчитывалось около шести тысяч различных видов полезных, декоративных и других растений.

Еще во времена Маэ де Лабурдоннэ сюда были привезены из Южной Америки два сорта маниока, или кассавы. Об этом свидетельствует Бернарден де Сен-Пьер, который среди других завезенных на Маврикий растений называет рис, табак, хлопок, бамбук, банан, папайю, гуайяву, авокадо, манго, «адамово яблоко» и даже двойные кокосовые орехи. Среди растений, привезенных Фюзе-Облем, выделяются два сорта корней таро, фруктовое дерево, похожее на индийский баньян, клещевина, кайеннский перец и томаты, которые на Маврикии почему-то называли «яблоками любви». Позже появилось

хлебное дерево (*Artocarpus communis*), его ближайший родственник як-дерево (*Artocarpus integrifolia*), плоды которого имеют продолговатую форму, в то время как плоды хлебного дерева круглые, и другие культурные растения. Почти все они предназначались для местного потребления.

Во времена французов экспорт на Маврикии был незначительным. «Звезда и ключ Индийского океана» потребляла значительно больше, чем производила. Во Францию вывозилось немного хлопка, но зато импортировалось продовольствие и другие товары с Реюньона, Родригеса и Сейшел. Ни один кофейный куст не давал больше кофейных зерен, чем было необходимо самому Маврикию, несмотря на то что на Реюньоне кофе уже в XVIII веке составлял выгодную статью экспорта.

Лишь после того, как на остров пришли англичане и кончились длительные войны с Великобританией, Маврикий постепенно превратился в производительную земледельческую колонию. Но лишь после того, как ставка была сделана на сахар...

Как только Декаэн капитулировал, его место занял первый британский губернатор Роберт Фаркуар, выполнявший функции губернатора завоеванного несколькими месяцами ранее Реюньона. Одной из его важнейших задач была отмена работорговли согласно закону, принятому в Лондоне в 1811 году и обнародованному в январе 1813 года. Судя по всему, английскому губернатору при выполнении новых инструкций удалось обойтись без применения силы. «Он не спешил и хотел постепенно отучить население от подобного рода практики»,— свидетельствует один очевидец.

Здесь, как и во всем мире, плантаторы отрицательно относились к любым попыткам ограничить их свободу действий, с трудом поддававшихся контролю. На Реюньон привозили рабов. На самом же Маврикии был запрещен лишь ввоз новых рабов, но не торговля рабами.

Контрабанда рабами на Маврикии, а также на мелких островах между Мадагаскаром и Сейшелами стала простым и обычным занятием. Новые рабы из Африки и Мадагаскара нелегально доставлялись на Сейшелы и другие небольшие острова, например, Агалега, откуда их

уже открыто перевозили на Маврикий. Их привозили и на кораблях, которые по пути с Сейшельских островов останавливались на Реюньоне. Лишь когда в начале 20-х годов прошлого столетия на Мадагаскаре вспыхнула эпидемия холеры и губернатор указал на то, что работорговля будет способствовать ее распространению на Маврикий, контрабандный ввоз рабов был приостановлен.

Однако развивающаяся экономика острова нуждалась в рабочей силе. А посему британские колониальные власти не сочли возможным полностью прекратить перевозку рабов с небольших островов, лежащих к северу от Маврикия. По новому (временному) правилу можно было перевозить с острова на остров лишь своих собственных рабов и только на свои плантации. Но и в этой системе существовали лазейки. В 1827 году два плантатора с Сейшельских островов получили разрешение перевезти сто шестьдесят рабов с Иль-Фрегата на плантацию, которую они незадолго до того купили на Маврикии. Немного понадобилось времени, чтобы новый губернатор Маврикия Лоури Коул, сменивший на этом посту Фаркуара, узнал о том, что они распродают большую часть своих рабов. Прекратить эту продажу юридическим путем не было никакой возможности. За полтора года 1460 рабов было доставлено таким образом на Маврикий с Сейшел и других английских островных колоний...

Новые законы, однако, пресекли и эту форму ввоза подневольной рабочей силы, и, когда в 30-х годах прошлого столетия рабство было совсем отменено, для сельского хозяйства стали набирать рабочих в Индии.

В рамках Британской империи Маврикий должен был стать экономически производительной единицей. Выращивание пряностей, однако, натолкнулось на известные трудности; хлопководство больше годилось для небольших островов, а кофейные плантации как на Реюньоне, так и на Маврикии сильно страдали от ураганов. Для Маврикия ни одно из культурных растений не было таким подходящим, как сахарный тростник.

О том, с какой решительностью маврикийцы принялись за разведение сахарного тростника, свидетельствуют следующие данные. В 1812 году на Маврикии было произведено не более 500 тонн сахара, что примерно соответствовало его местному потреблению. Однако уже

между 1815 и 1820 годами производство сахара возросло до 2500 тонн. Особенно резкий скачок кривая сахарного производства сделала после того, как в 1825 году метрополия предоставила маврикийскому сахару равные условия с продукцией более старых сахарных плантаций Англии в Вест-Индии.

Это вызвало резкое недовольство со стороны тех кругов, экономические интересы которых сосредоточились на Ямайке, Сен-Китсе и других Вест-Индских островах. Чтобы избежать конкуренции, эти круги ранее вынудили английское правительство отказаться от сахара Гваделупы, на которую Англия неоднократно вторгалась во время войны с наполеоновской Францией. Теперь делалось все возможное, чтобы оклеветать еще более опасного конкурента — Маврикий. В частности, указывалось на то, что остров заселен недавними врагами, говорящими на французском языке. Старательно добывались сведения о контрабандной работорговле и так далее. Но это не помогло.

В 1829—1833 годах количество изготавливаемого сахара на Маврикии составило 33 800 тонн в год. За десять лет после отмены рабства рост производства был незначительным, но затем его кривая резко пошла вверх: в 50-х годах прошлого века она достигла отметки 100 тысяч тонн в год, а к концу века добралась до 160 тысяч. В 60-х годах нашего столетия годовой урожай иногда превышал 600 тысяч тонн. Большая часть сахарной продукции, в том числе побочный продукт — меласса, которая служит кормом для скота и идет на изготовление спирта, шла на экспорт.

На Маврикии из сахарного тростника изготавливают различные алкогольные напитки, а также уксус. Производство одного лишь рома превышает 1300 тысяч литров в год. Он идет в основном на внутреннее потребление.

Быстрый рост производства сахара был в известной мере обусловлен интенсивным использованием удобрений. В 1853 году Скугман писал, что удобрением служило гуано. Частично его привозили из далекого Перу. Но основными поставщиками были коралловые острова в Сейшельском архипелаге: Сен-Пьер, Ассампшен и другие.

С тех пор как сахар стал главной отраслью хозяйства Маврикия, под плантации сахарного тростника шли и плодородные и менее плодородные почвы, на которых до этого росли леса. В горах леса вырубались на топливо для сахарных заводов. Сейчас сахарный тростник растет повсюду, где он только может расти. В низинах он прижился на невообразимо каменистых почвах. Самое неплодородное тростниковое поле я видел на северной оконечности острова, неподалеку от Кап-Малёрё.

Площадь современных «лесных массивов» оценивается в 175 тысяч арпанов (приблизительно в 74 тысячи гектаров). Сюда входят пастбища и площади, покрытые диким кустарником.

По данным Вогана, еще в 1770 году на Маврикии было почти 160 тысяч гектаров настоящего леса*. Пьер Пуавр в свое время пытался воспрепятствовать истреблению лесов, чтобы сохранить строевой лес и не допустить эрозии почвы. Но его усилия мало к чему привели. К 1804 году площадь лесов сократилась почти до 125 тысяч гектаров. К 1846 году на острове осталось не более 57 510 гектаров леса. В 1852 году, когда в топливе нуждались около двухсот пятидесяти сахарных фабрик, невырубленных лесов оставалось 28 350 гектаров, а в 1880 году — не более 6480...

К тому времени на защиту лесов, необходимых для того, чтобы обеспечить остров пресной водой, встали английские колониальные власти. Но под государственный контроль были взяты лишь 1400 гектаров. Исследователи Воган и Вие отмечали, что даже в самом управлении лесоводства отрицательно относились к местным породам деревьев.

В годовом отчете за 1877 год начальник управления писал: «...привезенные породы лучше всего растут в теплых районах острова, а посему нет оснований сожалеть, что из этих районов исчезают маврикийские породы... Естествоиспытатели (или скорее, псевдоестествоиспытатели) жалуются, что местная растительность исчезает и сменяется чужеземными растениями, как будто они не понимают, что... чем быстрее исчезнет большая часть оставшихся местных деревьев, тем лучше будет для надле-

* В пересчете на гектары общая площадь острова составляет 186 500 (примеч. авт.).

жащих пород». Не удивительно, добавляют Воган и Вие, что когда в 1880 году Томпсон посетил остров, чтобы написать отчет о его лесных богатствах, он лицезрел «картину горестного упадка».

Истребление реликтовых лесов было тем трагичнее и позиция колониальных лесоводческих властей тем непонятнее, что уничтожались ценнейшие породы древесины. Еще в начале нашего века, когда строили дорогу между Гранд-Ривьер-Сюд-Эст и Флаком, на отрезке в каких-нибудь шесть километров порой срубали три тысячи стволов черного дерева такой длины, что из них получалось десять тысяч первоклассных бревен.

Истребление лесов, однако, шло своим чередом, пока Воган и Вие не представили материал, показывавший, что к 1936 году на острове осталось не более 7 тысяч акров (2835 гектаров) настоящего борового леса в горных районах. Лишь после этого тревожного сообщения власти всерьез занялись спасением того, что осталось.

Но сохранившиеся остатки реликтового леса столь незначительны, что на занимаемых ими площадях вряд ли удастся организовать эксперименты, чтобы воссоздать прежние леса с местными видами растительности, включая черное дерево, которое с давних пор высоко ценилось за свою прочную древесину, красивый цвет, волокнистость и удивительную стойкость к древоточащим насекомым.

К тому же эти местные породы деревьев, к сожалению, растут слишком долго. На восстановление реликтовых лесов понадобится несколько столетий, а сегодня никто не хочет строить столь долгосрочные планы даже в богатых странах. Приходится признать справедливость действий маврикийских лесоводов, отдающих предпочтение заморским породам, засаживая новыми деревьями кустарниковые районы и «лесистые местности», превратившиеся в результате хищнической вырубki в участки с никчемным вторичным лесом. Речь идет прежде всего о том, чтобы как можно дольше обеспечить остров лесоматериалами.

В 1971 году 8 тысяч гектаров государственной земли в горах были отведены под чужеземные породы деревьев, главным образом — быстрорастущую сосну (*Pinus eliotii*) из южной части Северной Америки, а также под австралийские эвкалипты. Каждый год соснами заса-

живается 400 гектаров, их разводят даже в заповедниках.

Чужеземные деревья преобладают и на морском берегу, который, согласно законам времен французского господства, считается коронной землей на расстоянии пятидесяти геометрических шагов от береговой части. Это — узенькая, чуть более 75 метров, полоска общей площадью приблизительно в две тысячи гектаров, почти повсюду засаженная ветрозащитными казуаринами, завезенными на остров еще во времена Фюзе-Обля.

Новые земли под сахар продолжали возделывать на Маврикии даже после второй мировой войны; одновременно с этим было увеличено производство сахара за счет использования новых, высокоурожайных сортов сахарного тростника. Расширению сахарного производства способствовали и благоприятные климатические условия. В 1947 году было введено страхование от ураганов и засухи, после чего, как это не парадоксально, ни одно из подобных природных бедствий не тревожило Маврикий вплоть до 1960 года, когда над островом пронесся ураган Кэрл — самый сильный в истории Маврикия. Будущее выглядело бы многообещающим, если бы в послевоенный период не произошел «демографический взрыв».

Вскоре после войны была побеждена малярия, улучшены социальные и санитарно-гигиенические условия. Последствия оказались обычными: уменьшилась смертность, прирост населения с 0,5 процента, как это было до войны, увеличился до 3,12 процента, а население возросло с 419 тысяч человек в 1944 году до более чем 500 тысяч человек в 1952 году, а в 1962 году, когда годовой прирост был наибольшим, составило 680 тысяч жителей. Вместе с ростом населения возрос импорт продуктов питания, а состояние экономики ухудшилось.

Еще во времена французов маврикийцы привыкли к тому, что Реюньон, Сейшелы и другие острова помогали обеспечивать их всем необходимым. Но если в те времена на Маврикии предпочитали производить всего понемногу, то в XIX веке там целиком переключились на выращивание прибыльного сахарного тростника, забросив все другие виды сельскохозяйственного производства и предпочитая покупать почти все продукты питания.

«Собственное земледелие существует лишь в ограниченных масштабах,— отмечал Скугман,— и продукты питания (рис) для рабочих приходится привозить из Индии и других мест. Просторные пастбища также отсутствуют, и хотя здесь можно встретить прекрасные стада, они слишком малы, чтобы удовлетворить потребность острова в мясе. Его завозят с Мадагаскара».

Так могло продолжаться до тех пор, пока сахарного тростника было в изобилии, и Маврикий мог считать себя относительно богатым островом. За последнее время такие урожайные годы, как, например, 1963-й, выдаются не часто. В этом году к тому же цены на сахар на международном рынке были необычайно высокими, и экспорт превысил импорт. Теперь сахара уже явно недостаточно для обеспечения приемлемого торгового баланса.

Ежегодный импорт продуктов питания приносит значительно больше 100 миллионов рупий, что составляет примерно 30 процентов от общего объема импортных расходов. На остров ввозится на 40 миллионов в год риса главным образом из Бирмы и Таиланда, пшеничная мука из Франции, Австралии и Германии, убойный скот с Мадагаскара и многие товары из Великобритании, Австралии, Южной Америки и других стран. Остров также не в состоянии обеспечить себя свиной, куриным мясом, яйцами и рыбой. Большую часть рыбы сюда привозят японские и тайваньские рыболовные суда, которые промысляют в водах Индийского океана.

В 1960 году, однако, в экономике Маврикия наметились новые тенденции. Две английские исследовательские группы, посланные на остров для изучения перспектив его развития, опубликовали доклады, где говорилось о скорой «экономической, социальной и политической катастрофе» Маврикия. Одной из причин этого они считали высокие темпы роста населения (к 2000 году оно должно увеличиться до трех миллионов человек). Обе группы дали, естественно, и рекомендации конструктивного характера.

Необходимо установить эффективный контроль за рождаемостью, поощрять эмиграцию и изменить экономическую структуру острова. Не годится, чтобы внешняя торговля Маврикия на 99 процентов зависела от экспорта сахарной промышленности, и финансовая система острова была необычайно чувствительна к колебаниям цен

на сахар на международном рынке. Необходимо производить больше продуктов питания, а также создать новые экспортные отрасли и новые сферы обслуживания, чтобы обеспечить работой возможно большее число людей.

Одновременно с этим указывалось на то, что маврикийская экономика имеет большое «преимущество»: богатые ресурсы дешевой рабочей силы, хотя и существует устаревшая капиталистическая и колониальная система эксплуатации. Эти доклады способствовали тому, что на Маврикии начали исправлять прежние недостатки.

Для развития всякой страны, даже маленькой, требуется время. Особую трудность на Маврикии, как и на других архипелагах, представляет то, что все производство там контролирует небольшая группа франко-маврикийской крупной буржуазии, которая после предоставления Маврикию независимости нацелилась на эмиграцию, а посему считала более выгодным отсылать свои деньги за границу, чем помещать их в новые отрасли у себя на родине. Экономическое развитие осложняется и тем, что ни один из сельскохозяйственных продуктов в условиях Маврикия не может заменить сахар как источник доходов. Экспорт сахара приносит в среднем триста миллионов рупий в год.

К тому же от сахарных плантаций зависят приблизительно 65 процентов работающего населения, а кроме того, в сахарной промышленности занята большая часть поденщиков. О полной занятости можно говорить разве что в период сбора сахарного тростника, который длится с августа по декабрь, когда сахарные заводы работают на полную мощность. В течение остальных семи месяцев в году довольно остро ощущается безработица. В июле 1970 года насчитывалось более 52 тысяч безработных.

Одновременно с этим существует низкая оплата труда. Власти устанавливают минимальную заработную плату. Несмотря на влияние профсоюзов, очень немногие рабочие получают больше десяти рупий в день. Индийский депутат Законодательного собрания Л. Бадри взял меня с собой в один из крупнейших профессиональных союзов острова «Союз сельскохозяйственных и других рабочих», где я, в частности, узнал, что минимальная заработная плата сельскохозяйственного рабочего, име-

ющего восьмичасовой рабочий день, составляла пять рупий для мужчин и 2,65 — для женщин.

До сих пор не созданы благоприятные условия для эмиграции, с помощью которой можно было бы избавиться от перенаселенности острова. Назывались различные страны, пригодные для эмиграции: Северный Борнео, Бразилия, Гвиана, Британский Гондурас в Центральной Америке и Мадагаскар, но эти страны не желали брать на себя транспортные расходы иммигрантов. Бразилия, например, явно положительно отнеслась к иммиграции с Маврикия, но путь туда слишком долгий и дорогой. Близлежащий Мадагаскар малонаселен, а следовательно, способен принять иммигрантов, но он проявил откровенное негостеприимство.

В результате очень немногим удалось уехать с Маврикия. Англия приняла небольшое число квалифицированных специалистов, которые бы больше пригодились на своей маленькой родине. Австралия предоставляет право гражданства многим, но практически только белым или «почти белым», и в Южную Африку, само собой разумеется, отправляются лишь белые маврикийцы. Даже в 1967 году, когда многие франко-маврикийцы и креолы опасались, что предоставление Маврикия независимости сделает жизнь на острове тяжелой для всех, кроме индийцев, статистическая разница между «отбывшими» и «прибывшими» составила лишь 3604 человека.

В то же время благодаря широкой пропаганде «планирования семьи» к концу 60-х годов численность населения стала уменьшаться. В известной мере этому способствовала католическая церковь, влияние которой простиралось не более, чем на одну треть населения.

Хотя 1960 год был довольно трудным для Маврикия и многие проблемы требовали еще своего решения, имеются и такие факты, которые говорят о благоприятных тенденциях развития. В 1961 году, например, плантаторы согласились выделить земли из-под сахарного тростника, чтобы на них можно было возделывать кукурузу, бобы, арахис, картофель; а в 1965 году их заставили еще больше увеличить производство картофеля. С этого же времени возобновилось производство риса. Сначала ограничились несколькими пробными полями, и, поскольку результаты оказались многообещающими, в 1969 году семьдесят пять мелких земледельцев объединились меж-

ду собой, чтобы сообща выращивать рис, ставший затем для них основным источником дохода.

Никто сейчас уже, пожалуй, не верит в то, что Маврикий с его плотным населением сможет когда-нибудь полностью обеспечивать себя продуктами питания. Но каждый шаг в сторону самообеспечения уменьшает валютные расходы и может в некоторых случаях дать очень хорошие результаты. По мнению «Барклейз Бэнк», есть, например, «все основания считать, что можно прекратить весь импорт молочных товаров». Не существует сомнений насчет самообеспечения острова рыбой. Если раньше ловля велась лишь вблизи береговых коралловых рифов, то к концу 60-х годов маврикийские рыбаки в сотрудничестве с японскими и мадагаскарскими и при содействии ФАО*, Советского Союза и других государств и организаций приступили к ловле тунца в открытом море.

Маврикий приобрел новые экспортные возможности помимо тех, которые связаны с производством сахара. Еще при жизни Пуавра на остров были завезены чайные кусты, но за выращивание этой культуры всерьез принялись лишь в 60-х годах, когда местные власти выделили под нее 6 тысяч гектаров государственной земли. Тогда чайными кустами засаживали по 300 гектаров в год, урожайность росла очень быстро, и уже в 1969 году экспорт чая — главным образом в Южную Америку и Великобританию — составил около 15 миллионов рупий.

К экспортным товарам принадлежат также копра, волокна алоэ и картофель. В последнее время было много сделано для того, чтобы одновременно с понижением рождаемости стимулировать развитие мелких и крупных отраслей экономики, как тех, что пользуются поддержкой иностранного капитала, так и тех, которые ею не пользуются. В результате больше нет оснований опасаться за самостоятельное будущее маленького государства — Маврикий. Даже старый английский колониальный банк «Барклейз» отмечает в своем ежегоднике за 1970 год, что «доверие в значительной мере восстановлено».

Большие надежды маврикийцы возлагают на туризм, который за последнее время стал развиваться с головокружительной быстротой...

* Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (примеч. пер.).

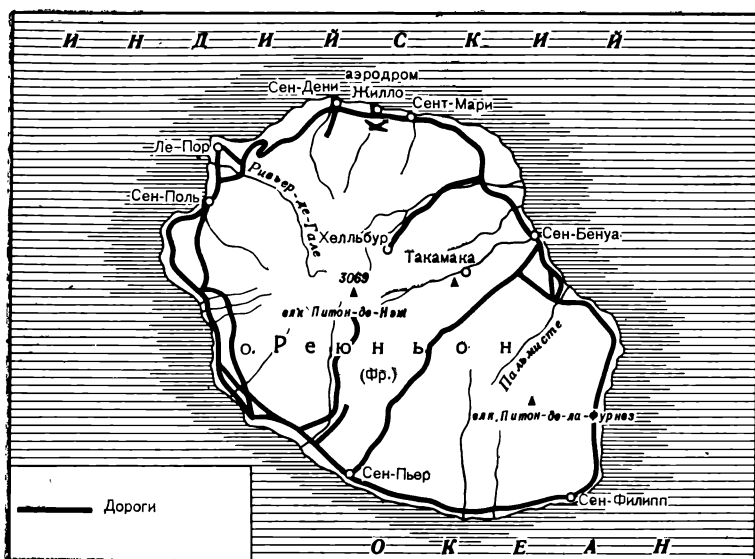
ОСТРОВ, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ ЗА ФРАНЦИЕЙ

Самый «белый» остров в Индийском океане. Странный департамент. Через штаб-квартиру коммунистической партии в префектуру. Потомки первых французов в горах. Земледелие и волны иммиграции. Белый расизм.
Развитие с неясным исходом

В некотором отношении Реюньон меня интересовал больше, чем Маврикий. Это первый из островов в Индийском океане, который удалось колонизовать французам, единственный остров, оставшийся французским после наполеоновских войн. Англичане на этот счет не заблуждались. Они рассматривали Реюньон как чисто сельскохозяйственную колонию, лишённую стратегического интереса.

Здесь нет естественных гаваней, в которых бы военные и торговые корабли могли найти защиту от морских течений и бурь. Для Англии нужны были острова, служившие базами для установления военного контроля над морскими путями в Индию. Англичане, вероятно, иначе бы вели себя на парижских мирных переговорах в 1814 году, если бы подозревали, что благодаря Реюньону французы расширят свои владения.

Вскоре после заключения мирного договора между Великобританией и Францией разгорелся спор из-за Мадагаскара. Французы давно потеряли мадагаскарский Форт-Дофин, откуда в XVII веке началась колонизация Реюньона. Но в их руках оставались другие мелкие острова, включая Сент-Мари. Первый британский губернатор Маврикия Фаркуар предложил считать эти территории подвластными Маврикию, но отданными Франции. Так как его предложение было несостоятельным с юридической точки зрения, оно было отвергнуто, а Мадагаскар решили считать принадлежащим островитянам...

Французы, однако, скоро обосновались не только на острове Сент-Мари, но и на некоторых других островах вокруг Мадагаскара, между тем как англичане попытались добиться влияния на могущественный народ хова, или мерина, в мадагаскарской столице Антананариву, где в XIX веке иногда жили военные и прочие советники из Великобритании. Англичане окончательно отказались от своих притязаний на Мадагаскар лишь к концу века, когда в Европе стали заключаться соглашения о разделе всей Африки на «сферы интересов». Гигантский остров, таким образом, был открыт для французов. Теперь Мадагаскар независимый, по крайней мере по своему названию — Демократическая Республика Мадагаскар.

По закону 1946 года, вступившему в силу в 1948 году, Реюньон объявлен не колонией, а заморским департаментом Франции, и посылает в Париж своих депутатов.

Что значило это для развития острова? Извлек ли Реюньон пользу из того, что все время оставался французским владением? Либо здесь, как и на Сейшелах, мы сталкиваемся с *maladministration*? (плохим управлением.— Е. Г.). Производил ли остров то же самое впечат-

ление, что и аналогичные ему заморские департаменты в Карибском море?

Одна важная отличительная черта Реюньона мне была известна. Белый гваделупец или мартиниканец, так же как белый франко-маврикиец, если не прямо принадлежит к господствующему классу, то почти всегда состоятелен. На Реюньоне европейское происхождение имеют и местная элита и беднейшие из бедных. В общей сложности потомки европейцев составляют тридцать процентов от общего населения острова в 450 тысяч человек, тогда как среди 800 тысяч жителей Маврикия белые образуют лишь 1,25 процента. Другими словами, белых на Маврикии не более 10 тысяч, а на Реюньоне их примерно 150 тысяч. И поскольку многие белые, живущие на этом острове, принадлежат к категории «белых бедняков», можно смело сказать, что здесь не соблюдалось старое общеколониальное правило: «белый — богатый и хороший, черный — бедный и плохой и коричневый — что-то среднее между ними».

Но что за жизнь течет на Реюньоне? Найду ли я его столицу Сен-Дени такой же уютной, как, например, столицу Мартиники Фор-де-Франс, с типично французскими кафе, вынесенными на тротуары, где по вечерам можно сидеть со стаканом ромового пунша или кружкой пива и любоваться кипящей вокруг тебя жизнью? И будет ли на Реюньоне также легко найти контакт с людьми, как на Мартинике или на Маврикии и Сейшелах? Меня одолевало много вопросов. Некоторые остались без ответа, поскольку на Реюньоне я пробыл лишь несколько дней.

Свое первое утро в Сен-Дени я встретил в тесной и мрачной комнате на первом этаже отеля «Бурбон», старинного здания в колониальном стиле с резными завитушками и прочими характерными архитектурными элементами. Меня разбудил раздраженный голос, выкрикивавший приказы в конторе. Голос принадлежал самому владельцу отеля, человеку, который не только внешне был похож на бывшего немецкого офицера, но и вел себя соответствующим образом. Раздосадованный этими резкими командными окриками, я поднялся с постели и протиснулся в миниатюрную душевую, которая когда-то, несомненно, служила гардеробом. Вода из душа все же

полилась, но ее было недостаточно для обтирания. Ну ничего, на малых островах зачастую именно так обстоит дело с удобствами. Я, однако, не сожалел, что поселился в небольшом «крысином отеле», как его называл Мартенс, мой спутник, собиратель ящериц. Он всегда предпочитал этот отель: его устраивали доступные цены. Меня также не привлек единственный современный отель в центре Сен-Дени. Несмотря ни на что, старый «Бурбон» был чистым и аккуратным, имел свою «атмосферу», просторный ресторан и удобную открытую веранду, окруженную небольшим садом, выходящим на улицу. Отменной оказалась и кухня отеля с ее французскими и креольскими блюдами, пожалуй, лучшими из тех, что мне довелось пробовать за время моего путешествия.

На Реюньон я прилетел с Маврикия вместе с Мартенсом на самолете компании «Эр Франс». Тем самым я лишил себя замечательного зрелища, которое открывается плывущему на корабле: фантастический силуэт острова с поднимающейся у горизонта самой высокой (3069 метров) горой Маскаренских островов Питон-де-Неж («Снежный пик»). Однако, несмотря на то что я отвел на путешествие по Индийскому океану пять месяцев, я не мог позволить себе ждать морской оказии. Надо было с полной отдачей использовать оставшееся время.

Вечером мы пообедали в одном из китайских ресторанов. Потом пути наши разошлись. Мартенс должен был вернуться к своим ящерицам и на следующее утро отправиться в глубь острова на охоту за редкими пресмыкающимися. Я же хотел после обеда «исследовать» Сен-Дени, где намеревался обзавестись знакомствами и навести необходимые справки. Сен-Дени оказался удивительно скучным городом. Кафе и баров здесь было достаточно, но в них — никаких признаков жизни.

Мне так и не удалось отыскать нечто похожее на всеобщее место встречи, которых обычно множество на других островах. Единственное в Сен-Дени кафе у тротуара оказалось таким же безлюдным, как и другие кафе и бары в этом городе. Лишь домовые воробьи прыгали между столиков. Впоследствии я узнал, что недостаток в развлечениях — одна из самых серьезных проблем, над решением которых бьются местные власти, пытающиеся ныне развивать на Реюньоне туризм. Туристов нечем заманивать, кроме как ландшафтом вулканических гор.

Отсутствие оживления на улицах Сен-Дени частично объясняется и тем, что все здесь удивительно дорого: напитки, еда, одежда и прочее. Причины дороговизны кроются в странных валютно-финансовых отношениях, существующих между Реюньоном и метрополией. Хотя с 1948 года остров номинально является заморским департаментом Франции, он до сих пор не получил французскую валюту. В этом отношении три других заморских департамента — Гваделупа, Мартиника и Французская Гвиана — представляют собой исключение. Если их местные франки по крайней мере идентичны французским франкам, то на Реюньоне, как и во многих других «независимых» французских колониях, и по сей день имеют хождение африканские колониальные франки — *francs C. F. A.**, сотня которых соответствует двумстам старым франкам, или двум новым.

И в других отношениях Реюньон производит впечатление колонии, несмотря на все красивые слова о «департаментализации». Не думайте, например, что рабочие получают здесь ту же зарплату, что и во Франции. Хотя реюньонским рабочим платили больше, чем маврикийским, согласно обменному курсу, в 1968 году сельскохозяйственный рабочий, скажем, получал не более 95—96 колониальных франков в час (то есть примерно тридцать копеек.— *Е. Г.*). Этого не надолго хватает там, где все стоит вдвойне дороже.

Вместе с тем, французские государственные чиновники и служащие получают очень высокую зарплату, значительно выше, чем их английские коллеги в британских колониях. Одновременно их понуждает к бережливости то, что по возвращении домой они получают вдвое больше на сэкономленные деньги. Тот, кто тратит здесь не более абсолютно необходимой суммы, может сэкономить в месяц значительно больше, чем он зарабатывал у себя на родине. По данным книги Т. Хейтера «Французская помощь», изданной в 1966 году, четвертая часть французской помощи Африке возвращается в виде подобных сбережений назад во Францию.

* *C. F. A.*—первоначально было сокращением *Colonies françaises d'Afrique* (Французские колонии в Африке), но сегодня якобы означают *Communauté financière africaine* (Африканское финансовое общество) (*примеч. авт.*).

Этот способ наживаться на колониальной валютной системе и политике в области заработной платы служит одной из главных причин того затишья, которое царит на улицах Сен-Дени, несмотря на то что в городе живет много колониальных, простите, департаментских чиновников; они-то уж должны бы сидеть в кафе и барах, как это принято во Франции или на таких островах, как Гваделупа и Мартиника.

Эти «метрополитанцы» (или как их называют «метро») не пользуются особой популярностью. С давних времен на Реюньоне за ними закрепилось креоло-французское прозвище «зорэй» («уши»). Почему именно «уши» — никто в точности не знает. Я слышал два различных объяснения: одни говорят, что французы из Франции якобы должны держать ухо востро, если хотят понять местный диалект; другие утверждают, что слово это происходит от выражения: «не говори лишнего, у властей тоже есть уши...»

Многое указывает на то, что последнее объяснение ближе к истине.

Уже в первый день я побывал в одном месте, где действительно опасаются властей, а именно — в редакции коммунистической газеты «Темуаньяж» («Свидетельство»). Один из моих вновь приобретенных маврикийских друзей, политик и профсоюзный лидер, Бадри снабдил меня рекомендательным письмом к лидеру коммунистов Реюньона Полю Вержесу. Но напрасно я ожидал, что представители оппозиции немного займутся мной и будут сопровождать меня на экскурсии по острову.

В редакции «Темуаньяж» мне сообщили, что Вержес в Париже. А Бруно Пейе, который принял меня вместо него, был со мной сдержан и сослался на недостаток времени. Он спросил меня, отдаю ли я себе отчет в том, где нахожусь. О да, я отдавал себе в этом отчет.

— Но знаете ли вы, что за вами, возможно, следят, так как вы — иностранец, и что у вас могут возникнуть неприятности, если полиция узнает, что вы здесь?

Я рассмеялся и сказал, что даже спросил у полицейского дорогу. Мой ответ не сделал Пейе разговорчивее, но кое-что мне все же удалось у него узнать. Например, он был явно недоволен принятой властями программой

развития острова, которая, по его словам, несколько не улучшит положение народа. Редко мне приходилось встречать людей, которые были бы столь отрицательно настроены к программе властей. С особой критичностью, как мне показалось, Пейе относился к проекту театра под открытым небом. Кому они нужны, театр и концерты?.. По его мнению, театр — это выброшенные на ветер деньги, развлечение для элиты.

Он сообщил еще, что козни префектуры, в том числе искажение подлинных результатов выборов, привели к тому, что коммунисты не имеют своих представителей в тех коммунах, где партия представляет большинство. Мне и до этого приходилось слышать о подобных случаях. Один из них произошел, в частности, в Гваделупе, где лидер коммунистов, врач по образованию, Р. Жирар смог добиться справедливости лишь через Государственный совет Республики.

Самое страшное в этих коммунистах, демагогически рассуждают французские власти, — их недовольство тем, что-де старая добрая Франция предоставила жителям своих заморских департаментов формальное право гражданства и тем самым стала расходовать на эти свои бывшие колонии больше, чем может на них заработать. А вместо благодарности коммунисты утверждают, что колониальные экономические отношения могут быть устранены лишь при условии, что заморские департаменты получат полное самоуправление или даже станут независимыми, как многие соседние с ними британские острова. А посему на Реюньоне, Гваделупе, Мартинике, а также во Французской Гвиане коммунистов рассматривают как «изменников родины» и обращаются с ними соответствующим образом: полиция устраивает на них облавы на избирательных участках и отказывается признавать бюллетени, поданные за коммунистов, действительными.

В отличие от Р. Жирара, когда-то совершившего путь от Франции до Гваделупы на том же самом банановозе, что и я, человека остроумного и открытого, охотно обо всем рассказывавшего, Бруно Пейе был скуп на детали. Заметив, что французские власти всегда с большей симпатией относятся к людям, избравшим официальные пути, он порекомендовал мне разыскать префектуру, в которой незадолго до этого было создано «пресс-бюро». Там наверняка с удовольствием мной займутся...

Обрадованный тем, что мне все-таки удалось получить действительно полезные сведения, я тут же взял такси и отправился в противоположный политический лагерь. Когда же пресс-атташе префектуры Ф. Жерар, удивившись, спросил, откуда мне известно о его существовании, и я рассказал, как было дело, он вздрогнул и скептически на меня посмотрел.

— Очень странно,— заметил он,— что там вам дали такой совет. С ними мы не так близки...

Это, однако, не помешало Жерару представить меня мэре префектуры, организовать встречи со всеми, с кем мне хотелось встретиться, а также взять меня на экскурсию по острову.

Однажды Жерар показал мне место, где должны были построить театр под открытым небом: на берегу залива, где сошли на берег первые французы. Здесь, как и во многих других местах вдоль побережья острова, узкая полоска берега неожиданно упирается в скалистую стену. Небольшая пещера в этой скале в честь пионеро-колонистов названа «Гротом первых французов». Наивные верующие превратили ее в маленькую католическую святыню со скамьями, алтарем, украшенным цветами, и статуей мадонны. Ее должны убрать, пояснил мне мой спутник, чтобы подготовить место для театра.

Приличная предстоит работка, думал я, глядя на гору и все больше убеждаясь в том, что кладоискатель Бешерель, которого я встретил на Маврикии, нафантазировал. В моей записной книжке я пометил: «Стены грота из вулканических камней, с „кладкой“, похожей на ту, где ищут сокровища пиратов, в Бэ-де-Томбо...»

Затем мы отправились в глубь острова мимо широких полей с цветущими пеларгониями; эфирное масло этих цветов экспортируется во Францию, где используется в парфюмерной промышленности. Когда автодорога кончилась, мы продолжили наш путь пешком по узенькой тропе. С одной стороны — отвесная скала, с другой — отвесная пропасть, по дну которой вилась Ривьер-де-Гале. Целью нашего путешествия был Кап-Нуар — точка обзора, с которой открывается широкая панорама на внутреннюю часть острова с ее необыкновенно дикими горами. Именно здесь живет значительная часть

беднейшего белого населения острова, предки которого были первыми французскими колонистами.

Идя по тропе, мы встречали людей, которые несли на спине или голове корзины и вязанки. Они вежливо с нами здоровались — это до сих пор принято в реюньонских селениях. С Кап-Нуар мы могли разглядеть, откуда шли эти люди. Здесь и там на голых вулканических кручах виднелись маленькие зеленые площадки, крошечные «островки», которые, как это ни удивительно, не только заселены, но и возделаны. «Белые бедняки с горных высот» — так называют жителей внутренних горных районов.

Их предками были первые французские поселенцы, жившие на низменных местах вдоль побережья острова. Согласно французским законам, землю после смерти отца наследовал лишь старший сын. Остальным сыновьям ничего не доставалось, и если они хотели быть самостоятельными земледельцами, то должны были искать себе новые земли. Когда безземельные колонисты заняли все равнинные земли, они стали забираться все дальше в горы.

Некоторые колонисты лишались своих земель в результате того, что в первой половине XIX века на Реюньоне, как и на Маврикии, земледелие почти целиком свелось к выращиванию сахарного тростника, требовавшего больших площадей. Часть колонистов, оставшихся без земли, сохранили за собой своих рабов, которых сдавали внаем землевладельцам на время сбора тростника. Однако после Февральской революции 1848 года, когда рабство было запрещено, они лишились этой возможности. Истратив денежную компенсацию, которая им выплачивалась за рабов, они остались без средств к существованию и превратились в «белых бедняков». Но, считая себя слишком благородными, чтобы работать на других бок о бок со своими бывшими рабами, многие из них предпочли переселиться с побережья в горы.

На Маврикии, за несколько десятилетий до этого ставшем английским, им также было не на что рассчитывать. Кое-кто из них вовремя перебрался на Сейшелы, и сейчас так называемые «ржаво-белые» носят фамилии, когда-то распространенные на Реюньоне.

На протяжении всего XIX века Реюньон находился в изоляции. Чтобы добраться до маленьких французских

колоний, расположенных вокруг Мадагаскара, требовался капитал. Некоторые возможности для иммиграции и дальнейшей колонизации острова открылись лишь после того, как в 1895—1905 годах французские войска — наконец-то с согласия англичан — завоевали и «умиротворили» Мадагаскар. Но к тому времени горные районы на Реюньоне были уже заселены. И время там почти остановилось...

Вдали раздался крик петуха. Он донесся с одной из дальних горных площадок, где «белые бедняки с горных высот» выстроили себе лачуги и возделывали свои крошечные поля. С давних пор они зарабатывают себе на хлеб тем, что спускаются вниз по узким горным тропам на рынки Сен-Дени и других городов и продают там свой скромный товар: бобы, горох, чечевицу, огурцы, корнеплоды, кур, а иногда и одного-двух гусей.

Вырученные от продажи деньги, «белые бедняки» зачастую тут же тратят на ром и развлечения. Нищета доводит их до пьянства, а изоляция в горах способствует кровосмешению. В горной части Реюньона сложилось приблизительно то же социально-генетическое положение, что и в некоторых колониях в Вест-Индии. На острове Сент-Бартелеми, например, — бывшей маленькой колонии Швеции (теперь коммуна в департаменте Гваделупа), население которого также большей частью происходит от ранних французских иммигрантов, двоюродные браки, заключаемые из поколения в поколение, сделали жителей этого острова похожими друг на друга.

Можно, конечно, спорить о том, в какой степени этот обособившийся народ можно считать «белым». Характерно, что щепетильные до всего, что касается состояния и расового происхождения, франко-маврикийцы предпочитали смотреть на «белых с Бурбона» сверху вниз, независимо от того, были они состоятельными плантаторами или мелкими землевладельцами, и не только потому, что их предки большей частью происходили от простых людей, а в основном потому, что часть предков — о горе несчастным! — были цветными. Подобную родословную обнаружить чисто зрительно нелегко, поскольку индианки и малагасийки имеют прямые волосы и «чистые» черты лица, и их потомство весьма трудно отличить от загорелого европейского лица, в особенности, после многоступенчатого смешения с европейцами. Но одного

подозрения было достаточно, чтобы маврикийцы стали «воротить нос» от своих соседей с Бурбона-Реюньона. Смешение рас безусловно было полезным. Современные исследования в области наследственности говорят, что это способствует развитию индивидов, делает их более сильными, чем родители. По словам Рейналя, в XVIII веке колонисты на Реюньоне славилась тем, что были «рослыми, сильными и смелыми». Если сегодня «белые бедняки с горных высот» далеко не всегда обладают этими качествами, то здесь сыграли свою роль экономические и социальные факторы, превратившие их в одичавших, опустившихся горцев.

Лишь с недавнего времени молодежь с гор стала стремиться в прибрежные населенные пункты, чтобы устроиться там на работу. Некоторым удалось получить образование и сделать себе карьеру. Сегодня многие из городских учителей, служащих, работников магазинов и ресторанов — белые с гор. Но на их родине, во внутренней части острова, неграмотность — до сих пор обычное явление; многие из них, особенно женщины, ни разу в жизни не были на побережье.

Легче всего приобщаются к цивилизации не те белые, что живут в самых дальних горных ущельях, а те, что обосновались в менее труднодоступных районах вокруг горных городов Силао и Хелльбур: их дети могут посещать школу. В 60-х годах лесные хозяйства стали давать работу все большему числу этих «аборигенов», низкий уровень жизни которых всегда удивлял и шокировал путешественников, склонных считать, что европейцы в тропиках — не что иное, как имущественная элита.

Первые «белые бедняки» стали перебираться в горные районы Реюньона еще в середине XVIII века. Они заметно отличались от тех, кто направлялся на Маврикий. На Реюньон приезжали настоящие колонисты, рассчитывавшие на собственный труд, даже если они имели рабов, в то время как Маврикий, еще во времена Лабурдоннэ имевший стратегическое и торговое значение, помимо офицеров, солдат, матросов и торговцев, заселялся состоятельными людьми. Они целыми семьями перекочевывали туда из Франции, в надежде основать там плантации.

Не имея у себя под боком такого производительного земледельческого острова, как Реюньон, военно-морская база Маврикий не могла бы столь успешно играть свою роль в войне против Великобритании. В значительной мере благодаря многочисленным белым мелким землевладельцам Реюньона французские солдаты и офицеры постоянно снабжались продуктами питания.

Еще до того, как на Маврикий появились первые колонисты, на Реюньоне уже были кофейные плантации. На обоих островах рос дикий, эндемичный вид из рода *Coffea*, который вначале и попытались использовать. Но так как его качество оставляло желать лучшего, в 1715 году на Реюньон были завезены саженцы *Coffea arabica* из Аравии. За короткое время кофейные плантации были расширены до таких масштабов, что производство кофе с 1727 по 1745 год, когда было возделано все побережье, увеличилось в десять раз.

В то время кофе «Бурбон» был самым популярным сортом в Париже. Впоследствии на французском рынке с ним стали все больше конкурировать сорта с Мартиники и Санто-Доминго (Гаити), в результате чего цена на реюньонский кофе упала. Но Реюньон располагал и другими сельскохозяйственными продуктами, которые экспортировались во Францию, например, хлопком, табаком, индиго, а чуть позже — пряностями. Здесь выращивали мускатные орехи, пряную гвоздику, корицу, перец и другие ценные растения, которые Пьер Пуавр завез в Памплемус, а оттуда разослал своим ученикам.

Эти культуры прижились здесь значительно лучше, чем на Маврикий, так как росли на мелких плантациях, тщательно обрабатываемых. Однако в результате длительной блокады острова во время Французской революции и наполеоновских войн, а также английской оккупации 1810—1815 годов, положение реюньонских земледельцев резко ухудшилось. Кроме того, в 1806 и 1807 годах над островом пронесли два необычайно сильных урагана, которые принесли значительный урон плантациям кофе и пряностей. Нужны были средства для восстановления пошатнувшегося хозяйства, а так как во Франции в это время ощущалась нехватка сахара, было решено сделать ставку на производство этого продукта.

Выращивание пряностей продолжалось и скоро было расширено за счет ванили, которая и поныне служит экс-

портным товаром на Реюньоне. Сахарный тростник вытеснил кофе. Мелкие земледельческие хозяйства слились в крупные плантации. Наладилось и стало быстро расти производство сахара: с 21 тонны в 1815 году до 38 тысяч тонн в 1853 и 73 тысяч в 1860 году. А так как большинство рабов после своего освобождения в 1848 году ушли с плантаций в город, а в горы одновременно хлынула новая волна «белых бедняков», на Реюньоне, как и на Маврикии, ресурсы рабочей силы стали восполняться за счет завербованных рабочих, благодаря которым Реюньон превратился в «сахарный» остров.

Долгое время эта контрактация представляла собой не что иное, как замаскированную работорговлю, приостановленную лишь в 1864 году, когда французы получили гарантии для надежного обеспечения дешевой рабочей силой своих колоний в едва ли более человеческой форме («кули») из Британской Индии.

Вместе с индийцами на Реюньон, не знавший до этого тропических болезней, пришла малярия (как и ранее на Маврикий). Жестокая эпидемия малярии свирепствовала на острове в 1868—1872 годах.

С реюньонским сахаром все острее стали конкурировать кубинский тростниковый и французский свекловичный сахар. К тому же увеличилось число вредителей-насекомых. Сократилось производство сахара, и приостановилось развитие острова. В связи с ростом активности Франции на Мадагаскаре англичане в 1885 году прекратили поставлять индийских рабочих на Реюньон, что нанесло тяжелый удар по хозяйству острова.

Были предприняты отчаянные попытки завербовать на Реюньон рабочих где только было возможно: в Африке, на Мадагаскаре, в Китае, Индокитае, на Яве, Коморах, в Сомали и Йемене. Большинство из них окончились неудачей.

Китайцы и з'арабы (индийцы-мусульмане.— *Е. Г.*) составляют не больше двух процентов населения Реюньона. Малабары здесь, как и на Маврикии, также далеко не многочисленны (двадцать процентов), в то время как на африканцев и лиц малагасийского или смешанного происхождения, то есть креолов, приходится все сорок восемь процентов.

Индийцы и на этом острове большей частью работают на плантациях и на сахарных заводах, в то время как

индийцы-мусульмане, прибывшие сюда в конце прошлого века, полностью осели в городах и стали торговцами, владельцами такси, предпринимателями. Большинство китайцев (как на Маврикии и Сейшелах) устроились в розничной мелкой торговле. Характерно, что «навестить китайцев» на Реюньоне означает «зайти в бакалею». Когда же вы хотите приобрести материю или одежду, то направляетесь к з'арабам.

На Реюньоне китайцы охотно смешиваются с другими национальностями, в то время как, скажем, мусульмане, в известной мере, держатся особняком. Они, правда, перешли на креольский язык, а их женщины уже не живут в той изоляции, в какой жили прежде, но с завидным упрямством они сохраняют верность своей религии и считают себя лучше и выше большинства. Иллюстрацией тому послужил шофер такси, доставивший нас с Мартенсом от аэропорта до Сент-Дени.

Узнав, что я собираюсь провести на острове лишь несколько дней, он захотел получить от меня заказ на обратную поездку. Очевидно, лицо мое выразило сомнение, так как он тут же с большим достоинством добавил:

— Не беспокойтесь, мсье. Я — мусульманин. На мое слово вы можете положиться.

В назначенный день он прибыл с удивительной точностью.

Несмотря на то, что некоторая часть креолов проби-лась в средние слои, уровень жизни основной массы населения, особенно темнокожих его представителей, у которых здесь, как и повсюду, где у власти стоят белые, всегда было меньше шансов преуспеть, чрезвычайно низкий. Но соотношение между различными этническими группами населения здесь иное, чем в большинстве бывших плантаторских колоний. Прежде всего, нигде в мире (в том числе на креоло-французских островах в Вест-Индии) нет такого другого острова, на котором обосновалось бы так много потомков французских колонистов, как на Реюньоне, где в горных и других районах живут более ста тысяч «белых бедняков»*.

* Площадь уже упомянутого мной Сент-Бартеlemi не превышает 24 квадратных километров, а население острова составляют лишь 2300 человек, из которых около 2 тысяч — белые (*примеч. авт.*).

На Реюньоне нет расовых противоречий, подобных нашим, говорят франко-маврикийцы, так как там слишком мало индийцев и слишком много белых. На Реюньоне же на франко-маврикийцев смотрят искоса — и говорят то же самое. Но корень зла на Маврикии кроется в классовых противоречиях. Это, как мне кажется, явствует хотя бы из того, насколько дружелюбно во всех кругах встречают белого иностранца.

Самая серьезная «опасность» для образовавшейся на Реюньоне крупной буржуазии исходит не со стороны силы, четко очерченной в расовом отношении, а со стороны политической группировки — Реюньонской коммунистической партии. Когда на острове возникают беспорядки, их участниками бывают, заявляют они, не расовые группы, а полиция и коммунисты.

Все разговоры о том, что Реюньон с точки зрения расовых взаимоотношений служит чуть ли не идеалом для других, представляют собой лишь долю правды. Поскольку на острове живет так много «белых бедняков», понятие «белый», очевидно, не может быть здесь синонимом «богатого и хорошего». Но было бы в высшей мере бестактным задать белому — все равно «бедному» или «богатому» — вопрос о том, нет ли случайно в его роду уроженок Индии или Мадагаскара. Браки белых с представителями других рас также практически исключены, даже среди «белых бедняков», уровень жизни которых почти не отличается от уровня жизни большинства креолов и индийцев.

Так было и есть везде, где белые колонисты породили на свет креольскую национальную прослойку: независимо от своего социального положения, креолы считают, что люди европейского происхождения стоят выше, чем люди с более темным цветом кожи. Когда же темнокожих охватывает «расовая ненависть» — это, как правило, лишь реакция на расизм эксплуататоров. На Реюньоне до этого, кажется, не дошло. Но может и дойти. Все, кто пользуется здесь экономической властью, ведут свой род из Европы. А пребывание на острове высокооплачиваемых, влиятельных в политическом и административном отношении «ушей» лишний раз подчеркивает преимущество европейского происхождения и белого цвета кожи...

Большинство белых чиновников живет в современных,

комфортабельных виллах высоко над Сен-Дени, в Ла-Монтане, где воздух чист и свеж и куда не доносятся шум и запахи города. В один из вечеров я отправился туда с руководителем туристического бюро префектуры мсье Лано, который недавно был переведен на Реюньон из Марокко.

С Ла-Монтаня, а также с серпантина, вьющегося вверх по склону к резиденции состоятельных чиновников, открывается впечатляющий вид на столицу. Порты у нее нет. С этим на Реюньоне до сих пор дело обстоит неважно. Для Сен-Дени море — лишь фон; в нем не видно ни рыбачьих лодок, ни судов.

Многие районы города имеют современный вид, там ведется большое строительство. На окраинах растут новые жилые дома, финансируемые государством, а в центре возводятся комбинированные торгово-деловые центры. В одной туристской брошюре Реюньон назван «островом контрастов» — довольно точное определение как для изменчивой природы Реюньона, так и для его социальных отношений.

По одну сторону от отеля «Бурбон» расположены сады с деревянными особняками в старофранцузском или старокOLONIALном стиле, с большими верандами и более или менее приличным внешним видом. По другую сторону через несколько кварталов начинаются современные строения.

Чуть дальше начинается район с наполовину обветшалыми домами, лавчонками китайцев и з'арабов, а еще дальше — настоящие трущобы, где живут африканцы и креолы. При планировании застройки и оздоровления города сейчас исходят из того, что его население, в 1970 году перевалившее за 100 тысяч, к 1981 году составит 160 тысяч жителей.

В противоположной стороне города, в «более нормальном» районе с такими же богатыми книжными магазинами и другими лавками, которые я видел на Маврикии, находится похожая на дворец резиденция префекта и прочие административные здания, сохранившиеся еще с XVIII и XIX веков. Здесь много различных памятников минувших столетий, но почти ничто не напоминает о 60-х годах нашего века, когда Франция неожиданно стала вкладывать большие средства в свои заморские департаменты.

Еще до того, как я приехал сюда, злые языки сообщали мне, что это запоздалое великодушие было некоторым образом связано с тем, что Мишель Дебре — сначала министр финансов, а затем министр иностранных дел при де Голле был заинтересован в Сен-Дени как в избирательном округе. Он, естественно, был французом из Франции, а не реюньонцем. Но если бы его кандидатуру выдвинули у него на родине, вполне возможно, что французские избиратели проголосовали бы против. Здесь, на далеком Реюньоне — за Африкой и Мадагаскаром — было значительно легче устроить так, что его не только избрали, но и переизбрали... Это, вероятно, — грубая ложь. Известно, что Дебре баллотировался именно здесь на Реюньоне: в третий раз он был избран большинством в семьдесят восемь процентов бюллетеней, признанных годными после критического осмотра чиновниками из префектуры. И именно во времена его депутатства в жизни острова произошли серьезные сдвиги: предоставлены широкие кредиты, в несколько раз увеличившие количество мелких предприятий; вложены значительные капиталы в строительство общественных объектов. Кроме того, Франция теперь отвечает за две третьих бюджета этого заморского департамента.

В основном на французские деньги, поступавшие через ФИДОМ (Инвестиционный фонд для заморских департаментов) на Реюньон, в горах, в восточной части острова, на реке Такамака была сооружена электростанция. С 1968 года она дает восемьдесят миллионов киловатт/часов. На те же деньги было заасфальтировано около тысячи километров дорог, построен аэропорт, а после продолжительных дебатов и порт.

Правда, строительство портового бассейна у мыса Пуэнт-де-Гале началось уже в 80-х годах прошлого столетия. Вокруг этого места вырос маленький городок Ле-Пор. Однако еще в 50-х годах нашего века эта стройка представляла собой грязную яму, к тому же чрезвычайно опасную для судов. Бурные течения препятствовали судоходству и намывали в портовый бассейн гальку, все время требовались трудоемкие очистительные работы, так как уровень дна в портовом бассейне постоянно повышался за счет гальки, приносимой Ривьер-де-Гале с гор.

Как теперь выглядит город, я не видел, но фарватер, по-видимому, стал надежнее после того, как в 60-х годах

в порту были проведены очистительные и строительные работы. Сам порт теперь может принимать у своего нового причала суда длиной до 185 метров. Навигация расширилась. Ныне Ле-Пор ежегодно принимает около 350 судов. Эту цифру, однако, нельзя не назвать скромной по сравнению с судоходной статистикой Маврикия, где в Порт-Луи заходит вдвое больше торговых судов, не считая японских и других рыболовецких судов, которых с каждым годом становится там все больше.

В отличие от Маврикия на Реюньоне французы позволили своим фирмам монополизировать навигацию. Как аэродром на Реюньоне полностью отведен для французских самолетов, так и реюньонский порт предоставляется главным образом французским и франко-малагасийским судам. Большинство из них принадлежит двум крупным французским судоходным компаниям: «Мессажри Маритим» и «Компани Аврез». Аналогичная ситуация существует на Гваделупе и Мартинике, где другая французская крупная судоходная компания захватила монополию на морской транспорт.

Французский капитал контролирует большую часть сахарной промышленности и располагает крупными плантациями сахарного тростника. Из пяти компаний, владеющих сахарными заводами, три французские (одной из них принадлежат, кстати, плантации и заводы на Гваделупе и Мартинике). Лишь две компании находятся в руках реюньонских плантаторов. Богатые французские предприятия в первую очередь наживаются на экспорте и импорте.

Несмотря на то, что Реюньон получает во Франции за свой сахар дороже, чем Маврикий в Великобритании, торговый баланс французского владения хуже, чем у его ближайшего соседа. Доходы от экспорта лишь на одну четверть покрывают расходы, связанные с импортом строительных материалов, промышленной продукции, бензина, продуктов питания и т. д.!

Это различие становилось все более заметным по мере того, как Франция выделяла для Реюньона фонды, предназначенные заморским департаментам. Эти фонды и кредиты, конечно же, возвращаются обратно во Францию, а остров попадает во все большую экономическую зависимость от метрополии. Но даже если это и выглядит как чистой воды неокOLONиализм — и, безуслов-

но, не только выглядит — все же очевидно, что подобного рода инвестиции в известной мере идут на благоустройство острова.

Система народного образования за последнее время была настолько расширена, что теперь девяносто процентов детей посещают школу. Если раньше учащиеся лицеев в Сен-Дени, чтобы продолжить образование, должны были ехать в Антананариву или во Францию, то теперь они могут получить университетский диплом у себя на острове. О том, насколько необходимо было расширить систему образования, говорит хотя бы то, что, не далее как в 50-х годах, пятьдесят процентов всех призывников были неграмотными. При этом, однако, нельзя сказать, что сегодня эта система функционирует надлежащим образом. Как и на других слабо развитых островах, учащиеся здесь слишком часто пропускают занятия. Особого размаха прогулы бывают в период сбора сахарного тростника, когда дети помогают родителям на полях.

На острове заметно улучшились санитарные условия. Марк Твен заметил однажды, имея в виду, правда, Маврикий, а не Реюньон, что французская власть означает «место, в котором состояние здоровья зависит от соблюдения карантина, а не от санитарных мероприятий». Ныне поводы для подобных шуток отсутствуют. Удалось уничтожить малярию, на которую еще в 1945 году приходилось сорок пять процентов всех смертных случаев. Правда, остались еще различные кишечные заболевания. Зато на острове появились госпитали. В 1965 году, например, многим жителям было предоставлено бесплатное лечение на сумму в 3502 миллиона колониальных франков, из которых две третьих были выделены Францией. Соответствующая цифра в 1948 году составляла лишь 13 миллионов.

Все эти достижения привели к возникновению качественно новых, но в международных масштабах довольно банальных проблем. С уменьшением смертности прирост населения быстро увеличился, и теперь люди моложе двадцати лет составляют пятьдесят пять процентов населения. В отличие от Маврикия здесь, однако, будет значительно труднее ввести контроль над рождаемостью, так как почти восемьдесят процентов жителей — католики. Конечно, это может привести к массовой безработице и голоду.

Разумеется, благодаря крупным инвестициям 60-х годов многие получили работу. За последние двадцать лет в несколько раз увеличилась и заработная плата. Но вместе с ней возросли и цены. К тому же, лишь двадцать пять процентов населения — рабочие (во Франции рабочие составляют сорок один процент). Среди бедноты всех оттенков кожи недоедание — довольно частое явление. Пища их носит главным образом растительный характер, и поэтому они испытывают острый недостаток в животных белках и жирах. На этой почве возникают авитаминозные заболевания.

Правда, есть надежда, что этот недостаток можно частично устранить, прежде всего за счет развития рыбного промысла. С помощью одного энергичного чиновника из префектуры мне удалось вступить в контакт с «Эн-скрипсьон Маритим», которая ведает рыбной ловлей на острове.

До сих пор она велась в незначительных масштабах, в точности, как на Сейшелах и Маврикии. Несколько сот местных рыбаков рыбачили вдоль побережья на своих маленьких лодках. Вся трудность для них заключается в том, что поблизости нет континентального цоколя, где бы можно было ловить рыбу. Вокруг берегов Реюньона вулканического происхождения нет ничего похожего на Сейшельскую банку. К северу от острова есть рыбная банка, но она недостаточно ровная для тралового лова. Остается лишь канатная ловля.

Рыбакам, однако, предстоит много работы, так как Индийский океан еще мало используется. И хотя здесь, в некоторых районах у коралловых рифов, как в Тихом океане, так и в Карибском море, встречается тропический рыбий яд (*ciguatera*), из-за чего запрещена ловля на некоторые виды рыб, зато нет риска выловить рыбу, зараженную радиоактивностью.

Сейчас проходит испытания новый тип рыболовного судна, предоставленного Реюньону государственной организацией САТЕК (Заморское общество технической помощи и социального кредитования), а также строятся и проектируются четыре новых рыболовных порта; построена рыболовецкая школа. Пока же Реюньон получает рыбу с французских судов. Они выходят из Марселя и, огибая Африку, приходят на Реюньон, оставляя на нем все, что им удалось выловить по пути. Здесь они берут

на борт матросов и направляются на юг, к французским островам Сен-Поль и Амстердам, где водится много лангустов, которых рыбаки ловят в течение лета Южного полушария — до марта. Затем они возвращаются на Реюньон, сгружают здесь пойманную за это время рыбу и меньшую часть лангустов и потом с оставшимся уловом возвращаются в Марсель.

На Реюньоне предполагается наладить ловлю тунца. Франция — это единственная страна в ЕЭС, которая промышленности этой рыбой. Существуют планы создания на Реюньоне базы для «тунцового» флота, чтобы успешно конкурировать с японцами.

Французская комиссия экспертов установила, что, используя более короткие канаты и вылавливая более мелкий вид тунца, можно даже превзойти уловы японцев. Если они откажутся продавать тунца во Франции, им предоставят место для строительства рыболовецкой базы на Реюньоне, а это в свою очередь привлечет на остров капитал.

Встречи со специалистами в области земледелия и лесоводства произвели на меня также благоприятное впечатление, особенно их отношение к вопросу об охране природы. На узкой полоске низменности, протянувшейся вдоль берега, конечно, мало что осталось от первоначальной растительности. Зато сохранилась степная флора. Она расположена за границей лесов, проходящей на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Благодаря резко пересеченной местности лес здесь находится в менее плачевном состоянии, чем на Маврикии.

Оказалось, что лесоводы на Реюньоне, сотрудники Национального управления лесов, в своей работе нацелены на восстановление прежде всего лесов из местных пород деревьев, в том числе трех видов пальм: *Dictyosperma alba*, *Acanthophoenix rubra* и *Acanthophoenix cinnata* — как «очень ценных диких овощей». Речь идет о производстве на площади в шесть тысяч гектаров «салата-миллионера». Французы остались верны своей привязанности к деликатесам.

На побережье, естественно, сажают и чужеземные породы, например, казуарину. Но горы на Реюньоне в значительной мере сохраняют свою первозданную флору. Единственное чужестранное дерево, оказавшееся в глубине острова выше шестисот метров, — японская

криптомерия (*Cryptomeria japonica*). Им будет засеяно три тысячи гектаров — не очень много по сравнению с той площадью, которая отводится под местные породы. Много усилий тратится на то, чтобы восстановить естественный лес из высокогорных акаций (*Acacia heterophylla*), растущих на высоте между тысяча двести и две тысячи метров над уровнем моря; это дерево по свойствам своей древесины напоминает дуб. Проводятся также посадки такамаки, черного дерева и пяти других местных пород с ценной древесиной.

Пока же весь промысловый лес импортируется из Швеции, Норвегии и Финляндии. На самом острове есть 50 тысяч гектаров государственного и 40 тысяч гектаров частного леса, который постоянно улучшают за счет новых посадок. Скоро его откроют для промысла. Бревна будут спускать с гор при помощи канатных дорог. Выращивание поделочного леса планируют начать в 80-х годах, и есть надежда, что к началу следующего века Реюньон станет сам обеспечивать себя лесной продукцией.

До сих пор так и не удалось наладить производство необходимых продуктов питания на острове, который некогда обеспечивал ими не только себя, но и соседний Маврикий. Население стало слишком велико, а экономика сильно зависит от доходных экспортных культур. Хотя в XX веке производство сахара на острове вновь стало расширяться и к настоящему времени достигло 300 тысяч тонн (квота, которую Франция обязалась закупать), в процентном отношении Реюньон меньше зависит от сахарной промышленности, чем Маврикий, получающий от этой отрасли от 90 до 95 процентов всех своих доходов. Реюньон же — не более 85 процентов. Эта небольшая разница объясняется главным образом тем, что к концу XIX века на Реюньоне стали выращивать один из видов пеларгонии или герани (*Pelargonium capitatum*), которая дает с гектара 20 кг важного и дорогостоящего сырья для производства мыла и для парфюмерии.

Пеларгонии отданы несколько тысяч гектаров на склонах гор на высоте от 400 до 1200 метров. Рядом с ней расположены небольшие плантации бородача (*Andropogon squarrosus*), корни которого также служат ценным парфюмерным сырьем. В восточной, самой влажной части острова, 500 гектаров засажены ванилью, эндемичным деревом из рода *Pandanus* и казуариной.

В настоящее время пытаются частично рационализировать сахарную промышленность, сократить производство рома и немного увеличить экспортные доходы за счет новых сельскохозяйственных культур. Тысяча гектаров будет отведена под чай и тысяча двести под растение *Pyrrethrum*, цветы которого выделяют инсектицид — пиретрин. Одновременно возрастает производство продуктов питания главным образом за счет возделывания новых земель. Несмотря на то, что люди живут на Реюньоне с XVII века, на нем до сих пор имеются неиспользуемые площади, пригодные для земледелия. К 1970 году на острове было возделано в целом 70 тысяч гектаров земли. Эту цифру рассчитывают увеличить до 80—90 тысяч гектаров, оросив сухие почвы на побережье (такие имеются даже на севере и западе, с «подветренной стороны») и за счет дополнительной обработки склонов.

Реюньон, таким образом, имеет благоприятные возможности для развития. Но население острова неизменно растет, а с тех пор, как Мадагаскар стал республикой, там перестали принимать реюньонских эмигрантов. В 1970 году на Реюньоне насчитывалось около 450 тысяч жителей. Если даже годовой прирост населения будет составлять не более трех процентов, то еще до 2000 года население острова перевалит за миллион.

Будет ли Франция к тому времени по-прежнему считать остров «своим»? Не приведет ли отношение белого населения к цветному, а также склонность метрополии давать одной рукой и брать как можно больше другой, к возникновению серьезных беспорядков? Обретет ли Реюньон независимость? Улучшится ли от этого его социально-экономическое положение? Не затормозит ли что-нибудь рост населения, несмотря на то, что реакционная католическая церковь наверняка еще долго будет противиться открытой пропаганде «планирования семьи»?

Невзирая на финансовую помощь Франции в 60-х годах, проблема Реюньона кажется более крупномасштабной и более трудноразрешимой, чем проблема Маврикия. По сравнению с тем положением, которое сложилось на единственном креоло-французском острове, оставшемся за Францией, положение маленьких Сейшел кажется чуть ли не идиллическим. Это касается и их возможности использовать испробованное уже средство обогащения для бедных стран и островов — туризм...

Различные способы путешествовать. Сейшелы открываются для самолетов. Преимущества Маврикия. Недостатки Реюньона. Родригес и путешествия по островному миру

Лучше всего добираться до тропических островов морем.

Туристы многое теряют, если летят к островам в Карибском море, Индийском или Тихом океанах на самолете. Я рад, что мне почти всегда удавалось добираться до этих мест морским транспортом: на банановозах из Франции или Голландии в Вест-Индию, на «Кампале» из Восточной Африки до Сейшел и на «Маврикий» — до одноименного острова. Плывя по морю, ты успеваешь настроиться на новые впечатления с максимальной восприимчивостью.

Путешествующий литератор — путешественник по своему привилегированный. Поскольку само путешествие входит в его рабочие обязанности, он может уделить ему больше времени, чем другие люди, путешествовать, как ему заблагорассудится, и жить, где он пожелает. Все, что происходит вокруг него, все, что он сам делает, может прямо или косвенно способствовать созданию той картины, которую он впоследствии попытается воспроизвести. Даже если автор захочет дать обстоятельный рассказ и отказаться от тех личных впечатлений, которые не служат иллюстрацией фактической стороны дела, он просто-напросто должен иметь как можно большую свободу выбора и не противиться естественному ходу событий. Каким бы «подготовленным» он себя не считал до отъезда, он обязательно натолкнется на неожиданные путеводные нити, которым нельзя не следовать без ущерба для дела.

Нынешние суматошные путешественники-отпускники почти не имеют выбора, вынуждены путешествовать «бы-

стро», по жесткой программе, детально разработанной задолго до самого путешествия, но упрекать их, естественно, не за что. Именно этот вид путешествия позволяет все большему числу людей побывать в отдаленных уголках нашей планеты. Благодаря чартерным самолетным рейсам Сейшельские, Маскаренские и другие, до этого редко посещаемые острова могут надеяться получить свою долю валюты от туризма, которая рекой течет из «богатых» стран.

В известном смысле для Сейшел наступили «черные дни» после того, как в 1971 году начал работать аэродром на Маэ и туристская индустрия «заработала» на полных парах. Неизбежно отомрут многие из «идиллических» черт островов. Как только планы строительства аэродрома были преданы гласности, цены на землю поднялись, и на божий свет вынырнули спекулянты всех мастей, которые принялись конкурировать, или сотрудничать, с «малабарскими» предпринимателями. Есть основания опасаться, что часть маленьких, уютных, туристских отелей в 70-х годах будет заменена большими, фешенебельными и посему обезличенными заведениями на большинстве лучших пляжей из мельчайшего кораллового песка. Однако, принимая во внимание многочисленность и разнообразие островов, всегда можно будет отыскать им замену, а богатейшая тропическая природа все равно не утратит своего обаяния. Райский уголок на острове Праслен будет соблазнять своими необычными сейшельскими пальмами и двойными кокосовыми орехами. Силуэт и Фелисите, Дю-Барре и остров китобоев Сент-Анн, Ла-Диг со своими фантастическими гранитными скалами вдоль побережья, Кузен и Фрегат со своими редчайшими птицами — все центральные острова — станут популярными для однодневных экскурсий из отелей на Маэ и Праслене.

Сейшелы как «осколки континента» оставляют волнующие впечатления тем, кто интересуется природой и животным миром. Более того, сама атмосфера на этих островах настолько терпима, что, отдыхая здесь, можно получить бóльший покой и бóльшую свободу, чем на более крупных, более людных и более «буржуазных» Маскаренах. Те же, кто хочет как можно дальше уйти от цивилизации, сможет, как и на Маэ, Праслене или Ла-Диге, взять напрокат лодку и использовать ее сообразно

собственным желанием: скажем, отправиться на юг, к коралловым островам, в сторону атолла Альдабра — царства гигантских черепах.

Разгар сезона на Сейшелах длится с мая по сентябрь, в период относительно сухого и прохладного юго-восточного муссона, когда дневная температура редко превышает тридцать градусов в тени, а ночная редко опускается ниже двадцати пяти градусов. Но и в любое другое время, когда дует более влажный и жаркий северо-западный муссон, погода на островах довольно приятная. Здесь почти нет опасности попасть в тропический ураган. С тех пор, как на островах поселились первые колонисты, Сейшелы лишь один раз были во власти урагана: в октябре 1862 года.

У Маскарен, естественно, также есть что предложить любителям тропической природы — начиная от береговых рощ казуарина и кончая остатками реликтовых степей и боров высоко в горах. Благодаря усилиям Фюзеле-Обля, Пьера Пуавра и других, только в одном ботаническом саду Памплемус можно увидеть тропические культурные растения со всего света. На Маврикии над городами и волнистыми полями сахарного тростника поднимаются непривычно заостренные горные вершины, а у прибрежных рифов любознательных ожидают богатые впечатления. Если отплыть далеко от берега, можно заняться «рыбной сафари» на акулу, рыбу-меч, рыбу-копье и рыбу-парус.

Маскарены отличаются мягким климатом, но лучшие месяцы здесь сентябрь, октябрь и ноябрь. Ураганы, как правило, бывают в другое время года. Это относится как к Реюньону, так и к Маврикию. Но внимание туристов больше привлекает Маврикий, особенно после того, как вышло в свет «рекламное издание» — любовный роман «Поль и Виргиния».

Еще в начале 60-х годов большинство туристов посещали Маврикий проездом. Часть из них приезжала на остров морем. С давних пор Порт-Луи обслуживают английские, французские, скандинавские, голландские, южноафриканские и другие судоходные компании. Иные останавливались здесь на несколько дней между самолетными рейсами из Африки в Австралию. Однако с увели-

чением числа рейсов в международном аэропорту Плезанс, расположенном на восточном побережье острова рядом с Маэбуром, на Маврикии стало останавливаться все больше народу, чтобы ознакомиться с местными достопримечательностями.

А их здесь чрезвычайно много, особенно — «созданных человеком». На острове множество исторических памятников чуть ли не со времен голландцев, колониальных резиденций французских плантаторов и английских колониальных укреплений, индуистских храмов, мусульманских мечетей и китайских пагод. Если повезет, можно стать очевидцем индийских праздников с красочными процессиями в честь бога Шивы или в память о победе бога Рамы над злыми силами. Причина столь большой притягательной силы Маврикия заключается именно в том, что остров представляет собой как бы место встречи Востока и Запада, а жители его происходят из самых разных стран, каждая из которых в той или иной мере наложила отпечаток на быт и нравы острова, на его архитектуру.

Само собой разумеется, что Маврикий имеет все возможности для того, чтобы стать популярным туристским объектом, в особенности, если до него так легко добраться: ведь его регулярно обслуживают семь или восемь авиационных компаний четырех континентов. Поэтому важной частью строительных работ 60-х годов было возведение современных отелей как во внутренних районах острова, в частности, в Кюрпипе (название этого города в переводе означает «стержень для чистки трубок»), так и на побережье.

Эти капиталовложения вскоре оправдали себя. Число посетителей острова увеличилось с 10 тысяч в 1965 году до 20 тысяч в 1969. Большинство приезжают с Реюньона, чтобы извлечь выгоду из разницы между реюньонскими и маврикийскими ценами. Едут сюда и из Южной Африки, Австралии, с Мадагаскара. С каждым годом Маврикий посещают все больше туристов из Франции, Великобритании и США. В Лондоне продаются дешевые билеты на почтовые суда, плавающие на этот остров.

Сейчас на Маврикии планируют строительство нескольких новых больших отелей на берегу океана и одного отеля в столице Порт-Луи. В плане строительства намечено сооружение систем бунгало и нового аэропорта.

Одновременно планируют расширить аэропорт Плезанс, в частности, для того, чтобы предоставить большую свободу действий американским ВВС, ныне почти повсеместно присутствующих в Индийском океане...

Из всех небольших островов Индийского океана Реюньон обладает, пожалуй, самым разнообразным пейзажем и самым величественным природным ландшафтом, так что и в этом французском заморском департаменте год от года расширяют возможности для приема дальних гостей. За последнее время на острове построили современные отели — рядом со старыми, зачастую никуда не годными. Имеются превосходные рестораны как с французской, так и китайской кухней, что и следует ожидать от французского острова. Рядом с действующим вулканом Питон-де-ла-Фурнез есть даже база для «вулканолозов». Мне рассказывали также, что туристическая организация («Клуб Медитерране») собиралась открыть здесь свои базы.

Но у Реюньона есть серьезные недостатки. Его берега настолько скалисты, что на всем острове имеется лишь один хороший пляж — Букан-Кано. По вечерам в городах нечего делать. И хуже всего то, что на острове до сих пор сохраняются колониальные экономические отношения. Из-за искусственных «ножниц» валютного курса и вдвое взвинченных цен ни одному здравомыслящему маврикийцу, например, и в голову не придет провести здесь свой отпуск, хотя он считает Францию своей настоящей родиной.

Реюньон интересен не только для туристов из Франции, но и для всех путешественников, которые желают познакомиться с его удивительной флорой. Каждый раз туристы много теряют, посещая Маврикий и даже не заглядывая на соседний Реюньон — остров, который всегда принадлежал Франции.

Сам я, к сожалению, так и не добрался до Родригеса, но и туда скоро легче будет попасть, так как там собираются соорудить посадочную полосу для самолетов, а в Порт-Луи уже создана новая авиационная компания, «Эр-Моритьюс», которая будет обслуживать в первую очередь Родригес и еще более мелкие острова, подчиненные Маврикийю и лежащие к северу от него. Я не удивлюсь, если транспортные связи будут развиваться и дальше. Маврикий является членом «Туристической ас-

социации Индийского океана», в которую входят также Мадагаскар, Реюньон и Коморские острова. Она имеет свой центр в столице Мадагаскара Антананариву (иначе Тананариву, или просто Тана).

А если сюда еще присоединятся Сейшелы или по крайней мере установится воздушная связь между Маэ и Маврикием, то можно будет совершать поистине сказочные путешествия по креоло-французскому островному миру Индийского океана. Правда, эти путешествия будут слишком просты, а следовательно и менее захватывающими. Но чем больше людей получают возможность побывать на этих островах, тем больше будет путевых радостей и восторгов, а главное — денежных поступлений, столь необходимых для этих островов. А тем, кто предпочитает путешествовать по морю, всегда останутся корабли, на которых можно приближаться к островам постепенно, наслаждаясь предчувствием земли, ее видом с моря и проходом между коралловыми рифами к пристани, до отказа заполненной людьми.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Accounts of Slave Compensation Claims. Ordered, by the House of Commons, to be Printed, 16 March 1838. L.
- Bailey D. List of the Flowering Plants and Ferns of Seychelles. Victoria, 1961.
- Baker J. G. Flora of Mauritius and the Seychelles. L., 1877.
- Beamish T. Aldabra Alone. L., 1970.
- Benedict B. Mauritius. Problems of a Plural Society. L., 1965.
- Berlioz J. Oiseaux de la Réunion.—«Faune l'Empire Français». Vol. 4. P., 1946.
- Bradley J. T. The History of Seychelles. Vol. 1—2. Victoria, 1940.
- Bradshaw L. A. Know Your Own Country. A Primary School Geography of Seychelles. L., 1954.
- Brunet A. Trois cents ans de colonisation française à l'île Bourbon (La Réunion). P., 1948.
- Bulpin T. V. Islands in a Forgotten Sea. Cape Town, 1969.
- Carletti F. Reise um die Welt 1594. Baden-Baden, 1966.
- Christensen C. On the Ferns of the Seychelles and the Aldabra Group.—«Transactions. Linney. Soc». 2nd Ser. Botany. Vol. 7, № 10, L., 1912.
- Corner E. J. H. The Natural History of Palms. L., 1966.
- Crook J. H. The Present Status of Certain Rare Land Birds of the Seychelles Islands.—«Seychelles Government Bull». 1960, № 1.
- Dalgaard S. Danish Enterprise and Mauritius Ebony, 1621—1624.—«Scandinavian Economical and Historical Review». Vol. 4, № 1. Köpenhamn, 1956.
- Darwin Ch. Journal of Researches into Natural History and Geology of the Countries Visited during the Voyage of H. M. S. Beagle Round the World. L., 1890.
- Dietz R. S. More About Continental Drift.—«Sea Frontiers». Vol. 13, № 2, Miami, 1967.
- Eriksson J. Djuphav och vulkanöar. Stockholm, 1953.
- Estridge H. M. Six Years in Seychelles. (6. м.), 1885.
- Fairbridge R. W. The Indian Ocean and the Status of Gondwanaland.—«Program in Oceanography». Vol. 3. Oxford, 1965.
- Falck K. Norsk handel, sjøfart og kolonisasjon på Madagaskar 1865—1880.—«Sjøfartshistoriska. Årbok». Bergen, 1965.
- Fauvel A. A. Unpublished Documents: The History of the Seychelles Islands anterior to 1810, etc. The whole compiled by A. A. Fauvel and Published by order of the Governos of Seychelles. Mahé, 1909.
- Gaymer R. Amphibians and Reptiles of the Seychelles—«Britisch Journal Herpetology». Vol. 4. № 2. L., 1968.
- George W. Animal Geography. L., 1962.
- Grandpré J. E. D., de A Voyage in the Indian Ocean and to Bengal, Undertaken in the Years 1789 and 1790. L., 1803.
- Greenway J. C. Jr. Extinct and Vanishing Birds of the World. Special Publication. № 13, Am. Comm. for Internftional Wild Life Protection. N. Y., 1958.

- Hachisuka M. The Dodo and Kindred Birds, or The Extinct Birds of the Mascarene Islands. L., 1953.
- Haeckel E. Naturling Skapelsehistoria. Stockholm, 1882.
- Harrison Church R. J. и др. Africa and the Islands. L., 1964.
- Harroy J.-P. Liste des Nations Unies des parcs nationaux et réserves analogues. IUCN Publication Nouv. Série 11. Bruxelles, 1967.
- Hartlaub G. Die Vögel Madagaskars und der benachbarten Inselgruppen. Halle, 1877.
- Hedberg I, Hedberg O. (ред.). Conservation of Vegetation in Africa South of the Sahara.—«Acta Phytogeografy. Suecia» 54. Uppasala, 1968.
- Hollingworth D. They Came to Mauritius. L., 1965.
- Holmberg L. Mauritius, A study in disaster. — «Economy and History». Vol. 5, Lund, 1962.
- Honegger R. E. The Green Turtle (*Chelonia mydas japonica* Thunberg) in the Seychelle Islands.—«British Journal Herpetol». Vol. 4, № 1. L., 1967.
- Honegger R. E. Amphibia and Reptilia. Red Data Book, Vol. 4. IUCN. Morges, 1970.
- Jones S. The French Patios of the Seychelles.—«Africa Affairs, Journal of the Royal Africa Society». Vol. 51, № 204, VII, 1952.
- Kurtén B. Istiden. Stockholm och Milano, 1969.
- Leblond M. Les îles soeurs ou le paradis retrouvé. P., 1946.
- Leguat F. The Voyage of François Leguat of Bresse to Rodriguez, Mauritius, Java, and the Cape of Good Hope. 1—2. «Hakley Society». L., 1891.
- Lousteau-Lalanne P. Sea and Shore Birds of the Seychelles.—«Seychelles. Soc. Occ. Publ.», № 1—2. Victoria, 1962—1963.
- Luther D. Die ausgestorbenen Vögel der Welt.—«Die Neue Brehm-Bücherei», № 424. Wittenberg—Lutherstadt, 1970.
- Lüttschwager J. Die Drontevögel.—«Die Neue Brem—Bücherei». № 276. Wittenberg—Lutherstadt, 1961.
- Ly-Tio-Fane M. Mauritius and the Spice Trade. The Odyssey of Pierre Poivre.—«Mauritius Archives Publication Fund, Publ». № 4. Port-Louis, 1958.
- Malavois J. B. P. de. Notice ou aperçu général sur les Isles Seychelles pour répondre aux questions du citoyen Capitaine général, samt Mémoire sur la Tortue de terre, la Tortue de mer et le Caret de l'Archipel de Seychelles, 1787. (См. в кн.: Fauvel A. A. Unpublished Documents...).
- Mauritius. Central Office of Information Ref B., 83. L., 1968.
- Melville R. Angiospermae. Red Data Book. Vol. 5. International Union of Conservation of Nature. Morges 1970. (Annotated List of the Endemic Flowering Plants of the Seychelles, R. Melville & C. Jeffrey.)
- Merrien J. Histoire mondiale des pirates, filibustiers et négriers P., 1959.
- Mortensen T. Francois Leguat og hans Rejsebeskrivelse. Naturens Verden 1932, 1934. Köpenhamn.
- Newton R. Ornithological Notes on Mauritius and the Cargados Carajois Archipelago.—Proceed. Royal Soc. of Arts & Sciences of Mauritius», Vol. 2: I. Port-Louis, 1958.
- Nicoll M. J. Three Voyage of a Naturalist. L., 1908.

- Oudemans A. C. Dodo-Studien. — «Verhandelingen Koninklijke Akademie der Wetenschappen». Amsterdam, Tweede Sectie. Vol. 19, № 4. Amsterdam, 1917.
- Parsons J. J. The Green Turtle and Man. Gainesville, 1962.
- Paulian R. La zoogéographie de Madagascar et des îles voisines.—«Faune de Madagascar». Vol. 13. Tananarive, 1961.
- Pehrson T. Djurgeografi. Stockholm, 1955.
- Pellegrin J. Les poissons des eaux douces de Madagascar et des îles voisines (Comores, Seychelles, Mascariègues). Mémoires. Acad. Malgache, fasc. 14. Tananarive, 1933.
- Penny M. A New Sanctuary in the Seychelles.—«Oryx»,—Vol. 9, № 3. L., 1967.
- Pettersson H. Med Albatross över havsdjupen. Stockholm, 1950.
- Pike N. Sub-Tropical Rambles in the Land of the Aphanapteryx, N. Y. 1873.
- Rauville C. de. Lexique des mauricianismes à éviter. Port-Louis, 1967.
- Raynal G.-T. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Vol. 4, L., 1792.
- Reinhardt L. Kulturgeschichte der Nutzpflanzen. 1—2. München, 1911.
- Rendahl H. Zur Herpetologie der Seychellen. 1. Reptilien.—«Zoologisches Jahrbuch, Abteilung für Systeme». Vol. 72. Jena, 1939.
- Ridley M. W. and Percy R. The Exploitation of Sea Birds in Seychelles.—«Colonial Research Studies». L., 1958. № 25.
- Robequain C. Madagascar et les bases dispersées de l'Union Française. P., 1958.
- Rosset A. Les premiers colons de l'îles Bourbon. P., 1967.
- Saint-Pierre B., de. Voyage à l'Isle de France, à l'Isle de Bourbon, and c., par un Officier du Roi. Amsterdam, 1773.
- Sauer J. D. Plants and Man on the Seychelles Coast.—«A Study in Historical Biogeography». Madison, 1967.
- Scott R. Limuria. The Lesser Dependencies of Mauritius. L., 1961.
- Sjögren B. Öarna kring vinden. Stockholm, 1970.
- Skogman C. Fregatten Eugénies resa omkring jorden åren 1851—1853. Stockholm, 1855.
- Smith J. L. B., Smith M. M. Fishes of the Seychelles. Grahamstown, 1963.
- Strickland H. E. & Melville A. G. The Dodo and Its Kindred, or the History, Affinities, and Osteology of the Dodo, Solitaire, and Other Extinct Birds of the Islands Mauritius, Rodrigues, and Bourbon. L., 1848.
- Stoddart D. R. The Aldabra Affair.—«Biological Conservation». Vol. 1, № 1. Yarmouth, 1968.
- Swabey C. The Endemic Flora of the Seychelles Islands and Its Conservation.—«Biological Conservation». Vol. 2, № 3. Yarmouth, 1970.
- Sörlin A. Om vegetationen på Seychellerna. — «Sveriges Botaniska Tidskrift». Vol. 51, № 1. Stockholm, 1957.
- Tavernier J. B. Les six Voyages de Jean Baptiste Tavernier,

- Ecuyer Baron d'Aubonne, Qu'il A Fait en Turquie, en Perse, Et Aux Indes, etc. La Haye, 1713.
- Thomas A. Forgotten Eden. A View of the Seychelles Islands. L., 1968.
- Toussaint A. La route des Iles. Contribution à l'histoire maritime des Mascareignes. P., 1967.
- Travis W. Shark for Sale. L., 1961.
- Unienville Alix d'. Les Mascareignes. Vieille France en mer indienne. P., 1954.
- Vaughan R. E. & Wiehe P. O. Studies on the Vegetation of Mauritius. I. A. Preliminary Survey of the Plant Communities.— «Journal of Ecology». Vol. 25. № 2. Oxford, 1937.
- Vincent J. Aves. Red Data Book. Vol. 2. International Union of Conservation of Nature. Morges. 1966.
- Vinson J. The Extinction of Endemic Birds in the Island of Mauritius, with a possible way of saving some of the remaining species. 9 Bulletin of the International Council for Bird Preservation L., 1963.
- Wallace A. R. Island Life. L., 1895.
- Waugh A. Where the Clocks Chime Twice. L., 1952.
- Webb A. W. T. Story of Seychelles. Victoria, 1965.
- Wegener A. Die Entstehung der Kontinente und Ozeane. Braunschweig, 1962.
- Wheeler J. F. G. The Potential Fish Production of the Seychelles Area, and Notes on the Fisheries there. Victoria. 1946.
- Wilson J. T. Continental Drift. Scient. American. San Francisco. April, 1963.

- Африка. Энциклопедический справочник (ст. «Реюньон»). Т. 2. М., 1963.
- Канаев В. Ф., Нейман В. Т., Парин Н. В. Индийский океан. М., 1975.
- Макаров Н. М. Сахарные острова. Очерки о Маскаренских островах. М., 1966.
- Остров Маврикий борется с малярией.— «Здоровье мира». Женева, 1967, № 5.
- Пеертхум С. Маврикий — новое независимое африканское государство.— «Советская этнография». М., 1969, № 1.
- Семашко И. М. Маврикий.— В кн.: Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978.
- Скобелев Г. Новая жизнь «улыбающегося архипелага».— «Азия и Африка сегодня», 1978, № 5.
- Трофимов В., Тарасов В. Реюньон. М., 1969.
- У карты Индийского океана. М., 1974.
- Шаталов А. Реюньон.— «Азия и Африка сегодня», 1979, № 7.
- Шингер А. Г. Новое на карте зарубежного мира (справочник). М., 1968.

Автор книги «Осколки континента» Бенгт Шёгрэн — известный прогрессивный шведский писатель, натуралист и путешественник. Он получил специальное образование по естественным наукам, основательно изучив зоологию и ботанику. Однако судьба Шёгрена в науке сложилась так, что он предпочел исследовательской работе популяризацию. Главной темой ее стали отношения человека и окружающей среды. Первые книги Шёгрена-популяризатора (а начал он печататься в 1958 году) были посвящены природе Швеции. Затем шведский ученый заинтересовался тропическими островами Карибского моря. Он изучил обширную литературу о них и совершил длительное путешествие по Вест-Индии. По результатам своих путевых наблюдений Шёгрэн написал три книги, две из которых переведены на русский язык и изданы в нашей стране*.

Страницы своей последней книги Б. Шёгрэн посвятил островам западной части Индийского океана. И это не случайно. Сотни книг, статей, очерков, путевых дневников, отчетов, официальных документов были написаны о Тихом и Атлантическом океанах. А Индийский океан и его малые острова долгое время оставались недостаточно изученными. Мало что знали об их флоре и фауне, о жизни людей, их населяющих, об истории их открытия, о социально-экономическом развитии.

Лишь после второй мировой войны, а точнее, с середины 60-х годов, ситуация изменилась. Чем же объяснить внезапный интерес к Индийскому океану и его островам?

Здесь живет около одной трети населения земного шара. Зона Индийского океана является одной из крупнейших в мире кладовых полезных ископаемых. На этот район приходится 80,7% мировой добычи золота, 56,6% — олова, 77,3% — натурального каучука, 28,5% — марганца и т. д. На его берегах имеются мощные нефтеносные районы. В наш век, когда наука год от года открывает все новые возможности использования водных ресурсов и минеральных богатств дна океана, его значение еще более возросло. С созданием автомати-

* Б. Шёгрэн. Острова среди ветров, М., 1967; он же. К забытым островам. М. 1972.

званных энергопромышленных комплексов морская вода станет источником многих видов минерального сырья, в частности, таких химических элементов, как ильменит, рутил, бром, циркон, а также пресной воды и т. д.

В наше время Индийский океан стал свидетелем и участником крушения колониальной системы империализма. Как ни на одном океане мира огромное значение приобрела здесь морская торговля для создания самостоятельной экономики независимых стран Азии и Африки. По нему проходят важные торговые пути, связывающие Европу и частично Америку с Азией, Австралией и Океанией, на его трассы приходится около 10% всего мирового грузооборота.

Возросшая роль бассейна Индийского океана в мировой политике, торговле и экономике объясняется его стратегически выгодным географическим положением. Он выполняет функцию связующего звена между Тихим и Атлантическим океанами. Велика роль его и в создании национальной обороны молодых независимых стран.

Индийский океан — это прежде всего океан развивающихся наций, возникших на обломках колониальных империй в результате мощного национально-освободительного движения, развернувшегося после второй мировой войны. Как никакой другой район мира этот океан со всеми его прибрежными странами и островами стал районом сложных политических, социально-экономических, культурных, идеологических преобразований.

Современный империализм ведет упорную борьбу за политическое, экономическое и идеологическое влияние в этом районе. С этой целью с конца 60-х годов, после вынужденного ухода Великобритании с ее позиций «к Востоку от Суэца», Соединенные Штаты под предлогом заполнения якобы образовавшегося «вакуума» разработали и планомерно осуществляют программу по наращиванию своего военного потенциала в бассейне Индийского океана. Небывалые милитаристские приготовления США в регионе были развернуты особенно активно на рубеже 70-х годов. Для защиты своих «жизненно важных интересов» они создают «силы быстрого развертывания», расширяют сеть военных баз и объектов, пытаются интернационализировать усилия своих союзников по НАТО и АНЗЮС, опереться на проимпериалистические режимы и т. д.

После военно-политического поражения в Индокитае, когда США были вынуждены ретироваться с континентальных баз, они взяли на вооружение так называемую «островную стратегию», которая призвана обеспечить американскому империализму опорные военные пункты на небольших островах. В этой связи острова Индийского океана приобрели еще большее военно-стратегическое значение в далеко идущих планах империализма.

Широкое развитие средств сообщения с начала 60-х годов значительно приблизило острова бассейна Индийского океана к Европе, Азии, Австралии, Америке. Не отдельные смельчаки-путешественники, а десятки тысяч туристов хлынули к этим островам. Туристский бум, который охватил нашу планету в последние десятилетия, не миновал и эти некогда «медвежьи углы» — произошло как бы второе открытие этих островов.

Страницы своей книги Б. Шёгрэн посвятил в основном Сейшельскому архипелагу и двум крупным островам Маскаренского архипелага — Маврикию и Реюньону. Попутно автор сообщает немало интересных фактов и о соседних с ними островах — Мадагаскаре, Коморах, Альдабре, Родригесе. За огромную насыщенность книги разнообразной информацией о западной части Индийского океана хочется назвать «Осколки континента» маленькой энциклопедией.

Что же толкнуло шведского ученого на столь трудное путешествие к далеким островам, затерянным в океане? Сам автор объясняет это так: «...мне хотелось увидеть новые места, другие тропические острова, сравнительно малоизвестные. И тогда я выбрал Сейшелы и Маскарены в Индийском океане — островные группы, которые по своей истории и современным проблемам напоминают Вест-Индские острова. Те и другие были колонизованы в XVII—XVIII веках. Как и в Вест-Индии, в Индийском океане Франция со временем уступила большинство мелких островных колоний Англии. В фауне и флоре обоих островных миров преобладают эндемичные виды — растения и животные, существующие, подобно сейшельской пальме, лишь на одном или на нескольких близлежащих островах» (с. 6).

Уже с первых страниц автор увлекает читателей свежестью непосредственных наблюдений, умением выделить из множества явлений главное, образно донести неповторимость тропической природы островов, своеобразным подходом к историческим событиям. Б. Шёгрэн гибко использует материалы и наблюдения своих предшественников — французских, английских и других ученых, а также чиновников колониальной службы, которых судьба в разное время забрасывала на эти острова.

Немало места в книге отведено темам, имеющим в наши дни особо актуальное значение: человек и окружающая его природа, человек и океан, защита природы вообще и — в более узком смысле — эндемичной флоры и фауны Сейшел и Маскарен. С глубоким сожалением шведский натуралист шаг за шагом показывает, как постепенно разрушались первозданные флора и фауна островов под воздействием европейской колонизации, как хищнически истреблялись

ценные и редкие виды растительности, морских животных и птиц.

Большую познавательную ценность книги представляют и те главы, в которых автор показывает современное положение на островах — их насущные политические и экономические проблемы.

Повествуя о пышной экзотической природе и прекрасном климате Сейшел и Маскарен, автор старается не заразиться болезнью, свойственной туристам: видеть все сквозь «розовые очки». Он замечает и другое: «На Сейшелах довольно редко встречаются люди с признаками регулярного недоедания, как и люди действительно плохо одетые. Но это лишь обманчивая видимость. Уровень безработицы здесь огромен. Тот, кто имеет хоть какую-нибудь работу, в большинстве случаев получает мизерную, помесячную или поденную, заработную плату» (с. 38).

Богатство кучки имущественной элиты и жалкие лачуги бедняков, роскошные туристские отели и безработица, низкий уровень жизни, проституция, неграмотность половины населения — таков неполный перечень контрастов социальной жизни островов во второй половине XX века, непосредственным очевидцем которой стал Б. Шёгрэн.

Эти контрасты говорят о проблемах, в которых, как в капле воды, отражаются некоторые общие черты и закономерности не только «малых» развивающихся стран или все еще зависимых территорий и колоний, но и крупных молодых афро-азиатских стран: социально-экономическое положение населения, его борьба против колониализма на различных этапах исторического развития.

И все же, несмотря на то, что многие проблемы освещены автором глубоко и без сомнения правильно, иногда возникает желание дополнить, поспорить, уточнить.

Нельзя, например, столь категорически утверждать, что для китайцев, населяющих острова Индийского океана и другие районы земного шара, характерна очень высокая степень интенсивности процесса ассимиляции. Хотя этот процесс в наше время и существует, однако в отдельных странах или регионах он имеет свои специфические особенности. Так, процесс этнической адаптации в Океании весьма различен: более интенсивен на Гавайях, Новой Зеландии, во Французской Полинезии и почти не ощущается на Науру*. В Малайзии лишь часть китайцев ассимилировалась с малайцами. Это выходцы из Китая, иммигрировавшие еще в XVIII—XIX веках. Им присущи отчужденность от остальных китайцев и незнание китайского языка. Но эта часть китайского населения, как и гуандунцы, хакка,

* А. М. Решетов. Китайцы в Океании.— Страны и народы Востока. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М., 1972, с. 305.

хайнаньцы, фуцзяньцы и другие, сохранила общепринятые китайские обычаи и нравы и находится под влиянием китайской культуры*. Советские исследователи отмечают, например, также и то, что китайское население на Реюньоне в незначительной степени подверглось европеизации, большинство говорит и пишет по-китайски и сохраняет родственные связи с Китаем**. По-видимому, процесс влияния различных культур и религий на китайское население более сложен и в разных местах имеет неодинаковую степень интенсивности и завершенности.

Хотелось бы уточнить и судьбу архипелага Чагос. Б. Шёгрэн излагает ее не совсем полно. В книге он отмечает, что до того, как Маврикий получил независимость, у него были отобраны несколько подчиненных ему островов, в том числе и Чагос. На самом деле события разворачивались несколько по-иному. Английские колонизаторы, спекулируя на экономических трудностях, принудили правительство Маврикия продать эти острова. Особая заинтересованность была проявлена по отношению к острову Диего-Гарсия, занимающему очень важное стратегическое положение в Индийском океане. Через несколько лет, по специальному соглашению (декабрь 1966 года), он был фактически оккупирован США, которые решили построить здесь крупную военно-морскую и военно-воздушную базу. Чтобы им никто не мешал, новоявленные хозяева поспешили выселить коренных жителей Диего-Гарсия на Маврикий. Это было сделано в насильственном порядке, и «переселенцы» не получили сначала никакой, хотя бы самой малой, компенсации.

Наконец, следует остановиться на вопросе о так называемой помощи французских властей по улучшению условий жизни на Реюньоне. Б. Шёгрэн подробно рассказывает о различных направлениях этой помощи, приводит немало данных, характеризующих ее, и, в целом, делает правильные выводы, отмечая «склонность метрополии давать одной рукой и брать как можно больше другой» (с. 322). Однако к приведенной официальной статистике следовало бы отнестись с большей долей критичности. Так, согласно Шёгрэну, в 1965 году многим жителям острова было выделено бесплатное лечение. Как представляется, эта сумма обеспечила лишь небольшой круг населения. Уровень медицинского обслуживания на Реюньоне оставался недостаточным. Советские авторы книги «Реюньон», проанализировав французские статистические источники, пришли к вы-

* В. В. Гордеев. Национальный вопрос в Малайзии. М., 1977, с. 17.

** См., например: В. Трофимов, В. Тарасов. Реюньон. М., 1969, с. 57.

воду, что в 60-е годы стоимость суточного пребывания в больницах на Реюньоне не только не уменьшилась, а возросла в среднем в три раза. В 1965 году гарантированная минимальная суточная заработная плата сельскохозяйственным рабочим составляла 508 африканских франков, промышленным — 570, т. е. в 5—6 раз меньше суточного пребывания в больнице*. По-видимому, читая раздел о Реюньоне, где приводятся данные буржуазной статистики, необходимо спрашивать, о ком, о каких слоях населения заботится французская администрация, для кого строятся новые дома, больницы?

Б. Шёгрэн приводит некоторые названия и терминологию, которые несколько отличаются от принятых в советской научной литературе. Так, шведский автор называет Аравийско-Индийский подводный хребет Карлсбергским. В книге часто встречается и такой термин, как креоло-французский язык, креоло-французское население. Советские исследователи используют в своих работах термин — креолы, креольская культура и т. д. Однако это не принципиальное различие, поскольку в оба термина вкладывается одно и то же толкование. Используя свой термин, автор, по-видимому, хочет подчеркнуть, что основой креоло-французского языка на островах западной части Индийского океана послужил именно французский, а не португальский, испанский или какой-либо другой язык.

Много воды утекло с тех пор, как Б. Шёгрэн побывал на островах Индийского океана. За несколько лет в жизни этих островов произошло немало перемен. Мощная волна национально-освободительного движения, прокатившаяся по материкам Азии и Африки, достигла островов Индийского океана. Первыми из небольших островов Индийского океана стали независимыми в июле 1965 года Мальдивы. В июле 1975 года добились независимости Коморские острова. После провозглашения независимости Джибути 27 июня 1977 года в этом регионе практически завершён продолжавшийся почти 30 лет (после второй мировой войны) период ликвидации колониальной системы.

29 июня 1976 года, в результате длительной и сложной борьбы национально-освободительных сил, возглавляемых Объединённой партией народа (ОПН), была провозглашена независимость Сейшел. Колонизаторы прилагали немало усилий для того, чтобы власть перешла к Демократической партии, стоявшей за сохранение тесных отношений с метрополией. В этих условиях Англия сумела сохранить полный контроль над внешней торговлей, банками, полицией, де-

* Там же, с. 88.

нежной системой Сейшел. В марте 1976 года, после переговоров с представителями Англии и США, Сейшелы добились возвращения островов Альдабра, Дерош и Фаркуар, отданных в 1965 году Великобританией в аренду США.

Спустя менее года, 5 июня 1977 года, в стране силами активистов ОПН произошел переворот, и власть перешла к вновь сформированному правительству во главе с председателем ОПН Альбером Рене. Он стал президентом Республики Сейшельские острова. Сейшелы избрали путь социалистической ориентации. В своей внешней политике они придерживаются курса неприсоединения. Более тесными стали отношения с независимой Африкой. Установлены и развиваются связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В области внутренней политики новое правительство Сейшел приступило к разработке конкретных планов экономического развития, установило контроль над ценами на продукты и предметы первой необходимости, повысило заработную плату трудящимся, особенно низкооплачиваемых категорий, начало реформу системы образования. Особое внимание правительство уделило ликвидации безработицы. Специально созданное бюро принимает активные меры по трудоустройству безработных.

Важным этапом в жизни страны стал Второй съезд ОПН. На съезде было принято решение о переименовании ОПН в Партию прогрессивный фронт народа Сейшельских островов. Съезд закрепил национально-демократический курс нового правительства и наметил программу действий на ближайшие годы в области земельной реформы, развития отдаленных островов, сельского хозяйства, рыболовства, жилищного строительства, туризма. Программа предусматривает также введение в стране всеобщего обязательного начального и среднего образования, бесплатного медицинского обслуживания, развития системы детских дошкольных учреждений, мер по укреплению армии и народной милиции, развития социального обеспечения и т. д.

С 23 по 28 июня 1979 года в Республике Сейшельские острова были проведены новые президентские и всеобщие выборы. Президентом Сейшел был избран Франс Альбер Рене, председатель Партии прогрессивный фронт народа Сейшельских островов (ПФНС). Были избраны также 23 депутата в народную ассамблею, которая является высшим законодательным органом республики.

Если Сейшелы всего лишь шестой год идут по пути самостоятельного развития, то Маврикий в марте 1978 года отметил десятилетие своего независимого существования. Колонизаторы, свыше 150 лет господствовавшие на этом острове, превратили его в огромную са-

харную плантацию. Они оставили в наследство маврикийцам монокультурную экономику, всецело зависящую от мирового рынка, слаборазвитую сеть просветительных и медико-санитарных учреждений, низкий уровень жизни.

Правительство С. Рамгулама вот уже несколько лет осуществляет программу создания «зон развития экспорта», т. е. новых отраслей промышленности, ориентированных на внешние рынки. Новые предприятия поглотили часть незанятой рабочей силы. Большие надежды возлагаются на туризм. Однако, по подсчетам экономистов, в 1975—1980 годах туризм сможет дать работу лишь двум тысячам человек. Поэтому, несмотря на некоторые успехи в выполнении программы контроля над рождаемостью, в стране все еще существует проблема безработицы.

Сахар все также является главным источником доходов Маврикия. Он обеспечивает 40% ВВП и 80% инвалюты. Под сахарные плантации заняты свыше 90% всех обрабатываемых земель. В 1973—1974 годах на острове было произведено рекордное количество сахара — свыше 700 тысяч тонн. «Сахарный бум» на мировых рынках позволил в эти годы резко увеличить доходы от продажи сахара (с 693 миллионов рупий до 1734 миллионов). Это в определенной степени способствовало осуществлению социальной программы правительства, предусматривавшей увеличение заработной платы, введение начальных элементов системы социального обеспечения, общественные работы для безработных, ежемесячную помощь многодетным семьям и т. д.

Однако последующие годы показали, что ориентация на производство одного лишь сахара вызывает кризисные явления в экономике страны. Застой в сахарной промышленности в 1976—1977 годах привел к сокращению валютных доходов и запасов. Поскольку большая часть земель занята под сахарный тростник, Маврикий вынужден ввозить многие продукты питания. Больших средств требуют службы социального обеспечения. Резко возросли текущие правительственные расходы. В 1977 году торговый и платежный баланс сошлись с дефицитом. Правительство предприняло ряд мер, которые должны были улучшить положение в экономике острова. Однако для трудящихся все еще существуют и инфляция, и безработица, и нехватка жилищ.

За последнее время в стране заметно возросла активность населения, его интерес к политической жизни. Это сказалось на результатах выборов 1976 года, которые показали рост популярности партии Боевое движение маврикийцев, объединяющей в своих рядах пролетарские и полупролетарские слои, молодежь, представителей интеллигенции. Партия завоевала 33 места в парламенте, состоящем

из 70 депутатов. В то же время на выборах 1976 года потерпел поражение лидер партии социал-демократов Гаэтан Дюваль, в свое время выступавший против провозглашения независимости. В результате парламентских выборов на Маврикии, состоявшихся в июне 1982 года, крупную победу одержал оппозиционный блок левых партий, возглавляемый партией Боевое движение маврикийцев. Они завоевали 60 мандатов из 62, получаемых прямым голосованием. Находившаяся у власти более 14 лет лейбористская партия во главе с С. Рамгуланом потерпела поражение, которое можно объяснить прежде всего неспособностью партии решить многие социально-экономические проблемы страны, остройшей из которых является безработица. Несмотря на предпринимаемые меры, в настоящее время каждый пятый трудоспособный маврикийец — безработный. Перед 950-тысячным населением Маврикия все так же остро стоят такие проблемы, как инфляция, рост цен на предметы первой необходимости, общее падение уровня жизни.

На первой сессии законодательного собрания новый премьер-министр Амеруд Джагнот от имени своего правительства выступил с программным заявлением. Оно предусматривает изменение конституции и объявление Маврикия республикой (до сих пор в стране формальной главой была королева Великобритании). Новое правительство планирует национализацию некоторых частных предприятий, меры по снижению уровня безработицы, демократизации системы образования и здравоохранения и др.

В области внешней политики оно подтвердило приверженность принципам ООН, ОАЕ, движения неприсоединения. Правительство Маврикия выступило за демилитаризацию Индийского океана и превращение его в соответствии с Декларацией ООН в зону мира. В связи с этим оно выступает против использования острова Диего-Гарсия в качестве многоцелевой военной базы США и требует его возвращения.

Реюньону — заморскому департаменту Франции еще предстоит решать свою судьбу. «Народ Реюньона требует обеспечения своего неотъемлемого права на деколонизацию и самоопределение», — заявил Генеральный секретарь Реюньонской коммунистической партии (РКП) Поль Вержес*.

Выполнение этой задачи предусматривает проведение аграрной реформы, национализацию главной отрасли экономики — сахарной промышленности, введение контроля над капиталовложениями и пресечение всевозможных спекулятивных инвестиций. Население Реюньона выступает за ликвидацию иностранных военных баз в своей

* «Правда», 31.VII.1978.

стране, так как они представляют собой прямую и постоянную угрозу для всех народов региона.

Необходимо подчеркнуть, что с момента своего образования (в мае 1959 года) РКП, насчитывающая в своих рядах в настоящее время свыше 4 тысяч членов, ведет активную работу по мобилизации масс для решения этих задач в сложных условиях заморского департамента, который реюньонские коммунисты определяют как режим колониальный.

В сентябре 1978 года на Реюньоне был создан Фронт борьбы за самоопределение. В состав новой организации вошли Реюньонская коммунистическая партия, Всеобщая конфедерация труда, Фронт автономистской молодежи, Союз женщин Реюньона и другие прогрессивные организации острова.

В опубликованном манифесте Фронта говорится, что он ставит своей задачей координацию усилий входящих в его состав организаций в борьбе за деколонизацию и самоопределение Реюньона*.

За последние несколько лет между нашей страной и островами Индийского океана (Сейшелами и Мавриkiem) установились отношения, основанные на подлинном равенстве и уважении друг к другу. В Москве, в Университете имени Патриса Лумумбы, учатся студенты с Маврикия; наши рыболовецкие и научно-исследовательские суда заходят в порты Маврикия и Сейшел. В июне 1978 года в Виктории было заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве между Сейшелами и Советским Союзом в области рыбного хозяйства, имеющего большое значение в экономике архипелага. Советская печать все чаще помещает корреспонденции о жизни этих островов. В свою очередь Сейшелы и Маскарены все больше узнают о том, как живет народ нашей страны. Так, в последние годы в органе ОПН — газете «Насьон» — были опубликованы статьи о Советском Союзе и других социалистических странах. А к 60-летию Великой Октябрьской революции газета поместила материалы, посвященные этому событию.

В сложных условиях современного международного положения, изолированные друг от друга необъятными просторами океана, небольшие по своим размерам государства островного мира Индийского океана, подобно «малым» развивающимся странам в других регионах земного шара, видят свой путь в объединении, чтобы выстоять в борьбе с колониализмом и неоколониализмом и сохранить свою самобытность, преодолеть экономическую и социальную отсталость. В этом отношении важным этапом в укреплении единства действий стала Первая конференция прогрессивных партий и организаций

* «Правда», 7.IX.1978.

стран западной части Индийского океана, которая состоялась в конце апреля 1978 года в столице Сейшел Виктории. На конференции был создан постоянный комитет связи и информации стран этого региона со штаб-квартирой на Сейшельских островах, а также избраны председатель комитета — министр образования и культуры Сейшел Жак Одуль, его заместители — Генеральный секретарь РКП Поль Вержес, представитель Национального фронта защиты революции Мадагаскара Лоран Радауди-Ракутундраву, Генеральный секретарь Боевого движения маврикийцев Поль Беранже; в комитет вошел и представитель Национального народного совета Коморских островов.

Это лишь первый шаг к объединению, означающий решимость островитян идти по пути прогресса, строить новую жизнь, добиваться превращения Индийского океана в зону мира, свободную от иностранных военных баз, желание выступить с конкретными мерами по претворению этой идеи в жизнь.

Книга Бенгта Шёгрена как бы приблизила к нам эти далекие малоизученные острова, помогла нам лучше понять и узнать их своеобразный мир. Хочется думать, что она не затеряется в огромном потоке литературе и найдет свой путь к читателю.

Н. Б. Лебедева

СОДЕРЖАНИЕ

На Сейшелы	3
Французский передовой пост под британским флагом	9
Окружающая среда и люди	32
«Сладкая» жизнь	45
Запретный плод	56
Местные и завезенные птицы	67
Реликтовый мир животных	85
Осколки континента	105
Разграбление, возделывание и охрана природы	124
Разоренное море	144
Аэродром и гигантские черепахи	158
Более или менее опасно	171
Сейшелы — «дьявольские острова»	184
Беспокойный путь к автономии	201
«Звезда и ключ Индийского океана»	219
Многорасовый Маврикий	240
Спорные дронты	257
Разоренная природа с чужеземными растениями и животными	270
Люди, ландшафт и будущее	284
Остров, который остался за Францией	300
Вариации на тему туризма	323
Библиография	329
<i>Н. Б. Лебедева.</i> Послесловие	334

Бенгт Шёгрэн

ОСКОЛКИ КОНТИНЕНТА

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*. Младший редактор *Л. В. Исаева*.
Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*.
Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректор *Л. И. Письман*.

ИБ № 13987

Сдано в набор 11.02.80. Подписано к печати 14.01.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,06. Усл.-кр.-отт. 18,38. Уч.-изд. л. 18,59. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4449. Заказ № 5329. Цена 1 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Типография изд-ва «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

1 р. 30 к.

Бенгт Шёгрэн · ОСКОЛКИ КОНТИНЕНТА